

**Боевые действия советских войск
под Ленинградом.
1942 год**

**Прорыв блокады Ленинграда.
1943 год**

ВТОРАЯ УДАРНАЯ В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ,
ДОКУМЕНТЫ

ЛЕНИЗДАТ · 1983

Составитель В. А. КУЗНЕЦОВ

Общественная редакционная коллегия:
К. К. Крупича, В. А. Кузнецов, К. Г. Перлов,
Д. Е. Цибульский, И. М. Шляпин

Вторая ударная в битве за Ленинград/Сост. В. А. Кузнецов. — Л.: Лениздат, 1983. — 376 с., ил.

В воспоминаниях ветеранов 2-й ударной армии, собранных в этой книге, рассказывается о героическом боевом пути одной из армий, активно участвовавшей во всех наиболее значительных сражениях под Ленинградом в годы Великой Отечественной войны. Авторами выступают генералы, офицеры, младшие командиры, рядовые бойцы почти всех родов войск, самых различных воинских профессий. Рассказы ветеранов дополняются архивными документами, фотографиями военных лет.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

В 0505030202—081
М171(03)—83 83—83

63.3(2)722

© Лениздат, 1983

С 8 сентября 1941 года Ленинград оказался в блокаде. Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство предпринимают целый ряд мер, направленных на освобождение города на Неве от вражеской осады. К таким мерам следует отнести и создание 17 декабря 1941 года Волховского фронта, в который входили 2-я ударная, 4, 52 и 59-я армии. Деблокада Ленинграда, наряду с борьбой против немецко-фашистских захватчиков на других участках советско-германского фронта, приобретала исключительно важное значение.

Вновь созданному фронту Ставка поставила задачу: нанести вражеским войскам поражение на реке Волхов севернее Новгорода и, развивая наступление в северо-западном направлении, совместно с армиями Ленинградского фронта окружить и уничтожить силы противника, блокирующие Ленинград.

В начале января 1942 года войска Волховского фронта под командованием генерала К. А. Мерецкова начали наступление. Наибольший успех в нем имела 2-я ударная армия. В районе Мясного Бора она прорвала оборону противника и устремилась навстречу 54-й армии Ленинградского фронта. Такая встреча, по плану, должна была состояться в районе г. Любань. Однако этого не произошло. Прорвав фронт врага на очень узком участке его обороны, 2-я ударная армия наступала с открытыми флангами: соединения 52-й и 59-й армий отстали. К тому же тогда Ленинградский фронт был не в состоянии нанести сильный встречный удар из осажденного города. А фашистское командование бросило против войск 2-й ударной и других армий Волховского фронта 15 новых дивизий и непрерывно пыталось закрыть узкую горловину прорыва.

30 мая 1942 года проход у Мясного Бора второй раз был закрыт. За овладение горловиной шли ожесточенные бои. Встречными ударами 2-й и 59-й армий был пробит узкий коридор, по которому выходили войска 2-й ударной армии. Коридор простреливался из всех видов оружия. Голодные, измученные непрерывными боями воины армии на-

ходили в себе силы отражать атаки врага и на руках выносить раненых.

Любанская операция — это оптимистическая трагедия. Это героическая эпопея, значение которой исключительно велико. Она оттягивала от Ленинграда значительные фашистские силы. Она способствовала дальнейшему успеху наших войск на советско-германском фронте. В этой операции советскими воинами был проявлен массовый героизм. Они знали, что их ждет измученный Ленинград, и не жалели ни своих сил, ни самой жизни для того, чтобы выручить героических ленинградцев из беды. Книга рассказывает о подвиге воинов 2-й ударной армии.

Летом 1942 года 2-я ударная армия приводила себя в порядок. В ее ряды влились новые силы. После этого она в августе и сентябре принимала участие в Синявинской операции. Эта наиболее крупная операция 1942 года была подготовлена Ставкой как упреждающий удар по врагу, который готовился к штурму Ленинграда. Общий замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами Волховского и Ленинградского фронтов при содействии Краснознаменного Балтийского флота и Ладужской военной флотилии разгромить мгинско-синявинскую группировку противника и прорвать блокаду Ленинграда.

Прорвав оборону врага, войска 2-й ударной и 8-й армий настойчиво пробивались в направлении на Синявино. В течение сентября не прекращались ожесточенные бои. Противник вводил в сражение все новые и новые дивизии, прибывавшие из Крыма и других мест. Вражеская авиация господствовала в воздухе. Артиллерия всех калибров вела огонь по боевым порядкам наших войск. К 27 сентября противник полностью отразил удары наших войск и вынудил их отойти на исходные рубежи.

Синявинская наступательная операция не избавила Ленинград от блокады. Однако она существенно повлияла на общий ход борьбы под Ленинградом. Наше наступление сорвало вражеский план штурма Ленинграда. Самоотверженная борьба наших войск на северо-западе облегчала положение защитников Сталинграда и Кавказа.

Особое место в наступательных действиях Советской Армии зимой 1942/43 года занимает прорыв блокады Ленинграда. Эта операция, небольшая по пространственному размаху и количеству вовлеченных в нее сил, завершилась важной победой наших войск.

Ставка в директиве от 8 декабря 1942 года приказала Ленинградскому и Волховскому фронтам встречными ударами прорвать оборону противника южнее Ладужского

озера, разгромить его группировку севернее Синявина и восстановить сухопутные коммуникации с Ленинградом.

По решению командующего Волховским фронтом главный удар наносила 2-я ударная армия под командованием генерала В. З. Романовского. Ее задача состояла в том, чтобы взломать вражескую оборону на участке Липка, Гайтолово и, нанося главный удар на Синявино, выйти на рубеж Рабочих поселков № 1 и 5, Синявина, а затем развивать наступление до соединения с войсками 67-й армии Ленинградского фронта.

12 января 1943 года утром грохот 4,5 тысячи орудий и минометов двух фронтов и Краснознаменного Балтийского флота оповестил о начале операции по прорыву блокады.

В полосе 2-й ударной армии наиболее ожесточенные бои развернулись за опорные пункты врага в деревне Липка, Рабочий поселок № 8 и роще Круглая. К исходу дня частям удалось прорвать первую позицию вражеской обороны и продвинуться на 2—3 километра. Противник начал вводить в сражение оперативные резервы, пытаясь задержать продвижение наших войск. Но вражеские контратаки отбивались. Напряженные бои шли с 12 по 18 января на всем фронте прорыва, и наступавшие войска, ломая сопротивление врага, шли навстречу друг другу. Утром 18 января в Рабочем поселке № 5 18-я стрелковая дивизия 2-й ударной армии и 136-я стрелковая дивизия 67-й армии, а в Рабочем поселке № 1 372-я стрелковая дивизия 2-й ударной армии и 123-я стрелковая бригада 67-й армии соединились. К концу дня южное побережье Ладожского озера было очищено от врага. Прорыв блокады Ленинграда, осуществленный силами двух фронтов — из осажденного Ленинграда и извне, увенчался успехом. Ленинград восстановил сухопутные коммуникации со страной.

Родина высоко оценила действия советских войск по прорыву блокады Ленинграда: около 19 тысяч воинов были награждены орденами и медалями, а 25 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза. 136-я стрелковая дивизия 67-й армии и 327-я стрелковая дивизия 2-й ударной армии были преобразованы в 63-ю и 64-ю гвардейские стрелковые дивизии.

Победа имела большое военно-политическое значение. Она значительно улучшила стратегическое положение советских войск. Были созданы благоприятные условия для полного разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом.

Ставка Верховного Главнокомандования на зимне-весеннюю кампанию 1944 года поставила войскам Ленин-

градского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов задачу разгромить группу армий «Север», окончательно снять блокаду с Ленинграда, изгнать врага из пределов Ленинградской области и создать необходимые условия для освобождения Советской Прибалтики.

Командование Ленинградского фронта во исполнение указаний Ставки решило нанести по врагу два встречных удара в общем направлении на Ропшу: с Ораниенбаумского плацдарма силами 2-й ударной армии и из района Пулковских высот — 42-й армии. После соединения армии должны были развивать наступление в двух направлениях: Кингисепп — Нарва и Гатчина — Луга. 13-я воздушная армия, силы ВВС флота, авиация Ленинградской армии ПВО и дальнего действия должны были прикрывать и поддерживать наступление 2-й ударной и 42-й армий. Краснознаменный Балтийский флот обеспечивал сосредоточение войск 2-й ударной армии на Ораниенбаумском плацдарме, корабельной и береговой артиллерией помогал войскам взломать вражескую оборону.

Утром 14 января 1944 года после артиллерийской подготовки части 2-й ударной армии под командованием генерала И. И. Федюнинского перешли в наступление. Из подавленных огневых точек противник открыл огонь, контратаками резервов пытался задержать продвижение наших войск. Завязались ожесточенные бои. Лишь на третий день нашим частям удалось завершить прорыв главной полосы вражеской обороны и расширить его до 23 километров по фронту. Овладев ключевыми позициями в районе Гостилицы, Дятлицы, войска армии устремились к Ропше, где соединились с войсками 42-й армии, тем самым завершив разгром петергофско-стрельнинской группировки врага.

Развивая наступление на кингисеппском направлении, войска 2-й ударной армии 27 января ночным штурмом овладели районным центром и станцией Волосово. Стремительно наступая, войска 2-й ударной армии не позволили противнику задержаться на промежуточных рубежах и 4 февраля вышли к реке Нарва, на западном берегу которой противник заблаговременно подготовил оборонительный рубеж «Пантера».

В феврале на западном берегу реки Нарва был завоеван плацдарм до 35 километров по фронту и 15 километров в глубину. Но только 26 июля во взаимодействии с 8-й армией был освобожден город-крепость Нарва.

В сентябре войска 2-й ударной армии были переброшены в район Тарту для проведения Таллинской наступатель-

ной операции. 17 сентября после мощной артиллерийской подготовки войска армии перешли в наступление. Пехота и танки прорвали главную полосу вражеской обороны, успешно форсировали реку Эмайыги и к концу дня продвинулись на 5—18 километров. Оборона врага была прорвана на 30-километровом фронте от Чудского озера до Кяркна.

К исходу 20 сентября правофланговые части 2-й ударной армии соединились восточнее Авинурме с частями 8-й армии. Освобождением от врага Раквере закончился первый этап Таллинской операции. За четыре дня боев армия расширила фронт прорыва до 100 километров и, соединившись с войсками 8-й армии, создала общий фронт наступления.

По приказу командования Ленинградского фронта 2-я ударная армия изменила направление главного удара с севера на запад и стремительно двинулась на Пярну. За два дня боев ее части продвинулись от 40 до 60 километров и 23 сентября изгнали врага из городов Вильянди и Пярну. Продолжая преследовать противника вдоль побережья Рижского залива, войска 2-й ударной армии 26 сентября вступили на территорию Латвийской ССР и соединились с бойсками 3-го Прибалтийского фронта. Таллинская операция закончилась освобождением Эстонской ССР.

Передавая в резерв Ставки 2-ю ударную армию, командование Ленинградского фронта издало приказ, в котором говорилось о том, что 2-я ударная армия сыграла большую роль в снятии вражеской блокады с Ленинграда, завоевании великой победы под Ленинградом и в боях за освобождение Советской Эстонии от немецко-фашистских захватчиков, что трудящиеся Ленинграда и Советской Эстонии всегда будут свято хранить в своей памяти заслуги доблестной 2-й ударной армии, ее героических воинов — верных сынов Отечества.

17 октября 2-я ударная армия решением Ставки была передана в состав 2-го Белорусского фронта и сосредоточена в районе Острув-Мазовецки, где получала пополнение и готовилась к новым боям. В январе — феврале 1945 года, взаимодействуя с 48-й и 65-й армиями, 2-я ударная участвовала в освобождении польских городов Пултуск, Цеханув и других, форсировании крупных водных преград — Висла и Нogat, штурме городов-крепостей Эльбинг, Мариенбург, Грауденц.

26 марта 2-я ударная и 65-я армии подошли к городу Данциг (Гданьск). Штурм его начался одновременно с трех сторон. Бои приняли ожесточенный характер, борьба велась за каждый дом. 30 марта Гданьск был полностью

освобожден. Над старинным польским городом взвился польский национальный флаг. В итоге Восточно-Померанской операции были освобождены исконно польские земли на побережье Балтийского моря между Вислой и Одером.

Участвуя в Берлинской операции, войска армии совместно с соседями взяли города Анклам, Грайцфельд, порт и город Штральзунд, крупный порт и военно-морскую базу Свинемюнде, вышли на побережье Балтийского моря и к 5 мая очистили от врага острова Воллин, Узедом и Рюген. Здесь их и застала радостная весть о капитуляции гитлеровской Германии и победоносном окончании войны.

Стремясь более организованно и целеустремленно проводить военно-патриотическую работу, ветераны армии при активном участии бывшего командующего генерала И. И. Федюнинского в декабре 1976 года образовали советы ветеранов 2-й ударной армии в Москве и Ленинграде, которые сегодня объединяют около 50 советов ветеранов-однопольчан в других городах страны. Всего на учете более 20 тысяч ветеранов. За это время созданы и работают 80 музеев, комнат и уголков боевой славы, в том числе в школе № 167 и СГПТУ-19 в Москве, школах № 51, 227, 238 Ленинграда, Кировской школе-интернате, в Нарве, Малой Вишере, Чудове, при Доме культуры в Ломоносове, научно-производственном объединении «Азот» в Новгороде. Большая экспозиция посвящена 2-й ударной армии в Новгородском историко-архивном музее-заповеднике. Известность и признание получила деятельность советов ветеранов 64-й гвардейской, 11, 18, 43, 46, 90, 98, 128, 191-й и других стрелковых дивизий. Тысячи ветеранов 2-й ударной армии продолжают трудиться в различных отраслях народного хозяйства и ведут большую общественную работу.

В книге использована лишь небольшая часть материалов о ратном пути и боевых делах воинов 2-й ударной армии, собранных советами ветеранов Москвы и Ленинграда. Советы ветеранов сердечно благодарят всех товарищей, приславших свои воспоминания о незабываемых годах Великой Отечественной войны.

СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ
2-й УДАРНОЙ АРМИИ

В СМЕРТЕЛЬНЫХ СХВАТКАХ С ВРАГОМ

1

*Н. К. КЛЫКОВ,
генерал-лейтенант,
в 1941—1942 годах командующий
войсками 2-й ударной армии*

НА ЛЮБАНСКОМ И СИНЯВИНСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

Волховский, Ленинградский и Северо-Западный фронты в то время выполняли оперативную директиву Ставки Верховного Главнокомандования. Она требовала разгромить основные силы группы армий «Север» и деблокировать Ленинград. Наступление вели 54-я, 4-я и 52-я армии.

В декабре 1941 года 52-я армия продолжала расширять захваченный плацдарм северо-восточнее Чудова, проводя одновременно перегруппировку сил в сторону своего левого фланга. Преодоление вражеской обороны на этом участке было сопряжено с большими трудностями. Рубеж готовился гитлеровцами с 20 августа 1941 года и представлял собой разветвленную сеть различных инженерных сооружений, прикрытых огневыми средствами. Выгодные естественные условия усиливали позиции врага: высокий западный

берег Волхова обеспечивал противнику хорошее наблюдение и прекрасный обстрел восточного берега и подступов к реке.

29 декабря в район действий 52-й армии стали прибывать части 2-й ударной армии. Она должна была с ходу вступить в бой для развития успеха, но оказалась не готовой к наступлению. 52-й армии пришлось выделять для нее из своих запасов хлеб и другие продукты, а также часть артиллерийских боеприпасов.

30 декабря я встретился в Малой Вишере с командованием 2-й ударной армии (командовал армией генерал Г. Г. Соколов, начальником штаба был генерал В. А. Визжалин, членом Военного совета — бригадный комиссар А. И. Михайлов). Генерал Соколов назвал срок предстоящего наступления, который показался мне нереальным. Зная обстановку, я посоветовал подготовиться к бою более основательно. Соколов ответил, что, по мнению К. А. Мерецкова, откладывать наступление нельзя.

Поспешность подготовки сказалась на результатах действий. Гитлеровцы отбили атаку 2-й ударной, и она с тяжелыми потерями отошла в исходное положение.

В ночь на 10 января 1942 года меня вызвали в Папоротно, где размещался штаб ударной армии. Здесь уже находились командующий войсками фронта К. А. Мерецков, член Военного совета фронта А. И. Запорожец и представитель Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис. Выслушав мой рапорт о прибытии, Мерецков объявил:

— Вот ваш новый командующий. Генерал Соколов от

ДОКУМЕНТЫ

РОЖДЕНИЕ ВТОРОЙ УДАРНОЙ

3-е формирование 26 А началось в ноябре 1941 в Приволж. воен. округе. К 1 дек. в ее состав входили 327, 329 и 344-я стрелковые, 73-я и 74-я кав. дивизии, 53-я стрелк. бригада, 704-й легкобомбардировочный авиац. полк. После сформирования армия 18 дек. 1941 была передана в состав вновь образованного Волхов. фронта. В связи с проведением мероприятий по подготовке деблокады г. Ленинграда в конце декабря была переформирована во 2-ю ударную армию.

ЛЮБАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Любанская операция 1942 — наступательная операция войск Волховского и Ленинградского фронтов в Великой Отечественной войне, проведенная 7 янв.— 30 апр.; составная часть боевых действий советских войск, предпринятых зимой 1942 с целью разгромить группу армий «Север» и деблокировать Ленинград. Замысел операции заключался в том, чтобы ударом войск центра Волхов. фронта с рубежа р. Волхов в сев.-зап. направлении во взаимодействии с 54-й армией Ле-

должности отстранен. Генерал Клыков, принимайте армию и продолжайте операцию.

Приказ был совершенно неожиданным для меня. Как продолжать? С чем? Я спросил у присутствовавшего здесь же начальника артиллерии:

— Снаряды есть?

— Нет, израсходованы,— последовал ответ.

— Как же без снарядов продолжать наступление? — обратился я к командующему войсками фронта. Но что он мог ответить? Отсутствие снарядов объяснялось не чьей-то нераспорядительностью: их просто неоткуда было взять.

— Сколько вам потребуется снарядов? — спросил Мерцков.

— Пять боевых комплектов на прорыв и по два комплекта на каждый день боя. На организацию наступления потребуется пять суток. За это время необходимо восполнить потери.

Начался мучительный торг из-за каждого снаряда. Сначала командующий пообещал только три четверти боевого комплекта. В конце концов сошлись на том, что мы получим три боевых комплекта, а недостающие два будут подвезены уже в ходе боя. Начало наступления было отложено лишь на три дня.

Штаб армии приступил к организации прорыва обороны противника. С командным составом дивизий, бригад и полков я провел рекогносцировку. Сложно оказалось с артиллерией: условия местности затрудняли выбор наблюдательных пунктов. Было намечено к началу боя большую часть орудий подтянуть к самому берегу, тщательно замас-

ДОКУМЕНТЫ

нингр. фронта окружить и уничтожить группировку пр-ка в р-не Любань, Чудово и в дальнейшем выйти в тыл нем.-фаш. войскам, блокировавшим Ленинград с юга...

7 янв. войска Волхов. фронта, еще не закончив необходимых перегруппировок и сосредоточения сил, перешли в наступление и попытались силами 2-й ударной и 52-й армий прорвать оборону пр-ка на р. Волхов. Наступление не принесло успеха и 10 янв. приказом Ставки ВГК было приостановлено. Безуспешными оказались и атаки 54-й армии в р-не Посадникова Острова. 13 янв.

войска Волхов. фронта, создав на избранных для прорыва участках ударные группировки, возобновили наступление. Гл. удар наносила 2-я ударная армия на Любань, с флангов ее поддерживали 59-я и 52-я армии. Наступление проходило в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Бездорожье и глубокий снег затрудняли маневр и снабжение войск. Не хватало боеприпасов, продовольствия, фуража. Только на направлении гл. удара и на левом фланге 59-й армии после упорных боев удалось к 25 янв. прорвать оборону пр-ка южнее Спасской Полисти. В про-

кировать и быть в готовности прямой наводкой вести огонь по выявленным целям врага. Начальнику артиллерии армии было указано: как только наступающие части перейдут Волхов и преодолечат высокий берег, сопровождать пехоту огнем и колесами. Для этого артиллерийским командирам и наблюдателям предстояло следовать с передовыми ротами и не прерывать огня ни на минуту. До начала боя пехота должна прорыть в снегу траншеи возможно ближе к переднему краю противника.

Наступление планировалось одновременно на всем 27-километровом фронте армии. Артиллерией же насыщался преимущественно участок прорыва Коломно-Костылево — совхоз «Красный ударник».

13 января, как записано в моем дневнике, для нашей армии был ответственный день, от которого зависело очень многое. На рассвете, после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 1,5 часа, 2-я ударная армия перешла в наступление. Враг оказал ожесточенное сопротивление. То и дело завязывались штыковые схватки. Наша артиллерия сопровождения пехоты была по вражеским укреплениям прямой наводкой. Некоторый успех обозначился только на второй день.

Лишь 14 января удалось захватить Бор, Костылево, Арефино, Красный поселок. Зацепились за деревню Ямно, ворвались в Коломно. Противник держался стойко. Части армии под его бешеным огнем буквально вгрызались в оборону, ломали ее, захватывая пункт за пунктом. Операция развивалась мучительно медленно.

Наконец на всем фронте наступления армия вышла на

ДОКУМЕНТЫ

рыв был введен 13-й кав. корпус. Соединения 2-й ударной армии, развивая наступление, к концу января узким клином продвинулись до 70—75 км и глубоко охватили с юго-запада любанско-чудовскую группировку пр-ка. Для содействия Волхов. фронту в завершении ее окружения в конце февраля навстречу 2-й ударной армии в общем направлении на Любань нанесла удар 54-я армия. Прорвав вражескую оборону зап. Киришей, ее войска к концу марта продвинулись на 22 км и вышли на подступы к Любани с северо-востока. Однако развить наступление и завер-

шить окружение пр-ка сов. войскам не удалось вследствие возросшего сопротивления. Немфах. командование в январе — марте перебросило на усиление 18-й армии из состава 16-й армии, а также из Германии, Франции и Югославии 7 дивизий и 1 бригаду. Кроме того, в полосу наступления Волхов. фронта было перегруппировано до 4 дивизий из-под Ленинграда. Для поддержания своих войск в р-не прорыва пр-к привлек до 250 бомбардировщиков 1-го возд. флота. Это резко изменило соотношение сил на любанском направлении. С марта пр-к стал на-

шоссе Новгород — Чудово, завершив прорыв тактической зоны обороны врага. Но легче не стало. Перед нами оказались опорные пункты противника — Трегубово, Спасская Полисть, Мостки, Любино Поле, Мясной Бор. Главные из них — Спасская Полисть и Мясной Бор — ключевые позиции. Продвижение частей и подразделений армии застопорилось.

После возобновления наступления на левом фланге обозначился успех: 366-я стрелковая дивизия, отбив контратаки гитлеровцев, захватила Мясной Бор. Подчиненные полковника Платова (191-я стрелковая дивизия) атаковали Любино Поле и овладели им. Части полковника С. В. Рогинского (111-я стрелковая дивизия) завязали бой за Мостки.

К этому времени я сменил командный пункт, размещавшийся в погребе у деревни Городок. Было дело так. Выехал на санях на левый берег Волхова — строить командный пункт некогда. Обосновался южнее деревни Костылево в землянке, доставшейся от врага. Не успел как следует расположиться, как поступило донесение: противник со стороны Подберезья в направлении на Мясной Бор, Любино Поле и от Трегубово и Спасской Полисти в направлении на Коломна-Костылево перешел в контратаку силами не менее двух полков, поддерживаемых танками и сильным артиллерийским и минометным огнем.

Взглянул на карту. Так вот оно что: противник пытается взять нашу группировку в клещи. Сосед справа, 59-я армия генерала Галанина, помочь нам не может: она ведет тяжелый бой на широком фронте. А у нас на исходе сна-

ДОКУМЕНТЫ

носить сильные контрудары по флангам 2-й ударной армии. 19 марта нем.-фаш. войскам удалось перехватить важные коммуникации армии у основания ее прорыва. 27 марта войска 52-й и 59-й армий пробили 3—5-км горловину, соединившую 2-ю ударную армию с фронтом, однако положение армии оставалось сложным. Оно стало еще более тяжелым с началом весенней распутицы, когда испортились дороги и колонные пути, проложенные через болотистые участки местности и лесные массивы. Нарушились снабжение, связь и управление войсками. 30 апр. на-

ступление в р-не Любани было прекращено. Соединения 2-й ударной армии до лета вели тяжелые оборонит. бои, удерживая захвач. выступ. В конце июня 1942 ее войска были отведены на рубеж Спасская Полисть, Мясной Бор.

Любанская операция не получила полного завершения. Однако в ходе ее сов. войска захватили инициативу и заставили 18-ю армию пр-ка вести оборонит. бои. Войска Волхов. фронта и 54-й армии привлекли на себя гл. силы группы армий «Север».

Советская военная энциклопедия

ряды. Принимаю решение расходовать неприкосновенный запас. Другого выхода из положения нет.

Бой разгорелся с новой силой. На врага брошена 22-я стрелковая бригада. Ее контратаку должна поддержать реактивная артиллерия. Бригада развернулась недалеко от моего наблюдательного пункта и начала продвигаться вперед. В этот момент из-за реки Волхов раздался залп гвардейских минометов — «катюш». Удар пришелся по главным силам врага, контратаковавшего в направлении Коломно. Второй залп также удачен. Гитлеровцы, наступавшие от Подберезья, были опрокинуты. Контратака врага захлебнулась. Замысел противника взять нашу группировку в клещи не удался.

На НП прибыл член Военного совета фронта А. И. Запорожец.

— Где ты находишься? — набросился он на меня.

— Как где? В землянке, — ответил я в недоумении.

— Да ведь она заминирована!..

Действительно, занятая мною землянка была противником заминирована: в нее заложили около 100 килограммов взрывчатки. Проволочка, замеченная Запорожцем, тянулась к взрывателю натяжного действия, спрятанному у входа, где стоял, ничего не подозревая, часовой. Чистейшая случайность предотвратила несчастье.

Наконец Мостки взяты. Части Рогинского очищают от противника лес за Спасской Полистью. А в образовавшуюся 12-километровую брешь уже устремились кавалеристы генерала Гусева. За ними последовала и артиллерия. Опрокидывая, блокируя и уничтожая опорные пункты врага, наши войска настойчиво двигались на Любань.

Это продвижение было очень трудным. Враг цеплялся за каждый мало-мальски выгодный рубеж. Его авиация господствовала в воздухе. Она обстреливала на нашей единственной дороге все живое, вплоть до одиночных пешеходов и повозок. Порой на наши позиции сбрасывались буфера от железнодорожных вагонов, дырявые бочки изпод бензина.

Непрерывные воздушные налеты противника и бездорожье замедляли наше наступление. Кавалеристы 13-го кавкорпуса генерала Н. И. Гусева отправили лошадей в тыл, а сами начали бой в пешем строю. Совместно с лыжниками 23-й стрелковой бригады они очистили от врага Глухую Кересть. Подошедшая 57-я бригада помогла им занять Тесово, Финев Луг.

И вот подразделения ударной группировки уже в районе Большого и Малого Еглино. Перерезана дорога Ого-

рели — Оредеж. Окружены бараки и землянки крупного лесопункта, занятого противником. Ожесточенный рукопашный бой закончился нашей победой. Захвачены трофеи: 9 подбитых танков, 10 тягачей, 10 минометов, 6 походных кухонь, 8 различных орудий, 10 автомашин, несколько мотоциклов, винтовки, противотанковые ружья. Уничтожено 250 гитлеровцев. Началось преследование противника. 22-я стрелковая бригада Пугачева от Ольховки пробивается дальше на север, используя против врага у него же захваченные пушки.

Двигаться приходится почти без дорог. Отстают тылы. Подвоз продуктов и боеприпасов затруднен. А разведка приносит все новые данные о подходе вражеских подкреплений.

Шедшая на соединение с нами через Шапки 54-я армия генерала И. И. Федюнинского также не преодолела вражеского противодействия. Я до самого последнего дня не терял надежды, что мы соединимся с этой армией у Любани, но этого не произошло.

Наша армия продолжала наступать, медленно приближаясь к Любани. Хотя сплошного фронта и не было, быстрее продвигаться мы не могли: сил явно недостаточно. Они были израсходованы еще при прорыве через Волхов. Да и тут все время напряженные бои. Старались не позволить противнику остановиться. Знали: если он стронут с места, то бежит не оглядывается. А если ему удавалось остановиться, то немедленно зарывался в землю и вновь его надо было выковыривать из нее.

Случилось так, что к нам в тыл проникла крупная разведгруппа врага. Ее удалось обнаружить лишь в районе штаба армии. Охрана штаба вступила с ней в бой. В направлении стрельбы ушли член Военного совета И. В. Зуев и начальник оперативного отдела А. А. Шашков. Я тоже решил посмотреть, что там происходит.

Впереди по дороге ехали крытые санитарные сани. Правил лошадей, сидя впереди, ездовой. Глубоко наведенная на лоб шапка-ушанка закрывала лицо, густая с проседью борода торчала наружу. Когда мы приблизились к саням, то увидели, что из-под полога торчат подошвы ботинок.

— Кого везешь? — спросил Шашков.

Ездовой, не слезая, повернулся к нам:

— Никого. Слышь бой — туда и еду. Вьё, вьё! — крикнул он на лошадь и задергал вожжами.

Шашков снова остановил его:

— Нет, ты все-таки посмотри, кого везешь.

Ездовой нехотя слез с облучка, подошел к задку и постучал кнутовищем по башмакам. Велико было его да и наше удивление, когда под пологом оказался гитлеровский солдат с автоматом. Глядя на нежданного «пассажира», повозочный не спеша развязал тесемки, снял шапку, почесал в затылке и со злостью произнес:

— Да мало ли их здесь шляется, разве за всеми усмотришь?

Затем он так же не спеша надел шапку, завязал тесемки, сел на облучок, задергал вожжами, крикнул «вьё, вьё» и покатил туда, откуда доносились звуки выстрелов.

От пленного мы узнали, что под Любанью накапливаются еще пять вражеских дивизий врага — корпус генерала Герцога.

Противник подтянул из Любани к Коркино более двух тысяч пехоты с танками, большое количество минометов и артиллерии и под прикрытием авиации 27 февраля начал наступление со стороны Сустье Полянка, Коровий Ручей, Верховье на Красную Горку. Вражеская авиация бомбила и штурмовала безнаказанно. К исходу дня разыгрался решающий бой. Ранены комдив-46 Окулич, командир полка той же дивизии Дзюба. Противник вынудил наши части к отступлению от Красной Горки. Надо сказать, что и командиры 80-й кавдивизии, приданного ей 1100-го полка 327-й стрелковой дивизии, оказавшиеся отрезанными от основных сил армии, не проявили, на мой взгляд, достаточной распорядительности, чтобы поправить положение.

Кто действовал против нас? Какие силы врага встали на нашем пути? Где его слабые места? Длительное время наша разведка не могла ответить на эти вопросы. Донесения из войск до обидного однообразны: «Противник встретил огнем и близко не подпускает». Из штаба фронта сыплются запросы, поступают шифровки с требованием дать точную информацию. В разведгруппы штарм включает своих штабных работников, а «языка» все нет и нет.

На поиск вышла очередная разведгруппа. Короткий зимний день подходил к концу, когда на одном из участков переднего края вспыхнула сильная перестрелка. Вскоре по телефону сообщили: «Взяты два пленных, направляю в штаб. Разведчики вернулись без потерь». Гора свалилась с плеч!

Через полчаса в землянку ввели двух гитлеровцев громадного роста. У одного разряженный ручной пулемет и ящик с патронами, у второго две коробки снаряженных обойм. Пленные оказались баварцами, всего лишь несколь-

ко дней назад прибывшими на наш участок фронта. Они дали ценные показания.

Захотелось узнать, как их взяли в плен. Мне представили двух наших солдат. Один молодой, среднего роста, а второй маленький, щупленький, лет около пятидесяти, винтовка выше его. Он рассказал, что пошел вместе с сыном на фронт добровольно. В армии сына поставили в строй, а его — в обоз. Сын был ранен и теперь отправлен в госпиталь. В полку в последнее время осталось мало активных штыков, и старик попросил перевести его в строй, в разведку.

Он живописно рассказывал:

— Шли мы вот с ним (указывает на своего напарника), но, конечно, не шли, а ползли. Вдруг сквозь кусты на тропке увидели вот этих, значит. Один, поздоровше (указывает пальцем на высокого), в руках нес вот эту машинку и чемодан (поочередно потрогал пулемет и ящик с патронами), а другой в двух руках вот эти два чемодана (коробки похлопал рукой). Мой напарник по дозору немного как бы растерялся, а я ничего. Как они подошли близко к нашему кусту, я вскочил да как крикну: «Руки вверх!», а сам штык вперед и на них.

Он снова крикнул фальцетом. Пленные вздрогнули при этом и еще больше вытянулись.

— А что же дальше?

— А они ничего, не стреляли. Большой, вот этот, положил машинку и чемодан и поднял руки. А второй поставил чемоданы и тоже поднял руки. А потом мы велели им взять все это снова и повели к себе, а потом вот и сюда, к вам...

Слушая этот необычный доклад, я невольно сравнивал двух огромных гитлеровцев и наших внешне совсем неприметных воинов, сумевших не только заставить врагов сдать в плен, но и нести с собой свое оружие и боеприпасы. И такое у меня поднялось в душе, что не выдержал и обнял этого маленького худенького солдата, расцеловал, отдал ему на память в награду свои наручные часы, пятьсот рублей денег и на месяц отпустил домой. Больше наградить было нечем. Пятьсот рублей и отпуск получил и его товарищ. Пленные под конвоем тут же были отправлены в штаб фронта.

В марте 2-ю ударную постигла беда: противник обошел ее у Мясного Бора с фланга и вышел в тыл. Наша база в Мостках была уничтожена. Начались ожесточеннейшие бои по освобождению коридора. Приехали К. А. Мерцков, А. И. Запорожец, начальник артиллерии РККА

Н. Н. Воронов, начальник оперативного управления Генерального штаба А. М. Василевский, начальник тыла РККА А. В. Хрулев, другие начальники, чтобы решить, что делать дальше. В предвидении длительной борьбы в условиях окружения мы приняли меры по заготовке продовольствия: порезали на колбасу лошадей, убавили выдачу хлеба, положили в неприкосновенный запас сухари. Авиация помогла нам боеприпасами и небольшим количеством продовольствия.

Было решено прорывать кольцо окружения совместными действиями. Навстречу нам направляли свои усилия 52-я и 59-я армии. Удар изнутри оказался неожиданным для врага. Через два часа после начала боя первоначальное положение было восстановлено — коридор очищен от противника. Да еще были захвачены крупные склады продовольствия, которые нам очень пригодились. Небезынтересно отметить, что трофейный хлеб, плотно завернутый в целлофан и упакованный по шесть штук в коробку, был выпечен еще в 1937—1938 годах. Несмотря на столь длительный срок хранения, он был вполне пригоден к употреблению. Его лишь требовалось немного увлажнить и разогреть. Мы послали несколько коробок этого хлеба в виде образца в Москву начальнику тыла Красной Армии.

Отбитые нами у врага опорные пункты были хорошо обеспечены всем необходимым для длительной обороны. В них находились стрелковое оружие, большое количество боеприпасов, запасы хлеба и консервов, минеральная вода и т. д.

В апреле 1942 года я тяжело заболел. Пришлось отправиться в госпиталь. На мое место был назначен новый командующий. Перед отъездом я доложил обстановку командующему фронтом Мерецкову, обосновал необходимость создания опорных баз внутри расположения армии. Просил его хотя бы на время весенней распутицы отказаться от попыток захвата Любани. Судьба Любанской операции сложилась, однако, иначе.

* * *

Конец июня 1942 года. Закончить лечение не удалось. С фронта прибыла машина, и я выехал в Малую Вишеру. 2-я ударная армия после выхода из окружения восстанавливалась. В нее вливались прибывавшие из госпиталей солдаты ее частей и подразделений, подходившее пополнение. Мне стало известно, что основная масса командиров и рядовых бойцов сумела выйти из окружения и вынесла часть

легкого оружия. Тяжелая артиллерия, два полка «катюш», армейский госпиталь были выведены еще раньше. Позднее еще продолжали выходить одиночки и мелкие группы наших воинов. Им помогали партизаны. Так, например, начальник связи 2-й ударной армии генерал А. В. Афанасьев был вывезен на самолете из партизанского края. Там он даже провел среди населения подписку на новый заем и привез с собой подписные листы и деньги. Цифра вышедших из окружения составляла, помнится, 18—20 тысяч человек.

В начале августа все части 2-й ударной армии усиленно и глубоко занимались боевой подготовкой. Выяснилось, что прибывшие на пополнение частей красноармейцы недостаточно знают миномет, слабо отработаны вопросы взаимозаменяемости номеров в пулеметных расчетах. У некоторых бойцов саперная лопата не в почете. На все это пришлось обратить самое серьезное внимание.

В ночь на 27 августа штаб, ряд подразделений, тылы армии погрузились в эшелоны и выехали в новый район сосредоточения. Разгрузились на станции Войбокало, получив приказ ждать до поры, ничем не выдавать своего присутствия.

Вечером 30 августа нас вызвали на командный пункт 8-й армии. Здесь уже находились командующий войсками фронта Мерецков, начальник штаба Стельмах, член Военного совета Запорожец. Там я узнал, что предпринимаются новые активные действия с целью прорыва блокады Ленинграда. Общий замысел операции предусматривал совместные действия правого крыла Волховского фронта и Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Главная роль отводилась войскам Волховского фронта, которые должны были прорвать оборону противника южнее Синявина, разгромить его мгинско-синявинскую группировку и, выйдя к Неве, соединиться с частями Ленинградского фронта. В первом эшелоне наступала 8-я армия генерал-майора Ф. Н. Старикова. Наша армия, находившаяся во втором эшелоне, должна была развить ее успех. Между 8-й и нашей армиями находился 4-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Н. А. Гагена. Оборона противника прорывалась между железнодорожной линией Мга — Волхов и Синявинскими высотами. На местности это — торфяное болото, заросшее мелким лесом и кустарником. Это было самое узкое место между Ленинградским и Волховским фронтами — 12—15 километров.

Частям и подразделениям Ленинградского фронта, переправившимся через Неву, не удавалось развить наступ-

ление. Атаки шли уже несколько дней, элемент внезапности был утрачен, войска сильно ослаблены. С тяжелым сердцем я возвратился в свой штаб.

2 сентября командование фронта ввело в бой из состава 2-й ударной армии 191-ю стрелковую дивизию. Над полем боя тотчас же появились самолеты врага. Они бомбили дороги, мосты, станцию Войбокало. Нашей авиации было очень мало. Лишь зенитки активно боролись с гитлеровскими самолетами. Фашистское командование намеревалось, видимо, остановить наше наступление с помощью авиации.

Для наращивания усилий ввели в бой 22-ю отдельную стрелковую бригаду, 19-ю гвардейскую и 327-ю стрелковые дивизии. А результат пока не мог нас удовлетворить. В чем же дело? Пленные подтвердили имевшиеся у нас сведения о том, что перед нами — переброшенные из Крыма части и соединения армии Манштейна.

Доложил командующему войсками фронта: «Продвигаемся вперед, но очень медленно. Много огня, непрерывные контратаки, бесконечные бомбежки наших боевых порядков. Противник вводит все новые и новые силы. После нашего арналета осталось много неподдавленных огневых точек». Через час начальник штаба фронта Стельмах срочно вызвал меня на провод:

— На Старикова (8-я армия) со стороны Тортолово и Мишкино движется до тридцати танков. Надо помочь, пошлите хотя бы роту.

Роту? В ротах осталось по 20—30 человек. Что может сделать такая рота? Уж лучше помочь артогнем.

10 сентября на пункте управления собрались Мерецков, Запорожец, Диброва, Рогинский, Бяков, Свиклин, начарт Калашников, начартфронта Бесчастнов. Обсуждали план действий на два последующих дня. Большие надежды на артиллерию. Она должна разрушить препятствия, расчистить дорогу пехоте.

На следующий день, едва рассвело, началась сильная бомбежка наших боевых порядков. Наша артиллерия била по огненным точкам врага, а противник отвечал тем же по боевым порядкам 4-го гвардейского корпуса. Огонь с обеих сторон достиг высокой плотности. Нашего соседа из 8-й армии противник пытался контратаковать, поддерживая атаку пятью батареями артиллерии и танками. Но контратаку отбили.

Несмотря на мощный огонь нашей артиллерии, 6-й стрелковый корпус Бякова продвинуться не смог. Противник непрерывно контратаковал, хотя и нес большие

потери. Мы перехватили радиосообщение немецкого генерала Венклера о том, что наши части вклинились в первую линию его обороны. Он просил поддержки. Противник, видимо, нервничал. Он бросал в бой от Синявина и Круглой рощи новые силы.

Но и нам было не легче. Примерно к середине дня 10 сентября я перестал чувствовать правый фланг соседа. Смотрю, а вдоль речки Черной продвигается противник, человек до пятисот. С других направлений — до двух с половиной батальонов. Уже отбито семь контратак — две от Синявина, две — из Торфяного, три на других участках фронта. Из наступавших вдоль ручья уничтожено до 400 человек. В роще Круглая нами взорван гитлеровский склад боеприпасов.

11 сентября. Снова невероятно трудный день. В воздухе — самолеты врага. Они бомбят почти непрерывно. Чадно горит торф. Наша землянка подпрыгивает, вот-вот выскочит из земли. До 400—700 вражеских самолето-вылетов ежедневно. Связь с частями нарушилась. Все работники штаба направлены в подразделения для выяснения обстановки.

Враг подтянул в район Келколово, против нашего стыка с 8-й армией, самоходки. Надо ожидать и танки. От Круглой рощи части Биякова отбивают атаки новых сил врага. А из штаба фронта очередное внушение за медленное продвижение. Только позже я узнал, что в те дни на нашем участке фронта шел жестокий бой с целой армией Манштейна, прибывшей из Крыма с целью во что бы то ни стало сломить волю защитников Ленинграда к сопротивлению и штурмом овладеть городом. Наше настойчивое, хотя и очень медленное, продвижение к берегам Невы нарушило планы фашистского командования, оттянуло на себя его свежие дивизии, предназначенные для иной цели.

Напряжение боя не ослабевало. Наша авиация сделала два захода на штурмовку позиций противника. Бияков и Рогинский готовят подчиненных к возобновлению наступления, но им приказано вначале закрепиться на достигнутых рубежах. Проверяющие 4-й корпус Гагена сообщили, что он понес большие потери. Сильно ослаблены части и 6-го корпуса.

12 сентября — дуэль тяжелой артиллерии. Кругом, насколько видно в бинокль, дым и языки пламени от одновременного разрыва сотен артиллерийских снарядов. Разбита соседняя землянка связи. У нашей землянки обвалился угол. С членом Военного совета Дибровой и новым командиром 53-й бригады полковником Гороховым кое-как

наводим порядок, налаживаем прерванное управление боем.

Артиллерийский обстрел наших позиций продолжался полтора часа. А потом началась бомбежка. Затем снова артналет... За день не менее 4 тысяч вражеских самолетов-вылетов. Казалось, на переднем крае не осталось ничего живого. Поле усеяно воронками. Но бойцы есть бойцы. Они живы, действуют. Они черны от копоти и в этом аду скорее похожи на призраки, нежели на людей, но они, хотя и медленно, все же продвигаются вперед. Они бессмертны!..

Корпус Биякова продвинулся на 100—120 метров. Барриноватаковали мелкие группы противника. Он отбивается. Гитлеровская авиация вновь накрыла пункт управления армии. Бомбы рвутся у самой нашей землянки. А с запада и востока видны вражеская пехота и танки.

От станции Войбокало осталась гряда кирпича и догорающие куски дерева. Я вижу, как наш «ястребок» врезался в строй самолетов врага. Горит вражеский бомбардировщик. Объятый пламенем, падает на землю и наш «ястребок».

К Келколову подъехал батальон врага на машинах. В полосе наступления 6-го корпуса высота 38,3 занята автоматчиками врага, но ее снова удалось отбить.

Командующий фронтом сердится, требует положить конец неразберихе. Резервов нет, отражать врага нечем. Противник же подбрасывал к месту боя все новые и новые части.

14 сентября — совещание у Мерецкова. Присутствовали Запорожец, Стельмах, начальник артиллерии фронта Бесчастнов, начальник реактивной артиллерии Кулешов, командующие армиями и командиры корпусов. Решено отбить у врага Круглую рошу.

Сразу после получения задачи разъехались по местам для подготовки к наступлению. Вместе с членом Военного совета отправились в 6-й корпус к Биякову. Против его позиций накапливался противник. Командир 3-й гвардейской дивизии доложил о состоянии соединения. Начальнику артиллерии этой дивизии полковнику Мясоедову приказано возможно больше орудий поставить на прямую наводку.

После проведенной перегруппировки войска развернулись для боя. В 3.20 перешли в наступление. Продвижение с самого начала шло очень медленно. Наша авиация перелетала цели: вместо высоковольтной Северной просеки бомбили Южную, дважды попали по своим. Некоторые части 6-го корпуса подошли к минированному полю и провололочным заграждениям у Круглой роши. Для ускорения раз-

минирования просил командующего войсками фронта помочь саперами, а начальнику артиллерии приказал пробить картечью проходы в проволочных заграждениях, подтянув для этой цели пушки. Стрелковым частям оставалось одно — продвигаться вперед.

Но противник не хотел уступать. Он усилил активность со стороны поселка № 7, бросил в контратаку пехоту. Его автоматчики просочились к нам в тыл. Но все его попытки отбиты с большими для него потерями. Такое же положение и в соседней 8-й армии. На правом фланге также не прекращается бой. Противник не считается с потерями в людях и технике.

В стык 8-й и 2-й ударной армий проникла большая группа автоматчиков. Продвинувшись вдоль ручья, она вышла в тыл наступавшему 6-му корпусу. Для ее уничтожения брошен резерв. Приняты меры по охране дорог, налаживанию работы постов службы регулирования. У мостов установлены дежурные саперы.

А противник вновь подтянул свежие части. Возрос нажим на 8-ю армию Старикова и 4-й гвардейский корпус Гагена. Гитлеровский генерал Венклер беспрерывно вызывал авиацию для отражения нашего наступления на Круглую рощу. Всю ночь гитлеровцы освещали свой передний край ракетами, обозначая занятый ими рубеж.

В полдень командир бригады Гордов сообщил, что его подразделения с приданными танками продвинулись вперед. Взяты пленные. Удалось потеснить противника и 6-му корпусу.

В Круглой роще выявлена 5-я горнострелковая дивизия гитлеровцев, тоже прибывшая из Крыма. Соотношение сил становилось явно не в нашу пользу.

17 сентября ко мне на пункт управления прибыл командующий войсками фронта Мерецков. Доложил ему обстановку: противник беспрерывно контратакует, ведет сильнейший артогонь. Опрос пленного санитаря 95-го батальона 5-й горнострелковой дивизии показал, что и противник на пределе: в бой брошены все резервы. И все же 20 сентября он предпринял контрнаступление, пытаясь отрезать наши авангардные части. Накануне ночью его тяжелые орудия вели сильный огонь по командному пункту армии. На ночном совещании командующий войсками фронта приказал закрепиться на достигнутых рубежах и не отступать с них ни на шаг.

К 1 октября 1942 года наши войска закрепились на рубежах, откуда начинали наступление 27 августа. Так закончилась Синявинская операция 1942 года.

После войны в своих мемуарах Э. Манштейн, сменивший в разгар синявинских боев командующего группой армий «Север» Кюхлера, признал, что немецкие войска под Ленинградом были тогда близки к катастрофе. «...Вместо запланированного наступления на Ленинград,— писал он в мемуарах «Утерянные победы»,— развернулось сражение южнее Ладожского озера... Дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград».

Потери нашей армии были также велики. Прорыв блокады Ленинграда в связи с обстановкой отодвигался. 2-я ударная армия незамедлительно стала готовиться к новым схваткам с врагом.

*И. М. АНТЮФЕЕВ,
генерал-майор в отставке,
в 1941—1942 годах командир
327-й стрелковой дивизии*

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

Мои воспоминания не претендуют на документальную точность, так как я не располагаю ни архивными материалами, ни топографическими картами района действий дивизии. Они базируются только на том, что сохранила память, которая, прямо скажем, не безупречна. Забылись некоторые фамилии, даты событий. Но главные этапы действий дивизии я старался изложить возможно точнее, тем более что многие из них вряд ли найдешь в сохранившихся архивах.

327-я стрелковая дивизия формировалась в сентябре — ноябре 1941 года. Я прибыл в дивизию в первой декаде сентября.

Соединение укомплектовывалось по штатам военного времени в основном рабочими города Воронежа. Так, к примеру, один стрелковый полк почти целиком состоял из воронежских коммунистов и комсомольцев. Его назвали Коммунистическим полком. Другие части были укомплектованы также хорошим личным составом. Меня, бывшего солдата, участвовавшего в войне с первого ее часа, это радовало до глубины души. Надо только, не теряя времени, хорошо научить бойцов военному делу.

Но нашим планам не дано было осуществиться. Во второй половине сентября 1941 года в Воронеж прибыла с фронта на отдых и доукомплектование 100-я стрелковая

дивизия, которая вскоре была преобразована в 1-ю гвардейскую. Она должна была спешно принять пополнение и вернуться на фронт. Этому требовала обстановка.

В двадцатых числах сентября наша дивизия передала в 1-ю гвардейскую Коммунистический полк, а также до 50 процентов бойцов и командно-политического состава из других частей, весь конский состав и вооружение. Словом, с октября дивизия приступила к повторному формированию.

Второй набор по своим морально-политическим качествам был также весьма высоким, но большинство бойцов пришло из сельских районов. Они были слабее подготовлены в военном отношении. Это потребовало от командования дифференцированного подхода к военно-политической подготовке личного состава. К сожалению, до второй половины октября дивизия почти не имела вооружения. Тактико-строевые занятия пришлось проводить с деревянными винтовками и трещотками вместо пулеметов. Что поделаешь, страна в то время переживала тяжелейший период своей истории: враг рвался к Москве. Наши войска под давлением превосходящих сил противника с кровью и болью оставляли города. Личный состав понимал это и мирился с недостатками.

В октябре дивизия получила вооружение почти полностью. Ей выделили даже сотню автоматов ППШ, которыми вооружили роту автоматчиков. Однако с транспортными средствами, в частности с автомашинами, дело обстояло неважно. Поэтому с разрешения соответствующих начальников пришлось заняться самоуккомплектованием. В ту пору тыловые части, отступавшие на восток, нередко, чего греха таить, бросали машины с незначительными поломками, завалившиеся в кюветы или оставшиеся без горючего. Мы создали три специальные команды, послали их по маршрутам. Машины подбирали порой прямо с шоферами, приводили их в порядок и распределяли по частям. Таким способом мы почти полностью укомплектовались автомобилями. Приобрели даже дивизионную подвижную хлебопекарню с личным составом и с начальником во главе. По докладу начальника, пекарня около месяца блуждала по тылам армии, не имея связи со своей дивизией.

К 1 ноября 1941 года дивизия в основном была отобилизована. 4 ноября ей предстояло погрузиться в вагоны. А двумя днями ранее я был вызван в Воронеж к командующему Юго-Западным фронтом. Доложил ему о состоянии дивизии и ожидал упрека за самоуправство при комплектовании транспортом, но он сказал: «Молодец!» Я, ко-

нечно, вздохнул с облегчением. Доложил также, что имею распоряжение 4 ноября начать погрузку в вагоны.

— А как же с парадом седьмого ноября? — обратился член Военного совета к командующему. — Ведь 327-я — единственное полнокровное соединение у нас. Какой же парад без этой дивизии?

— Да, но что поделаешь, — ответил командующий фронтом. — Я уже говорил с Генштабом, просил оставить эту дивизию у нас, но там ни в какую! Если хочешь, то поговори с руководством сам.

Член Военного совета вышел в другую комнату, где, видимо, был прямой провод со Ставкой. Через несколько минут вернулся и сказал, что разрешено оставить дивизию для парада, а потом немедленно отправить по назначению.

На параде дивизия находилась в голове войск гарнизона. И прошла хорошо, эффектно, за что получила благодарность от командующего фронтом.

Сразу после парада части начали погрузку в вагоны. Предстояло передислоцироваться в Мордовию, где войти в состав 26-й резервной армии. Но туда дивизия не доехала. От Пензы все эшелоны были возвращены к Москве. Мы сосредоточились в районе Коломны.

В то время, как известно, Москва переживала тревожные дни. Гитлер сосредоточил на московском направлении до 80 дивизий и стремился во что бы то ни стало захватить советскую столицу. Поэтому дивизия по прибытии к месту назначения немедленно стала готовить оборонительный рубеж, одновременно ведя разведку в направлениях на Каширу и Зарайск. Но надобность в использовании ее в битве под Москвой, по-видимому, отпала.

Примерно в середине декабря мы снова погрузились в вагоны и двинулись через Москву на Ярославль, Рыбинск, Сонково. Из Сонкова 1102-му стрелковому полку, дивизиону артиллерии и некоторым другим спецподразделениям были определены места выгрузки на станции Тальцы и платформе Мордвиново. Остальные части дивизии направлялись на Бологое в готовности выгрузиться на станциях Малая и Большая Вишеры.

Числа 23—25 декабря, когда первый эшелон, в котором ехал я, подходил к одной из станций перед Ярославлем, ко мне явился офицер вышестоящего штаба с приказанием отправиться с ним в автомашине в штаб армии, размещавшийся в Ярославле. По прибытии туда я был немедленно принят командующим 26-й резервной армией генерал-лейтенантом Г. Г. Соколовым и членом Военного совета армии бригадным комиссаром А. И. Михайловым. Это была пер-

вая моя встреча с командованием армии за период двухмесячного пребывания в ее составе.

Командующий объявил, что 26-я резервная армия преобразована во 2-ю ударную и поступает в распоряжение командующего войсками Волховского фронта. Член Военсовета добавил, что это, мол, не только моральный аванс для нас, но и материальный: отныне личный состав будет получать, как в гвардейских частях, полтора оклада. Я про себя подумал, что это действительно аванс, который надлежит оправдать во что бы то ни стало.

Доложил Военному совету армии о состоянии дивизии. Сведения были малоутешительными. Еще не завершено сколачивание подразделений, слаба стрелковая выучка бойцов, нет положенных по штату ротных минометов, патронов к противотанковым ружьям, и вообще с боеприпасами весьма скудно, нет маскировочных халатов даже для разведчиков и т. д.

Командующий армией сказал, что все недостающее мы получим в Рыбинске. Он даже запретил мне отправляться из Рыбинска, пока нас там не снабдят всем необходимым. Получив такое распоряжение, я принял все меры, чтобы ненароком не проскочить Рыбинск. С этой целью назначил дежурного офицера на паровоз.

Рыбинск мы все-таки проскочили. В нарушение существующих на железной дороге правил пришлось остановить поезд и подать его назад на станцию. Машинист протестовал, но вынужден был подчиниться. В Рыбинске меня немедленно вызвали к генералу из Генштаба, который встретил крайне раздраженно.

— Вам что, полковник, надоело голову носить на плечах? — спросил, словно отрезал, он. Я сослался на приказ командующего 2-й ударной армией. Слово «ударная», видимо, произвело впечатление. Генерал сбавил тон и вышел в другую комнату для переговоров со Ставкой. Вернувшись, он сообщил, что все недостающее будет направлено нам вслед. Замечу, однако, что все «недостающее» (вооружение, боеприпасы, фураж и продовольствие) не было направлено «вслед». Стало оно поступать отдельными вагонами лишь на станцию Малая Вишера несколько дней спустя после прибытия туда соединения.

Наши первые эшелоны начали выгружаться 30 декабря, а вечером 31 декабря командарм Г. Г. Соколов поставил задачу: к рассвету 3 января сменить части 52-й армии, занимавшие оборону по восточному берегу реки Волхов на участке Селищенский поселок — Городок, и 6 января быть готовыми к наступлению. Дивизии предстояло прорывать

оборону противника, обходя укрепленные районы, овладеть Любанью, удаленной на 80 километров от нашего исходного рубежа.

Мои доводы о том, что дивизия не сможет подготовиться к наступлению в этот срок, так как частям, находящимся в Тальцах, предстоит совершить марш 80—90 километров по бездорожью, что надо заменить колесный транспорт на санный, получить недостающие боеприпасы, продовольствие и фураж, не были приняты во внимание. Внутренне командарм был, видимо, согласен со мной, но, многозначительно указав пальцем в потолок, он сказал:

— Так требует хозяин. Надо выполнять.

Приказ есть приказ. Разгрузившиеся в Малой Вишере 1100-й и 1098-й полки буквально на ходу заменили колесный транспорт санным и тут же направились на позиции для смены частей 52-й армии. К рассвету 3 января они заняли оборону на правом берегу реки Волхов. Справа разместился 1100-й полк, слева — 1098-й. Каждый имел по одному батальону во втором эшелоне. Этот боевой порядок планировался и для наступления. Оборонительные позиции, принятые нашими частями, были оборудованы весьма примитивно: окопы на отделение глубиной для стрельбы с колена и кое-где легко перекрытые землянки для штабов. Заграждений — никаких. Сведения о противнике — весьма скудные.

В ночь на 4 января мы с комиссаром дивизии Сергеем Корнеевичем Федченко решили посмотреть боевые позиции. Я отправился в 1100-й полк, на правый фланг, а комиссар — в 1098-й, на левый фланг. В Селищенском поселке, представлявшем несколько разрушенных кирпичных зданий (говорили, здесь были когда-то Аракчеевские казармы), я увидел группу бойцов, жаривших на костре большую тушу мяса. Бойцы ножиками срезали куски готового мяса и ели. Оказалось, они нашли хорошо сохранившуюся в снегу убитую лошадь и пустили ее «в дело». Не от избытка продовольствия, конечно.

В районе сосредоточения мы все время ощущали недостаток всего — тыл армии был явно не налажен. Говорю об этом не потому, что хочу кого-то упрекнуть. Просто не вправе умолчать о том, что было.

5 января мы письменно обратились к Военному совету армии с просьбой отложить наступление хотя бы на несколько дней. Но увы! На следующий день получили письменный приказ: на рассвете 7 января 2-я ударная армия переходит в наступление. Нашей дивизии была несколько сокращена (километра на полтора-два) полоса наступле-

ния. И все же она оставалась достаточно большой — около четырех километров. Правее нас должны были наступать части 59-й армии.

Начавшееся 7 января наступление успеха не имело. Наши части, преодолев реку и поднявшись на левый берег, попали под сильный пулеметный и минометный огонь противника. Наша артиллерия не только не могла подавить вражеские огневые средства, но даже не успела как следует произвести пристрелку. К тому же имела всего четверть комплекта боеприпасов.

По приказу командования 9 января все подразделения дивизии были отведены на исходные позиции. На другой день командиров соединений вызвали в штаб армии, где сообщили, что командарм Г. Г. Соколов отстранен от должности. Его заменил генерал-лейтенант Н. К. Клыков. Тут же была поставлена задача: к исходу 12 января быть готовыми к наступлению с прежними целями, то есть прорвать оборону и наступать в общем направлении на Любань.

На рассвете 13 января после короткой (20—30 мин.) артподготовки части дивизии двинулись вперед. До переднего края противника было около 800—1000 метров. Глубокий снег, особенно в долине реки, мороз до 30 градусов, сильный пулеметный и минометный огонь противника, а у нас ни лыж, ни маскировочных халатов. Все это усложняло действия наступавших частей, особенно первого эшелона. Пространство до рубежа атаки бойцы вынуждены были преодолевать ползком, зарываясь в снег.

Лишь около 14 часов роты первого эшелона вышли на рубеж атаки. Люди были настолько измотаны, что, казалось, не в состоянии больше сделать ни шагу. Я вынужден был ввести в бой второй эшелон дивизии. И только вместе с ним поднялись в атаку подразделения первого эшелона. Оборона противника на участке Бор—Костылево была прорвана. Гитлеровцев отбросили на рубеж реки Полисть. В прорыв вошла подвижная армейская группа с 13-м кавалерийским корпусом генерала Гусева во главе.

В полосе наступления нашего соединения оборонялись части 126-й пехотной дивизии противника. Она потеряла в этом бою до тысячи человек убитыми и много военного имущества. В частности, нами было захвачено: 19 орудий разных калибров, 82 пулемета, 50 минометов, 200 автоматов, 4 радиостанции и пр. Большие потери понесла и наша дивизия. Правда, убитых было немного, но раненых, мне помнится, около 1000 человек. В этом бою погиб командир 1098-го полка полковник П. Я. Комаров. Он был убит, по

всей вероятности, снайпером, отличившим его от прочих по белому добротному полушубку, офицерскому снаряжению и шапке-ушанке из желтой цигейки. После этого случая нам пришлось заменить командному составу шапки и спрятать портупеи.

После того как дивизия взломала первую полосу обороны гитлеровцев и овладела населенными пунктами Бор и Костылево, обстановка сложилась так: подвижная группа 2-й ударной армии прошла через наши боевые порядки и устремилась на запад к реке Полисть, где противник имел вторую оборонительную полосу. На нашем же правом фланге сосед не овладел Коломно. Появилась угроза удара противника во фланг. Поэтому мне было приказано повернуть дивизию вправо на 90 градусов и расширить фронт прорыва: овладеть деревней Коломно и оседлать дорогу из Селищенского поселка на Спасскую Полисть. Эту задачу мы выполнили с помощью 57-й отдельной стрелковой бригады.

Бой за Коломно нам обошелся недешево. Были тяжело ранены командир 1100-го полка подполковник Ковшарь, начальник штаба дивизии подполковник Урусов, мой адъютант. Сражались бойцы самоотверженно. Из наиболее отличившихся были отмечены высокими наградами Родины 26 воинов дивизии, в том числе: орденами Ленина — 2 человека, Красного Знамени — 7 человек, Красной Звезды — 5 человек.

После боев за Коломно мы оказались в резерве фронта. Увы, ненадолго! Дня через четыре еще не оправившаяся от прошедших боев дивизия была передана в подчинение опергруппе генерала И. Т. Коровникова. Она получила задачу двигаться в направлении Спасской Полисти и с ходу овладеть этим опорным пунктом противника.

Выступили ранним утром. Дорога и лес вокруг в легком тумане. Возможно, поэтому авиация противника нас не тревожила. А может быть, гитлеровцы о нашем движении не знали. Однако, как только части развернулись в боевой порядок, противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь. Наши танки завязли в снегу в долине реки Полисть и ничем не могли помочь стрелкам. По глубокому, рыхлому снегу подразделения двигались медленно. Словом, вместо внезапного удара получилось медленное, методическое прогрызание вражеской обороны. Все же к исходу дня 1102-й полк ворвался на северную окраину Спасской Полисти. Но противник при поддержке танков контратаковал, и наши подразделения вынуждены были отойти в исходное положение. 1098-й полк достиг

южной окраины Спасской Полисти и завязал тяжелый уличный бой. В ходе его выяснилось, что Спасская Полисть — довольно сильно укрепленный узел обороны с хорошо организованной системой огня. Почти каждый кирпичный дом был приспособлен к обороне. На вероятных направлениях нашего движения находились танки, зарытые в землю. Так что с ходу такой «орешек» не разгрызешь. Забегая вперед, скажу: мы ушли из-под Спасской Полисти, а сменившие нас части еще более полугода не могли ее взять.

В первой декаде февраля на КП дивизии приехал член Военного совета 2-й ударной армии бригадный комиссар А. И. Михайлов, чтобы вручить награды группе солдат и командиров за бои на реке Волхов. Он информировал, что наша армия пробила брешь во второй оборонительной полосе противника и развивает наступление в общем направлении на Финев Луг — Любань. Военный совет армии ставит вопрос о том, чтобы 327-ю стрелковую дивизию вернули в состав 2-й ударной. Согласны ли мы с этим? Еще бы не согласны! Через день-два мы получили приказ командующего войсками фронта о возвращении дивизии в состав 2-й ударной армии. Свою оборонительную полосу мы сдали 59-й армии.

Возвращение дивизии в состав родной армии вызвало у личного состава моральный подъем. Это было очень кстати: дивизия устала и была обескровлена в боях. В стрелковых ротах насчитывалась половина штатного состава. Снабжение боеприпасами и горючим, продовольствием и фуражом не было налажено как следует. Люди частенько недоедали. Конский состав истощал. Как на грех, стояли все время крепкие морозы, повсюду глубокие снега и бездорожье. Редко попадались населенные пункты, где можно было бы обогреть людей. Шалаш и костер в лесу — не лучшие возможности для обогрева, но и ими не всегда располагали.

Как уже отмечалось, 2-я ударная армия вклинилась в глубь обороны противника на 40—50 километров, освободив от него территорию в виде овала в поперечнике 15—20 километров с горловиной, не превышающей 3—4 километров. Через эту горловину, протяженностью километров пять, была проложена среди леса и болот одна-единственная зимняя дорога. По ней шло снабжение всей армии. По ней же предстояло двигаться и нашей дивизии. Дорога простреливалась противником почти из всех видов оружия, а днем подвергалась еще налетам авиации. Естественно,

что движение по ней происходило только ночью. Машины и тракторы шли, как правило, с потушенными фарами.

Оказавшись в горловине, дивизия заполнила собой всю дорогу. Можно представить, что творилось тогда на ней. Как бы то ни было, к утру подразделения и части преодолели горловину, отстали лишь тылы. Надо отдать должное всем ездовым, шоферам, трактористам других частей и соединений армии, двигавшимся навстречу. Они, едва услышав от нашего головного дозора, что идет 327-я, тотчас же сворачивали в сторону, порой загоняя свои машины или повозки в снег, но уступая дорогу. Дивизия пользовалась уважением в армии.

В конце февраля мы сосредоточились в лесу возле небольшой деревушки Огорели, в полусотне километров на северо-запад от Мясного Бора. Там находился вспомогательный пункт управления (ВПУ) армии, куда к тому времени прибыли командарм генерал-лейтенант Н. К. Клыков и командующий войсками фронта генерал армии К. А. Мерецков. Я немедленно был вызван к ним. Со мной согласились, что дивизии необходимо дать хотя бы три дня отдыха, чтобы подтянуть тылы, распределить по ротам пополнение — около 700 человек, которое мы получили буквально на ходу.

Не успел я доехать до своего штаба (ехал верхом), как меня догнал на машине адъютант командарма и приказал вернуться. Генерал Мерецков сообщил мне, что обстоятельства вынуждают изменить только что принятое решение: дивизии предстоит сегодня же в ночь выступить в направлении Красной Горки и поступить в распоряжение командира 13-го кавкорпуса генерала Н. И. Гусева. Этим войскам предстояло с ходу овладеть Красной Горкой, в дальнейшем наступать на Любань.

Марш километров 20—25, десять из них целиной, лесом. Правда, по карте там значилась лесная дорожка, но зимой ее не существовало. Для дивизии это был тяжелейший переход: скорость не более двух километров в час. Но, как говорится, нет худа без добра: на этом маршруте, даже когда рассвело, нас не беспокоила авиация противника.

Оперативно-тактическая обстановка в районе Красной Горки была весьма туманной. О противнике лишь приблизительно знали, где он. До нашего подхода две стрелковые бригады уже пытались наступать в направлении Красной Горки, но безрезультатно. 13-й кавкорпус и танковая бригада (кажется, 7-я гвардейская) неполного состава располагались в лесу, в 5—6 километрах от Красной Горки, ожидая нашу дивизию. Как только подошел наш первый эше-

лон — 1100-й полк,— было решено создать передовой отряд в составе 80-й кавалерийской дивизии, 1100-го полка и одной или двух рот танков под общим командованием командира 80-й кавдивизии. Его задачей было прорвать оборону противника на рубеже Красная Горка и, не задерживаясь, наступать на Любань.

Передовой отряд взломал оборону противника и устремился, как было приказано, на Любань. Но тут случилось неожиданное: по нашим главным силам противник обрушил непрерывные атаки с воздуха. Сразу же погибло много конского состава, особенно в кавкорпусе. Да и у нас пострадали обозные и артиллерийские лошади. Тянуть орудия и повозки было нечем. Это привело к задержке главных сил на несколько часов, а тем временем противник контратакой восстановил положение у Красной Горки. Наши попытки прорваться за передовым отрядом оказались безуспешными. Дело в том, что у противника в районе Красной Горки (как я сам потом убедился) в лесу были сделаны рокадные дороги со специальным настилом фабричного изготовления. По ним враг быстро перебрасывал резервы из других районов.

В силу изложенных обстоятельств наш 1100-й полк и 80-я кавдивизия оказались отрезанными от главных сил. На второй день с ними была потеряна радиосвязь — выработалось питание. Все это сказалось на положении отряда, оставшегося к тому же без продовольствия. Он дошел почти до Любани, но там был остановлен сильным огнем противника и атакой танков отброшен в лес, где находился в окружении около десяти суток. Уничтожив всю военную технику, отряд с винтовками и автоматами ночью с 8 на 9 марта пробился к своим.

Так закончилась первая попытка взять Красную Горку и овладеть Любанью. Вскоре после этого 13-й кавкорпус был отведен в тыл, а позже переподчинен другой армии. А 327-я дивизия перешла к обороне на фронте около восьми километров. Лишь в середине марта нам удалось овладеть Красной Горкой. При этом было подбито и захвачено около десятка вражеских танков, разгромлен 2-й батальон 474-го пехотного полка.

Во второй половине марта вся 2-я ударная армия перешла к обороне. Противник основные усилия перенес к горловине нашего прорыва — в район Спасской Полисти и Мясного Бора. На участке фронта дивизии было относительно спокойно. В каждом батальоне быстро соорудили баню. Люди впервые за три с лишним месяца смогли помыться и постирать белье.

Но со снабжением боеприпасами, фуражом и продовольствием было по-прежнему из рук вон плохо. Единственная армейская дорога через горловину не могла обеспечить потребности армии. Она начиная с февраля то и дело перехватывалась противником, и тогда по ней на несколько дней вообще прекращалось всякое движение. Части, на которые была возложена задача по расширению горловины прорыва, не сумели решить ее. Они не смогли даже надежно удержать коридор в первоначальных размерах. А у нас день за днем урезался суточный рацион. Усилился падеж конского состава. К середине апреля хлеба выдавалось менее половины нормы, других продуктов не было совсем. Но люди не падали духом. Мы стойко обороняли занятые рубежи, неутомимо трудились: рубили лес, строили дзоты, прокладывали дороги. Наступавшая весна торопила нас — ведь мы находились в болотах. Меня и сейчас поражает тот высокий боевой дух, который не покидал советских воинов ни на минуту несмотря на невзгоды.

Май был на исходе, когда из армии поступил сигнал начать отход. С наступлением сумерек части дивизии оставили оборонительные позиции у Красной Горки. И в этот момент мы еще раз убедились, до какой степени бойцы ослаблены систематическим недоеданием. Они едва переставляли ноги.

От противника мы оторвались незамеченными. Только перед рассветом, когда уже были в 8—10 километрах от Красной Горки, враг открыл ураганный огонь из всех видов оружия по оставленным нами позициям. Затем он двинулся преследовать нас. Но бездорожье, леса и болота на этот раз стали нашими союзниками. Свою единственную фашинскую дорогу, которую мы сделали и по которой теперь отходили, старались взрывать или просто разбить. На первых порах гитлеровцы не могли использовать танки для преследования. А обойти нас стороной без танков вражеской пехоте было тоже не просто. Это позволило нам благополучно добраться до первого оборонительного рубежа и закрепиться на нем.

На первом оборонительном рубеже дивизия должна была задержать противника на сутки. Но от руководства поступил новый приказ: задержаться на этом рубеже как можно дольше, так как главные силы армии еще не были подготовлены к прорыву. Четверо суток дивизия сдерживала противника. Она отбила несколько ожесточенных его атак, даже захватила несколько пленных, в том числе двух пилотов с подбитых самолетов.

Спустя некоторое время гитлеровцам все же удалось

выйти на фланги дивизии. По нашей обороне они сосредоточили сильный огонь артиллерии и минометов, на который нам, к сожалению, нечем было отвечать. Мы вынуждены были оставить этот рубеж.

Следующий оборонительный рубеж проходил в районе Финева Луга. Тут нам пришлось вести бои до середины июня, так как попытка прорвать оборону противника главными силами армии в направлении Спасской Полисти потерпела неудачу. Теперь войска армии готовились ко второму удару, изменив его направление — на Мясной Бор. В районе его каким-то чудом среди болот сохранилась узенькая полоска земли, по которой ночью могли пробираться пешеходы. Через эту «щель», кстати сказать, прошли наши женщины медсанбата и часть раненых.

Обстановка на занятом дивизией рубеже обороны складывалась явно не в нашу пользу. Лесные дороги уже подсохли, и противник подтянул сюда танки и самоходные орудия. Он также использовал массированный минометный огонь. И все же около двух недель дивизия билась на этом рубеже. Противник не раз врвался в нашу оборону, но контратаками мы восстанавливали положение. Финев Луг переходил из рук в руки несколько раз. Просто надо было удивляться упорству наших людей. Откуда только брались у них физическая сила и энергия! Даже врага поражала такая неслыханная стойкость. В разбрасываемых над нами листовках он то рисовал наше безвыходное положение, то называл наших бойцов фанатиками.

В конце концов и на этом рубеже наступил критический момент. Левее нас, юго-западнее Финева Луга, между озер оборонялся местный партизанский отряд, который был оттеснен врагом. Начался обход нашего левого фланга. Чтобы не оказаться окончательно окруженными, мы вынуждены были отходить. На сей раз нам пришлось расстаться почти со всем тяжелым вооружением. Впрочем, у нас уже не было ни снарядов, ни мин, ни капли горючего. Орудия и минометы частью были подорваны, а частью потоплены в болотах. Автомашины сжигали. Тяжело и больно вспомнить об этом даже сейчас. А тогда сердце кровью обливалось при виде мужественных, голодных, измученных людей, которые со слезами на глазах уничтожали свою боевую технику.

В дальнейшем вся тяжесть борьбы с преследовавшим нас противником легла на плечи специальных частей и подразделений: артиллеристов, оставшихся без орудий, саперный батальон, разведывательную роту, батальон связи, комендантский взвод и др. В стрелковых полках к этому

времени насчитывалось не более 200—300 человек в каждом. Они уже не способны были ни к какому маневру. На месте они еще дрались, буквально вцепившись зубами в землю, но движение для них было невыносимо трудным.

На этом этапе боя наш отход совершался, можно сказать, без заранее подготовленных рубежей. Просто мы цеплялись за каждый ручей, лесную поляну, задерживали противника из последней возможности.

Военный совет армии принял решение в ночь с 24 на 25 июня 1942 года оставшимися силами прорвать оборону противника и выйти из окружения. С Большой земли к атакующим должны были идти навстречу танки. Задача дивизии состояла в том, чтобы, сдерживая противника, отходить в направлении Мясного Бора, а как только прорвутся главные силы армии,— двинуться вслед за ними в проделанную брешь. Но замыслу не суждено было осуществиться. Правда, несколько танков, как потом мне говорили, прорвались к главным силам армии, но это не изменило общей ситуации.

Войска армии, в том числе и 327-я стрелковая дивизия, зажатые в тиски на небольшом клочке территории у Мясного Бора, подверглись уничтожающему огню буквально из всех видов оружия и со всех сторон, в том числе из шестиствольных минометов. В течение многих часов 24 июня территория в районе Мясного Бора представляла собой огнедышащий кратер.

Оценив обстановку и видя явную неудачу с прорывом, Военный совет армии через офицеров штаба отдал распоряжение: выходить из окружения мелкими группами, самостоятельно. Люди начали искать выход из этого кипящего котла. Спаслись удалось немногим. Сопrotивляясь до последнего, многие погибли или попали в плен. Этой участи не избежал и я, пишущий эти строки, но об этом надо рассказывать отдельно.

Катастрофа у Мясного Бора не привела к гибели армии. Не погибла и наша дивизия. После переформирования она вновь продолжала сражаться с врагом. Уже через полгода, точнее, 13 января 1943 года в центральных газетах был опубликован приказ народного комиссара обороны, в котором сообщалось, что за проявленную отвагу в боях по прорыву блокады Ленинграда, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава 327-я стрелковая дивизия преобразована в 64-ю гвардейскую стрелковую дивизию. При присвоении ей почетного наименования были учтены и те ратные дела, которые выпали на ее долю в первой половине 1942 года.

Туда, где перешел откос
В обрыв береговой,
Где полк немецкий в мерзлый лёсс
Зарылся с головой,
По руслу ледяной реки,
Глубокому, как ров,
Повел бойцов своих в штыки
Полковник Комаров¹.
На их пути любой вершок
Открытый, словно ток,
Прошил крест-накрест и прожег
Свинцовый кипяток.
Мои друзья легли на лед,
На снеговой покров;
И шел с героями вперед
Полковник Комаров.
Бойцы, встречая смерть в упор,
Не дрогнув, шли за ним,
И выбили врага из нор
Ударом штыковым.
Но на войне как на войне,—
Померкло солнце днем:
Сто новых взрывов в глубине
Закашляло огнем.
И гибель встала на пути,
И все вокруг зажглось.
И стало некуда идти,
И залегать пришлось.
И тут, сраженный наповал,
По-воински суров,
Упал на снег, на черный пал
Полковник Комаров.
И замолчали все на миг,
До боли зубы сжав...
Тогда Агеев напрямик
Пополз из блиндажа
Опять на лед,
В разрывы мин,
Под бешеный свинец.
Как друг полковника,

¹ Полковник П. Я. Комаров — командир 1098-го стрелкового полка 327-й стрелковой дивизии.

Как сын
И как его боец.
Пусть не дойдет он до конца,
Весь полк — одна семья,
Не отдадут врагу отца
Другие сыновья...
Но он — дошел.
Слепой от слез,
Средь вихрей огневых,
Он дорогое тело нес
До блиндажей своих.
А рядом, в снеговой пыли,
Прямой дороги сбочь,
Зиновьев с Лариным ползли,
Готовые помочь.
А мы стреляли, как могли.
И орудийный шквал,
Стеной восстав из-под земли,
Героев прикрывал.
И пушки выкатив вперед,
В порядки первых рот,
Врагов мы грели в свой черед,
Гася за дзотом дзот.
Взлетали в небо глыбы льда,
Фашисты вслед за ним.
Они не встанут никогда —
Огня хватило им!
...И так простились мы тогда
С полковником своим.

«Фронтовая правда»,
28.03.42 г.

*М. П. ТАУТ,
полковник в отставке,
в 1942 году майор, командир
саперного батальона 259-й
стрелковой дивизии*

КОМДИВ АФАНАСИЙ ЛАПШОВ

Писать о событиях более чем тридцатилетней давности, да еще в почтенном возрасте, очень и очень трудно. Взяться за этот труд меня побудили не столько обращенные ко мне просьбы, сколько та память и глубочайшее уважение, которое я навсегда сохранил к моему первому в Великой Отечественной войне боевому начальнику — комдиву 259-й стрелковой Афанасию Васильевичу Лапшову.

Поскольку разные события этого периода зафиксировались в моей памяти с неодинаковой отчетливостью, а шнур и вовсе в ней не удержались, дать их описание в виде непрерывной цепи я не мог. Получилась лишь отрывочная картина пережитого мною за пять месяцев пребывания в дивизии.

Считаю необходимым сказать несколько слов и о себе. Родился в 1896 году на Дальнем Востоке в семье офицера. Воспитывался и учился в кадетском корпусе и военно-инженерном училище. С февраля 1915 по сентябрь 1917 года служил офицером в строю, на фронтах империалистической войны (субалтерн-офицером, командиром саперной роты).

С марта 1918 года — в Красной Армии. В 1923 году окончил Военно-электротехническую академию и получил диплом инженера. До октября 1928 года нес службу на строевых и технических должностях в РККА. Затем был определен в резерв начсостава и на работу в промышленности в качестве инженера.

22 июня 1941 года застало меня на должности главного инженера по капитальному строительству одного из заводов оборонного значения. 8 июля 1941 года был призван в армию и в сентябре того же года убыл в распоряжение штаба Северо-Западного фронта. В начале октября 1941 года получил назначение командовать саперным батальоном 259-й стрелковой дивизии.

После тяжелых оборонительных боев в районе Старой Руссы дивизия была выведена в резерв фронта и находилась в районе Ивантеево — Бол. Уклейно (недалеко от Валдая). Командира дивизии полковника А. В. Лапшова и ее комиссара полкового комиссара Майзеля я нашел на КП, где в это время проводился сбор командиров частей и начальников служб.

Командир дивизии произвел на меня более чем благоприятное впечатление. Выше среднего роста, стройный и подтянутый, с быстрыми и четкими движениями, он являл собой образец строевого командира. Тонкие черты смуглого лица, орлиный профиль и живые быстрые глаза подчеркивали в нем человека недюжинной воли, энергичного и решительного.

Я представился полковнику, как того требовал устав. Он оглядел меня с заметным любопытством. Видимо, его внимание привлек мой неказистый вид: неперешитое, едва пригнанное обмундирование, кирзовые сапоги. К тому же мое нестроевое звание «военинженер 3-го ранга»...

— Из запаса? — спросил меня полковник.

— Так точно!

- Чем занимались до призыва?
- Работал инженером на заводе.
- Сколько вам лет?
- Сорок пять!
- Значит, и в старой армии служили?
- Так точно! Служил.
- Последний чин?
- Поручик!

Затем, довольный своей догадкой, он обратился к комиссару:

— Я ведь их брата по ухваткам узнаю, издавека!

Полковник представил меня собранию командиров и пригласил к ужину, за которым состоялось наше дальнейшее знакомство.

Меня сразу расположили к Лапшову его прямолинейность и откровенность в суждениях, доверчивость и непредвзятое отношение к собеседнику. С таким характером легко жить и вести людей за собой, подумалось мне тогда. Впоследствии, наблюдая за Афанасием Васильевичем в боевой обстановке, я не раз убеждался в этом.

В первой же беседе со мной Афанасий Васильевич рассказал немного о себе. Он происходил из крестьян. В старой армии окончил учебную команду и носил нашивки старшего унтер-офицера. В империалистическую войну сражался в пехоте. Имел несколько Георгиевских крестов и медалей. Воевал и в гражданскую.

Тогда же, как и не один раз впоследствии, Лапшов советовал на недостаточность своего образования: «Мне бы поучиться!» Свое уважительное отношение к науке, к знаниям он проявлял постоянно, требовал от подчиненных неустанно учиться и самим учить своих подчиненных. Всегда с удовольствием и интересом слушал он в часы досуга или совместного нашего скитания по частям дивизии мои рассказы о Петре I, Суворове, Кутузове, Наполеоне и других военных деятелях и полководцах.

Впоследствии я узнал, что Лапшов окончил курсы «Выстрел», воевал в Испании, где и женился. Войну в 1941 году начал на юге командиром стрелкового полка.

* * *

Осложнившаяся в среднем течении реки Волхов обстановка помешала дивизии закончить полностью свое доукомплектование и вооружение. В начале второй половины октября 1941 года она была переброшена в район Малой Вишеры, где вошла в состав 52-й армии.

Выгрузившиеся части дивизии, получив задачу на оборону города, с утра 23 октября приступили к ее организации. Строились огневые точки, на основных направлениях ставились противотанковые минные поля. Весь этот день обстановка для дивизии была тревожной.

Противник форсировал реку Волхов и развивал наступление в направлении Малой Вишеры. Прибывавшие части дивизии выгружались из эшелонов и спешили в назначенные им районы. В воздухе беспрепятственно два-три раза в день появлялся немецкий самолет-разведчик, а к вечеру противник открыл артиллерийский огонь по железнодорожному вокзалу и прилегавшим к нему путям.

Утром 24 октября противник начал наступление на город.

С запада город оборонял батальон стрелкового полка, усиленный тремя ротами вверенного мне саперного батальона. Командовал стрелковым батальоном капитан Закиров, казах, мужественный и энергичный человек.

Оборонявшиеся подразделения стрелков и саперов не поддерживались ни артиллерийским огнем (артполк дивизии, кажется, еще выгружался где-то на дальних подходах к городу), ни минометами, которых дивизия еще не получила. Саперные роты располагали только винтовками, часть которых к тому же не имела штыков. На весь батальон выдали лишь два автомата ППШ (с одним диском каждый) и 3—4 самозарядные винтовки СВТ. Пулеметов не было никаких.

Атаковали нас части 126-й пехотной дивизии врага. Неся большие потери, главным образом от минометного огня, мы не смогли долго продержаться. В тот же день к вечеру наши подразделения были расчленены и оттеснены с западной окраины города.

Продолжая вести уличный бой, одна из саперных рот попала в окружение и погибла почти полностью. Я же с двумя другими ротами и присоединившимися к нам группами стрелков оказался у железной дороги. Зацепившись за вокзальные здания и станционные сооружения, мы сдерживали противника до темноты. Ночью к нам подошел стрелковый полк подполковника Антропова, с которым мне был передан приказ комдива вывести саперный батальон из боя и поступить с ним в резерв дивизии. Утром 25-го остатки батальона, двигаясь вдоль железной дороги на юго-восток, присоединились к штабу дивизии на разъезде Суюска.

С тяжелым сердцем шагал я во главе двух-трех сотен людей, обескураженных неудачей первого столкновения с

врагом. Еще более расстроенным казался шагавший рядом комиссар батальона Кузнецов, культурный и честный человек, бескомпромиссный партиец и патриот. Педагог по профессии, он тоже недавно был призван в армию.

Что мы скажем своему начальству в дивизии? Все ли мы сделали, чтобы устоять там, где нас поставили? Чем объясним неудачу? Уже при входе в избу, где помещался КП дивизии, я неожиданно столкнулся с Лапшовым и Майзелем. Встреча, вопреки ожиданию, была совсем не драматичной. Командир дивизии искренне обрадовался нашему появлению. Он не только не стал ни в чем упрекать нас, а, напротив, с сочувствием и одобрением выслушал мой подробный доклад о событиях прошедшего дня. Мы выполнили, оказывается, свою задачу уже тем, что задержали противника на время, достаточное, чтобы части дивизии закончили выгрузку из эшелонов и сосредоточились в указанных для них пунктах.

Полковник сам выглядел бодро и, как всегда, был деятелен. Заметно его расстроило только сообщение о наших потерях. Выйдя к саперам, он в непродолжительной сердечной беседе сумел возратить им бодрое расположение духа. Здесь он открылся мне и как незаурядный, вдумчивый воспитатель. Запомнилось, как он говорил о страхе («Ну как, товарищи, страшно было?»). Он развил эту тему на доступном для бойцов языке, но достаточно глубоко. Страх он представил как вполне естественное чувство, стыдиться которого вовсе не следует. Стыдно солдату должно быть не за испытываемый страх, а за неспособность подавить, преодолеть его в себе. Сам комдив казался совершенно бесстрашным.

* * *

Заняв Малую Вишеру, противник перешел к обороне на рубеже, проходившем по правому берегу речки Малая Вишера.

Насколько помню, 259-я дивизия противостояла ему на участке деревни Пустая Вишерка, на южной окраине города. Ее КП располагался в деревне Красенка, а я со своим батальоном — в деревне Дора. В течение одной-двух недель стороны активных действий не предпринимали, ограничиваясь разведкой.

Примерно в середине ноября 52-я армия перешла в наступление, в котором 259-я дивизия должна была во взаимодействии с соседом слева, 267-й дивизией, овладеть Малой Вишерой. Противник упорно держался, используя тактические выгоды своего расположения: передний край его

обороны проходил по обрывистому берегу речки и, кроме того, был усилен проволочными заграждениями и минными полями. Мы не располагали достаточными средствами подавления. Артиллерии и авиации у нас было мало, боеприпасов также.

Следует признать, что к тому времени мы не располагали и достаточным боевым опытом. Тактические приемы наших командиров были бедны и однообразны. Преобладала атака «в лоб», к маневру прибегали редко. Да и трудно было ожидать иного, когда среднее звено нашего командного состава (взвод, рота и батальон) в основном состояло (я здесь не имею в виду кадровые части РККА) из людей, призванных из запаса, то есть с недостаточной боевой подготовкой, а иногда и вовсе без нее. Но мы были сильны высоким политико-моральным состоянием своих людей, что и помогло нам противостоять противнику.

Атаки дивизией Малой Вишеры долго не приносили успеха. Наши стрелки лезли буквально напролом, несли большие потери, но сокрушить вражескую оборону не могли. Лапшов в эти дни почти совсем покинул свой КП и больше пребывал в полках, батальонах и ротах.

Однажды, будучи вызван к нему, я нашел его сосредоточенным и невеселым. Обратился он ко мне в форме, совсем не напоминавшей приказ:

— Слушай, товарищ Таут, помоги! Дай мне одну из твоих рот. Надо усилить правофланговый полк, а у меня больше ничего для этого нет.

Загадка столь нерешительной просьбы Лапшова открылась мне несколько позже, когда в одной из бесед Афанасий Васильевич признался, что ему однажды сильно попало за использование специальных войск не по назначению. В данном же случае использование саперной роты по замыслу комдива обошлось для дела как нельзя лучше. Стрелковый полк, на усиление которого поступила 1-я саперная рота, безуспешно атаковал деревню Пустая Вишерка — один из узлов сопротивления в системе обороны противника.

По свидетельству бывшего дивизионного инженера майора Ф. И. Марчака, находившегося в тот день в боевых порядках этого полка, саперная рота была использована для удара во фланг. Воспользовавшись тем, что противник отбивал яростные атаки наших стрелков с фронта, саперы перешли на правый берег речки Малая Вишера и, внезапно появившись на дороге Малая Вишера — Неболчи — Тихвин, стремительно ворвались в Пустую Вишерку с северной ее окраины. Остальное было, как говорится, уже

делом техники: противника выбили из деревни, и вся его оборона от Малой Вишеры стала сматываться к югу. К исходу дня части Лапшова вышли на северную окраину города и вскоре заняли коттеджи железнодорожного поселка и стекольный завод.

Поучительный факт: в то время как стрелковые подразделения, атаковавшие Пустую Вишерку с фронта, несли серьезные потери, саперы, ударившие во фланг, отделались сущими пустяками. Бой за Пустую Вишерку был первым успехом дивизии после ее прибытия на Волхов. Здесь она взяла первые скромные трофеи: одну танкетку, две противотанковые пушки, несколько тяжелых и легких пулеметов, много автоматов и другого стрелкового оружия и боеприпасов.

А. В. Лапшов, понимая значение этого успеха для укрепления боевого духа и формирования традиций дивизии; не скрывал своей радости. Бодрый и веселый заехал он в освобожденную Пустую Вишерку к саперам, которые были снова возвращены в резерв командира дивизии. Поздравив воинов с первым успехом, Афанасий Васильевич спросил:

— Ну, а как вы думаете, можем ли мы немца колотить?

Ответом были дружные утвердительные возгласы. А один пожилой и, видно, бывалый сапер, показывая свою трехлинейку, сказал:

— Нам бы, товарищ полковник, вот эти штуки заменить автоматами. Куда сподручнее было бы бить фашиста...

Лапшов согласился с солдатом, но предупредил, что пока автоматического оружия у нас не хватает. Надо бить врага всем, что есть под рукой. И закончил:

— А вы, товарищи, не ждите и сами вооружайтесь. Вон сколько уже собрали этого добра!

Саперам, вероятно, понравилась мысль комдива. Каждый раз, когда поле боя оставалось за дивизией, саперный батальон пополнялся разным вооружением, и немецким и нашим. Особенно привлекали бойцов, конечно, автоматы и легкие пулеметы — немецкие МГ-34 и наши ДП. Трудно сказать как, но, несмотря на наличие в дивизии специальных команд по сбору оружия, саперы ухитрялись опережать их в этом деле.

Прослышав о наших излишках оружия (по табели того времени саперам мало что было положено из автоматического оружия), Лапшов стал периодически отбирать их. Причем делал это в весьма деликатной для нас форме: «Слушай, не дашь ли мне штук десять «дегтярей»? Надо

стрелкам помочь!» Или: «Нет ли у тебя патронов для немецких автоматов? Разведке надо срочно дать тысяч пять!»

Конечно, эти просьбы, если только имелась возможность, выполнялись незамедлительно и беспрекословно. Зато мы знали, что комдив нас в нужде не оставит.

* * *

Окружить и разгромить вражеский гарнизон в Малой Вишере не удалось. 259-я дивизия не смогла выйти на пути отхода противника, соединение ее с частями 267-й дивизии не состоялось. Остатки гитлеровского гарнизона успели выскользнуть из города. Город был занят нашими войсками. Здесь саперам пришлось поработать уже по специальности. Оккупанты оставили в домах и дворах много мин и мин-сюрпризов. Ворвавшиеся в город передовые подразделения стрелков, забывшие об осторожности и недостаточно инструкторованные на этот счет, понесли неоправданные потери. Командир дивизии был вне себя, и штабу крепко досталось за непредусмотрительность.

Почти весь саперный батальон был брошен на проверку и разминирование города. В короткий срок Малая Вишера была полностью очищена от мин. Тогда же в дивизии установили на будущее порядок «освоения» населенных пунктов, освобождаемых от противника. Он неуклонно соблюдался, части в последующем потерь на минах-сюрпризах не имели.

После освобождения Малой Вишеры дивизия на некоторое время перешла к обороне. Ее штаб расположился в городе, но для КП Лапшова была начата постройка блиндажей, вынесенных вперед, за черту города. В это время в дивизию прибыл член Военного совета Волховского фронта армейский комиссар 1-го ранга А. И. Запорожец. Ему очень понравились строившиеся убежища: «Такие, как надо!» Лапшов не преминул отметить мое участие в этом. Я был вызван к Запорожцу и получил от него «благодарность за службу», а через 2—3 недели Афанасий Васильевич весьма тепло поздравил меня с присвоением воинского звания «майор».

Вскоре, однако, произошла моя первая размолвка с комдивом, хотя и по пустяковому делу. Наступили зимние холода, а с ними и новые лишения для наших бойцов. Особенно тяжело было стрелкам, жившим в окопах и примитивных укрытиях на переднем крае. Поэтому, как только мы овладели Малой Вишерой, я, вспомнив первую мировую войну, организовал в батальоне мастерскую для изготовления печей-«буржук» и труб к ним.

Жестянщики, кровельщики и кузнецы нашлись в батальоне. Инструмент изготовили сами, частью же собрали в городе — в железнодорожных мастерских и на стекольном заводе. Помещение, удобное для работы, присмотрели там же. Сбор материала организовали на пожарищах, которых было достаточно в городе и окружавших его деревнях.

Дело повернулось так, что скоро от требований на нашу продукцию из частей дивизии не стало отбоя. И вот кто-то пожаловался комдиву, что саперы-де отпустили ему печи, трубы и скобы в недостаточном количестве. Не поняв в чем дело, комдив вызвал меня. Выслушал доклад. Сначала пожурил за то, что я не держу его в курсе подобных мероприятий, потом, обратясь к комиссару Майзелю, принялся расхваливать «своих саперов». А в заключение, схватив меня за руку, выпалил: «Спасибо, господин поручик!»

Я оторопел. Заметив это, Лапшов рассмеялся и спросил: «Неужели обиделся? Я же пошутил!» Ответил я ему не совсем сдержанно (до сих пор жалею об этом), что считаю подобные шутки неуместными, что имею звание, присвоенное мне в Красной Армии, и что прошу в обращении со мной соблюдать уставные нормы. Мы, конечно, помирились, потрясли друг друга руки и больше никогда об этом случае не вспоминали.

* * *

Вскоре дивизия, наступая вдоль Октябрьской железной дороги, начала бои за Большую Вишеру. Как и прежде и по тем же причинам наши фронтальные атаки успеха не имели. Противник превосходил нас количеством автоматического оружия, минометов и артиллерии и оказывал сильное огневое сопротивление. Однако погасить боевой наступательный дух бойцов он не смог. И не в последнюю очередь мы были обязаны этим комдиву полковнику А. В. Лапшову. И днем и ночью, появляясь в боевых порядках частей, Афанасий Васильевич со свойственным ему редким умением поднимал у командиров и бойцов бодрое настроение и уверенность в успехе.

Постепенно выявлялись и другие качества А. В. Лапшова, не всегда и во всем принимавшиеся как надо. Был он слишком эмоционален и горяч, порой не мог себя сдерживать, взрываясь по нестоящим поводам. Действовал иногда чересчур прямолинейно и слишком подчиняясь чувству. Стремясь быть всегда впереди, он мог безрассудно броситься в атаку во главе батальона и даже роты.

Вспоминаются ходившие в штабе дивизии разговоры, будто бы начальнику штаба армии по какому-то случаю пришлось напомнить Лапшову: «Ведь вы дивизией командуете, Афанасий Васильевич, а не батальоном!» Но подобный тип отчаянно смелого командира всегда импонирует солдатам.

По странному совпадению саперам и при атаках Большой Вишеры пришлось взаимодействовать с батальоном капитана Закирова. На этот раз я встретил его на КП Лапшова, куда комбата принесли на носилках. Автоматной очередью у него были перебиты обе ноги. Несмотря на изрядную потерю крови (врач не разрешил тогда излишние разговоры с раненым), капитан сохранял бодрое, боевое настроение, но жаловался на слабую поддержку стрелков артиллерийским огнем.

Лапшов был озабочен и малоразговорчив. «Вот, черт возьми, что получается!» — встретил он меня своей обычной приговоркой, жалуясь на ход дел. Все же наконец был предпринят маневр по охвату Большой Вишеры с юга. Один полк, усиленный саперной ротой и орудиями дивизионной артиллерии, перед рассветом перешел речку Большая Вишерка и углубился в лес. Не встретив поначалу серьезного сопротивления, стрелки и саперы начали быстро продвигаться в северо-западном, а затем в северном направлении.

Одновременно наступавшая справа от нас 111-я стрелковая дивизия полковника С. В. Рогинского создала для противника угрозу обхода Большой Вишеры с севера. Опасаясь окружения, враг оставил поселок и отошел на Гряды. Таким образом, повторилась история, имевшая место в Малой Вишере: окружить и полностью разгромить противника нам не удалось и на этот раз. Произошло это и в третий раз, неделю-другую спустя, когда противник, упорно оборонявшийся в поселке Гряды и будучи почти полностью окруженным, собрался в кулак и, смяв оседлавший дорогу на выходе из поселка стрелковый батальон, ушел на Дубцы и далее на Чудово.

Части и подразделения дивизии всех родов оружия — стрелки, артиллеристы, саперы — вели себя в этих боях достойно и, несмотря на потери, смело шли на врага, не проявляя малодушия или нерешительности. И все же противнику удавалось, хотя и с большими потерями, уходить от полного разгрома. Наша нерешительность в маневрировании, недостаточность сил, выделяемых для охвата и обхода, и, наконец, уже упоминавшаяся ограниченность средств для подавления огня противника были, по моему разумению, в этом главными причинами.

В моей памяти сохранился эпизод, довольно ярко характеризующий Афанасия Васильевича Лапшова как солдата-рыцаря, которому не чуждо благородное отношение к поверженному врагу.

В боях под Большой Вишерой Лапшов, а вместе с ним и я, некоторое время находились в стрелковом полку, обходившем поселок с юга. Сопровождаемые двумя автоматчиками, мы шли по лесной дороге к одному из батальонов. На дороге происходило обычное движение в обе стороны. В тот момент, когда нас обогнали парные обозные сани, груженные боеприпасами, впереди показался шедший навстречу и сопровождаемый одним конвоиром пленный немецкий солдат. Это был невзрачный вояка в легкой шинеленке и кожаных ботинках, с головой, обмотанной каким-то тряпьем под суконной пилоткой. Он дрожал от холода, то и дело вытирал красными руками мокрый нос.

Вдруг наш обозник, здоровенный детина, одетый и обутый, как мы все тогда, в меховое и теплое, остановил лошадей и со всего размаха сбил пленного наземь. Все произошло так быстро, что Лапшов, шагавший до этого в хорошем настроении, остолбенел от неожиданности. Крепко выругавшись, он подозвал «героя»:

— Зачем ты его ударил?

— Товарищ полковник, так это же фашист.

Тут Афанасий Васильевич взорвался и, едва сдерживаясь, прочел обознику целое поучение, смысл которого сводился к тому, что у нас, русских, есть древнее правило: «Лежачего не бьют», что именно гитлеровцы этого не понимают и что он, русский солдат, сам сейчас оказался не в лучшем положении. Справившись, встречался ли обозник с гитлеровцами, у которых в руках автоматы, и получив отрицательный ответ, Лапшов заключил, что ему надо попробовать свое геройство на поле боя. Распоряжением комдива обозник был переведен в рядовые одного из строевых подразделений.

Накоротке опрошенный мной немец показал, что является ефрейтором противотанкового отряда 126-й пехотной дивизии. Он назвал имена своих ближайших начальников и дал ряд других интересных для нас сведений о своей части.

— Спроси его, как воюют наши и боится ли он их? — попросил Лапшов.

— Тапфере зольдатен (храбрые солдаты)! — ответил немец.

Ответ на второй вопрос можно было понять так, что больше всего они боятся русской артиллерии.

— Вот видишь,— подытожил Афанасий Васильевич.— Если бы нам огонька побольше, брали бы мы их голыми руками!

* * *

После занятия нами поселка Гряды противник упорного сопротивления уже не оказывал и к началу января был отброшен на левый берег Волхова. 259-я дивизия, выйдя к реке, рассчитывала здесь передохнуть, подтянуть тылы, пополниться. Однако наши надежды не оправдались. В дивизию прибыл член Военного совета 52-й армии К. Л. Пантас с приказом: дивизии с ходу форсировать Волхов и атаковать с юга поселок Чудово.

Бой этот, однако, успеха не имел. Не успела дивизия перейти через реку, как была контратакована превосходящими силами противника. Части, перешедшие реку, были смяты и окружены в лесах, в районе деревни Званка. Пробиваясь на правый берег, они понесли серьезные потери.

Сам я в те дни лежал больным в медсанбате и участия в боях не принимал. По чистой случайности и А. В. Лапшов на этот раз оставался на правом берегу, где задержался, руководя переправой частей через реку.

С первыми же эшелонами за реку ушел комиссар дивизии полковой комиссар Майзель. Он остался в моей памяти как настоящий патриот, образованный человек, мужественный воин. В армию он был призван с должности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма одного из сибирских вузов. Несмотря на штатский облик и манеры, он пользовался в дивизии большим авторитетом. Из окружения ему выйти не удалось. Лишь летом 1942 года его останки были найдены в лесу южнее деревни Званка. Опознан он был по найденным при нем документам.

Бои у Званки шли несколько дней, в течение которых продолжался выход на правый берег бойцов и командиров дивизии, пробившихся из окружения группами или в одиночку. Среди вернувшихся оказался и мой тогдашний непосредственный начальник, дивизионный инженер майор Марчак Федор Иванович. Это был человек большого мужества, отличавшийся настойчивостью и личной отвагой. В июне 1942 года в составе той же 259-й дивизии, входившей во 2-ю ударную армию, он вторично попал в окружение. Пройдя через тяжелые лишения и опасности, после многодневных скитаний в тылу врага Федор Иванович все-таки вышел к своим, вплавь преодолев Волхов.

Вспоминаю я и подвиг, совершенный в те дни одним из подчиненных мне бойцов. В одной из рот батальона служил сапер Аленичев, пожилой человек атлетического сложения, удивительно скромный и даже застенчивый. Оказавшись в окружении, Аленичев, по свидетельству вышедших с ним товарищей, проявил исключительное присутствие духа и распорядительность. В критические минуты боя вокруг него собралась группа саперов, решивших во что бы то ни стало пробиваться к своим. По мере продвижения группы на восток численность ее возрастала, к ней присоединялись бойцы других частей, стрелки, артиллеристы.

Выйдя на опушку леса и увидев впереди Волхов, Аленичев остановил группу и, дождавшись темноты, один отправился в сторону реки. На пути он натолкнулся на тропу, протоптанную в снегу вражескими дозорами, патрулировавшими промежутки между двумя прибрежными деревьями. Изучив режим движения патрулей, Аленичев залег возле тропы (он был в белом маскировочном халате) и сумел без выстрела снять двух гитлеровцев, составлявших дозор. После этого провел группу к берегу реки. Противник обнаружил ее на льду и открыл по ней огонь, но наши бойцы были уже у своего берега.

Неудача под Чудовом сильно расстроила Лапшова. Он досадовал на то, что дивизия не имела времени на подготовку к наступлению. Надо думать, что обстановка на фронте и положение Ленинграда не допускали никакой отсрочки. Однако командиру дивизии, как и другим его соратникам, переживать горечь трагедии у Званки было от этого не легче.

Оставленная на некоторое время на этом же участке в обороне, 259-я дивизия получила возможность привести себя в порядок, пополниться и отдохнуть.

В середине января 1942 года дивизия была смещена прибывшими на фронт свежими сибирскими частями и, совершив фланговый марш через Гряды — Папоротно — Александровское в район Посад — Монастырь Отенский (40—45 км), поступила в резерв 59-й армии. Из района Посад незадолго перед этим была отброшена за Волхов 250-я пехотная дивизия противника, сформированная из испанцев и носившая название «голубой дивизии». Осталось много следов поспешного отступления «голубой дивизии», попавшей под удары нашей кавалерийской дивизии.

В Монастыре Отенском, где разместился Лапшов со штабом, испанцы оставили большую братскую могилу. Афанасия Васильевича, воевавшего в Испании против

Франко и знакомого с повадками испанских фашистов, заинтересовала эпитафия на большом католическом могильном кресте. Он попросил меня перевести эту надпись. Мои отговорки, что я-де не силен в латыни, испанского языка не изучал, не помогли. Не без лукавства, под одобрительные комментарии присутствовавших Афанасий Васильевич заметил: «Тебя, майор, учили, народных денег много на это истратили, а ты: „Не могу!“ Изволь перевести!» Делать нечего, пришлось разбираться. Середина фразы мне была ясна, а вот крайние слова никак не давались. Наконец я решился перевести надпись так: «Павшим за бога и Испанию благодарность!».

И до сих пор не знаю, насколько верен мой перевод, но Лапшову эпитафия понравилась. По его мнению, слова испанцы подобрали красивые. Но затем, подумав, он довольно простодушно заметил:

— Конечно, за бога испанцы вольны «падать» где им угодно, но что у них за резон класть свои головы за Испанию в студеных новгородских лесах?

Кто-то из политработников шутливо посоветовал комдиву задать этот вопрос генералу Нуньесу Грандесу (из разведсводок было известно, что такое имя носил командир «голубой дивизии»).

— Взять бы его живым! Будьте уверены, он бы нам ответил,— решительно и не без злобы заключил Лапшов.

* * *

В конце января 1942 года 259-дивизия, выйдя на Волхов на участке Шевелево — Ситно, перешла реку и заняла оборону в районе деревни Горки. Как я себе тогда представлял, это был левый фланг плацдарма на западном берегу Волхова, незадолго перед этим захваченного нашими войсками. Здесь дивизия вошла на некоторое время в соприкосновение с упомянутой выше «голубой дивизией», но серьезных столкновений с ней не имела. Дело ограничивалось разведывательными поисками и огневыми стычками. Видимо, после урока, полученного на правом берегу Волхова, испанцы сильно нервничали и вели непрекращавшийся, беспокоящий ружейно-пулеметный и минометный огонь по нашему расположению.

В один из дней в штаб дивизии привели испанца-перебежчика. На допросе он показал, что в свое время воевал против Франко в рядах республиканцев и после их поражения проживал в Барселоне, где работал парикмахером. Потеряв работу и будучи обременен большой семьей, он

впал в крайнюю бедность. Когда Франко приступил к формированию «голубой дивизии», предназначение которой поначалу замалчивалось, он, соблазнившись заработком, записался в «голубые» на должность обозного. Вскоре дивизия, якобы неожиданно для него, была отправлена воевать в Россию. После понесенных больших потерь его из обозников перевели в строй рядовым стрелком. Не желая стрелять в русских, он улучил момент и перешел к нам со своим оружием.

В допросе испанца принял участие сам комдив. Потом мне рассказывали, что в ходе беседы с Лапшовым перебежчик всерьез расплакался. Несколько позже я напомнил Афанасию Васильевичу про этого испанца. Лапшов откровенно признался, что ему стало по-человечески жалко его. С одной стороны, бедствующая семья, голодающие дети, с другой — удивительная собственная наивность превратили этого бывшего республиканца в фашистского холоуя. Хорошо еще, что он сумел найти для себя правильный выход. Но что ожидает его семью?

Так переживал за судьбу простого испанца Афанасий Васильевич Лапшов, этот, казалось бы, всю жизнь воюющий солдат.

* * *

Однажды мы с Лапшовым обходили батальоны занимавшего оборону стрелкового полка. Впереди по маршруту находилась большая открытая поляна, хорошо просматриваемая и простреливаемая противником. Я знал, что на этой поляне уже бывали неприятности для неосторожно пересекавших ее бойцов и поэтому предложил комдиву пройти кустарником. Он, однако, испытующе взглянув на меня, сказал, что для экономии времени надо пробежать это пространство напрямик. Когда вокруг нас начали пошвистывать пули, я только и думал о том, когда же мы наконец достигнем кустов. Когда эта перебежка благополучно закончилась и мы присели в кустах, чтобы отдышаться, Лапшов, улыбаясь, спросил меня, не нравится ли мне иногда пощекотать себе нервы? На это я ему ответил, что если бы мне и нравилось, то не считал бы себя вправе этим заниматься. Почувствовав, что комдив еще не понял сути сказанного, я спросил напрямик: «Кто дал вам право зря рисковать своей жизнью? Ведь это не ваша собственность, она принадлежит Родине и распоряжаться ею по своему усмотрению вы не вправе».

Афанасий Васильевич был озадачен. Он признался, что такой морали еще не слышал и что она, по его мнению,

безусловно правильна. Он был еще более изумлен, услышав мой рассказ, как в кадетском корпусе, где я учился, офицер-воспитатель вел беседы со своими воспитанниками-мальчишками о поведении офицера в разных ситуациях, в том числе и в бою. Вспомнил я и разбиравшуюся на этих беседах тему «о браваде», в которой подробно рассматривалось, где и когда таковая будет оправдана (и даже будет необходима) и где совершенно нежелательна и недопустима.

— Ишь ты, вон даже чему учили! — проговорил Афанасий Васильевич и прибавил раздумчиво: — А почему бы и у нас не открыть кадетские корпуса?

Комдив, сам того не предполагая, предвосхитил события: в 1944 году у нас стали формироваться Суворовские училища.

Хотя Лапшов и признал рассуждения о неоправданном риске правильными, себя преодолеть, видимо, не мог. Он продолжал, иногда совершенно бессмысленно рискуя, испытывать в боях судьбу. По-видимому, он действительно верил в свою неуязвимость и искренне верил, что поступает правильно.

* * *

В последних числах февраля 1942 года 259-я дивизия, перейдя у Мясного Бора шоссе Чудово — Новгород, вошла в прорыв обороны противника и влилась во 2-ю ударную армию. Насколько помню, она не сразу вошла в соприкосновение с противником. По-видимому, сначала находилась в резерве, располагаясь за левым флангом армии, в районе Теремец Курляндский — Большое Замошье. Потом, вплоть до середины марта, она кочевала с одного участка фронта армии на другой, чередуя бои с маршами.

Противник в этот период вел себя пассивно и применял свою обычную в этих условиях погоды и местности тактику. Держась за населенные пункты, он оставлял нам достаточную свободу для маневрирования, воспользоваться которой в полной мере нам мешали леса и болота, бездорожье и большие снежные заносы.

Особые трудности вызывало перемещение войсковых грузов, артиллерии, автотранспорта. Много тяжелого, напряженного труда выпало на долю саперов, прокладывавших колонные пути и расчищавших снежные заносы. Но не это составляло тогда главные наши тяготы. Непереносимо тяжело для людей было существовать в течение многих дней на морозе, без достаточного сна, часто вовсе без него. Немногие избы и другие строения, уцелевшие в осво-

божденных от противника селениях, занимали прежде всего санитарные службы, для раненых и больных. Строевые части и подразделения оставались без помещений.

Противник господствовал в воздухе. Его самолеты на бреющем полете прочесывали наше расположение пушечным и пулеметным огнем. Поэтому разводить костры даже в лесу было запрещено. Позволить себе это можно было лишь в часы густых снегопадов. Горячая пища выдавалась тоже нерегулярно. Отдыхали на снегу, под елками, на подстилке из ветвей, покрытой плащ-палатками.

Утомленные люди валились с ног, сбиваясь в кучи и кое-как согреваясь собственным теплом. Если кому удавалось заснуть в одиночку, он рисковал больше не проснуться. В нашем батальоне было несколько таких случаев: при утренней проверке обнаруживалось иногда отсутствие одного-двух человек, которых потом находили замерзшими. Переживать такие внебосвые потери людей было, конечно, не легко.

Подтянулись наконец наши тылы, и в ротах появились упоминавшиеся ранее «буржуйки». Бойцы быстро приспособились к обстановке: ложились спать в отрытые в снегу просторные ямы, сверху закрываемые плащ-палатками. В центре ямы устанавливалась «буржуйка» с выведенной наружу трубой, а люди укладывались вдоль стенки по кольцу на хвойную подстилку. У печки непрерывно дежурили. Бойцы стали высыпаться в любой мороз, не рискуя замерзнуть и не привлекая внимания авиации противника. Опыт этот быстро распространился в частях дивизии. Афанасий Васильевич был доволен: опять выручили саперные «буржуйки».

* * *

Поступили сведения, что населенный пункт Гора занят подразделениями недавно прибывшего на фронт голландского добровольческого фашистского легиона. Для уточнения данных о противнике Лапшову было приказано взять «языка». Комдив поручил это одному из своих полков, командовал которым майор (не буду называть его имени).

Он был довольно колоритной фигурой, весьма популярной в дивизии. По национальности украинец, старый солдат, воевавший и на Дальнем Востоке, и с финнами, невозмутимый и остролов. Говорил с сильным акцентом, мешая русские слова с украинскими. Ездил (пешком он ходить не любил) в какой-то особого вида кошеве, запряженной «парой в дышло» и покрытой какой-то, тоже оригинальной,

полостью. Когда этот комполка, развалившись, сидел в са-
нях в распахнутом полушубке и сдвинутой набекрень шап-
ке-ушанке,— ни дать ни взять виделся Махно. Так все и
звали его в дивизии: «Батько».

Лапшов хотя и часто покрикивал на «батьку» и выго-
варивал ему, но было видно, что ценит его и даже по-свое-
му любит. Во всяком случае, Афанасий Васильевич всегда
говорил о нем с теплотой: «Ты же знаешь батьку. Он сде-
лает, не подведет!»

Однажды, возвращаясь с переднего края к себе в ба-
гальон, я встретил вытянувшуюся на дороге колонну пехо-
ты. День был пасмурный, нелетный. Поэтому скопление та-
кой массы людей днем не удивило, тем более что в сере-
дине колонны увидел знакомую кошеву с развалившимся
в ней «батькой».

— Здорово, батько!

— Здоров будешь, майор!

— Куда путь держишь, козак? Та ще с куренем!

«Батько» рассказал о полученной им задаче и не то с
обидой, не то с гордостью поведал:

— Апонцив бив, хвинов бив, немцив бив, гишпанцив
бив, а зараз яких-то галанцив треба бити!

И нужно сказать, что «галанцив» он действительно по-
бил, и побил сильно. Подойдя перед рассветом к деревне
и сняв беспечно несшее службу охранение («Та яки ж воны
солдаты?» — рассказывал потом «батько»), батальоны это-
го полка ворвались в село. Голландцы спали по избам и
были застигнуты врасплох. Много трупов в нижнем белье
валялось потом в деревне.

Однако эта победа «батьки» была омрачена немало-
важным обстоятельством: не было взято ни одного плен-
ного. Комдив негодовал и долго не мог успокоиться. На
этот раз комполка хотя и отличился, но здорово его под-
вел. Лапшову, конечно, пришлось выслушать от команду-
ющего армией много упреков.

* * *

Вскоре после истории с голландцами, в последних чис-
лах февраля — начале марта, 259-я дивизия была перебро-
шена в район деревни Ольховка, то есть к правому флангу
армии, где противник начал проявлять активность со сто-
роны Чудова — Любани. В авангарде на этом переходе
двигался наш саперный батальон, усиленный ротой диви-
зионных разведчиков и батареей 76-мм пушек. Командовал
авангардом я. Кроме специфических условий местности и

погоды, марш этот усложнялся отсутствием у нас каких-либо сведений о противнике и наших войсках на маршруте следования.

Напутствуя меня перед маршем, Афанасий Васильевич предупреждал:

— Будь осторожен. Противника жди с фронта и справа. Двигайся возможно быстрее, но оглядывайся по сторонам. Заняв Ольховку, закрепись на этом рубеже и немедленно донеси мне.

Комдив шел следом и находился в голове главных сил.

Пожелав успеха, Лапшов трогательно распрощался со мной. До сих пор держится в памяти, как благотворно действовало на меня такое внимательное, дружеское отношение со стороны часто сурового, но всегда сердечного боевого командира.

Я повел людей с абсолютно ясным пониманием задачи и в бодром, боевом настроении. Выслав вперед разведку и приняв надлежащие меры охранения, мы шли легко и быстро, если не принимать во внимание задержки для расчистки на дороге снежных заносов. Помех противник не чинил. Только на рассвете, при подходе к Ольховке, колонна была неожиданно обстреляна автоматным огнем справа сзади, с направления на Спасскую Полисть. Вреда этот огонь нам почти не причинил, и, судя по всему, велся он на предельной дистанции небольшой группой противника, которая тут же ушла от нашего преследования.

В Ольховке мы не обнаружили ни единой живой души. Но следы своего недавнего пребывания гитлеровцы оставили: в разных местах валялись трупы местных жителей. На ступеньках крыльца одной избы лежали старушка и девочка-школьница 9—10 лет. По положению их тел и ранам можно было заключить, что они были расстреляны в затылок.

Как потом нам стало известно, через Ольховку за несколько недель до этого прошла одна из кавалерийских дивизий корпуса генерала Гусева, двигавшегося в общем направлении на Тосно. Некоторое время в деревне оставались тылы этой дивизии. Когда же ушли и они, оккупанты вновь вернулись в деревню и не преминули учинить кровавую расправу над оставшимися в ней жителями.

* * *

Не задерживаясь в Ольховке, дивизия проследовала дальше на северо-запад и, развернувшись в обширных болотистых лесах, вскоре вошла в соприкосновение с против-

шником. Значительных столкновений здесь не возникало. Противник вел себя пассивно, а мы не могли развить достаточной активности, по-видимому, потому, что не располагали необходимыми силами и средствами.

Снабжение армии всем необходимым для жизни и боя было затруднено. Оно осуществлялось через узкое «горло» у Мясного Бора, по единственной дороге, которую противник держал под непрерывным огневым воздействием с земли и с воздуха.

В течение первой половины марта наша дивизия переходила с одного направления на другое. Вспоминаются лишь некоторые населенные пункты, так или иначе вошедшие в дневник боевых действий соединения в тот период: Финев Луг, Новая Кересть, Вдицко, Ольховские хутора, Огорели, Глубочка, Русская Волжа.

Наиболее упорные бои дивизия вела за Ольховские хутора. Противник оборонялся здесь, заняв позиции по гребню гряды, протянувшейся посреди огромной поляны. Подступы к хуторам были совершенно открытыми и лежали под мощным слоем снега.

Как мне представляется, 2-я ударная армия имела тогда задачей выйти на Октябрьскую железную дорогу в районе города Любань и, соединившись с войсками 54-й армии, наступавшей с севера, окружить и уничтожить чудовскую группировку противника. Однако такая задача не соответствовала скромным тогда возможностям армии.

А. В. Лапшов, конечно, опять дни и ночи проводил в частях, воодушевляя и поднимая бойцов на врага. Положение в дивизии с каждым днем все более усложнялось. Потери в людях не восполнялись, в боепитании и подвозе интендантских грузов начались перебои. Сказывалось усиление активности противника в районе Мясного Бора.

Как-то глухой ночью я был поднят из «ямы» и вызван к комдиву. К нему прибыл заместитель командующего армией генерал Алферьев, и они, как я понял, искали выход из создавшегося положения. Осведомившись о численности и вооружении саперного батальона, генерал отметил, что он в настоящее время полнокровнее и сильнее любого из стрелковых полков дивизии. Действительно, полки тогда были обескровлены и имели всего по 300—400 активных штыков.

— Надежные ли у вас люди? — спросил генерал.

Меня опередил Лапшов:

— Так это же моя гвардия, товарищ генерал!

Осведомившись о некоторых моих биографических данных, генерал спросил напрямик: смогу ли я взять своим

батальоном Ольховские хутора? Вопросы этого я не ожидал, но, немного подумав, ответил, что смогу при условии, если нам будут предоставлены необходимые средства усиления, если будет дано время на подготовку и дополнительную разведку противника.

Назначив срок, в который я должен представить через комдива свои расчеты, генерал отпустил меня, добавив: «А готовиться начинайте теперь же!»

Ночью я не мог заснуть, обдумывая план предстоящих действий. Утром вызвал к себе командиров рот и пригласил комиссара (им был тогда бывший парторг батальона Ходяков, честнейший и безгранично преданный делу, умный и удивительно скромный человек) и информировал их о поставленной задаче.

Едва успел повидаться с артиллеристами, как снова был вызван к комдиву. Оказывается, Алферьев просил пока никакой подготовки не начинать. По-видимому, попытки прорваться в район Любани через Ольховские хутора были прекращены и перенесены на другое направление, дальше к западу.

Прошло дня два-три после этих событий, как противник начал энергично прощупывать нас с воздуха. В светлое время «мессеры» прочесывали огнем все просеки и дороги, а выше постоянно маячил наблюдатель — «рама». Можно было предположить, что гитлеровцы начнут активничать и на земле. Поэтому Лапшов предусмотрел на этот случай контрмеры. Хватило дела и нам, саперам.

Лично меня в то время беспокоило еще одно обстоятельство: приближалась весна, а с ней и таяние снегов. Что дивизия будет делать в болотах, среди бездорожья? Как будет драться? К этому надо было готовиться. Поделившись мыслями с Лапшовым, я узнал, что его тоже беспокоит приближение весны, но главным образом в связи с осложнением снабжения частей и соединений армии через узкое «горло» у Мясного Бора.

Больше о делах дивизии разговаривать с Лапшовым мне не довелось. Поздно вечером я был вновь вызван к нему и узнал ошеломившую меня новость: получена телеграмма о срочном откомандировании меня с личным делом в распоряжение отдела кадров фронта. Смешанное чувство овладело мной при этом известии. С одной стороны, признаюсь, был обрадован возможной переменой условий жизни. Все-таки для моего возраста тяготы зимнего скитания по лесам и болотам, почти без сна и в холоде были трудно переносимы. С другой стороны, тяжестью навалилось на меня сознание предстоящего расставания со своими, став-

шими ближе родных, боевыми товарищами. Живым воплощением этого славного боевого коллектива был комдив Афанасий Васильевич Лапшов.

— Ну вот что получается. Не дали нам с тобой подольше послужить,—с сожалением начал разговор А. В. Лапшов. Он с одобрением отнесся к такому повороту в моей судьбе, считая, что «хватит тут маяться», что в тылу-де много людей болтается помоложе. Он предполагал, что меня отзывают в тыл если не на работу в промышленности, то, по крайней мере, на преподавательскую работу в военное училище.

На следующий день (это было 11—12 марта 1942 года) я покинул 259-ю стрелковую дивизию. Расставание с Афанасием Васильевичем было коротким. Меня оно сильно взволновало. Мы обнялись, точно оба знали, что больше никогда не встретимся.

Выехал я из дивизии на санях в сопровождении своего верного связного ефрейтора Копейкина, вологодского лесоруба, отважного сапера, никогда не унывавшего балагур-весельчака. В деревне Вдицко пересели на попутную автомашину, а через «горло» у Мясного Бора проходили пешком. В деревне Костылево, на левом берегу Волхова, я отпустил Копейкина назад в батальон.

Прибыв в штаб фронта в Малую Вишеру, я узнал, что вовсе не отзываюсь в тыл, а назначаюсь на должность дивизионного инженера 374-й стрелковой дивизии, здесь же на Волховском фронте. В составе этой дивизии, которой командовал полковник А. Д. Витошкин, я пробыл до конца июня 1942 года и потому стал участником событий, определивших трагическую судьбу 2-й ударной армии, а с ней и судьбу соединения.

В конце мая — начале июня противник окончательно перехватил коммуникации 2-й ударной армии у Мясного Бора. С 10 по 25 июня длилось здесь кровопролитное сражение. Дивизия принимала в нем участие.

За две недели упорных боев мы несколько раз на узком участке фронта пробивались к окруженным частям 2-й ударной армии. Однако долго сохранять пробитый «коридор» нам не удавалось. Противник огнем неизменно перекрывал его вновь, и всякое движение по нему прекращалось. Этот ничейный участок земли, усеянный трупами обеих сторон и распространявший в те жаркие дни смрадный запах, справедливо получил в войсках название «долины смерти». Все же, насколько помню, за две недели боев через боевые порядки нашей дивизии из окружения вышло около 11 тысяч человек.

В конце июня 1942 года я убыл из дивизии на должность начальника штаба инженерных войск 59-й армии и здесь узнал, что Афанасий Васильевич Лапшов жив и состоит в должности заместителя командующего 4-й армией. Из переписки с ним узнал, что вскоре после нашего расставания он стал генерал-майором и Героем Советского Союза.

Афанасий Васильевич был отозван из дивизии в мае. Он сильно переживал за ее судьбу и искал любую возможность узнать подробности о ее последних боях.

Выстояла тогда 259-я стрелковая дивизия. В боях по прорыву блокады Ленинграда она действовала в составе 2-й ударной армии.

Лет через двадцать после войны мне довелось познакомиться с женой Афанасия Васильевича Лапшова, испанкой по национальности, Милягрос Эрерой Фернандес и его сыном Владимиром. От них я узнал, что Афанасий Васильевич погиб в 1943 году, командуя стрелковым корпусом. И погиб он по-своему, по-лапшовски. Преследуя отходившего противника, Лапшов на «виллисе» проскочил свои боевые порядки и въехал в населенный пункт, занятый противником. Погиб он достойно, защищаясь до последнего патрона. Таким был конец этого «рыцаря без страха и упрека», беззаветно преданного своему долгу солдата.

О. Н. ГУСЕВ

КОННИКИ ПОД ЛЮБАНЬЮ

13 января 1942 года началось наступление войск Волховского фронта. Действовавшие части прорвали оборону противника, форсировали реку Волхов и подошли к железной и шоссейной дорогам Чудово — Новгород.

Для развития успеха наступавших войск в прорыв был введен 13-й кавалерийский корпус. Созданный в очень сжатые сроки, он включал 25-ю, 80-ю и 87-ю кавалерийские дивизии. Командовал корпусом мой отец, бывший командир 25-й кавдивизии генерал-майор Гусев Николай Иванович.

В ночь на 25 января части корпуса форсировали реку Волхов, а утром 26 января 25-я кавдивизия совместно с 366-й стрелковой дивизией разгромила противника в Новой Керести. Гитлеровцы в панике бежали, оставив на поле боя убитых, раненых и технику.

В бою под деревней Глухая Кересть отличился 1-й эс-

кадрон полка майора А. И. Смирнова-Бардова. Он первым ворвался в населенный пункт, обратив в бегство во много раз превосходившего противника, и спас от расстрела согнанных в деревню несколько сотен мирных жителей.

24 марта 1942 года во «Фронтowej правде» — газете Волховского фронта А. Чаковский (ныне главный редактор «Литературной газеты») писал:

«...За спиной майора Смирнова-Бардова много боевых лет. Орден Красного Знамени — награда за героизм, проявленный в гражданской войне, — украшает его грудь. Из лихого вояки, бесшабашного рубаки-кавалериста он превратился в образованного, инициативного командира.

...Морозы. Бездорожье. Конники Гусева идут во главе частей нашего фронта, совершающих прорыв в обороне противника. В первый же день прорыва бойцы майора Смирнова-Бардова заходят в тыл врага. Вскоре майор Смирнов-Бардов получил задание выдвинуться в новом направлении с задачей врезаться как можно глубже в тыл противника и не допустить его удара с запада. Направление, в котором двигался Смирнов-Бардов, имело две параллельные дороги, разрезанные рекой. Нависла угроза удара противника по флангу. Но противнику так и не удалось обнаружить кавалеристов. Встреча с противником произошла, когда этого захотел майор. Завязалась жаркая схватка. В бою было убито более 300 немецких солдат и офицеров, захвачена одна пушка с упряжью и снарядами, взяты пленные. Кавалеристы майора Смирнова-Бардова выполнили задачу, поставленную командованием.

...Недавно второй орден Красного Знамени украсил его грудь. Александр Иванович не молод, но возраст советского командира измеряется не только годами. У него горячее сердце и сильные мускулы. Не утрачена лихость, по-прежнему одним эффектным броском вскакивает на коня майор, ведя своих бойцов в атаку.

Он всегда готов к бою. И бойцы знают, что с ним в бою не пропадешь».

Успешно наступала 87-я кавалерийская дивизия (командир полковник В. Ф. Трантин). 27 января она овладела Ольховкой, на следующий день — Вдицко, при этом было уничтожено до 100 гитлеровцев, захвачено одно орудие, 7 автомашин и другие трофеи. Развивая наступление, кавалеристы 87-й 29 января освободили Новую Деревню, где разгромили тылы 215-й немецкой пехотной дивизии. Противник оставил на поле боя 60 трупов, 15 грузовых и 6 легковых автомашин, тягач, 8 мотоциклов, 13 пулеметов, 6 минометов, много боеприпасов.

В этих боях отличился политрук Г. Б. Самаргулиани. При овладении деревней Вдицко он огнем из пулемета косил охваченных паникой гитлеровцев, что дало возможность наступавшему эскадрону ворваться в населенный пункт. 1 февраля во время штурма западной окраины деревни Ручьи политрук Самаргулиани заменил выбывший из строя расчет станкового пулемета, отбил контратаку врага, а когда не стало командира эскадрона, принял командование на себя. 3 февраля, прикрывая огнем пулемета выход конников из боя, он был тяжело ранен. За мужество и героизм, проявленные в этих боях, коммунист Самаргулиани был награжден орденом Красного Знамени.

После упорных боев в начале февраля в районе Червинской Луки конники Гусева сдали свой участок фронта 191-й стрелковой дивизии, а сами вместе с вошедшей в состав корпуса 59-й отдельной стрелковой бригадой начали развивать наступление на запад и юго-запад. Они освободили станцию Радофинниково, села Дубовик, Большое и Малое Еглино и другие — всего более 20 населенных пунктов.

В этих боях отличились десятки командиров, политработников и бойцов. Но особо отмечались действия командиров эскадронов лейтенанта Н. П. Фоломейкина, старшего лейтенанта А. Н. Гнедого и лейтенанта Г. Д. Джумакаева.

Обеспокоенное прорывом наших войск в глубину своей обороны, немецко-фашистское командование начало перебрасывать под Любань подкрепление с других участков фронта, из Франции, Дании. В этих условиях 13-й кавкорпус силами 80-й кавалерийской и 1100-го стрелкового полка 327-й стрелковой дивизии 20 февраля с ходу овладел Красной Горкой, а затем устремился в сторону Любани. Но, оказавшись без поддержки справа и слева, попал в окружение.

Опасаясь новых ударов наших войск под Любанью и прорыва блокады Ленинграда, гитлеровцы перебросили сюда с относительно спокойных участков фронта 291-ю пехотную дивизию, 238-й танковый полк, другие части. 19 марта 1942 года им удалось закрыть горловину у Мясного Бора, по которой шло снабжение 2-й ударной армии. Конники продолжали мужественно сражаться с врагом, испытывая острый недостаток продовольствия, соли, фуража, боеприпасов. Они не теряли веры в благополучное завершение дела, в победу.

В одном из донесений начальнику оперативного отдела фронта полковнику Н. В. Городецкому командир корпуса

писал: «1) Прошу, если можно, выслать ориентировку по действиям 4 армии и армии Федюнинского в направлении Любань. Слышим ночью глухую стрельбу, но ее значения не понимаем. 2) Против нас стягивает все, что, видимо, может, а самое главное — давит нас минометным огнем, проклятый. Думаю, что добьем все же проклятых фрицев. Маловато осталось людей».

Мужественный патриот своей Отчизны, комдив 25-й Д. М. Баринов, ставший позднее Героем Советского Союза, докладывал, что в первом эшелоне у него всего 620 бойцов и командиров. При этом подчеркивал: «Малочисленный боевой эшелон дивизии состоит исключительно из испытанных бойцов и командиров, которых желательно было бы сохранить как костяк при доукомплектовании дивизии, а также с целью сохранить боевые традиции дивизии, а традиции богатые. Награждено орденами 103 человека, представлено к правительственным наградам 136 человек».

Это было в начале 1942 года. Конники стойко держали оборону на своем участке фронта вплоть до середины мая 1942 года. Заслуга в этом командиров, политработников, которые личным примером и словом вдохновляли бойцов корпуса на подвиги. Особенно много работали в этом направлении тт. Ткаченко, Жуков, Чистяков, Тонконогов, Клещев, Венец, Мельников, Подзолко.

В мае 1942 года кавкорпус пополнился людьми, вооружением, боеприпасами и снова вступил в бой. 30 мая гитлеровцы перешли в наступление на выходившие из-под Любани войска 2-й ударной армии, а 6 июня закрыли узкий коридор в районе Мясного Бора. Требовалось помочь нашим частям. В соответствии с директивой Волховского фронта от 12 июня после залпа «катюш» спешенные конники 25-й кавдивизии двумя полками совместно с пехотой при поддержке танков пошли в атаку. Однако сильным градительным огнем противнику удалось отсечь наши наступавшие части от танков. Продвижение застопорилось. В эти минуты командир 25-й кавдивизии подполковник Д. М. Баринов личным примером увлек пехотинцев в атаку. В этом бою при попытке выйти из подбитого танка погиб один из лучших командиров кавалерийских полков дивизии майор А. И. Смирнов-Бардов.

21 июня с подходом двух полков 87-й кавдивизии конникам удалось сломить сопротивление врага и соединиться с частями 2-й ударной армии. Развернув фронт на северо-восток, они вели бой, прикрывая выходивших из окружения. Усилия и жертвы не пропали даром — к 20 часам 22 июня из окружения вышло около 6 тысяч человек. В бо-

свых донесениях за 23 и 24 июня говорилось, что конники 13-го кавкорпуса сражались героически.

Вскоре после июньских боев комкор 13-го кавкорпуса генерал Н. И. Гусев вступил в командование 4-й армией Волховского фронта. В этом качестве ему предстоял трудный боевой путь вплоть до счастливого дня Победы. Но суровые будни Северо-Западного и Волховского фронтов 1941—1942 годов были для него самым тяжелым периодом Великой Отечественной войны. Об этом он говорил мне не раз.

*Н. Ф. КУРЕПИН,
в 1942 году
начальник инженерной службы
61-го полка 19-й гвардейской
стрелковой дивизии*

В ТУ ТЯЖЕЛУЮ ГОДИНУ...

В январские дни и ночи 1942 года стрелковые полки в пешем строю шли к Волхову. На 10—15-минутных привалах бойцы падали от усталости прямо в снег и, несмотря на мороз, тут же засыпали. Их поднимали с трудом. Это были воины 366-й и 382-й стрелковых дивизий. Они должны были войти в пробитую во вражеской обороне брешь на чудовском направлении, развить успех и заменить измотанные тяжелыми боями части первого эшелона.

На привале недалеко от места боя за чудовскую переправу через Волхов бойцы нашего полка впервые за трое суток поели горячего. Но отоспаться не успели. Среди ночи полк был поднят. И вот снова, днем и ночью, мы идем вдоль Волхова, делая в условиях бездорожья по 30—40 километров в сутки.

На исходе пятых суток полк подошел к населенному пункту Селище, в котором временно расположился штаб нашей 366-й стрелковой дивизии. На окраине поселка, где мы разместились в наскоро оборудованных палатках и возле уцелевших изб и бань, задымили ротные кухни. А в штабе полка началось совещание. Комбаты, политруки и начальники служб, разложив на коленях только что полученные топографические карты, внимательно слушали указания командира полковника Ключникова. Мы вливались во 2-ю ударную армию, в составе которой предстояло сражаться с врагом.

В 3 часа ночи полк бесшумно, насколько это возможно, ступил на лед древнего Волхова. Несмотря на предупреждения о многочисленных полыньях, образовавшихся от

разрывов снарядов и затянувшихся непрочным льдом, некоторым бойцам все же пришлось выкупаться. На противоположном берегу в мелколесье, куда полк прибыл около 6 часов утра, пришлось обсушиваться в наскоро разбитых палатках, оборудованных железными печками-бочками.

Начинало светать. Повалил густой снег. Дивизионная разведка, ушедшая на задание накануне вечером, возвратилась и доложила, что к Мясному Бору от новгородского шоссе подошло до батальона пехоты противника и слышен лязг гусениц. Задача по взятию Мясного Бора осложнялась.

Стрелки 1-го батальона под командованием лейтенанта Кагарлицкого, маскируясь в мелколесье, начали выдвигаться к Мясному Бору. Расчет был на то, что противник не ожидает нашей атаки с этой стороны, так как снег здесь был очень глубоким. Но маневр все же был замечен гитлеровцами. Они начали обстреливать наши подразделения из пулеметов.

Пехота зарылась в снег. Командир полка приказал подтянуть 76-мм артиллерию и ударить по засевшим в домах гитлеровцам, попытаться уничтожить пулеметные гнезда, оборудованные в оконных проемах верхних этажей.

До ближайших строений оставалось каких-нибудь полсотни метров, когда из-за домов появились два легких танка противника. Продвижение опять застопорилось. И снова выручили ПТР. После нескольких метких выстрелов один танк загорелся, а другой с поврежденной гусеницей закрутился на месте.

С громким «ура!» бойцы второй роты ворвались в поселок, расстреливая на ходу бежавших фашистов. Третий танк, внезапно появившийся из-за угла догоравшего дома, подбил гранатами помначштаба нашего полка лейтенант Кузьмин. За этот самоотверженный поступок он был награжден медалью «За отвагу».

Скоро с противником здесь было покончено. Удачному наступлению первого батальона способствовал фланговый маневр других наших батальонов под командованием Петрачева и Кузнецова. В результате маневра были подавлены огневые точки врага, мешавшие продвижению первого батальона, и смято подошедшее со стороны Новгорода подкрепление гитлеровцев. Поработали минометчики, прокладывая своим огнем путь стрелкам. Так в ночь на 24 января 1942 года был раздавлен очаг вражеской обороны, что позволило расширить горловину прорыва.

В бою за Мясной Бор подразделения 366-й стрелковой дивизии получили первое боевое крещение.

После шестичасового отдыха и пополнения боеприпасами в расположенных рядом с Мясным Бором перелесках части дивизии двинулись в сторону Любани. Наш полк с приданными ему подразделениями усиления пошел на Теремец-Курляндский, где произошел непредвиденный и печальный случай.

Было за полночь, когда по пробитой в глубоком снегу дороге через полузамерзшие торфяные болота мы вышли к большой поляне. Метрах в трехстах от опушки леса виднелась небольшая деревушка. Из труб поднимался дымок. Кто там — свои или враг?

Третий батальон пошел в обход деревушки слева, мы же, саперы, рассредоточившись в лесу, ждали дальнейших указаний. Прошло с полчаса. В это время мы увидели, как с опушки леса по направлению к деревне отправились трое. Они шли друг за другом. Как выяснилось позже, это были адъютант командира дивизии, комсорг нашего полка и один из младших командиров. Все с автоматами. По всей вероятности, они хотели выяснить, кто же находится в деревне. Вместе со старшим сержантом Тимофеевым мы решили дойти до овина, стоявшего недалеко от деревни, и наблюдать за «разведчиками», чтобы в случае чего прикрыть их огнем.

Прошло минут десять. С нашей позиции вся деревушка, освещенная лунным светом, видна была как на ладони. Но что это? Со стороны дороги, что шла в деревню справа, до нашего слуха донеслась чужая речь. Не успели мы предупредить наших «разведчиков». В деревне началась пальба. Стреляли сразу из нескольких автоматов. Вскоре стрельба внезапно прекратилась. Мы увидели, как на проторенной в снегу тропе появился человек. Часто припадая к земле и взмахивая руками, он шел нам навстречу. Узнали его. Адъютант командира дивизии был тяжело ранен.

Как он сообщил, их обстреляла группа гитлеровцев. Он, дважды раненный в правое бедро, успел выбраться на огороды. О судьбе товарищей адъютант сказать не мог, так как они ушли метров на 50 вперед и уже скрылись за избами, когда его обстреляли.

Под утро наши батальоны ворвались в деревню. Оставив убитых и тяжелораненых, а также обоз, гитлеровцы по лесной тропе отошли в сторону Глухой Керести.

Комсорга нашего полка и его товарища мы нашли истерзанными до неузнаваемости. На митинге у могилы бойцы, командиры и политработники полка поклялись отомстить ненавистному врагу за смерть наших товарищей.

Фашистская авиация неистовствовала. В отместку за отвоєванный нами плацдарм она бомбила наши части от зари до зари. В огромных воронках от авиабомб могла разместиться добрая сотня людей. Во время ночных привалов, когда фашистская авиация бездействовала, бойцы разжигали на дне таких воронок костры и у огонька дремали.

Не считаясь с трудностями, 2-я ударная армия продолжала с боями продвигаться вперед. Жители освобожденных от врага сел встречали нас с непередаваемой радостью.

Левое крыло армии, куда входила и наша 366-я стрелковая дивизия, вышло на рубеж Мясной Бор — Финев Луг. Наш 1222-й стрелковый полк занял оборону на рубеже Глухая Кересть — Чауни — поселок Тесово-Нетельский. Штаб дивизии разместился в Новой Керести. Теперь дивизия называлась по-новому. За прорыв у Мясного Бора и освобождение многих населенных пунктов от гитлеровских захватчиков она в марте была переименована в 19-ю гвардейскую, а наш 1222-й стрелковый полк стал 61-м гвардейским стрелковым полком.

Введенный в пробитую брешь 13-й кавалерийский корпус существенно продвинулся в сторону Любани, освободив от врага большой лесисто-болотистый район юго-западнее этого города. За корпусом, на его флангах, действовали стрелковые подразделения. 25—30-градусный мороз и глубокий снег затрудняли продвижение. На пути встречались незамерзшие заболоченные места и речки с наледью на поверхности. Обувь намокала и промерзала, сушить ее было негде, так как костры разводить запрещалось. Выбивались из сил обозные и артиллерийские лошади. Подвоз продуктов и боеприпасов усложнялся с каждым днем.

К концу марта почти трехмесячное наступление приостановилось. 2-я ударная армия перешла к обороне. На болотах возводились дзоты, оборудовались минометные и артиллерийские позиции, прокладывались бревенчатые настилы и гати, минировались подходы.

Гитлеровцы называли этот участок фронта «волховскими джунглями». «Блиндажи здесь напоминали постройки бобров, а сами гренадеры, вынужденные жить в волховских джунглях, шутя зовут друг друга „бобрами”», — писал Гюнтер Хейбинг в своей книге, подготовленной по указанию немецко-фашистского командования и призванной прославить германских солдат, сражавшихся в волховских болотах. Фашистские генералы, воевавшие на Волхове, проклинали гнилые трясины и ржавую воду.

Естественно, что и нашим войскам приходилось вести боевые действия в труднопроходимой, неудобной для маневрирования местности. Леса, бездорожье, многочисленные топи-трясины и для наших воинов являлись препятствиями. Ограниченная видимость, глубокие снега, а весной бешеный хоровод озер, ручьев, речек и болот требовали от советских бойцов сноровки, выносливости, умения безошибочно ориентироваться и уверенно действовать.

Остаток зимы прошел в активных действиях против врага. Совершенствуя оборону, мы не давали гитлеровцам покоя ночными атаками, изматывая и уничтожая его живую силу и технику. Фашистское командование, серьезно обеспокоенное судьбой своей любанско-чудовской группировки и возможным прорывом блокады Ленинграда, вынуждено было снять из-под Ленинграда и перебросить на Волховский фронт несколько дивизий. Это никак не входило в их планы подготовки генерального наступления на город Ленина весной 1942 года.

Наступила весна. Снабжение нашей армии, глубоко вклинившейся в занятую противником территорию, еще больше ухудшилось. Не хватало боеприпасов, продовольствия, обмундирования. Некоторые подразделения оказались отрезанными от основных сил обнажившимися болотами. Транспортные самолеты, помогавшие нам, часто гибли от «мессеров». Командование фронта решило отвести в первую очередь спецчасти и 13-й кавалерийский корпус. Я видел, как через деревню Чауни, где располагался штаб 61-го гвардейского стрелкового полка, шли конники генерала Гусева, держа в поводу изнуренных лошадей. Не лучше выглядели и сами кавалеристы. Армия выходила через узкую горловину между Мясным Бором и Спасской Полястью.

Велико было мужество бойцов, командиров и политработников армии, сражавшихся в таких тяжелых условиях. Иногда, расстреляв все патроны и не имея запаса, бойцы шли в штыковую атаку.

Наша гвардейская дивизия составляла арьергард отходившей армии и принимала на себя все удары наступавшего противника. Когда меня, тяжело раненного, на телеге отправляли в медсанбат, я видел в медсанроте под брезентом нашего боевого комбата И. П. Кузнецова. Ему оторвало левую ногу, и он погиб от потери крови. Рядом с ним лежали бойцы его батальона, не выжившие от тяжелых ран. От нашего полка осталось меньше батальона.

Мясной Бор словно оправдывал свое название. От векового соснового бора там остались только пни да исковер-

канные стволы деревьев. Вся земля была многократно перепахана снарядами и бомбами.

С тех пор прошло много лет. Теперь в тех местах вырос новый лес, сгладились шрамы войны. И все же нередко взрываются мины, потревоженные снаряды и гранаты, спрятанные под густым мхом, илом и торфом. Они напоминают о кровопролитных боях между Спасской Полистью и Мясным Бором.

*Л. ИЗМАЙЛОВ,
в 1941—1942 годах политрук,
секретарь бюро ВЛКСМ 844-го
стрелкового полка
267-й стрелковой дивизии*

ЛИСТАЯ «ПРАВДУ» ПЕРИОДА ВОЙНЫ...

Просматривая подшивку «Правды» за 1942 год, я обратил внимание на статью Эренбурга «Оправдание ненависти», а в ней — на знакомое имя. «Я вспоминаю девушку, — писал И. Эренбург, — Любу Сосункевич, военного фельдшера. Она под огнем врага перевязывала раненых. Землянку окружили немцы. Тогда с револьвером в руках она против нескольких немецких солдат одна отстояла раненых, спасла от надругательств и пыток».

Я хорошо знал Любу Сосункевич. Она служила в 844-м полку нашей дивизии. В ту пору я был секретарем комсомольского бюро этого полка.

Случай, описанный Эренбургом, относился к первым числам апреля 1942 года, когда наша дивизия вела напряженные бои в лесисто-болотистой местности северо-западнее населенного пункта Трегубово на Волхове. Люба Сосункевич к этому времени уже была известна в нашем коллективе как отважная, мужественная патриотка, не знавшая страха в борьбе с врагом. На ее счету были десятки спасенных ею раненых бойцов и командиров. О ее боевых заслугах красноречиво свидетельствовала медаль «За отвагу».

7 апреля гитлеровцы несколько раз переходили в атаку, но откатывались назад, встреченные дружным огнем подразделений полка майора В. А. Поспелова. О героическом поступке Любы мы узнали вечером, когда была отбита последняя в тот день атака врага. Мне, в то время политруку, поручили рассказать об этом в нашей дивизионной газете. Вот некоторые извлечения из заметки, опубликованной 23 апреля 1942 года:

«...Немцы, пытаясь удержать населенный пункт Т (Трегубово), предпринимали неоднократные атаки, продолжали лезть вперед. Военфельдшер, комсомолка, член комсомольского бюро полка Люба Сосункевич, рискуя собственной жизнью, под сильным огнем врага выносила раненых бойцов и командиров, оказывала им первую помощь и укрывала от мин и пуль противника в землянке.

Отдельным фашистам удалось подобраться к самой землянке, в которой лежало семнадцать раненых. Вот в промежутке землянки показался гитлеровец. Раздался выстрел, и фашист рухнул вниз на ступеньки. Второго гитлеровца постигла такая же участь. Это Люба Сосункевич в упор уничтожала фашистов. На помощь подоспели бойцы. Фашисты, оставив много трупов, отступили к своим позициям. Красноармейцы и командиры с восхищением жали руку отважной патриотки».

Вспоминаю заседание партийного бюро, состоявшееся вскоре после того боя. На повестке дня — разбор заявлений о вступлении в партию. Была принята в партию и Люба Сосункевич.

В боях на Волхове неувядаемой славой покрыли себя многие другие воины нашей дивизии. Расскажу еще об одной нашей комсомолке, работавшей радисткой в роте связи 844-го полка Марии Пивоваровой. Она добровольцем пошла защищать Родину. После окончания краткосрочных курсов при Ташкентском училище связи Маша в декабре 1941 года прибыла на Волховский фронт. Трудности фронтовой жизни не пугали ее. В любой обстановке она проявляла находчивость и смелость, работала четко и безупречно. Ее рация всегда находилась в образцовом порядке.

В перерывах между боями Пивоварова участвовала в выпуске боевых листов, помогала пожилым воинам писать письма домой. Вскоре ее избрали членом комсомольского бюро полка, а немного позднее парторганизация приняла Марию Пивоварову в свои ряды.

Внешне скромная и добродушная девушка, Маша оказалась очень смелым бойцом. Группа гитлеровцев однажды подобралась к командному пункту полка, пытаясь окружить его. Атаку за атакой отражали бойцы комендантского взвода и штабные работники. Находясь в своей землянке, Мария не прекращала передавать важные телеграммы. Фашисты подобрались совсем близко, они находились в 25—30 метрах от землянки, где находилась рация. Тогда Мария схватила винтовку и заняла место среди отражавших атаку. В разгар ожесточенной схватки бойцы вдруг

услышали песню «Каховка». Это пела Мария Пивоварова. Ее звонкий голос воодушевлял бойцов.

В момент, когда на помощь осажденным шло подкрепление, Мария Пивоварова была смертельно ранена вражеской пулей. Ее короткая и яркая жизнь служила воинам полка примером верности воинскому долгу.

Назову еще одного коммуниста, прославившего Боевое Знамя части, — командира пулеметной роты, а позже комбата-1 848-го стрелкового полка Александра Алексеевича Ильяшевича. Этот бесстрашный воин, опытный командир, настоящий отец своим подчиненным умел одерживать верх над врагом в любой обстановке. Бойцы не чаяли в нем души, готовы были за ним в огонь и воду. Одним из первых в полку он был удостоен ордена Красного Знамени. До войны Александр Алексеевич представлял едва ли не самую мирную профессию. Родившись в знаменитом селе Палех Ивановской области в семье художника, он окончил Палехский техникум живописи и тоже стал художником. Война потребовала знания военного дела. С отличием окончив Кирсановское стрелково-пулеметное училище, он в звании лейтенанта был назначен командиром пулеметной роты и в первых же боях Маловишерской, а затем Любанской операций проявил себя смелым и умелым командиром. В районе Сенной Керести его подразделение отбило пять ожесточенных атак превосходящих сил противника.

Мои краткие заметки о коммунистах дивизии мне хотелось бы закончить рассказом о нашем партийном вожаке, комиссаре дивизии Василии Петровиче Дмитриеве. Умело используя партийно-политический аппарат, он был подлинным организатором и вдохновителем всей воспитательной работы среди воинов. Он и сам не выпускал оружия из рук. В тяжелые моменты боя, а таких немало было в Любанской операции, он всегда оказывался в самых опасных местах, неоднократно лично водил подразделения в атаку.

В одном из тяжелейших боев, который вел 848-й полк в деревне Приютино, за Волховом, вражеским автоматчикам удалось окружить КП полка. Комиссар Дмитриев находился в это время там. Вышел из строя командир части. Комиссар принял командование на себя. Его четкие и целеустремленные приказания помогли наилучшим образом расставить силы защитников и организовать отпор врагу.

Однако гитлеровцы продолжали наседавать. Тогда комиссар поднялся во весь рост и с возгласом: «За Родину — вперед!» увлек горстку уцелевших бойцов и командиров в контратаку. Противник был отброшен, опасность окружения командного пункта была ликвидирована. На по-

мощь подоспели воины соседних подразделений. А комиссар Дмитриев пал, сраженный вражеской автоматной очередью.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1944 года Василию Петровичу Дмитриеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Он похоронен на воинском кладбище в Малой Вишере — в городе, у стен которого начиналась боевая слава нашей дивизии.

Н. Ф. КУРЕПИН

ПУГОВКА И СОРОКАПЯТКА

Февраль 1942 года подходил к концу. Почти каждую ночь вьюжило. Участились обстрелы наших дивизионных тылов. Тяжелые снаряды проносились над расположением штаба полка, который размещался в землянках и чудом уцелевших избах заброшенной среди новгородских болот маленькой деревушки Чауни. Некоторые из них плюхались в полузамерзшие под глубоким снегом торфяные болота, взметая фонтаны черно-коричневой жижи.

Дивизионная разведка и партизаны, с которыми мы поддерживали связь, говорили о том, что противник, очнувшийся от нашего стремительного вторжения, начинает проявлять активность. Его тревожила судьба тех своих частей, которые блокировали Ленинград с юга и окружением которых грозил конный корпус генерала Гусева, продвигавшийся в сторону Любани.

Наши разведчики находились в то время на занятом пулеметной ротой островке среди болот, в шутку называемом Пуговкой. Формой и своим малым размером он напоминал пуговицу.

С Пуговки, находившейся чуть ли не в тылу противника, разведчики ежедневно наблюдали передвижение обозов и техники в сторону Пятилип. Снабжение же островка боеприпасами и провиантом с каждым днем осложнялось из-за больших снежных заносов.

Наши пулеметчики с Пуговки уже немало истребили живой силы врага, пользовавшегося тыловой дорогой к Пятилипам — опорному пункту гитлеровцев. Но техника проходила мимо островка без существенных потерь и даже наносила урон пулеметной роте своими огневыми налетами. Было решено усилить гарнизон Пуговки.

Помнится, это было в первых числах марта 1942 года. Мы только что собрались отдохнуть после боевого дня, как

вдруг по крутому трапу в землянку скатился дежурный по штабу полка: «Товарищ старший лейтенант, вас срочно вызывает командир полка!» Я поспешил к блиндажу, в котором в ночное время располагались командир и комиссар полка.

— Инженер,— обратился ко мне полковник Клюнников (он редко называл меня по званию),— сколько раз ты бывал на Пуговке? — Он вопросительно посмотрел на меня и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Необходимо срочно усилить этот островок пушкой. Ведь столько вражеской техники беспрепятственно проходит в Пятилипы под самым носом у наших пулеметчиков... Задание очень ответственное,— добавил он.— По данным разведки, гитлеровцы перебрасывают через Лугу на наше направление новые силы.

Возвратившись в землянку саперов, мы с командиром взвода лейтенантом Ерофеевским при тусклом свете копилки до самого утра перебирали варианты транспортировки 45-мм пушки на остров. Забрезжил рассвет. Туман, сгустившийся за ночь, медленно поднимался вверх, обнажал разбитые строения в расположении нашей обороны. Где-то вдалеке прозвучал одиночный выстрел, затем короткая пулеметная очередь. И опять стало тихо.

Подняв саперный взвод, мы направились к разбитым деревянным строениям. Закипела работа. Через четыре часа у нас были готовы деревянные сани — скрепленные поперечинами полозья, на которых укрепили пушку. К передку саней были прикреплены оглобли. Главной тягловой силой, по нашему замыслу, должна была быть лошадь. Мы собирались помогать ей на труднопроходимых участках.

Пока строились сани, другие два саперных подразделения, вооружившись топорами и пилами, ушли на расчистку мелкоколосья и кустарника. Надо было проторить дорогу, по которой могли бы проехать сани с пушкой. Пользуясь снегопадом и плохой видимостью, саперы сделали это до наступления темноты.

Ночью, которая, к нашему счастью, опять выдалась облачной, мы в составе отделения саперного взвода, коновода, связиста и двух автоматчиков двинулись в путь. Связист был взят на всякий случай. Он мог в любом месте подключиться к линии связи, протянутой от штаба на Пуговку.

Первую часть пути от Чауни до Ляг по проторенной и укатанной дороге сани скользили хорошо. В Лягах немного передохнули и двинулись дальше, уже по прорубленной нами просеке. Здесь пришлось помогать лошади. Наконец

мы выехали на снежную равнину — территорию торфоразработок. Наше продвижение еще более замедлилось. А до Пуговки оставалось еще около двух километров. Примерно через час выбившуюся из сил лошадь пришлось выпрягать и отправлять обратно.

К этому времени перестал сыпать снег, похолодало. В прорывах облаков стала появляться луна, освещая безжизненную равнину. Продвижение становилось небезопасным. Шедшие впереди автоматчики вдруг остановились, подали нам знак укрыться. Нам удалось сделать это у торфяного штабеля. С двумя саперами, вооруженными карабинами и гранатами, я приблизился к автоматчикам, чтобы выяснить причину остановки. Те указали мне на темное пятно и следы на снегу, ведущие в сторону врага. Пятно оказалось кровью. Рядом валялась телефонная катушка, а обрезанные провода связи с Пуговкой были отброшены далеко в сторону.

Здесь только что был враг, который, видимо, ранил нашего связиста, проверявшего связь с островком, и утащил его в свое логово. Условным знаком я подал команду оставшимся у пушки изготавиться к бою. Тем временем сопровождавший нас связист скрутил провода, добавив недостававшие куски из валявшейся рядом катушки, и связался со штабом полка. Я доложил обстановку и попросил на всякий случай выслать к нам подкрепление, если мы дадим красную ракету. Но пока все было тихо.

Вернувшиеся из разведки автоматчики доложили, что впереди и сбоку нашего маршрута спокойно. Тронулись дальше. До Пуговки оставалось не больше полкилометра. Был уже отчетливо виден черневший впереди лес. Вдруг в небо взлетело несколько осветительных ракет. Мы бросились к торфяным штабелям, которых было много на пути.

Вслед за ракетами со стороны Пятилип раздались выстрелы — били тяжелые минометы. Мины начали рваться впереди нас. Переждав, когда гитлеровцы перенесли огонь, мы ринулись изо всех сил вперед, увлекая за собой укрытую белым чехлом пушку. Откуда только взялись силы у измотавшихся саперов. А тут еще помогла наша полковая артиллерия. По вспышкам выстрелов вражеских минометов она дала несколько залпов.

До самой Пуговки нас сопровождали одиночные разрывы мин. От многочисленных осколков спасал глубокий снег — при разрывах мин осколки шли веером вверх. И все же наши шинели пришлось потом штопать.

Дорога пошла в гору. Тянуть сани стало труднее. Но вот и долгожданная Пуговка. Еще рывок — и наша сорока-

пятка с помощью подоспевших пулеметчиков влетела в гущу леса.

Я доложил в штаб полка о выполнении задания. Нам передали благодарность и приказ командира полка: после краткого отдыха возвращаться обратно. Предстояло срочно минировать участок местности в районе обороны второго батальона.

Пушка заговорила с фашистами на своем языке: были подбиты две самоходки и легкий танк, разбит обоз и взорвана машина с боеприпасами. На Пуговку начались ежедневные артналеты. Почти каждый день гитлеровцы, пытаясь обойти Пуговку, хотели окружить ее. Но пулеметный огонь и шрапнель сорокапятки охлаждали их пыл, заставляя оставшихся в живых откатываться назад.

Так продолжалось до конца мая, когда растаял снег и вскрылись болота. Дорога к Пуговке стала труднопроходимой — обнажилась непроходимая трясина. Такая же обстановка сложилась, видимо, и у противника: он ослабил огонь и прекратил атаки на островок.

В первых числах июня по приказу командования полка пулеметная рота оставила Пуговку. Артиллеристы с помощью пулеметчиков, бредя по пояс в холодной воде, вынесли с островка на своих плечах разобранную по частям пушку. Не прошло и недели, как сорокапятка снова заняла свое место в строю.

*В. Н. СОКОЛОВ,
в 1942 году работник
строевого отдела штаба
13-го кавалерийского корпуса*

ЗА МЯСНЫМ БОРОМ

В конце января 1942 года я впервые оказался в Мясном Бору. Сопровождал группу офицеров, получивших назначение в 13-й кавалерийский корпус.

Вот он, Мясной Бор — безвестная до сих пор деревенька севернее Новгорода. С дороги, по которой движутся машины, видна только водонапорная башня из красного кирпича да одинокая крыша какого-то строения. Неприметен этот населенный пункт, который гитлеровцы сделали опорным. Кустарник, чахлый лесок, настороженно притихшая местность. Бревенчатый настил дороги петляет по лесу, выбегает на полянки, тут и там огибая заснеженные болотца и топи.

Слева трещат короткие пулеметные очереди, изредка ухают орудия. Погода пасмурная, и самолетов не видно.

Машины идут с интервалами в пятьдесят метров, часто останавливаются: то пропускаем встречные машины, то застреваем на непроезжем отрезке. Нас обгоняют два танка. После них — сплошное месиво снега и мерзлого грунта. Неожиданно оглушил выстрел орудия: пушка в десяти метрах от дороги, в мелком ельнике. Она ведет огонь по вражеским позициям. Враг почти рядом. Останавливаемся и отплясываем трепака. Зимой в кузове автомобиля, прямо скажем, прохладно. От холода не защищает кусок брезента, под который прячем ноги.

Совершенно неожиданно машины вырываются на асфальтированную дорогу и мчатся на приличной скорости. Мы отдыхаем от тряски и открываем рты, не боясь прикусить язык. Но вот асфальт кончился, и машины снова запрыгали по бревнам и колдобинам. Да и был это вовсе не асфальт, как оказалось, а ледяная дорога, проложенная еще противником, — песчаная подушка, политая водой.

Ночуем в маленькой деревеньке Малые Вяжищи Чудовского района. Крошечная хатка до отказа набита озябшими красноармейцами.

* * *

Строевой отдел штаба корпуса, куда мы прибыли, размещался в небольшом деревенском домике. Отдел, как и штаб, полностью не укомплектован, и я сразу же по прибытии оставлен в нем.

Обстановка сложная. Три кавалерийские дивизии корпуса воюют в трудных для конницы условиях. Все заметнее ощущается недостаток фуража. День ото дня увеличиваются потери конского состава, как боевые, так и от скудного рациона. Сена взять негде. Все, что было раньше в колхозах, отобрано оккупантами, хозяйство разрушено. Да и местность сама по себе не из богатых. Если взглянуть на карту севернее Новгорода, вся она пестрит болотами. А теперь даже и болота похоронены под толстым слоем снега, даже старой осоки нет.

В строевом отделе нас четверо: старший лейтенант Карбухин, лейтенант Усольцев, старший сержант Сорокин и я. Как новичок и самый младший по званию, каждый вечер хожу на склад за продуктами, которые получаю по строевой записке.

Нашу маленькую деревеньку ежедневно навещают вражеские самолеты. Но обычно все кончается благополучно, несколько очередей из пулеметов не приносят вреда. Мы привыкли к этим налетам и не обратили внимания, когда

одна из пуль пробила бревенчатый угол избышки, иконный киот и ящик комода за нашими спинами. Только вечером случайно обнаружили эту пулю в верхнем ящике комода.

Три месяца штаб корпуса располагался в деревне Дубовик, и большинство описываемых мною событий относятся к этому населенному пункту.

Командный пункт командира корпуса размещался в полутора километрах от деревни, в лесу. Домик, который занимал строевой отдел, находился почти на краю деревни. Рядом с ним начинался довольно глубокий овраг. В надворной постройке маскировался счетверенный зенитный пулемет, а напротив нас, за вторым порядком домов, стояло одно из зенитных орудий, охранявших штаб корпуса.

В один из пасмурных дней, когда мы отдыхали от постоянных воздушных налетов, сильный взрыв потряс наш домик. Это гитлеровцы начали методичный обстрел деревни Дубовик из тяжелых орудий.

Привычный свист снаряда — и взрыв. Несколько выстрелов — затем часовой перерыв. Некоторые снаряды, коснувшись плотно слежавшегося снега, скользят по нему и не взрываются. Один из таких долго лежал среди улицы против наших окон. Поскольку мины, гранаты, патроны и всевозможное вражеское военное снаряжение можно было видеть повсюду и собирать его было некогда, никто не обращал внимания на неразорвавшийся снаряд, пока не произошла беда: живший в доме напротив десятилетний мальчик решил вывернуть взрыватель. От ребенка остались кровавые клочья, которые обезумевшая мать собрала в наволочку от подушки.

25 февраля штаб корпуса посетил представитель Ставки К. Е. Ворошилов. Вечером он убыл, а утром следующего дня над деревенькой появились семь «юнкерсов».

Расположившись у стоявшего в кухне маленького стола, мы завтракали, когда послышался тяжелый гул самолетов. На другом конце деревни упали первые бомбы. Мы решили выяснить обстановку, но мощный грохот опередил нас, посыпались стекла из рам. Мы выскочили на крыльцо и замерли: прямо на нас, стремительно увеличиваясь в размерах, падали две бомбы. Через несколько секунд взрыв ударил, казалось, во все гело. Полетели жерди, солома, какие-то комья. Мы даже не сразу сообразили, что нам повезло. К счастью, это был последний заход — отбомбившись, самолеты уходили. Бомбы упали в овраг позади дома.

19 марта 1942 года товарищи поздравляли меня: приказом командующего армией мне было присвоено офицерское звание. Необычны два квадратика в моих петлицах и положение старшего для моих друзей-красноармейцев. Появились новые обязанности и одна из них — дежурство по штабу корпуса. Впервые иду дежурить на КП командира.

Близ дороги вижу там и тут торчащие из снега палочки с развевающимися цветными ленточками. Что это? Хорошо помню, что утром на этом месте ничего не было. Вспомнил, что любопытство на войне не всегда полезно. Подавил желание достать и рассмотреть игрушки поближе. И не зря — «игрушки» оказались сброшенными с вражеского самолета минами-сюрпризами.

Редкий еловый лес, где расположен командный пункт, затянут прозрачной пеленой стелющегося над землей дыма. Шалашик дежурного из жердей, покрытых еловым лапником, крошечный камелек, телефон, коптилка, обрезок доски, на который можно положить карту. Рядом красноармеец-телефонист и связной.

Дежурство по штабу корпуса считалось у нас тяжелой обязанностью. После суток каждый обычно с трудом добирался к себе и валялся спать. А на дежурстве беспрерывно зуммерит телефон — из частей сообщают буквально обо всем: передвижении людей и техники, пролетевшем самолете, ударившем орудии и многом другом. Все это надо записать, отметить время, место, направление, количество. Принятое немедленно передается операторам. Дежурному приходится выполнять задания других отделов и служб. Часто звонит дежурный по штабу армии. Принимаются и передаются десятки кодированных телеграмм — нужно уметь пользоваться кодом, знать пароли и позывные.

В марте 1942 года фашисты, не считаясь с потерями, беспрерывно контратаковали, бросая в бой все новые и новые силы. Подтянув свежие дивизии, ударом с двух сторон 19 марта 1942 года гитлеровцы перекрыли проход у Мясного Бора. На целую неделю снабжение армии почти совсем прекратилось — доставка продуктов и фуража самолетами была каплей в море, тем более что активизировалась и авиация врага. Его самолеты гонялись за каждой машиной, повозкой, даже пешеходом.

Возвращаясь с КП корпуса, я наблюдал, как стервят-

ники пытались уничтожить зенитную батарею, охраняющую штаб корпуса. Однако эта попытка окончилась для врага плачевно — прямое попадание снаряда в кабину пикировавшего самолета оборвало его атаку. Самолет врезался в землю неподалеку от орудия.

Утром выходим принимать груз, который сбросят с самолета: сухари и фуражный овес. В назначенное время слышался рокот мотора, и из-за леса вынырнул «дуглас». Возле выложенного на поляне опознавательного знака сбрасывает груз. К земле со свистом летят мешки и зарываются в снег. Некоторые не выдерживают удара и лопаются, овес приходится выбирать из снега. Эта маленькая операция не обошлась без потерь: упавшим мешком зашибло зазевавшегося красноармейца.

Основательно проверяем вещевые мешки — не осталось ли чего-нибудь съестного. Все найденное складывается в общую кучу. К великой радости, в противогазной сумке обнаруживаю размятую пачку махорки. Курим экономно, растягивая удовольствие. В большом мешке нашли несколько горстей гречневой крупы. Варим суп с кониной — нельзя сказать, что вкусно, но с голодухи сойдет.

Настроение не очень хорошее, но особой тревоги обстановка не вызывает — нас же такая сила! Во всяком случае, спим мы крепко несмотря на довольно интенсивный обстрел деревни.

В воздухе запахло весной. Днем ярко светит солнце. Дороги стали рыхлыми. Подступает талая вода, напирает в низинках. Кажущийся плотным снег оседает на глазах. Тепло разлагает трупы. Во избежание заболеваний, их нужно убрать. Созданы и работают похоронные команды. Теперь нередко видишь и такую картину: освещенная лунной поляна, а вдоль дороги воткнутые в снег трупы. Это сделали ребята из похоронной команды, чтобы снова не искать их в снегу.

* * *

По решению Ставки 13-й кавалерийский корпус начал выходить из окружения. Это было осуществлено организованно, почти без потерь. К середине мая почти все части корпуса оказались за Волховом. Работники штаба корпуса непосредственно занимались эвакуацией имущества, снаряжения, документов.

17 мая мне было приказано вывезти за Волхов документы строевого, оперативного и шифровального отделов. Для их охраны назначили писаря строевого отдела Василия Сорокина и двух красноармейцев. Выделили автома-

шину ЗИС-5. Через деревни Нивки и Финев Луг добрались до Новой Керести. Здесь наша машина оказалась в хвосте двенадцатикилометровой колонны автомобилей, тягачей, повозок, санитарных машин, тракторов. Лес был буквально забит огромными штабелями седел, противогазов, обмундирования, попон, оборудования медсанбатов и госпиталей, каких-то ящиков, бочек.

Простояв в колонне пять беспокойных дней и потеряв всякую надежду доставить груз на автомобиле, приняли другое решение. Двигаться можно было только пешком. Отобрав и упаковав секретные документы в вещевые мешки и ящики из-под мин, мы сожгли все остальное имущество. На рассвете двинулись по маршруту. Долгим оказался нам этот переход.

Двигаться по настилу легче, но в невообразимой толчее, происходившей на дороге, идти было невозможно. Мы пробирались стороной. Лес и расстояние глушили звуки боя у Мясного Бора и пока не вселяли тревоги. С ревом пронеслись самолеты, рвались бомбы и мины. И все равно нужно было идти вперед. Много раз приходилось ложиться, пока над нами проносилась смерть. А кругом ямы, воронки, наполненные водой, развороченная земля. Ляжешь — и трудно подняться.

Наконец дорога сделала поворот к Мясному Бору — самому узкому месту горловины. Впереди какой-то ад. Неволею в душу заползает страх — страх остаться вот в такой гнилой луже, которую только что с трудом преодолел. Но мы выполняем свой долг. Постоянно оглядываюсь назад — все ли идут за мной.

Чем ближе к выходу, тем труднее идти. Перебегаем от куста к кусту, хоронимся за стволами деревьев. Вид у нас невообразимый. Вместо потерянной зимней ушанки я подобрал пилотку, из фуфайки и ватных брюк клочьями лезет вата. Ящик, привязанный за плечами, становится все тяжелее.

Только перед закатом солнца 25 мая всей группой вышли на берег Волхова к переправе у деревни Ямно. Когда все осталось позади, силы меня оставили: я присел на пенек и... не мог двигаться дальше. Сорокин, ушедший вперед, вернулся, снял с меня ящик и помог встать.

Дойдя до пустой землянки на берегу, я вспомнил, что мы уже давно ничего не ели. Хорошо, что продпункт был близко.

Через три дня начальник штаба корпуса прислал за нашим грузом повозку. Штаб корпуса мы нашли за сорок километров от переправы — в деревне Плашкино.

*В. А. КУЗНЕЦОВ,
полковник в отставке, доцент.
В 1941—1944 годах
ответственный секретарь
редакции газеты «Отважный воин»
2-й ударной армии*

НАЧАЛО ПУТИ

Конец декабря 1941 года. Воинский эшелон безостановочно мчит нас на северо-запад. Мы уже осведомлены, что наша только что созданная 2-я ударная армия должна принять участие в битве за Ленинград, но еще не знаем, что едем под Новгород, на Волховский, тоже только что образованный, фронт.

Поздняя ночь. Утомленные дневными хлопотами и усыпляющим перестуком колес, мои друзья притихли на своих местах. Расскажу о них по порядку.

Самый старший среди нас — батальонный комиссар, или, как его все величают, «товарищ Батальонный», — Николай Дмитриевич Румянцев. Я хорошо знаю его еще по мирному времени. Старый и опытный журналист, Николай Дмитриевич до войны был сотрудником Центрального кабинета редакторов. В сущности, это глубоко штатский человек, никогда не помышлявший о военной карьере. Но когда над страной загремел тревожный призыв «Вставай на смертный бой!», он в числе многих других своих коллег и товарищей добровольно записался в народное ополчение. Ему было поручено сформировать газету 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района города Москвы.

Фрунзенцы стояли на Десне под Смоленском, когда меня, в ту пору секретаря комсомольского бюро одного из полков этой дивизии, Румянцев пригласил работать ответственным секретарем многотиражной газеты «За Отечество». В ноябре 1941 года на базе походной редакции и типографии дивизии была создана газета 26-й резервной (позднее 2-й ударной) армии.

В нашей теплушке, двигавшейся к Ленинграду, Николай Дмитриевич не только самый старший по возрасту и по званию, но и по положению — он редактор армейской газеты «Отвага».

Рядом с редактором пристроился в углу на нарах Лазарь Борисович Перльмуттер — литературный сотрудник «Отваги», добровольно исполнявший, кроме того, обязанности литредактора, корректора и радиста. Талантливый педагог и ученый, статьи которого о языке и стиле Лермонтова еще недавно горячо обсуждались в нашей студен-

ческой среде, он добровольцем отправился на фронт вместе со своими студентами-выпускниками.

Лазарь Борисович сидит согнувшись у приемника и записывает очередную сводку Совинформбюро. Вместе с Румянцевым и печатником Лакиным они умудряются и в дороге выпускать на нашей американке листовки со сводками Совинформбюро. Если это не удастся, то сводка размножается в нескольких экземплярах на машинке, и мы пускаем ее по вагонам. А на остановках, обычно где-нибудь на подъезде к забитой до отказа станции, наш филолог включает на полную мощность радиоприемник (пожалуй, единственный в эшелоне), и тогда у вагона собирается толпа. Диктор медленно дает текст на запись, повторяя отдельные слова по буквам, то и дело обозначая разделы сообщений стандартной фразой: «Абзац. Три звездочки».

У походной «буржуйки» в середине вагона сидит, пошевеливая догорающие угли, пока еще безвестный, но уже Вучетич. Евгений Викторович — наш редакционный художник. Он тоже ополченец. В редакцию его порекомендовал взять начальник политотдела дивизии — профессор факультета языка и литературы Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Федор Михайлович Головенченко. Мы разыскали Вучетича в окопах.

— Рядовой Вучетич! — отрапортовал он, одним махом выпрыгнув из окопа и ловко, словно всю жизнь провел в армии, вытянувшись перед батальонным комиссаром.

Ладно подогнанная форма, аккуратно завернутые обмотки, сложенная по всем правилам скатка с притороченным котелком — многие ли, кому довелось знать этого замечательного человека, видели его в такой форме?

Пытливо оглядев ловкую и подтянутую фигуру художника, Николай Дмитриевич говорит:

— Ну что же, рядовой Вучетич, как бы вы отнеслись к предложению пойти художником в нашу редакцию?

В нашей походной типографии не было, да, кажется, и не полагалось, никакой цинкографии, и Евгению Викторовичу пришлось на первых порах решать проблему иллюстрирования газеты, так сказать, подручными средствами. В одной из разрушенных школ он раздобыл кусок линолеума, и вот теперь с помощью самодельного резца осваивал новую для него профессию гравера. Имеет ли существенное значение, что его первые опыты в гравировании доставляли немало веселых минут нашим редакционным остроумцам да и самому «граверу»? Меньше радости испытывали пока те, кто становился объектом изображения. Но можно не сомневаться, что любой из них с величайшей ра-

достью завладел бы сейчас для своего альбома экземпляром нашей газеты, где обычно указывалось: «Гравюра на линолеуме Е. Вучетича».

Назову еще двух членов нашего коллектива: наборщиков Моисея Марковича Раппопорта и Левина (к стыду своему, не могу вспомнить его имени). По возрасту они уже не подлежали призыву, но когда в типографию, где они работали, явился за содействием в создании походной типографии наш редактор, они не только упросили его взять с собой в газету, но фактически и создали нашу типографию. Они без усталости ездили по московским типографиям, где их хорошо знали, отбирали нужные шрифты и материалы, помогли достать небольшую печатную машину, которую можно было смонтировать на грузовике. Короче говоря, создали всю материальную часть для выпуска газеты. За несколько дней они успели сделать столько, сколько в обычных условиях не сделать бы и за месяцы.

Из числа ополченцев, составивших первоначальную основу «Отваги», надо еще назвать машинистку Валю Старченко — совсем еще молодую московскую комсомолку, которую родители не могли удержать дома, да Анну Ивановну Обыдену, которая в дополнение к своей официальной должности корректора была хозяйкой нашего нового дома. Ее муж и сын — оба профессиональные военные — оказались на фронте с первого дня войны. Она не стала сидеть дома одна и отправилась на фронт вслед за ними.

Кто еще? Уже по дороге на фронт, в Ярославле, к нам присоединилась Женя Желтова. Бог знает, как она провела о нашей кратковременной остановке в редакции «Северного рабочего», гостеприимный редактор которого тов. Кашин предоставил в наше распоряжение свою пресс-комнату. Женя Желтова — комсомолка, работала в заводской многотиражке. Война помешала ей закончить факультет журналистики Ленинградского университета.

— Едва ли вас устроит наше предложение. Ведь вы журналистка, а нам нужен корректор.

— Я согласна корректором.

После октябрьских боев на Смоленщине я уже не считал себя новичком на фронте, поэтому осторожно спросил:

— Так захотелось на фронт?

Вопрос, видимо, обидел девушку. Внимательно взглянув мне в глаза, она подчеркнуто спокойно ответила:

— Да.

С ее приходом в редакцию мы получили не только профессионального корректора, но и прекрасного журналиста, чьи очерки и зарисовки о боевых делах воинов отличались

особой эмоциональной насыщенностью и душевной теплотой.

Постепенно наша редакция пополнялась все новыми и новыми людьми. В ней появились опытные газетчики Борис Бархаш, Лев Моисеев, Николай Родионов, Виталий Черных, Александр Ларионов. Несколько позже пришел к нам Всеволод Багрицкий — самый молодой наш журналист, ему тогда едва исполнилось девятнадцать. Еще позднее, уже за Мясным Бором, к нам присоединился известный татарский поэт Залилов — Муса Джалиль, чье легендарное имя через несколько лет стало символом высокой гордости, непоколебимого мужества, верности и преданности делу социализма. Здесь, на Волхове, суждено было начаться бессмертию воина и поэта.

Война быстро сближает людей. Уже в вагоне мы чувствовали себя коллективом, словно бы существовавшим многие годы. По вечерам, после обычных дневных хлопот, у нас возникали ставшие потом традиционными своеобразные диспуты-собеседования по самым различным вопросам, начиная от злободневных проблем войны и кончая литературой, искусством, философией и, конечно же, повседневными заботами о своей газете.

Глубокая ночь. Поезд мчит нас навстречу событиям, о которых тридцать лет спустя Маршал Советского Союза К. А. Мерецков скажет: «Мне довелось многое повидать за годы войны. И вот сейчас, перебирая в памяти увиденное, полагаю, что те недели были для меня самыми трудными. По накалу событий, по нервному напряжению, им сопутствующему, вряд ли можно их с чем-либо сравнить»¹.

Мои воспоминания относятся к самому трудному периоду боевой деятельности 2-й ударной армии — периоду, получившему впоследствии наименование Любанской операции. Не буду описывать ее в целом. Она получила достаточно подробное освещение в военной литературе, хотя и вызывает до сих пор противоречивые суждения и оценки. Попробую выбрать из своих фронтовых блокнотов отдельные записи, в какой-то мере характеризующие обстановку того времени, настроения и чувства участников событий.

Знаю, мало осталось участников Любанской операции. И мне думается, что любое свидетельство очевидца, любой факт, относящийся к этому периоду, помогут воссоздать картину тех незабвенных, теперь уже давних, во многом трагичных и в то же время героических дней.

¹ Мерецков К. А. На службе народу. М., Политиздат, 1970, с. 280—281.

Вот уже два месяца 2-я ударная армия ведет кровопролитные бои за Волховом. Наступление началось 13 января. Прорвав оборону противника в районе Мясного Бора, армия углубилась на 70—80 километров. Однако ей не удалось расширить горловину прорыва. С тылом армию соединял узкий коридор постоянно меняющейся ширины.

Находясь фактически в глубоком тылу противника, армия вела сложную борьбу, включающую одновременно и наступление и оборону. Ее цель — прорваться к Любани — крупному опорному пункту обороны врага. С северо-востока туда же пробивалась 54-я армия генерала Федюнинского. Падение Любани означало окружение крупной гитлеровской группировки и, возможно, прорыв блокады Ленинграда.

Противник понимал значение этого участка фронта. Еще в середине декабря Гитлер издал приказ, требовавший не уступать здесь русским ни шагу. За несколько дней до наступления, 5 января, командир 422-го пехотного полка немецкой армии объявил в своем приказе: «Господин командующий генерал сказал мне вчера, что если мы не удержим Волхов, мы проиграем войну, удержим его — выиграем войну. Это стоит жизни...». Когда наши войска все же прорвали вражескую оборону на Волхове, Гитлер снял с постов командующего группой армий «Север» фельдмаршала фон Лееба и его начальника штаба Беннеке.

Редакция разместилась вблизи деревни Новая Кереть. В глухом лесу, среди вывороченных деревьев и почти незаметных, занесенных снегом полуподземных жилищ, мы ориентируемся легко и свободно. Наша землянка совсем недавно служила убежищем для партизан. Прочная, добротнo срубленная изба врыта в землю по самую крышу. В потолке есть даже окна, сделанные из узких рам, взятых, вероятно, со скотного двора. Она затерялась в глухом сосновом бору, который был недосыгаем для немцев. Наши войска продрались сквозь эти дебри.

Рядом расположились артиллеристы. Когда упершиися почти в зенит стволы орудий начинали изрыгать огонь и грохот, землянка гудела и тряслась, коптилки гасли, шрифт подпрыгивал в наборной кассе, звенели котелки, у нашего филолога опрокидывалась чернильница.

На землянку, которую мы занимали, было немало претендентов. Однако после одного забавного случая редактору без особого труда удалось одолеть конкурентов. Случай этот произошел в феврале, когда в нашей армии побывал К. Е. Ворошилов. В беседе с редактором Климент Ефремович интересовался жизнью и работой редакционного

коллектива, охотно согласился посетить типографию, размещавшуюся тогда в очень неудобных и совершенно непригодных для работы условиях.

Разговаривая, Климент Ефремович и редактор приблизились к землянке. В этот момент из нее появился наборщик с тяжелой формой в руках. Насквозь прокопченный и вымазанный типографской краской, он представлял собой колоритное зрелище на фоне безупречной белизны утреннего снега.

Легко узнав гостя, наборщик от неожиданности застыл на месте.

— Батюшки мои! — почти с восхищением воскликнул Климент Ефремович. — Это что за чудовище! Ну, теперь, пожалуй, нам и смотреть здесь нечего. И так все ясно.

И сразу, становясь серьезным, он обратился к начальнику политотдела:

— Не мне объяснять вам, какое значение имеет для всех нас газета. Забота о ней — первейшая обязанность политоргана.

Надо отдать должное нашему Военному совету и политотделу: после этого случая для типографии и редакции выделялось лучшее из того немногого, чем могли располагать в тех условиях.

13 марта в нашу армию прибыли делегации трудящихся Казахской и Киргизской республик. Они привезли подарки: от Киргизской ССР — 25 вагонов продовольствия, от Казахской — 11. В числе подарков — мясо, свиное сало, колбаса, мука, сухари, крупа, сливочное масло, сахар, мармелад, сухие фрукты, яблоки, орехи, табак, кондитерские изделия, вино. Мы подготовили специальный выпуск «Отваги», посвященный посланцам трудящихся братских республик.

Ожесточенные бои на всех участках не ослабевали. Усилилось сопротивление гитлеровцев. В те дни особенно свирепствовала вражеская авиация. Однажды бомбежка продолжалась двенадцать часов подряд — с восьми утра до восьми вечера. Бесперывно гудело родное небо, до отказа заполненное вражескими самолетами. Наших самолетов не было видно. Едва заходило солнце и прекращались полеты самолетов, в действие вступала тяжелая артиллерия, располагавшаяся где-то за Ольховкой.

14 марта взята Красная Горка — важный опорный пункт врага на пути к Любани. Первый раз Красная Горка была взята нами 19 февраля. Дерзкий ночной бросок лыжников и кавалеристов в обход основных укреплений противника дал прекрасный результат. Однако 27 февраля

врагу удалось оттеснить наши войска. Теперь Красная Горка снова наша. Как окажется несколько позже, она — самая дальняя точка нашего прорыва в Любанской операции. Ах, сколько крови пролилось в этом пункте, которого нельзя найти ни на одной, даже крупномасштабной топографической карте: Красная Горка тогда — всего лишь одинокий домик лесника на опушке.

Вслед за наступавшими войсками перемещалась и наша редакция.

20 марта. Накануне вечером гитлеровцы перерезали нашу единственную коммуникацию в районе Мясного Бора. Все последнее время к нам шел непрерывный поток грузов. Мы не должны оглядываться назад. Что бы ни происходило сзади, наш путь только вперед — к Ленинграду. Только к Ленинграду! Любань уже почти рядом, до нее не больше 10—15 километров. Каждый шаг вперед стоит нам колоссальных жертв. Чудовищны потери и врага. Остервенелые атаки с обеих сторон сменяют одна другую.

На одном участке развороченного железнодорожного полотна, ведущего на север, к Ленинграду, я увидел чудом уцелевший семафор, за которым проходили вражеские позиции. Закрытый семафор, словно зловещий символ, преграждал путь к Ленинграду. Неужели нам не удастся открыть этот семафор?

22 марта. Связь с тылом не восстановлена. Это сразу сказывается на обеспечении армии. Один артиллерист рассказал мне, что гвардейский полк «катюш» выведен из боя из-за отсутствия боеприпасов. Большого количества эшелонов, день и ночь шедших к нам по нашей единственной магистрали, с трудом хватало наступавшей армии лишь на «одну заправку». Разведка сообщала о концентрации новых крупных сил противника в районе Мясного Бора.

А на севере, в сторону Любани, всю ночь шел бой, отчетливо слышимый у нас. Наши войска отбивали контратаки и сами атаквали, тесня врага. Продвижение вперед на 100—200 метров, преодоление любого снежного вала считалось значительным успехом.

Мне довелось побывать в деревне Дубовик. Здесь месяц назад, 26 февраля, погиб наш товарищ — Всеволод Эдуардович Багрицкий. Впрочем, Всеволодом Эдуардовичем он еще и не успел стать. Для всех он был просто Всеволодом, а сам любил называть себя Севкой. Всеволод Багрицкий — первая жертва, понесенная редакцией в этой трижды клятой войне.

В деревне — следы разрушительной бомбежки, той самой, в которой погиб поэт. Я разыскал дом, в котором про-

изошла трагедия. Он уцелел, но насквозь прошит множеством осколков крупной авиабомбы. Этими же осколками был насквозь пронизан и Всеволод. В тот день Багрицкий торопился в Дубовик, чтобы побеседовать с летчиком, сбившим накануне в неравном единоборстве два немецких истребителя. К большому своему сожалению, я не нашел в своих записках фамилии летчика-героя. Он погиб во время беседы вместе с Багрицким. Когда над деревней появились немецкие бомбардировщики, Багрицкий и летчик отошли от окна и сели на пол в простенке. Это была единственная мера предосторожности с их стороны. Мгновенная смерть так и настигла их в этом положении. На бледном лице Всеволода навек застыло выражение удивления или, пожалуй, недоумения, словно в последний миг своей жизни он произнес негромко: «О!»

На сохранившейся у меня карте тех лет крестиком отмечена могила Багрицкого. Гроб мы соорудили из случайно уцелевших ворот крестьянского сарая. Никаких других материалов в выжженных гитлеровцами окрестных деревнях нам найти не удалось. Скорбная группа «отважников» собралась в тот день у могилы. Легкий снег падал на землю, оседал на ветвях елей, ложился на лицо поэта и не таял. Это последний чистый дар земли, который Всеволод уносил с собой в могилу. Коротко прозвучал в морозном воздухе нестройный залп наших выстрелов.

Я вечности не приемлю.
Зачем вы меня погребли?
Мне так не хотелось в землю
С любимой моей земли.

Эти немного перефразированные стихи Марины Цветаевой, которые любил повторять Всеволод Багрицкий, вырезал на куске фанеры Евгений Викторович Вучетич.

25 марта. Чудеса храбрости и героизма показала 327-я дивизия И. М. Антюфеева. Она почти всегда выдвигалась на самые решающие участки. На днях гитлеровское радио сообщило об уничтожении этой и некоторых других советских дивизий. Наши сотрудники А. Кузьмичев и В. Черных отправились в «уничтоженную» дивизию, чтобы подготовить материал в газету о том, как реагируют советские бойцы на сообщение берлинского радио.

Бойцам-антюфеевцам действительно есть о чем рассказать. Это они прорвали в январе волховские укрепления, штурмом овладели опорными узлами немецкой обороны — Костылевым, Бором, Коломном, открыли путь для стремительного кавалерийского рейда конников Гусева по тылам

противника. Солдаты боготворят своего командира. Антюфеев — чкаловец. Ему 45 лет. Был пастухом, окончил, как говорит сам, ЦПШ. «Думаете, центральную политшколу? — хитро улыбается он. — Нет, церковноприходскую...» Человек редкостного мужества и отваги. По словам солдат, не было случая, чтобы он поклонился вражескому снаряду. На поле боя ходит словно в парке. Живет в жиденьком срубе, постоянно сотрясающемся от бомбежек.

В боях за Красную Горку гитлеровцам удалось отрезать один из полков 327-й дивизии (1100-й). Однако через пять дней ожесточенных боев полк вышел из окружения, сохранив оружие и боеспособность.

В редакцию поступили письма-отклики от красноармейцев из дивизии Антюфеева. Одно из них мне хочется воспроизвести. На обрывке какого-то канцелярского бланка красноармеец Владимир Мальцев написал: «Посылаю вам стихотворение антюфеевцев; быть может, подойдет для вашей газеты». А потом еще приписочка: «На эту же тему пишу поэму, будет готова через две недели!»

Стихотворение (песня, как ее назвал автор), конечно же, не выдерживает строгих литературных критериев. Но как замечательно простые, бесхитростные слова солдата, идущие от самого сердца:

Споемте, товарищи, песню свою
Про наши дела боевые,
Как мы, антюфеевцы, били врага,
Давали сраженья лихие.
Как зимней порою, в безлунную ночь,
Зло вьюга трепала сугробы,
Как жег нас трескучий январский мороз,
Как рыли в снегу мы окопы.

Далее в том же духе дается точное описание наиболее памятных сражений дивизии с обозначением места, обстоятельств, времени событий и даже состояния погоды. И после каждого куплета — энергичный, задорный, озорной припев:

Антюфеевцы-бойцы — дюже добре молодцы!
Били-били, колотили и в атаку все ходили,
Били пулей и клинком, воротили и штыком.
Эх, как дюже молодцы антюфеевцы-бойцы!

Черт-те что! Прелесть-то какая! Всегда меня поражает одно обстоятельство: в каком бы крошечном аду мы ни находились, в редакцию не переставали поступать красноармейские письма. И что еще удивительнее: многие из них писались стихами. За стихи на фронте очень часто брались даже те, кто вообще в своей жизни редко держал каран-

даш в руках. И вот, пожалуйста: «Через две недели будет готова поэма...»

В политотделе меня познакомили с письмом ефрейтора Рудольфа Бока (датировано 24.3.42). Он не успел его отправить домой: «Дорогие родители, братья и сестры! Сегодня уже восьмой день, как мы в бою, и до сих пор обошлось все по-хорошему... Русские со всех сторон постоянно ведут артиллерийский, пулеметный и минометный огонь. Офицеры нам говорят, что здесь заперто до 40 тыс. русских и что они все время пытаются опять прорваться. Но что-то этому плохо веришь. Здесь, кажется, скорее создалась обратная картина...»

27 марта. Сырая, пасмурная погода. Южный ветер несет к нам весну. Она все больше становится владычицей ленинградских лесов и болот. Оседает снег, проваливается дорога. Сегодня я видел стайку белоснежных и, по всей вероятности, уже не нужных теперь аэросаней, грубо сброшенных с дороги.

Появились, как доложил наборщик Лычагин, первые «подснежники»: из-под осевшего снега высунулась окоченевшая, сжатая в кулак рука. Чья она? Наш или чужой остался здесь навеки? Рукав лохмотьями свисает вниз.

В стороне от дороги бойцы свежуют труп лошади, убитой осколком. С продовольствием плохо. Подвоза нет. Авиация (стоит отвратительная погода) не в состоянии обеспечить армию нужным количеством боеприпасов и продовольствия. Вместо хлеба стали выдавать сухарные крошки. Меряют их как сыпучие тела — кружкой. Воздухом доставляется даже фураж для конницы.

30 марта. Радостная весть: дорога на Мясной Бор вновь пробита. Выясняются подробности недавнего боя. В районе Мясного Бора, как оказывается, действовали значительные силы. Немцы были уверены, что перешеек прочно закрыт, и поспешили сообщить по радио об окружении 2-й ударной армии и «планомерном» ее уничтожении. Попытки 52-й и 59-й армий, обеспечивавших прорыв, продолжительное время ни к чему не приводили. Затем объединенными усилиями армий, действовавших с востока и запада, задача была решена. Этому в значительной степени способствовал смелый рейд наших тяжелых танков, которые в связи с весенней распутицей переводились с нашего участка фронта на другой.

Появление группы тяжелых танков из тыла, откуда гитлеровцы их не ожидали, ошеломило их. Танки шли прямо по орудиям, блиндажам, дзотам, смешивая все. Поддержка артиллерии довершила разгром.

Интересны рассказы очевидцев, прибывших к нам на другой же день после прорыва. Вот что говорил комиссар 380-го автобата старший политрук Леонтий Корнеевич Гуйван (м. б. Чуйван? Запись в дневнике неразборчива):

«28 марта перед отправкой в путь командир тыла генерал Анисимов, лично руководивший отправкой первого эшелона машин, собрал всех шоферов и сказал: «Армии, которая действует за этим перешейком, нужны боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Их везете вы. 200 машин должны ценой любых усилий проложить себе путь. Прибудет туда 80 машин — отлично, 60 — хорошо, 50 — посредственно. Ехать надо во что бы то ни стало. Пусть хоть одна машина пройдет, она там необходима, ее ждут».

Генерал находился на КП, непрерывно обстреливаемым вражескими минометами. Он сам руководил отправкой машин, которые пятерками отправлялись в опасный путь. Первой пятеркой руководил младший воентехник Волжанин, я поехал с ним. Едва мы выехали из лесу на дорогу, как с двух сторон начался пулеметный и минометный обстрел. Первая, вторая и третья машины сразу вышли из строя. Пришлось поворотить обратно, прицепив на буксир подбитые машины. Через два часа попытка была повторена. Тот же результат. Третья пятерка отправилась, когда уже стемнело. Не включая фар, с приглушенными моторами машины шли по дороге, изуродованной взрывами снарядов и авиабомб. Полосы трассирующих пуль хлестали по дороге справа и слева. Шоферы не вылезали из кабин. Если машина застревала в воронке, из придорожных канав выскакивали прятавшиеся от огня бойцы рабочего батальона и буквально на руках перетаскивали машину на ровное место. Застопорил мотор у водителя Мошкина. И так велико было его стремление вперед, что он выскочил из кабины и, не выключая скорости, стал крутить заводную рукоятку. Много ли так можно было проехать? Ну, полтора-два метра. Но все-таки это было движение вперед...»

Гуйван рассказывал, что он, уже бывалый воин, не раз побывавший в сложных фронтовых передрягах, никогда еще не видел такой картины разрушения, какую ему пришлось наблюдать в Мясном Бору. Дорога эта пока еще очень узка. Движение возможно только по ночам. Гитлеровцы не оставляли усилий замкнуть горловину снова.

15 апреля. Каждое утро выходит в свет чистенький и опрятный номер «Отваги». Читатель не подозревает, скольких усилий стоит он коллективу, его создавшему. Если бы он увидел вымазанных и прокопченных в дымной землян-

ке наших наборщиков Голубева, Холодова, Левина, Купорева, которые, не считаясь ни с чем, по 16—18 часов в сутки стоят низко склонившись над наборными кассами, он не поверил бы, что именно они и сделали чистенькую газету, которая принесла самые свежие новости. Читатель не знает, что вчера ночью печатники Лакин и Смолин не прекратили работы, когда в расположении редакции стали рваться вражеские снаряды. Они торопились отпечатать газету.

Впрочем, что же это я так, читателя-то. Ведь наш читатель тоже не бросается в щель от первого выстрела. Именно об этом и говорила каждая строка газеты.

Рано утром к нам приехала странная колымага. Лошадь запряжена в какую-то самодельную волокушу. Это сооружение — единственный вид транспорта, при помощи которого только и можно передвигаться по болотам. Тяжело дыша запавшими боками, лошадь остановилась возле автомашины, вывешенной на подпорках-сваях. Два человека, с ног до головы промокшие и вымазанные болотной грязью, бережно сняли с волокуши что-то тяжелое, завернутое в мешковину, и так же осторожно понесли в наборный цех. Это наши соседи — «Боевая кавалерийская» — газета одной из дивизий генерала Гусева. У них выведена из строя печатная машина. За полтора десятка километров они возят к нам по болотам сверстанные полосы и печатают газету у нас.

19 апреля. На улице настоящая весна. Потоки вешней воды затопили все. Из палатки в палатку в нашем лагере приходится пробираться по торчащим из воды кочкам. Дорога на Огорели совсем расплылась. Прилетели жаворонки. После ужасающего грохота последних дней, непрерывного воя пикирующих бомбардировщиков установилась удивительная, прямо-таки невероятная тишина. Словно не доверяя этому нежданному диву, Женя заворуженно шепчет слова ленинградского поэта Александра Прокофьева:

Вот тишина,
Возьми ее и трогай...

Кто-то, подчиняясь очарованию минуты, мечтательно замечает:

— Скоро соловьи прилетят.

Наборщик Николай Иванович Голубев приземляет мечтателя:

— Это какие соловьи? Двухмоторные, трехмоторные?

Наступательные возможности армии, видимо, подошли к концу. После неудачных попыток прорваться к Любани

через Красную Горку был предпринят удар на деревню Ручьи. Он оказался для врага внезапным, и деревня была взята сравнительно легко. Но сил удержать ее оказалось недостаточно. Почти то же самое произошло в районе деревни Кривино.

Но как же тяжело оставлять мысль о наступлении. Мы были так близки к цели. «Остался еще один стремительный бросок вперед на крупный узел сопротивления немцев, и выстрелы наших орудий, пулеметов, винтовок сольются в единый победный хор с героическими залпами бойцов города Ленина. В нашей воле, в наших силах ускорить соединение с героями-ленинградцами». Так писала наша армейская газета несколько дней назад. И это не были просто слова. Артиллеристы подполковника Фридланда М. Б. (18-й артполк РГК) уже обстреливали Любань из своих 152-мм гаубиц. Наши разведчики разглядывали в стереотрубу окраины Любани. До нас доносились звуки артиллерийской стрельбы федюинцев, атаковавших Любань с северо-востока, увы, тоже безуспешно.

После падения Красной Горки наша редакция, оказавшаяся в Озерье слишком близко к передовой, вернулась на прежнее место в район Огорели.

На днях Перльмуттер и Муса Джалиль присутствовали на допросе пленных. Лазарь Борисович, хорошо знавший немецкий, спрашивал пленного летчика, каких классиков немецкой литературы тот больше всего любит. Словно не понимая вопроса, летчик недоуменно поводит плечами. «Гёте, Гейне, Шиллер?» — подсказывал Джалиль. Пустое дело! Завоеватель совершенно равнодушен. Он только что переброшен на Волховский фронт из Франции и знает только одно: убивать.

Муса Джалиль, словно бы даже огорчившийся за духовное убожество гитлеровцев, написал злую сатиру, которую мы дали в номер. Стихи так и названы — «Весенние резервы Гитлера». Вот несколько строк из них:

Не резервы это — мразь,
Мокрый снег, отбросы, грязь.
Ведь весной все утекает,
Что земле дышать мешает...

27 апреля. Кончилась тишина. Последние дни на нашем участке отмечены значительной активностью гитлеровцев. Они оказывают давление с двух сторон: в районе Еглино — самом дальнем пункте нашего прорыва в западном направлении — и в сторону Новой Деревни. На востоке не переставая грохочут орудия. Чуть свет с запада потянулись немецкие самолеты, летят к Мясному Бору. Что там проис-

ходит? Залилов отправился в штаб за последними сообщениями с фронта, но еще не вернулся.

Платформу Еглино противнику удалось блокировать. Долгое время ее удерживали 35 наших воинов. Кроме них было еще 15 раненых. Не дождавшись помощи, все они с боем вышли из окружения и вынесли раненых. Всех до единого.

1 мая. Вышел праздничный, в две краски, четырехполосный номер «Отваги». В нем опубликован приказ войскам армии, подготовленный дивизионным комиссаром И. Зуевым. Напечатано обращение комсомольцев и молодежи столицы к комсомольцам нашего фронта. «Замечательные дела комсомольцев волховских рубежей,— говорится в обращении,— будут вписаны золотыми буквами в славную летопись борьбы народов нашей Родины за свою независимость, за разгром гитлеризма».

«Воины Ударной, вперед, к Ленинграду!» — призывает газета.

В ту пору мы, конечно, не могли знать, что было очевидным для командующего фронтом. За несколько дней до праздника, 24 апреля, К. А. Мерецков докладывал в Ставке:

— Вторая ударная армия совершенно выдохлась. В имеющемся составе она не может ни наступать, ни обороняться... Если ничего не предпринять, то катастрофа неизбежна.

11 мая. В районе Мясного Бора бой не ослабевает ни на минуту. Вернулись из полета в один из авиаполков за Волховом Борис Бархаш и Николай Родионов. Летали туда на У-2. Возвращались ночью. Рассказывали, как выглядит ночной бой в горловине. «Очень похоже на праздничную иллюминацию,— говорил Борис Павлович, но тут же добавлял: — Впрочем, эта ассоциация исчезла у нас сразу, как наш самолет стали обстреливать зенитки». Наши корреспонденты сидели в тесной кабине без парашютов и мечтали о том благословенном моменте, когда самолет пойдет на посадку. Надо заметить, что корреспонденты не были праздными пассажирами: им было поручено разбрасывать над вражеской территорией листовки.

Многие части уведены со своих позиций за Волхов. Начинается эвакуация немногочисленного здесь гражданского населения. Жители пойдут пешком, захватив с собой лишь ручную кладь. Всю домашнюю утварь они закапывают в землю.

Итак, эвакуация. Неужели готовится сдача всего участка, с таким трудом завоеванного зимой? Не хочется верить

этому. Несколько дней назад редакцию покинули четыре наших товарища: Кузьмичев, Моисеев, Родионов, Ларионов. Они отправились в многокилометровый путь и в течение трех долгих месяцев будут находиться в тылу на курсах военных корреспондентов. Доведется ли когда-нибудь увидеться вновь?

Редакция пополняется новыми людьми.

17 мая. Просто невероятно, но с величайшим наслаждением я самозабвенно люблюсь прелестью весеннего пробуждения природы. Вчера пронеслась первая настоящая гроза, и сразу все зазеленело. Где-то в лесной чаще закуковала кукушка.

— Кукушка-кукушка, сколько лет я проживу?

Дальше трех я не считал, вполне удовлетворенный отпущенным мне сроком.

22 мая. Получила приказ перемещаться по направлению к Мясному Бору и наша редакция. Даже на войне трудно покидать насиженное место. Здесь мы обосновались еще зимой, когда землю покрывал плотный слой снега и стояли жуткие холода. Потом наступила весна, и мы оказались в самом центре болота.

Едем в Малую Кересть. Куда двинемся дальше, пока неизвестно. По данным нашей разведки, гитлеровцы вновь собираются ударить в районе Мясного Бора, дополнив это рассекающим ударом на Вдицко. На одном из участков нашего фронта они передали по радио, что собираются покончить с окружением армии в два дня.

Перед отъездом я заглянул в землянку, чтобы проверить, не забыто ли что-либо нужное. Немного привыкнув к темноте, неожиданно увидел, что из-под нар с ворчаньем и сопением вылезает наш Вучетич.

— Нашел все-таки! — радостно восклицает Евгений Викторович, показывая мне какой-то комок.

Руки скульптора тоскуют по настоящей работе. Однажды в развалинах он нашел комок мастики или замазки и с тех пор без конца мнет его в руках, поочередно превращая в крошечные скульптурные портреты наших, как он выражается, «редакционных шакалов».

Когда машины готовились к отъезду, Евгений Викторович обнаружил исчезновение своего сокровища и не успокоился до тех пор, пока вновь не обрел его. Живая физиономия скульптора выражает неподдельную радость. Как мне дорог Вучетич в эту самую минуту, с такой полнотой выражающую всю его натуру, всю истинную душу художника!

23 мая. В пути уже более десяти часов, а отъехали едва три-четыре километра. Страшная дорога.

24 мая. Стоим в лесу между Финевым Лугом и Клепцами. Добрались сюда с огромным трудом. Спасибо артиллеристам Матвея Борисовича Фридланда. Комиссар одного из артдивизионов дал нам могучий тягач, который вытащил наши погрязшие в непролазной грязи машины. Шофер Николай Кочетков, до этого бесполезно возившийся со своей трехтонкой часа четыре подряд, восхищенно бормочет, следя за работой трактора:

— Наш, челябинец!

Кончился бензин. Его нам должно было хватить до Керести, но проклятые дороги сожрали весь запас за полпути. Сейчас наша дорога проходит в 4 километрах от вражеских позиций. С утра до ночи гитлеровцы обстреливают ее из минометов, авиация непрерывно бомбит. Ночью из Пятилип пробираются к ней вражеские автоматчики и обстреливают машины.

Наши войска научились жестко обороняться малыми силами. На днях почти на всех участках фронта армии гитлеровцы предприняли ожесточенные атаки, которые всюду были отбиты с тяжелыми для них потерями. А ведь наши части сильно обескровлены. Некомплект во многих из них достигает 60—70 процентов. Танковые батальоны без танков. Артиллерия без снарядов. На одном из участков враг атаковал девятью танками. Наши бойцы подбили из противотанковых ружей три танка, остальные повернули назад. Захвачены пленные, в том числе офицеры, захвачено полковое знамя...

Сержант 1650-го лыжного батальона 267-й дивизии Буштов уничтожил из пулемета несколько десятков гитлеровцев. У него кончились патроны. Тринадцать вражеских солдат, заметив, что пулемет замолк, полезли к русскому вонну, пытаясь захватить его живым. Буштов не стал дожидаться и выскочил им навстречу. Должно быть, страшен в эту минуту был боец — немцы бросились прочь. Несколько человек Буштов уничтожил прикладом, двоих взял в плен.

Мне довелось быть свидетелем разговора нашего прославленного командира И. М. Антюфеева с артиллеристами, которые помогли ему отбить довольно сильную вражескую атаку.

— После ваших залпов,— говорил Антюфеев,— гитлеровцы побежали из деревни. Их было больше тысячи, нас — сто тридцать штыков. Наши воины бросились вдогонку с криками «ура!». Я боялся, как бы завоеватели не

обглянулись назад. Стоило им увидеть, что нас не наберется и полутора сотен...

И, немного задумавшись, добавил:

— Мне бы много не надо. Полторы тысячи штыков, и враг бежал бы от нас без остановки.

27 мая. Ночами продвигаемся по направлению к Мясному Бору, поминутно задерживаясь в пробках на дороге. Днем все замирает, машины прячутся в лес, маскируются возле дороги. Длительные остановки способствуют выпуску газеты без перебоев. Наши корреспонденты проводят основное время в войсках, появляясь в редакции лишь затем, чтобы сдать или продиктовать на машинку материал в газету. Даже возвращение в редакцию превращается нередко в проблему: она почти никогда не оказывается в обусловленном заранее месте и ее приходится разыскивать.

Стоим возле Финева Луга. До войны это был большой рабочий поселок. Теперь — развалины. На станции — остовы обгоревших вагонов. Полотно железной дороги давно уже разрушено, но станцию продолжают бомбить. А вот по соседству ловко прячется среди деревьев узкоколейка, которая действует вовсю: готовится к отправке состав платформ, груженных зенитками и полевыми орудиями. Невдалеке пытит, хлопотливо посвистывая, крохотный, замаскированный цветущей черемухой паровозик. Он терпеливо ожидает окончания погрузки и конца бомбежки.

30 мая. Мясной Бор снова перекрыт. В Огорелях, которые мы миновали несколько дней назад, уже побывали оккупанты. Они торопятся занимать территорию, которую мы оставляем, ставят под угрозу тылы основной группировки армии, нацеленной на Мясной Бор.

На нашу сторону перешли три лазутчика. Все они русские военнопленные. В Риге окончили разведшколу. Отправившись на задание, они добровольно сдались в плен. Сообщили, что им поручено во что бы то ни стало выяснить, является ли отход ударной армии вынужденным или это лишь очередная перегруппировка войск.

Утром приезжал знакомый офицер из антюфеевской дивизии.

— Жмут! — ответил он на вопрос, как у них дела.

Дивизия Антюфеева по-прежнему творит чудеса. Но и она не все может. Между Вдицком и Финевым Лугом гитлеровцам удалось прорвать нашу оборону.

3 июня. Наш островок все меньше. Накануне вечером редакции определен участок обороны. Мы с Николаем Дмитриевичем изучали его: по фронту около 200 метров.

Люди, свободные от выпуска очередного номера газеты, находятся на своих боевых постах.

Дважды налетали бомбардировщики. Потери: четверо убиты, шестеро тяжело ранены, двое сравнительно легко. Почти все пострадавшие — наши ближайшие соседи, отдел политпросветработы. Бомбы вывели из строя обе их машины. Убит воентехник Цыганков — наш постоянный внештатный корреспондент. За минуту до смерти он разговаривал с нашей машинисткой Валей Старченко. Когда слышался вой приближавшихся стервятников, Цыганков шутиливо спросил ее:

— У нас будете умирать или к себе пойдете?

Спустя час мы хоронили товарища, устлав могилу ветками цветущей черемухи. Изувеченное тело погибшего с головой закутано в плащ-палатку. Бросаем в могилу комки влажной земли. Под их ударами упруго вздрагивает кочающаяся нога.

6 июня. Поступил срочный приказ немедленно сменить место расположения. Снимается весь второй эшелон. Пришлось прекратить печатание очередного номера.

Во всем чувствуется какая-то лихорадочная поспешность. К вечеру выясняются причины переполоха. Оказывается, 5 июня ночью было предпринято наступление двух наших армий — 2-й ударной и 59-й — навстречу друг другу. Губительный огонь противника не позволил расширить прорыв.

7 июня. Медленно продвигаемся вперед, преодолевая за ночь не более 500—800 метров. Из-за отсутствия бензина газету будем печатать вручную. Николай Кочетков вот уже полдня ходит возле своей трехтонки, прикидывая, как бы получше приспособить деревянную ручку к заднему приподнятому над землей колесу автомашины, от которого внутрь кузова уже протянут ремень к маховику печатной машины. Кочетков сделает. Объявлена запись добровольцев крутить колесо. Редактор просит записать его первым.

По дороге к Мясному Бору миновали могилу Всеволода Багрицкого. Этого места я не узнал — так все изменилось с зимней поры. На дереве еще сохранилась фанерка: «Я вечности не приемлю...». Холмика уже нет. Могила обвалилась и наполовину заполнена черной водой. В воде плавают хвойный, тоже почерневший венок. Мы подошли с Борисом Павловичем, обнажили головы. К нам приблизился Муса Джалиль.

— Когда-то его отец помог мне поверить в себя.

И Муса тихо прочел стихи, прозвучавшие неожиданным диссонансом в эту невеселую минуту:

Ну как мне не радоваться и не петь,
Как можно грустить, когда день — как звон,
Как песня, как музыка и как мед!

— Это мои давнишние стихи,— говорит Джалиль, заметив наше недоумение.— Их перевел на русский Эдуард Багрицкий. В двадцать девятом году...

Война обрушивала свои страшные удары даже в прошлое. Перед этой могилой я словно бы видел тяжелую фигуру Багрицкого-старшего, который в том же 1929 году обращался к своему сыну-пионеру:

Веди меня, сын,—
Я пойду за тобою.

Могила, так грубо и нелепо разрывавшая связь времен, эстафету поколений...

А сзади раздавались нетерпеливые гудки автомобилей.

— Эй, почему остановились?

— Скорее проезжайте! — подскочил к нам незнакомый шофер.

— Тут похоронен наш товарищ,— сказал Борис Павлович.

Недалеко от могилы Багрицкого — огромная, заплывшая болотной жижей воронка. Зимой ее не было. Вражеская фугаска не оставила в покое поэта и после его гибели.

12 июня. Ночью филолог принял по радио материалы о поездке Молотова в Англию и США. Готовим экстренный выпуск. Редактор с группой молодежи отправился за бензином. Николай Дмитриевич собрался выпрашивать на газету со всех машин по литру или кто сколько не пожалеет. К газете очень хорошо относятся, и Николай Дмитриевич рассчитывает на успех своей экспедиции.

Плохо с продовольствием. На костре кипит жиденский суп, заправленный крошечной щепоткой крупы. Заварку для чая заменяют смородинные листья. Саша Летюшкин приспособился варить «зеленые щи» из какой-то болотной травки-трилистника. Эту травку наш сибиряк Ятин называет кислицей.

Наборщик Голубев принес корректурный оттиск, на обороте которого выведены карандашом шутливые строки, свидетельствующие о неистощимом оптимизме нашего «корректорского цеха». Вот начало нового стихотворного опуса Жени Желтовой, названного ею «Есенин на военный лад»:

Слышишь, мчатся кони!
Кони, слышишь, мчатся?

Хорошо б за Волхов
Живым перебраться...

В конце стихотворения указаны точные обстоятельства и условия творчества: «Сочинено 11 июня 1942 г. в 12.00. Жду оттиска с машины. Лес. Дождь. Солнышко. Бомбежка».

13 июня. Вечером наш квадрат леса снова бомбили 18 «хейнкелей». У зенитчиков редкая удача — сбили сразу пять самолетов.

С полуночи появились слухи о том, что путь через Мясной Бор открыт. Пока только для пеших.

Противник жмет. Сдана Ольховка. Это прямая угроза Новой Керести, в районе которой мы стоим.

От Антюфеева вернулся Г. Чазов. За последнюю неделю антюфеевцы уничтожили более 4 тысяч гитлеровцев. Это в шесть раз больше, чем располагает дивизия. Вчера за 10 часов противник выпустил по расположению дивизии не менее тысячи снарядов и столько же мин. Антюфеев говорит, что еще одного такого напора ему не сдержать. Враг все время подтягивает резервы. А у Антюфеева очищены все тылы. Боеприпасов нет. Нет продовольствия. И все-таки держатся, держатся.

С КП вернулся редактор. Никаких отрадных новостей. Никаких успехов в проклятой дыре. Принес листовку с обращением Военного совета фронта к бойцам 2-й ударной армии. Мужественные слова правды: «Сейчас, когда потребовала обстановка, по приказу командования фронта армия занимает новые рубежи для обороны и наступления, чтобы еще крепче, еще сильнее бить врага, уничтожить его живую силу и технику, срывать его планы. Организованно занимая новые рубежи, 2-я ударная армия одновременно наносит сокрушительные удары по врагу. Тысячи немцев кормят могильных червей под Красной Горкой, Червино, под Дубовиком и Еглино... От каждого воина 2-й ударной требуется величайшая дисциплинированность и организованность. Каждый боец должен сражаться отважно, держаться непоколебимо, быть готовым скорее погибнуть смертью храбрых, чем не выполнить свой воинский долг».

Военный совет фронта призывал бойцов, командиров и политработников армии вести решительную борьбу с трусами и паникерами, распространителями провокационных слухов. Вряд ли, однако, в этом возникала реальная потребность. Трагические обстоятельства до конца вскрывали духовные и нравственные качества человека. Мне еще никогда не приходилось встречаться с такой строгостью и подтянутостью, которые особенно характерны для всех в

эти дни. Словно бы каждый принял твердое решение, которое не может быть ни пересмотрено, ни отменено.

14 июня. Борис Павлович и Муса Джалиль принесли новости с КП. В Мясном Бору осталось прорвать не более 300 метров. Активно действует наша штурмовая авиация, базирующаяся за Волховом. В районе Ольховки гитлеровцы сосредоточили для удара до 40 танков. Наши штурмовики (немцы прозвали их «шварцентовд» — черная смерть) с одного захода вывели из строя 14 штук. Шесть танков подбито из ПТР и ПТО. В этот же день штурмовики разгромили колонну автомашин противника у Финева Луга.

Пришел регулировщик с дороги. Просит мобилизовать весь народ на ремонт разбомбленной жердевки. Отправились все, кто не был занят на выпуске газеты.

Пленные летчики показывают карты, исчерченные вдоль всей нашей дороги квадратами-секторами бомбежки. Они получили инструкцию — не бояться зениток, у русских нет боеприпасов.

Много лет спустя мне стало известно, что в этот самый день, 14 июня, фашистский офицер Рудольф Видеман злобно записывал в своем дневнике: «Наша авиация работает здорово. Над болотом, в котором сидят русские Иваны, постоянно висит большое облако дыма. Наши самолеты не дают им передышки. А они все же не сдаются в плен. Вчера мы дали подписку: умрем, но русских из болота не выпустим. Пусть дохнут с голоду в этом котле...»

Небезынтересно заметить, что в приведенной выписке даже сквозь зубовой скрежет ненависти угадывается удивление теми, кто находился в этом страшном болоте: «А они все же не сдаются». Написавший это сам находился в том же болоте: он знал, почему фунт лиха.

20 июня. Редактор с вечера ушел на КП и еще не вернулся. Ночью меня разбудил дежурный шофер Юлин и сообщил, что меня ждет на дороге представитель штаба армии. В предрассветной мгле состоялась беседа с майором Бабурным. Ссылаясь на распоряжение дивизионного комиссара И. Зуева, майор рассказал:

— Брешь в Мясном Бору вот-вот будет пробита. Вчера наши танки прорвались с той стороны к нам. Надо как следует подготовить машины. Редакция находится во второй зоне. Каждая зона разбивается на колонны по 20—30 машин в каждой. Будут назначены руководители колонн. Подчинение руководителю колонны и находящимся на дороге регулировщикам безоговорочное. Скажет «Стоять!» — значит останавливайся. Скажет «Сворачивай в сторону!» — сворачивай без рассуждений. Если какая-либо машина за-

стрянет; создавая пробку, как бы ни был ценен груз, она будет немедленно сброшена с дороги. Как только станет известно, что пеший проход на Мясной Бор уже возможен, сразу пошлите на ту сторону командира, чтобы он перед Волховом подыскал место для стоянки. Ни в коем случае не подъезжать к переправе. Сразу все равно не пропустят. Прятаться от вражеской авиации в лесах. Если нет бензина, послать людей с бидонами: за Мясным Бором его вполне достаточно. Встречного потока грузов не будет, езда только в одном направлении. Заранее заготовьте для каждого автомобиля фашины из жердей, они пригодятся в наиболее плохих местах на дороге.

На рассвете возвратился редактор в очень хорошем расположении духа. В беседе с ним начальник политотдела армии Гарус выразил удовлетворение оперативной работой газеты в сложных условиях боевой обстановки.

21 июня. Заканчивается набор завтрашнего, юбилейного, номера газеты. Год войны! Перльмуттер принял по радио статью М. И. Калинина. Приему мешали обстрелы и бомбежки, и мы вынуждены сопроводить статью примечанием: «Статья М. И. Калинина по не зависящим от редакции обстоятельствам печатается с незначительными сокращениями». Вот уж поистине «по не зависящим».

Год войны. Дата, конечно, не из веселых. Мы встречаем ее в условиях, мало располагающих к оптимизму. Вчерашний день значительно ухудшил положение армии. Противник крупными силами прорвался к Новой Керести. Гвардейцы Буланова, обескровленные в непрерывных боях, оказались отрезанными. Одному полку удалось прорваться, судьба еще одного полка неизвестна.

— Велики ли потери? — спросил я редактора булановской газеты, который с горечью рассказывал о событиях минувшего дня.

— Да ведь и терять-то нечего. В батальонах давно уже по десять — пятнадцать человек, не больше. Удивительно, как только держатся...

Единственный наш аэродром, который уже больше недели находился под непрерывным обстрелом, стал теперь передовой позицией.

Вчера ночью в линию связи редакции включились немецкие автоматчики и говорили гадости. Под утро мы обнаружили, что большой участок нашей проводной связи вырезан.

23 июня. Кольцо вновь разомкнуто, и часть войск выведена на ту сторону. У нас же обстановка осложняется с каждой минутой. Территория занимаемого армией участка

простреливается насквозь. Вчера всю вторую половину дня не улетали бомбардировщики. В воздухе безнаказанно висел «костыль», и нас жестоко обстреливала артиллерия. Ночью гитлеровцы сбили шесть наших самолетов, пытавшихся прорваться к нам с продовольствием и медикаментами.

Из-за ночной бомбежки не удалось полностью принять сообщение Совинформбюро об итогах первого года войны. Пришлось опять отправлять в набор это сообщение со сноской: «По не зависящим от редакции причинам»...

А все-таки газета выходит — за последние 100 дней выпущено 80 номеров, не считая экстренных выпусков-листовок. Газету приходится выпускать на неформатной бумаге, всевозможных обрезках, которые раньше считались непригодными.

Теперь мы оказались в боевых порядках гвардейцев Булановской дивизии, занявшей рубеж обороны по линии Новая Кересть — Малое Замошье. Пальба идет со всех сторон. Пули срывают ветки с деревьев, и Николай Иванович Голубев, что-то ворча себе под нос, выбрасывает эти ветки из наборной кассы, пристроенной на самодельных козлах под деревом.

24 июня Булановцев продолжают отжимать. На КП армии напало до 300 вражеских автоматчиков. Заняв круговую оборону, штаб прижался к Мясному Бору. Получено распоряжение начполита Гаруса уничтожить всю технику. Вечером штаб армии вместе с оставшимися частями будет пробиваться через горловину. Ждать больше нечего. Стоявшие впереди нас машины уже уничтожены. Принимаемся и мы. Николай Кочетков, Бритов, Лакин с мрачным ожесточением крушат печатную машину, выдирают из нее наиболее важные детали и швыряют в болото. Туда же высылаются шрифты из наборных касс, легят гранки набора последнего номера газеты, который уже не выйдет в свет.

Наш старик Моисей Маркович безучастно стоит в стороне, понуро опустив голову. По щекам текут слезы, он, видимо, не замечает их. Уничтожается типография, которую он создавал. В левой руке старика машинально зажата забытая и теперь уже ненужная верстатка. Впрочем, вряд ли забытая. Ведь он мне говорил, что получил эту верстатку в подарок от своего старого мастера лет сорок назад, когда сам еще был подмастерьем, а вернее, мальчиком на побегушках в одной из частных московских типографий. Нет, свою верстатку Моисей Маркович сохранит и в эту страшную ночь. Ему еще суждено дожить до Победы.

Я сунул в полевую сумку оттиски готовых гранок и оригиналы еще не набранных заметок последнего номера «Отваги», не зная, что через много лет они помогут мне оживить события тех горьких дней. Подорвав последнюю машину, наш маленький редакционный отряд отправился в путь. Второй эшелон, в котором мы находимся, будет выходить с 57-й бригадой. Группа редакции выходит с зенитчиками 100-го ОЗАД. День стоим в лесу, прячась от вражеских бомбардировщиков. Пробриться к Дровяному Полю, где находится штаб армии, не удастся. Остатки нашей армии сведены в несколько отрядов. В составе стрелковых подразделений идут все — рядовые и командиры, врачи и медсестры, интенданты и газетчики, ремонтники и повара.

Четверть двенадцатого. Лежим, прижатые минометным огнем к земле. Слева насаждают гитлеровцы. Бьют из пулеметов и автоматов. Надо идти вперед. Там находится наш последний коридор...

Следующая запись в моем дневнике 25 июня.

Три часа утра. Неужели я снова у своих? По мелко-лесью бредут жиденькие группы людей, весь облик которых говорит о том, что они пережили самую трудную ночь в своей жизни. Мокрые, в болотной грязи, в порванных осколками шинелях. Страшное утомление, слипшиеся волосы, у многих на лицах запекающаяся кровь.

Накануне вечером многотысячная толпа отправилась к проходу, но быстро таяла по пути.

Багровый диск луны низко висит над лесом справа, предвещая несчастье. Дым и гарь от разрывов, пар от воронок и туман образовали тяжелую грязную завесу, в которой мы пробирались, утопая в грязи, падая и вновь поднимаясь. Грохот стоял в ушах. Огромные воронки от авиабомб заполнены скрывавшимися от невыносимого огня. Но нельзя прятаться в этих воронках. Они — ловушки. Они давно пристреляны врагом.

Впереди гремит бой. Надо идти именно туда, где гуще всего кипят разрывы. Они обозначают дорогу, выводящую к своим. И чем отчетливее призрак смерти, тем поспешнее становятся шаги людей. Жажда жизни ведет этих людей вперед.

А впереди крошечная речка, похожая на дренажный канал. Любой, выживший в эту ночь, запомнит ее навек. Вдоль и поперек секут воздух почти над самой поверхностью воды очереди трассирующих пуль. Вода кипит от минных разрывов. Соскользнув в воду, я сразу погружаюсь до самой шеи: так лучше. Ниже, еще ниже, чтобы эти проклятые огненные трассы прошли над головой. На противо-

положный берег долго не дает выкарабкаться ставшая стопудовой шинель.

Долго я шел по огневому полю, почти ничего не разбирая. И не заметил, как возле меня оказался Саша Летюшкин, наш юный наборщик, почти еще мальчик.

— Ты давно со мной, Саша?

— Все время, Виктор Александрович.

На минуту я присел передохнуть у вывороченного с корнем дерева и, видимо, задремал. Когда очнулся, кругом никого не было. Рядом спал Саша Летюшкин. Куда идти? В одном месте мы очутились возле какого-то странного нагромождения перекрученных металлических полос. Это оказалась наша узкоколейка на Волхов. Надо ее придерживать. Только нельзя идти по самой узкоколейке — мины не перестают рваться вдоль нее.

Мы пошли вперед, время от времени приближаясь к железнодорожному полотну, чтобы не потерять ориентировки. В одном месте из-за кустов послышался осторожный свист.

— Кто это?

— Свои, браток! Уж очень страшно одному-то...

Постепенно наша крошечная группа стала обрастать новыми попутчиками. К концу путешествия нас набралось несколько десятков.

В половине третьего мы были у своих. Нас встречали незнакомые бойцы, бросались обнимать, молча совали в руки сахар, сухари, масло. Не только сочувствие или сострадание видели мы в глазах встречавших. Это было удивительное чувство солидарности, сопричастности к общему делу, чувство готовности разделить такую же, а может быть и горше, судьбу в нашей общей бескомпромиссной борьбе с врагом.

Вечером того же дня я рапортом докладывал начальнику отдела пропаганды и агитации политуправления фронта бригадному комиссару Златкину о судьбе редакции. У меня сохранился черновик этого документа и к нему отдельный листочек, в котором перечислены вышедшие и не вышедшие из окружения сотрудники редакции. Два неравных столбца в этом скорбном списке: в левом, очень коротеньком, названы имена вышедших — Холоднов И. Л., Черных В. И., Кузнецов В. А., Каминер И. Я., Летюшкин А., Раппопорт М. М., Левин С. Вначале этот столбец замыкала фамилия Залилова, поставленная, правда, под вопросом: кто-то говорил мне в тот день, что Мусу Джалиля якобы видели вышедшим из окружения. Но это, увы, оказалось не так.

В правом столбце списка указаны и перечеркнуты имена тех, кому не суждено было вернуться. Долг памяти обязывает меня назвать их всех до единого. Вот они: Румянцев Н. Д., Бархаш Б. П., Лихачев Н. Н., Чазов Г., Перльмуттер Л. Б., Разумиенко Е., Ермакович, Желтова Е. Ф., Старченко В. Н., Голубев Н. И., Купорев, Жестов, Смолин, Холодов Н. И., Лычагин, Юлин, Қочетков Н. А., Бритов, Жуликов, Лакин С. М., Елизаров К. Н., Субботин В. А., Ятаев, Ятин, Мачнев Г. В., Корочкин А. И. — наши журналисты, наборщики, печатники, корректоры, шоферы...

Что мне удалось выяснить в тот и несколько последующих дней о судьбе своих несчастных товарищей? Первым из своих коллег я встретил у продовольственного пункта начальника нашего походного издательства Ивана Лаврентьевича Холоднова. Мы бросились друг к другу со слезами. Иван Лаврентьевич рассказал о действиях группы, в составе которой он оказался при выходе из окружения. Он недоволен Румянцевым, который, по его словам, без конца задерживал группу, чтобы переждать обстрел.

Выяснилось, что Перльмуттер Л. Б. был тяжело ранен в дороге и, по-видимому, остался там. Из окружения вышли наши старики-наборщики Левин и Раппопорт. Не было в нашей редакции двух более непримиримых спорщиков, но и более неразлучных друзей. Очевидцы рассказывают, что они шли в этом коридоре смерти, взявшись за руки и поддерживая друг друга.

Зенитчик капитан Смирнов из 100-го ОЗАД, вместе с которым шла вначале редакционная группа, рассказал мне, что они допустили ошибку, уклонившись вправо, и напоролась на противника. Гитлеровцы завопили: «Рус, рус, сдавайся!». Отряд залег и открыл огонь. Гитлеровцы бросились из окопов. Группа Смирнова, заметно поредевшая, выбралась на дорогу.

Парикмахер, вышедший из окружения, рассказывал:

— Я видел Женю раненой. Она шла с каким-то комиссаром, потом упала и заплакала.

— Точно ли это была Женя?

— Я же ее знаю. Да и потом тут говорили, что это Женя из «Отваги». Она была ранена, наверное, в ногу и не могла идти. Около нее была еще одна девушка, кажется, тоже из «Отваги».

Обе наши девушки — Женя Желтова и Валя Старченко...

Полковник Александр Семенович Рогов — начальник разведотдела нашей армии, вышедший из окружения в ту же ночь, говорил, что дзоты, перекрывавшие проход в са-

мом узком месте горловины и смятые ночью выходявшими подразделениями, утром снова были заняты противником.

Из состава политотдела армии вышел секретарь парткомиссии батальонный комиссар Александр Федорович Плетюхов, член партии с 1919 года.

— Ну, теперь мы проживем до ста лет, — сказал он.

Через год — 10 июня 1943 года — он подорвался на mine, пытаясь сорвать цветок, который увидел в небольшом кустарнике возле своей землянки.

Столь же печальна судьба и Ивана Лаврентьевича Холоднова, который вскоре после выхода из окружения был командирован в тыл для создания новой походной типографии и уже на обратном пути в армию 5 сентября 1942 года погиб на одной из прифронтовых железнодорожных станций во время вражеского воздушного налета. Печатная машина, которую он сопровождал, прибыла в редакцию без него.

Блокнот мой полнился рассказами очевидцев, когда я бродил в те дни из госпиталя в госпиталь, безуспешно разыскивая своих товарищей. Вот как просто, почти буднично рассказывал старший сержант Рыжов из 59-го отдельного саперного батальона об этой ночи:

— 24 июня получил приказ выйти из «кольца». Я с группой бойцов был придан третьей роте. Рассказал бойцам о задаче и вместе с майором Беловым повел их в наступление. Красноармейцы рвались вперед и кричали: «Погибать, так героями!» Из моего отделения вышли семь человек. Сейчас мы все готовы снова биться с врагом. Мы оккупантам еще покажем...

Рассказ другого бойца (жаль, не записал его фамилии):

— А ведь вот не нашлось таких, которые захотели бы остаться у оккупантов. Все пошли. Я омертвел весь, а шел...

Командир второго батальона 1265-го полка 382-й дивизии лейтенант Пред незадолго до последних боев был принят в партию. Его батальон дважды прикрывал отход дивизии на новый рубеж. 26 мая 85 человек, оставшихся к тому времени в батальоне, остановили несколько сот гитлеровцев, прорвавшихся на станцию Радофинниково. Свыше 200 немцев было убито. Второй раз лейтенант Пред прикрывал отход дивизии на лесопункте. Об этом мы писали в номере «Отваги» за 23 июня. А в ночь на 25 июня лейтенант Пред выходил из окружения вместе со всеми. Рядом с ним была военфельдшер комсомолка Спирина. Должно быть, она была славной девушкой, и лейтенант, наверное, любил ее. Они шли вместе и надеялись победить

смерть. Они шли рядом, помогая друг другу. Мина изуродовала их обоих. У лейтенанта оторваны рука и нога. Девушка осталась без ноги. Вероятно, они без слов поняли друг друга. Он вынул из кобуры наган. Вынула свой пистолет и девушка. Один за другим прозвучали почти неслышные в том аду пистолетные выстрелы...

В оргплановом отделе штаба армии работал бухгалтером Скоров-Сабурин. Уже старик. Слабый, больной человек. Когда он добровольно пошел в народное ополчение, жена сказала ему: «Я пойду с тобой, без меня ты пропадешь...» Это была тоже пожилая, довольно полная женщина, с копной рыжих, вечно растрепанных волос. Возражения супруга, конечно, ни к чему не привели, и они оказались на фронте вместе. Она работала в том же отделе машинисткой, опекая больного мужа, как ребенка.

Во время выхода из окружения она ни на шаг не отставала от мужа, подгоняя и подбадривая его. Он шел тяжело дыша и едва передвигая ноги, часто спотыкаясь и падая. Зато ее не покидала энергия ни на минуту. Она еще находила время делать перевязки раненым, используя вместо бинтов разорванные на узкие полосы простыни, оказавшиеся в ее вещевом мешке.

И все-таки получилось так, что они разминулись в пути. Как это произошло, Скоров не знает. Он вышел, о ней ничего неизвестно. Он потерял все, ради чего жил и чем жил. Он сидел понурив голову, потерянный, ко всему безучастный. И вот кто-то сказал ему, что Анну Ивановну, его жену, видели уже за пределами коридора. Она шла и несла крестьянского ребенка. Еще кто-то подтвердил это, сообщив, что он тоже видел растрепанную рыжеволосую женщину с ребенком на руках.

Старик ожил, засуетился, побежал к командиру за помощью и, говорят, поехал к Мясному Бору разыскивать свою подругу. Ах, если бы судьба помогла им встретиться вновь...

Я упоминал о сохранившейся у меня пачке материалов, которые должны были пойти в номер «Отваги» за 24 июня 1942 года. Из этих материалов, по-видимому, наибольший интерес имеет заметка, подготовленная Мусой Джалилем. Почти наверняка можно утверждать, что это — последняя запись, сделанная Мусой Джалилем на свободе, буквально за несколько часов до трагедии, разыгравшейся в Мясном Бору.

Заметка еще не побывала в руках наборщика, она не носит обычных в таких случаях помарок. Она напечатана на машинке, возможно, самим Джалилем: многие из на-

ших корреспондентов в интересах сокращения времени печатали материалы сами или диктовали машинистке. Заметка рассказывает о работе связистов под вражескими бомбежками и пулеметным обстрелом как раз в горловине Мясного Бора. В ней названо много имен: командир подразделения связи майор Айзенберг, старший политрук Темин, старший лейтенант Черкас, красноармейцы Лунев, Пастухов, Стерликов, Швыдкин, Мильцаев, Лосев, Мифтеев. Под заметкой поставлена подпись капитана Кубасова, от имени которого Залилов ведет рассказ.

Обыкновенная газетная заметка. Но как аккуратно перечисляет Джалиль новые для него имена, словно опасаясь оставить кого-то неотмеченным, с каким вниманием присматривается он к тем, кто творит повседневный ратный подвиг. Как знать, может быть, выжил в крошечке войны кто-нибудь из тех, кого называл Джалиль в своей последней заметке, кто в ту трагическую минуту и не подозревал о соприкосновении с человеком, которому суждено было самому превратиться в сверкающую легенду.

* * *

1 июля 1942 года. Только что скрылось за горизонтом солнце, и море красок озарило небо. Потянуло вечерней прохладой и теплой сыростью, какая бывает после летнего дождя. В стороне от дороги расположилась на ночлег группа бойцов. Их вечерний бивак чем-то напоминал цыганский табор. Вблизи костра ходили, пощипывая мягкую от росы траву, стреноженные лошади. Повозки с задранными похозяйски вверх оглоблями стояли под деревьями, заботливо прикрытые зелеными ветками и хвоей. В солдатских котелках закипала вода. Бойцы готовили ужин.

Широкие волховские просторы. Отсюда, с высокого берега, хорошо видна река, овеянная древними легендами и сказаниями. Светлую ленту реки перепоясывала понтонная переправа. Возле нее то и дело взлетали вверх султаны воды и медленно падали вниз. Только потом долетали смягченные расстоянием звуки разрывов. Вдали, над синеющей полоской леса, неподвижно висело черное пятнышко. Это вражеский аэростат, с которого корректировался огонь по переправе. Снаряды падали то ближе, то дальше, а по переправе, не обращая никакого внимания на обстрел, непрерывно сновали кажущиеся отсюда игрушечными груженые автомашины. За рекой вскипала частая пулеметная дробь, хлюпали мины. Время от времени раздавался металлический скрежет, словно какой-то великан пилил ту-

пой пилой кусок железа. Это работали наши «катюши», прозванные противником «дьявольской флейтой».

После крошечного ада в непролазных заволховских хлябях открывавшаяся передо мной картина представлялась почти идиллическим выражением мира и покоя. А между тем фронт продолжал жить своей обычной напряженной жизнью. Война продолжалась. Она продолжалась после этого еще тысячу дней.

*МУСА ДЖАЛИЛЬ,
старший политрук,
в 1942 году литературный
сотрудник газеты «Отвага»
2-й ударной армии*

ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда.
К смерти взывал: — Приди! Добей!..—
Просил: — Избавь от жестокого рабства! —
Молил медлительную: — Скорей!..

.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил мой пистолет...

Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, Родина, был орлом я,—
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать?

Отказался от слова,
От последнего слова друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след...

...Я вижу зарю над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!

Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к Отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Есть одна у меня надежда —
Сердце стремится к одному:
В ваших рядах идти на битву.
Дайте, товарищи, место ему!

Июль 1942 г.

ГЕННАДИЙ ГЕРОДНИК,
в 1942 году рядовой
172-го отдельного
лыжного батальона,
ныне член Союза писателей СССР

У ОЛЬХОВСКИХ ХУТОРОВ

В злополучную июньскую ночь 1941 года я, молодой преподаватель математики и классный руководитель, беспечно веселился на выпускном балу. Домой вернулся уже после восхода солнца с охапкой белых и розовых пионов. Поставил цветы в ведро с водой и сразу же завалился спать. Жена разбудила меня, когда по радио стали передавать сообщение о нападении на нашу страну гитлеровской Германии.

Скоро волны военного цунами забросили меня далеко от белорусского города на Днепре Могилева, где накануне войны жил и работал. Я оказался в Пермской области на берегу Камы. Здесь, в небольшом поселке, формировался и готовился к предстоящим боям 280-й запасной лыжный полк.

В полку были преимущественно уральцы из Перми и Кунгура, из Верещагина и Висимо-Шайтанска. Его ядро составляли лесорубы и плотогоны, охотники и старатели, горняки и геологи. Таких, как я, эвакуированных из западных и южных областей, было совсем немного.

Мы изучали тактику и различные образцы оружия, воинские уставы, совершали марши на большие расстояния и, как манны небесной, ждали снега. Однако и до снега ухитрились заниматься лыжной подготовкой: имитировали всевозможные движения, необходимые при ходьбе на лыжах, знакомились со спецификой ведения боя лыжными подразделениями.

Наконец ударили крепкие морозы. За ними — обильные снегопады. И мы стали на лыжи.

2 января 1942 года нас отправили на фронт. Я был в то время рядовым и неофициально числился нештатным переводчиком 172-го ОЛБ (отдельного лыжного батальона).

На пути к фронту три наших маршевых батальона дней на десять задержались в Рыбинске. Жили в поселке эвакуированного на восток моторного завода. Получили автоматы, осваивали их. Ходили на лыжах.

5 февраля эшелон разгрузился на станции Малая Вишера. Дальше железная дорога была разбита. На следующей крупной станции по направлению к Ленинграду, в Чу-

дове, сильно укрепившись, сидели оккупанты. Нам предстояло воевать в составе 2-й ударной армии.

В ночь с 7 на 8 февраля наш лыжный батальон прибыл в район Мясного Бора. Здесь левый фланг 2-й ударной вел упорные наступательные бои за расширение ворот, через которые был осуществлен прорыв на запад. Мясной Бор и Теремец Курляндский были уже в наших руках. Но противник продолжал упорно сопротивляться в близко расположенных друг от друга селениях — Любцы, Любино Поле, Крутик, Большое Замошье. Соорудив в погребах дзоты, гитлеровцы почти каждую избу превратили в очаг сопротивления.

Наш ОЛБ получил первый боевой приказ: выбить гитлеровцев из домов на юго-восточной окраине Любина Поля. Командование батальона создало несколько штурмовых групп. Каждая из них — стрелковый взвод, усиленный одним или двумя отделениями саперов. Снаряжение: ножицы для резки проволоки, миноискатели, бутылки с горючей смесью, заряды взрывчатки по 5—10 килограммов для подрывов дзотов, личное оружие.

Но прежде чем взрывать дзот, нужно до него добраться. Попробуй это сделать, если вокруг домов, к которым надо подойти, на сотни метров открытая снежная целина. Слушаем опытных воинов из 24-й стрелковой бригады, в состав которой включили наш батальон. Ночью по направлению к огневым точкам противника нужно прорыть в снегу глубокие ходы-траншеи. По ним подобраться к домам как можно ближе, чтобы для стремительного броска осталось как можно меньше трудных и смертельно опасных метров.

А разве захватчики не заметят нашу подготовку? Заметят, это для них не новость. Они настороже и всю ночь освещают местность ракетами. Они будут обстреливать траншеи из минометов, забрасывать гранатами с длинными, как городошная бита, ручками. Уже во время подготовки неизбежны потери, но иного способа мы не знали.

Все получилось так, как предсказывали наши наставники. Выбив гитлеровцев из трех крайних домов Любина Поля, мы потеряли семь человек убитыми и двенадцать ранеными.

Первый боевой успех батальона показался нам ничтожно малым, а жертвы неоправданно большими. И только впоследствии, когда 2-я ударная оказалась в окружении, оставшиеся в живых поняли, что ворота Спасская Полисть — Мясной Бор действительно надо было расширять любой ценой.

Роем новые снежные ходы, готовимся к следующим атакам. И вдруг офицер связи привозит приказ командарма Н. К. Клыкова примерно такого содержания: 24-й бригаде и 172-му батальону срочно передать свои позиции 111-й стрелковой дивизии и в ночь на 11 февраля форсированным маршем передислоцироваться в район деревни Ольховки. Маршрут следования: Мясной Бор — Кречно — Новая Кересть — высота такая-то юго-восточнее Ольховки.

В Ольховке наш батальон вошел в состав 4-й гвардейской дивизии, которая в то время была усилена рядом частей и отдельных подразделений и по фамилии своего командира именовалась «опергруппой Андреева». Я искренне обрадовался, когда узнал, что 4-я гвардейская — моя близкая землячка. Перед войной в белорусском поселке под Могилевом дислоцировалась 161-я стрелковая дивизия. Я знал некоторых ее командиров, их дети учились в нашей школе. Уже в первые недели войны дивизия отличилась в боях с гитлеровскими захватчиками. 17 сентября 1941 года ей было присвоено почетное звание гвардейской.

4-я гвардейская завоевала высокое звание в трудных боях. А наш батальон стал гвардейским, как нам показалось, без достаточных для того оснований. Мы приняли этот щедрый дар военной службы как аванс, который следовало оправдать.

Нас влили в 8-й гвардейский стрелковый полк, которым в то время командовал подполковник Никитин. Вместе с полком лыжный батальон делил радость побед и горечь неудач до конца Любанской операции. Вместе мы выбивали оккупантов из Ольховских хуторов и Сенной Керести. И здесь, как в Любином Поле, рыли снежные траншеи и ходили в атаки на запрятанные под крестьянскими избами дзоты. Но каждый успех доставался еще труднее, еще большей ценой.

Вместе и голодали, когда 2-я ударная оказалась в западне. Вместе искали занесенных снегом убитых лошадей. И удачливый делился находкой с соседями. Этот деликатес окруженцев мы называли «гусятиной», потому что павшие лошади были преимущественно из кавалерийского корпуса генерала Гусева. Вместе сдерживали яростный натиск гитлеровских дивизий, когда они перешли в наступление с целью растерзать 2-ю ударную. Вместе в мае 1942 года прорубали коридор в кольце окружения и выходили на Большую землю.

В первой половине Любанской операции, когда клин прорыва все глубже и глубже вонзался в территорию, оккупированную фашистами, наш батальон решал боевые за-

дачи, характерные для лыжных подразделений. Мы сопровождали пехоту на марше, выполняя роль боевого охранения, совершали разведывательные рейды в тыл противника, перерезали его коммуникации. Батальон доставил немало беспокойства оккупантам на дороге Сенная Кереть — Чудово.

Когда же наступательные возможности 2-й ударной были исчерпаны, наш батальон спешил. Нам отвели участок обороны восточнее Ольховских хуторов и реки Кереть. К тому времени нас осталось немного, примерно одна треть. Лыжи поломались, белые халаты потемнели от дыма костров, расплзлись в клочья от частого продирания сквозь лесные чащобы. Но именно тогда мы стали гвардейцами.

Больше всего мне запомнились два однополчанина из нашего батальона. Расскажу коротко о них.

Во время боев у Ольховских хуторов батальон захватил кое-какие трофеи. В их числе оказались три волокуши для перевозки по снегу раненых. Этакие миниатюрные лодочки-плоскодонки из фанеры. На каждой были надписи по-немецки, означавшие, что волокуши закреплены за первым, вторым и третьим взводами одной из рот.

Трофейная волокуша № 1 досталась санитару третьей роты Саше Вахонину. Этот крепкий коренастый парень из Перми оказался санитаром по призванию. Он отличался невероятной выносливостью, бесстрашием и был, как шутили лыжники, заговоренный. Я был свидетелем, как друг Вахонина, Андрей Пьянков, выпытывал у него:

— Ты скажи, Сашка, по правде: или над тобой бабка шептала, или в шинелке под подкладкой какая-то чудотворная хреновина зашита?

— Угадал: бабка шептала,— отшучивался Вахонин.— Но заговорила она меня только от пули. От мин и авиабомб нет у нее средства.

Кроме физической силы и отваги, Вахонин обладал и другими качествами, очень нужными для санитаря. Он от природы был добрый и участливый к чужой беде и поразительно выдержанный. Никогда не раздражался, не сердился на раненого. Между тем работа ротного санитаря, особенно в тех условиях, была исключительно нервная. Надо под обстрелом как можно быстрее перевязать истекающего кровью раненого, затем, прижимаясь к земле, вытаскать его с поля боя в укрытое место.

Когда у нас в батальоне вышли из строя все лошади, ротные санитары на себе возили раненых до батальонного медпункта за два, три километра и более. Вахонин никогда

не клял свою тяжелую ношу. Наоборот, и накладывая повязки, и по пути в медпункт он по-простецки успокаивал раненого, утешал, обнадеживал. Иначе говоря, занимался психотерапией, хотя о таком медицинском термине не имел понятия.

В первых числах апреля личный состав батальона построили по поводу важного события. Командир 8-го гвардейского полка гвардии подполковник Никитин зачитал приказ о награждении красноармейца Александра Николаевича Вахонина, 1922 года рождения, комсомольца, орденом Красного Знамени. В приказе указывалось, что санитар Вахонин в течение февраля — марта вынес с поля боя 52 раненых бойца и командира вместе с их оружием.

У Ольховских хуторов я подорвался на немецкой противопехотной мине. Пришел в себя уже по пути в батальонный медпункт. Осмотрелся: лежу в волокуше на спине, головой вперед. Под раненую ногу подложен старый валежник, поэтому она у меня на виду. Намотано на нее всякой всячины — и марлевых бинтов, и портянок, и полос разорванной бязевой рубашки. И все это пропитано кровью. Ощупал себя, насколько, не приподымаясь, мог достать руками. Шинель то ли обрезана, то ли оборвана по пояс. А боковые карманы шинели, сшитые из особо прочного материала, уцелели. Санитар тащит волокушу по лесной тропе. В апрельском лесу снегу много, хотя он уже мокрый, ноздреватый. Местами тропа перехвачена полой водой. А на открытых полянах снег уже сошел, и дно волокуши со скрежетом дерет обнаженную землю. Санитар пыхтит, натужно дышит, ему очень трудно.

Волокуша остановилась. Санитар подошел ко мне сбоку. Теперь вижу: Вахонин.

— Где мы? — спрашиваю у него.

— К Трубицкой канаве подъезжаем.

— Как, Саша, дотащишь?

— Да уж как-нибудь. Только бы через Трубицкую перебраться. Вот Пьянков может выбиться из сил. Он следом за нами Мусу Нургалиева тащит. Тебя сдам — и вернусь к ним на подмогу...

Внимательно оглядев меня с головы до ног, Вахонин утешил:

— Однако тебе здорово повезло, старшина! Носком мину тронул, только переднюю часть стопы отхватило. Вот ежели б пяткой, так по сустав отворотило бы. Как Мишке Жирнову на прошлой неделе.

Засунув руку в сугроб, Вахонин достал горсть чистого снега, дал мне вместо воды, сам тоже утолил жажду. Сле-

дующей горстью обтер мне лицо — оно было покрыто копотью от взрыва мины.

Когда Саша опять впрягся в волокушу, я стал помогать ему, то отталкиваясь одной рукой от дерева или пня, то упираясь обеими руками в наледь или землю. Это были мои первые «шаги» на длинном пути от Ольховских хуторов до тюменского госпиталя.

...В запасном полку, когда мы переходили к тренировкам на лыжах, командиром третьей роты нашего батальона назначили совсем юного лейтенанта Сергея Сергеевича Науменко. Он прибыл из Алма-Атинского пехотного училища. Высокий, худой, бледнолицый, молчаливый. Может быть, не столько молчаливый, сколько сдержанный, вежливый.

Поначалу третья рота приняла своего командира настроенно, скептически. «Ему бы пионервожатым в школу, — говорили между собой скептики. — Мягко, тихоня, еще совсем мальчишка. С таким командиром навоюешь!»

Скоро и в роте, и в батальоне всем стала известна несложная биография комроты. Сразу после средней школы он поступил в училище. Война помешала проучиться положенный срок. Заканчивал училище по ускоренной программе, выпущен досрочно.

Опасения скептиков не оправдались. Был Науменко как будто излишне деликатен, но вместе с тем и требователен; выглядел немного робким, но скоро научился брать в оборот самых ершистых нарушителей дисциплины; по сравнению с гвардейцами своей роты выглядел жидковатым, но во время тренировочных лыжных походов не отставал от самых многоопытных бойцов.

На фронте наш батальон попадал в такие переплеты, что даже выдавшие виды уральцы впервые по-настоящему узнали, почем фунт лиха. Но и в этой обстановке лейтенант Науменко никогда не терялся, был уравновешенным и вежливым. За месяц непрерывных боев и внешне и по жизненному опыту повзрослел на много лет. Если бойцы по старой памяти и называли его про себя «ускоренным Сережей», то в этих словах звучала уже не ирония, а любовь к своему командиру.

По долгу службы мне ежедневно приходилось общаться с командиром роты. Сергея, недавнего ученика средней школы, очень смущало, что я по гражданской специальности преподаватель. Когда мы оставались наедине, то, отбросив формальности воинской субординации, комроты называл меня по имени-отчеству, а я его — Сергеем. Наши дружеские отношения ничуть не мешали службе.

Однажды комроты признался мне:

— Еще в училище меня очень тревожило одно обстоятельство: как я смогу держать в руках подчиненных, не владея трехэтажным наречием? Наши старшины-сверхсрочники этим искусством владеют в совершенстве. «Попался бы мне удачный старшина! — мечтал я. — Я бы подавал команды и делал разнос нарушителям дисциплины по-своему, а старшина «обогащал» бы мою дистиллированную речь...»

Однажды — это было во второй половине марта — лейтенант Науменко обходил передовые позиции роты. Его сопровождали командиры взводов, разведчик Урманцев и я. Укрывшись за кустом можжевельника, комроты стал всматриваться через бинокль в лесные заросли, где находились вражеские позиции. Вдруг впереди раздался одиночный выстрел. Упав на дно окопа, лейтенант успел только сказать командиру третьего взвода: «Большаков, пригони роту...» Спустя несколько минут он скончался.

Похоронили мы своего командира в сосновом бору неподалеку от Ольховских хуторов. Насыпали могильный холмик, с большим трудом достали досок на традиционную надгробную пирамидку. Дали прощальный залп из автоматов...

— Вот и не стало нашего «ускоренного Сережи», — незаметно смахнув слезу, сказал сержант Урманцев.

Погиб Сергей Науменко на двадцать первом году жизни.

Отнес я в штаб батальона комсомольский билет и другие документы убитого. А его записную книжку оставил себе на память. Она была заполнена служебными заметками: запасной полк, переезд в воинском эшелоне, марш от Малой Вишеры к Мясному Бору и Ольховке. В конце несколько чистых листков и между ними фотография миловидной девушки с лаконичной надписью на обороте: «Сереже от Вали».

Впоследствии — находясь в госпитале, воюя затем на других фронтах — я часто вспоминал моих однополчан-лыжников. Какова судьба тех, кто остался воевать после меня у Ольховских хуторов? Какая часть извещений о гибели воинов батальона дошла до их родных? Ведь враг несколько раз перерезал коммуникации 2-й ударной.

Знает ли семья Науменко о смерти Сергея? Эх, был бы адрес! Сергей не раз рассказывал мне о своих родных. Отец — железнодорожник, проживал в пристанционном поселке не то в Казахстане, не то в Узбекистане. И станцию называл мне Сергей. Помнится, название как будто вполне

русское, но вместе с тем от него отдает чем-то татаро-монгольским. Так я и не вспомнил название родного селения Сергея Науменко. Его напомнили мне другие.

Я демобилизовался в Прибалтике и стал работать директором русской средней школы в эстонском городе Валге. В 1947 году из Казахстана переехала в Валгу на постоянное жительство семья Либертов. Петр Либерт поступил работать учителем в нашу школу. Просматриваю его документы и вижу: до этого жил в Северном Казахстане, в поселке Мамлютка.

— Мамлютка! — чуть было не вскрикнул я от радости. — Ведь это родина Сергея!

Спрашиваю у Петра Михайловича:

— Вы в Мамлютке железнодорожника Сергея Науменко знаете?

— Нет, не знаю. Но я познакомлю вас с моим отцом, он много лет работал в Мамлютке фельдшером, в каждом доме поселка не один раз побывал.

— Как не знать! — отвечает мне Либерт-старший. — Сергей Науменко мой хороший знакомый и давнишний пациент. Не раз ему банки на поясницу ставил.

— А сына его, Сергея, знали?

— И Сережу лечил. Но с ним случилась беда: пропал без вести на фронте.

Первое письмо в Мамлютку я написал совсем короткое, для установления связи. Получил взволнованный ответ от родителей Сергея: «Да, сын считается «пропавшим без вести». Вот уже шесть лет мучаемся от неизвестности. Иногда приходится выслушивать обидные намеки. Дескать, генерал Власов сам продался врагу и увел с собой из 2-й ударной офицеров. Кто знает, где наш сын?»

Я подробно изложил обстоятельства гибели лейтенанта Сергея Науменко, свои показания официально заверил в военкомате. В качестве вещественного доказательства приложил записную книжку. И отправил пакет в Мамлютку. Через некоторое время получил благодарственное письмо родителей Сергея: доброе имя их сына было восстановлено.

До конца войны я с особым вниманием следил за боевыми успехами 2-й ударной, в которой мне довелось начинать курс трудной солдатской науки. Ветеранам прославленной армии есть чем гордиться! И вместе с тем не раз приходилось и до сих пор приходится переживать горечь незаслуженных обид. Приведу некоторые факты.

Осенью 1976 года я совершил к берегам Волхова путешествие. В течение десяти дней побывал в Малой Вишере

и Чудове, в Спасской Полисти и Мясном Бору, на непелищах так и не восстановленных Ольховки, Ольховских хуторов и Сенной Керести. Очень многое из увиденного до глубины души взволновало и порадовало меня. Общественность Новгорода и области проделала поистине огромную работу по увековечению памяти воинов, сражавшихся с фашистскими захватчиками на новгородской земле. Не забыт и подвиг 2-й ударной.

Специальная большая экспозиция посвящена 2-й ударной в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике. Созданы школьные музеи боевой славы в Малой Вишере, Чудове и других городах и поселках области. Прделана огромная работа по разысканию и захоронению в братских могилах останков павших советских воинов. Следует подчеркнуть, что в условиях обширнейших болот и остатков многочисленных минных полей это нелегкий и опасный труд.

В Новгороде и области до сих пор работают добровольные поисковые группы следопытов, которые продолжают исследовать каждый квадратный метр так называемой «Долины смерти». Еще совсем недавно, в 1976 году, поисковая группа новгородских энтузиастов разыскала, вынесла из труднодоступной местности и с торжественно-скорбной церемонией захоронила останки более ста воинов.

Некоторые следопыты являются настоящими подвижниками этого благородного дела. Для поисков они затратили столько времени и энергии, подвергались стольким опасностям, что их бескорыстный труд без всякого преувеличения можно назвать подвигом. Это относится в первую очередь к главному следопыту Новгорода — Николаю Ивановичу Орлову.

Следопыты не только разыскивают и хоронят останки павших героев. Они пытаются установить их личность и, в случае удачи, разыскать родственников. Так найдена могила поэта Всеволода Эдуардовича Багрицкого, установлено, где был ранен и захвачен в плен Муса Джалиль. Найдены могилы дивизионного комиссара Ивана Васильевича Зуева, начальника оперотделения 111-й стрелковой дивизии Николая Васильевича Оплеснина, батальонного комиссара из 4-й гвардейской стрелковой дивизии Якова Артемовича Супруна, лейтенанта Евсея Марона и многих, многих других.

Все больше и больше имен героев 2-й ударной появляется на мраморе и граните. Неподалеку от Чудова деревня Коломовка переименована в Зуево. В Чудове я видел улицу имени Героя Советского Союза Оплеснина...

Порадовал меня и такой факт. Попался мне в руки туристский путеводитель по Новгороду и Новгородской области, написанный местными краеведами, — «Дорогами боевой и трудовой славы». Так вот в этом путеводителе 14-й туристский маршрут называется: «Где сражалась 2-я ударная армия. Чудово — Мясной Бор — Огорелье — Зуево».

К сожалению, во время моего путешествия в бочку меда то и дело попадали ложки дегтя. Когда, представляясь собеседнику, я называл себя ветераном 2-й ударной, то в ответ неоднократно слышал примерно такую фразу: «А-а! Значит, вы из той самой... из власовской армии!» И сейчас еще находятся люди, необдуманно повторяющие чужую ложь, искажающую историческую правду, и больно ранящие чьи-то души.

Уже давно досконально выяснены обстоятельства сдачи в плен предателя Власова. Не увел он за собой ни армию, ни дивизию, ни батальон, ни даже роту. В момент пленения Власова в деревне Пятница примеру предателя последовала крохотная кучка его единомышленников, которая свободно размещалась в крестьянской избе. А все части и соединения 2-й ударной героически сражались от начала и до конца Любанской операции. Пока хватало сил — наступали. Когда силы иссякли — перешли к обороне. Когда получили приказ об отходе на восточный берег Волхова, — с кровопролитными боями вырвались из вражеского кольца.

Каким же образом родилась и пошла гулять по свету клеветническая версия о 2-й ударной? Автор этого измышления — Геббельс. Фашистской пропаганде было выгодно изображать дело так, будто на сторону Власова переходят целые полки и дивизии. А своему долголетию эта фальшивка обязана кое-кому из нас, советских людей. Иные, не утруждая себя изучением истории, в своем стремлении показать предателя Власова в наиболее неприглядном виде подчас допускают преувеличения и домыслы, не соответствующие действительности и оскорбляющие память советских воинов, отдавших жизнь за Родину.

Во время странствий по памятным местам, где сражалась 2-я ударная, я познакомился с московским историком Б. И. Гавриловым. От него узнал следующее. Институт истории АН СССР проводит грандиозные работы по составлению общесоюзного Свода памятников истории и культуры, которые государство берет под свою охрану. Историк Гаврилов работает над составлением такого Свода по Ярославской и Новгородской областям. В одних случаях для паспортизации объект ни у кого не вызывает со-

мнений. Скажем, Софийский собор, памятник «Тысячелетие России», церковь Спаса-Нередицы.

Но случается и так, что мнения расходятся. Представителю АН СССР пришлось убеждать некоторых местных товарищей в том, что места, где происходили важнейшие операции 2-й ударной,— это свидетели славы советского оружия, а не его позора, свидетели массового героизма советских воинов и поэтому в обязательном порядке подлежат внесению в Свод. Более того, по мнению товарища Гаврилова, наиболее значительные рубежи, достигнутые 2-й ударной, места важнейших сражений, должны быть отмечены мемориально-охранными знаками. Где-то в районе любанского прорыва должен быть сооружен памятник погибшим воинам и подвигу 2-й ударной.

Такого же мнения придерживается подавляющее большинство новгородцев. Но до недавнего времени были сильны и противоположные тенденции. В 1976 году, то есть спустя три десятилетия после окончания Великой Отечественной войны, ученый-историк из Академии наук СССР лазил в резиновых сапогах по волховским топям и лично устанавливал самую далекую точку любанского прорыва, самый дальний рубеж, которого достигли конники генерала Н. И. Гусева, определял контуры «коридора смерти», через который воины 2-й ударной с тяжелейшими боями вырывались из вражеской петли... Всю эту работу должны были давным-давно проделать на месте, памятные места боевых действий 2-й ударной, достойные увековечения рубежи следовало давно уже определить и согласовать в соответствующих инстанциях.

Да и достаточно ли всесторонне изучено и оценено значение боевых операций 2-й ударной на берегах Волхова нашей военно-исторической наукой? В тяжелейший период войны 2-я ударная отвлекла на себя более десяти полнокровных гитлеровских дивизий. Не только отвлекла, но и перемолола их. Нетрудно себе представить, насколько осложнилось бы положение Ленинграда, если хотя бы часть этих дивизий в начале сорок второго оказалась не в волховских болотах, а, например, под Ижорой и Пулковом.

Жители Ольховки и Ольховских хуторов рассказали мне, что в первое послевоенное лето они не могли косить на своих старых покосах: косы выщербились, а то и вовсе поломались. Не о камни — о человеческие черепа. Вот где остались воины 2-й ударной, а не во власовской армии!

Вдоль железной дороги Новгород — Чудово в ряде поселков возвышаются обелиски на братских могилах. В этих могилах захоронены останки сотен, а то и тысяч советских

солдат и командиров, вынесенные с полей сражений. Вот где герои 2-й ударной, а не во власовских бандах!

Но армия не погибла в заволховских болотах. Сотни и тысячи воинов, вырвавшись из окружения, прорывали блокаду у Шлиссельбурга, били гитлеровцев под Ленинградом, в Эстонии и в Восточной Пруссии.

Возьмем, к примеру, 4-ю гвардейскую дивизию, в составе которой мне посчастливилось воевать. Вырвавшись из окружения, она быстро поправилась, получила пополнение и уже в сентябре 1942 года участвовала в Синявинской операции, а затем была переброшена на юг, участвовала в Сталинградской битве, преодолела десятки водных преград и укрепленных рубежей. Свой боевой путь она закончила в Вене. Ее полный титул стал: 4-я гвардейская Апостоловско-Венская Краснознаменная стрелковая дивизия. Вот куда уходили и где воевали оставшиеся в живых воины 2-й ударной!

Нет, я не стыжусь того, что был солдатом 2-й ударной в самую трудную минуту ее истории. Горжусь этим! И верю: оставшиеся в живых ветераны Любанской операции еще соберутся у обелиска, воздвигнутого на Волхове в честь подвига 2-й ударной.

БЕСПРИМЕРНОЕ МУЖЕСТВО

2

*Г. К. ЖУКОВ,
Маршал Советского Союза,
в январе 1943 года представитель
Ставки Верховного
Главкомандования
по координации действий
Ленинградского и Волховского
фронтов*

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В СРАЖЕНИИ ЗА ГОРОД *

Замысел прорыва блокады был прост. Он состоял в том, чтобы двумя ударными группировками Волховского и Ленинградского фронтов нанести сильные встречные удары в направлении Рабочего поселка № 5 (в 5 километрах севернее Синявино) и рассеять оборону противника на шлиссельбургско-мгинском выступе. Одновременно на других участках фронта, к северу и югу от главного направления, планировались вспомогательные удары для того, чтобы не дать врагу маневрировать силами и средствами.

Признаюсь, я испытал волнение, когда на оперативных

* Печатается по книге: Воспоминания и размышления. М., Изд. АПН, 1975, ч. I, с. 423—430.

картах фронтов перед моими глазами вновь появились знакомые названия населенных пунктов, напомнившие сентябрь 1941-го.

Московская Дубровка!.. Здесь до сих пор героически удерживался плацдарм — «пяточок», захваченный еще в первый месяц блокады. Но теперь на этом «пяточке» проходило одно из направлений вспомогательных ударов Ленинградского фронта.

Естественно, что произошли перемены и на других участках фронта. Сейчас со стороны Ленинграда наступала уже не дивизия, как это было в 1941 году, а целая 67-я армия генерала М. П. Духанова. В ее составе находились прославленные дивизии — 136-я генерала Н. П. Симоняка, оборонявшая в свое время полуостров Ханко, 45-я гвардейская генерала А. А. Краснова, 86-я полковника В. А. Трубачева. В операции участвовала артиллерия и авиация Балтийского флота, 13-я воздушная армия С. Д. Рыбальченко, некоторые силы артиллерии Ладужской военной флотилии.

На Волховском фронте главную задачу решала 2-я ударная армия генерала В. З. Романовского, а на вспомогательном направлении, к югу от Гайтолово, наступала часть сил 8-я армия генерала Ф. Н. Старикова. С ними-то мне и предстояло непосредственно работать два дня до начала операции, поскольку К. Е. Ворошилов возвращался в Ленинград, чтобы координировать действия войск Ленинградского фронта. С воздуха операцию Волховского фронта обеспечивала 14-я воздушная армия генерала И. П. Журавлева.

ДОКУМЕНТЫ

ПОД КОДОВЫМ НАИМЕНОВАНИЕМ «ИСКРА»

«Искра» — кодовое наименование плана операции советских войск по прорыву блокады Ленинграда. План предусматривал одновременными встречными ударами войск Ленинградского фронта с запада и Волховского с востока в направлении на Синяино и Рабочий поселок № 5 во взаимодействии с Балт. флотом разгромить группировку прака южнее Ладужского оз., ликвидировать шлиссельбургско-синявинский выступ и тем самым

обеспечить сухопутн. сообщение Ленинграда со страной...

12 янв. 1943 соединения 67-й армии Ленинградского фронта (команд. ген-л Л. А. Говоров), 2-й ударной и части сил 8-й армии Волховского фронта (команд. ген. армии К. А. Мерецков) по приказу Ставки ВГК приступили к осуществлению операции «Искра»...

18 января 1943 года войска фронта соединились в р-нах Рабочих поселков № 5 и № 1. Блокада Ленинграда была прорвана. Между Ладужским оз. и линией фронта образовался коридор шириной 8—11 км.

Советская военная энциклопедия

При рассмотрении планов операции было решено внести некоторые коррективы в действия войск, особенно в организацию артиллерийского наступления.

Закончив совещание, К. Е. Ворошилов, Л. А. Говоров и А. А. Жданов уехали в Ленинград, а я приступил к работе. Переговорил с командующим Волховским фронтом К. А. Мерецковым, членом Военного совета Л. З. Мехлисом, начальником штаба генералом М. Н. Шарохиным и командующим артиллерией фронта генералом Г. Е. Дегтяревым. Затем встретился с командармами. Начал с проверки принятых ими решений и планирования операций. После этого подробно ознакомился с материально-техническим обеспечением войск и детально разобрал принятое решение предстоящего боя с командиром 128-й стрелковой дивизии генералом Ф. Н. Пархоменко, действовавшим на правом фланге направления главного удара.

Каждый день пребывания в войсках Волховского фронта заканчивался представлением Ставке подробного доклада о результатах работы. В них я сообщал о принятых мерах по устранению выявленных недочетов, делал предложения по вопросам, которые необходимо было решать в Генштабе и в других центральных управлениях. Приведу лишь один из таких документов, направленных мною Верховному после первого дня пребывания на фронте.

«Тов. Васильеву¹.

Сегодня был на командном пункте Романовского и Старикова, с которыми подробно разобрал обстановку и принятые решения. Выяснил также обстановку с командиром 128-й стрелковой дивизии и его решение на прорыв.

Основными недочетами в решениях и в обеспечении операции считаю:

1. Дивизии, наступающие в общем направлении на Рабочий поселок № 8 в обход Синявинского узла сопротивления, не имели танков; по опорному пункту Рабочего поселка № 8 не было сосредоточено достаточно огневых средств. Отсутствие танков и ограниченное количество огневых средств не гарантировали успешного прорыва.

2. Взаимодействие на стыках армий, соединений и частей отработано слабо.

3. Расположение дивизионных резервов в боевых порядках было слишком близкое и по существу резервы превращались во вторые эшелоны. Удаление их от первого эшелона на 1—1,5 км могло привести к большим потерям.

¹ Псевдоним И. В. Сталина. (Здесь и далее в воспоминаниях Г. К. Жукова примечания автора.)

Командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Н. К. Клыков (справа) и член Военного совета армии дивизионный комиссар И. В. Зуев во время Любанской операции.

Командир кавалерийского корпуса генерал Н. И. Гусев. Снимок 1942 г.

Начальник штаба артиллерии 2-й ударной армии полковник Т. И. Бондарев.

Уважаемый
Кирши Александрович!

Дело, которое погубило
Ваш, любимый исторический
узел. Освобождение Ленин-
града, сами понимаете,
- великое дело. И боюсь
уже, чтобы "предсудное" не
существенно Вашихового
фронта не развились, а
на мелкие сбитки, а во-
лосы бы в едином мо-
менту удар по врагу. И не
сомневался, что бы по-
старается превратить
это наступление именно
в едином "обучий удар
по врагу, опираясь на
силы все расчеты не-
мелких захватчиков.

Милую руку и
теплого Вам здоровья

И. Галин

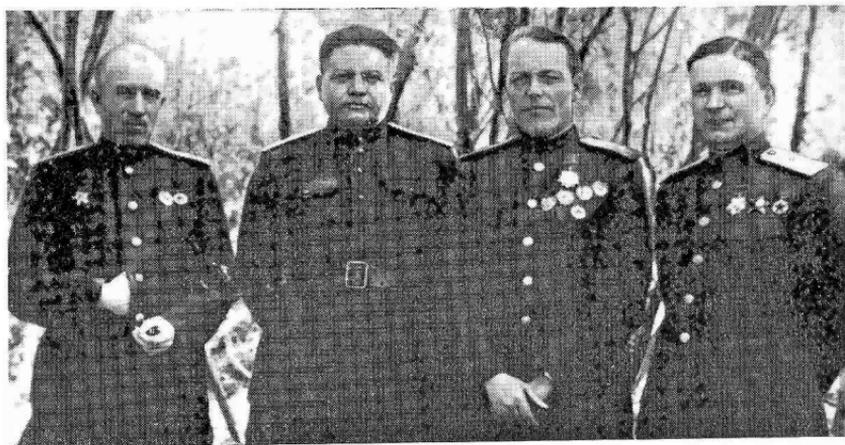
29.12.41.

Командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант И. И. Федюнинский.

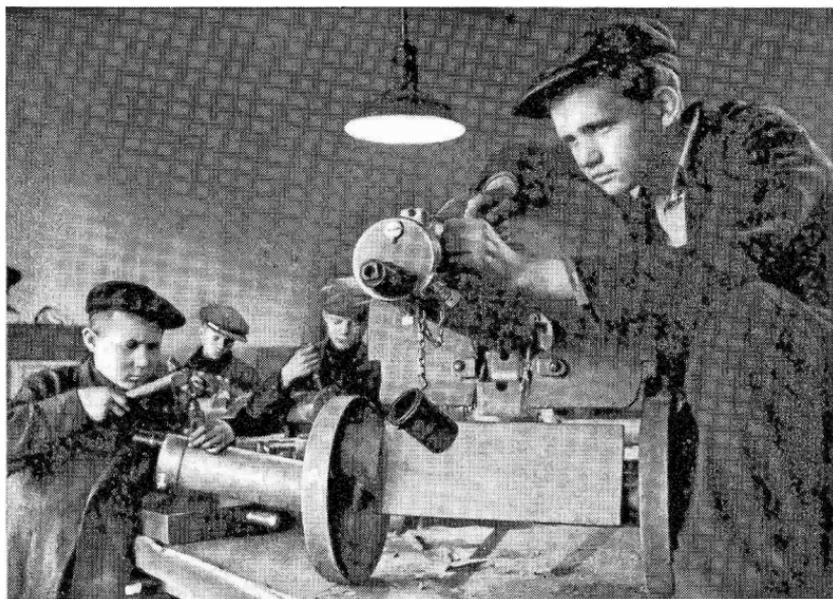
Член Военного совета 2-й ударной армии А. А. Кузнецов.

Военный совет 2-й ударной армии: слева направо — генерал-майор К. Г. Рябчий, генерал-майор В. Т. Писклюков, командующий армией генерал-лейтенант В. З. Романовский, генерал-майор П. И. Кокорев.

Мастер пулеметного огня, кавалер ордена Ленина старший сержант Петр Григорьев. Снимок 1942 г.

Юные ленинградцы — бойцы трудового фронта.

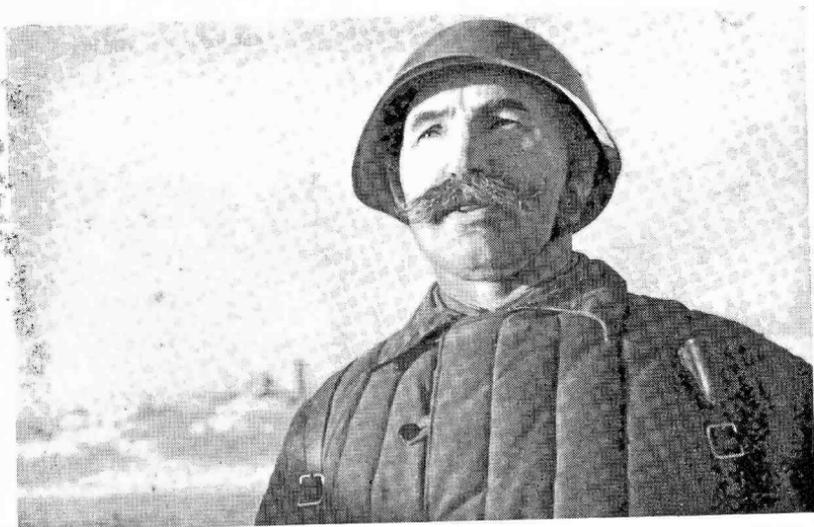
Снайпер Иван Андреев. Фото 1942 г.

Кавалер ордена Славы III степени санинструктор старший сержант Зинаида Ануфриева-Козонко. Она не раз ходила в снайперские засады и в разведку. Фото 1942 г.

Комиссар стрелкового батальона политрук Ф. Т. Фадеев. Погиб под Красным Бором. Снимок 1942 г.

Комдив В. Г. Клементьев. Снимок 1941 г.

Литературный сотрудник армейской газеты Герой Советского Союза старший политрук Муса Джалиль.

Сапер Михаил Середа в числе первых в роте награжден медалью «За отвагу». Фото 1942 г.

Минометный расчет братьев Шумовых. Слева направо: первый ряд — Семен, Александр, Лука; второй ряд — Василий, Иван, Авксентий. Январь 1944 г.

Эвакуация раненых на собаках.

На переднем крае в траншее появился свежий боевой листок. Его читают (слева направо): старший сержант Шлюнский, рядовые Окунев и Кашин.

Герой Советского Союза генерал-майор А. В. Лашов.

Блокада Ленинграда прорвана!
Встреча воинов Ленинградского и Волховского фронтов 18 января
1943 г.

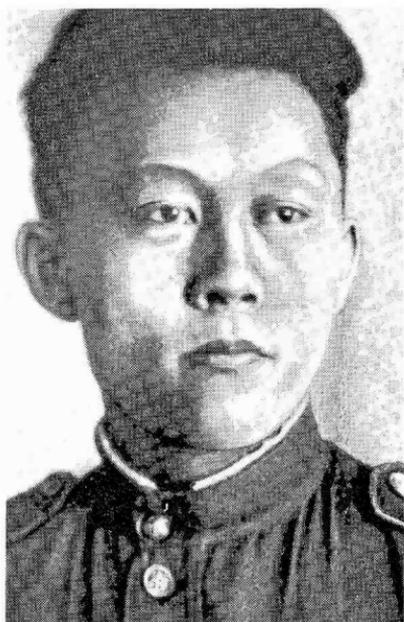
Бронебойщик Александр Брянец только в одном бою из противотанкового ружья подбил два вражеских танка.

Полный кавалер ордена Славы старший сержант Н. Залетов.

Гвардии лейтенант А. Курепостов ставит боевую задачу командиру орудийного расчета гвардии старшему сержанту И. Польшину.

Кавалер ордена Славы II и III степеней, парторг минометной роты гвардии старший сержант Б. Цыренжанов.

Санструктор отдельной разведроты старшина Мария Карпенко.

Командир роты капитан Г. А. Калинин.

Опытнейший минер старшина Иван Фролов. Погиб в 1944 г.

Начальник штаба 189-й стрелковой дивизии полковник И. М. Турьян, подписавший акт о встрече воинов 42-й армии и лыжников 2-й ударной армии в районе Ропша — Русско-Высоцкое.

Вперед, за родной Ленинград! Январь 1943 г.

Капитан медицинской службы Т. Н. Гераскина-Дубовик, много сил отдавшая в годы войны для возвращения в строй раненых бойцов и командиров.

Кавалер ордена Ленина снайпер Василий Куташкин. Снимок 1942 г.

Разведчики взвода, которым командовал лейтенант Н. Клименко (слева), после удачного похода в тыл врага. Фото 1943 г.

Кроме того, выявлен ряд мелких тактических и технических недостатков.

По всем обнаруженным недостаткам даны исчерпывающие указания Афанасьеву¹ и командармам.

У Афанасьева, по условиям местности, очень плохое артиллерийское наблюдение, которое будет еще более ухудшаться по мере продвижения наших войск по лесистому району. Для того чтобы зря не сыпать снаряды и мины, фронту необходимо срочно придать воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков.

На второй этап операции Волховскому фронту требуется дополнительно следующее количество боеприпасов: 122-мм гаубичных снарядов — 20 000; для пушек-гаубиц 152-мм — 15 000; 120-мм мин — 60 000; снарядов М-30 — 150 000; М-20 — 3000; М-13 — 3500. Эти боеприпасы необходимо получить в период с 18 по 20 января 1943 г.

С утра 11 января буду в дивизиях.

Ефремов² находится у Леонидова³.

11.1—43.02.00

Константинов⁴.

Наконец все мероприятия по подготовке операции были завершены. Наступило утро 12 января 1943 года. Оно выдалось ясным и морозным. Мы с генералом В. З. Романовским прибыли на наблюдательный пункт 2-й ударной армии. Он был расположен совсем недалеко от переднего края, и отсюда хорошо просматривалась ближайшая глубина обороны противника. Над позициями немецко-фашистских войск высоко вверх поднимались многочисленные дымки. Солдаты, несшие службу ночью, когда обычно действовала наша разведка, теперь готовились к отдыху и усиленно топили печи.

Над всем передним краем пока господствовала тишина. Это была особая тишина — тишина перед наступлением большого исторического масштаба.

В этом сражении нам удалось достигнуть тактической внезапности, хотя противник знал, что мы готовимся прорвать блокаду. Он, возможно, предугадывал даже, где именно будут нанесены удары советских войск: сама конфигурация фронта об этом говорила. День за днем на предполагаемом участке прорыва немцы воздвигали все новые и новые оборонительные сооружения, стягивали сюда свои отборные части, еще и еще насыщали огневыми средствами

¹ Псевдоним К. А. Мерецкова.

² Псевдоним К. Е. Ворошилова.

³ Псевдоним Л. А. Говорова.

⁴ Псевдоним Г. К. Жукова.

узлы сопротивления, созданные более чем за шестнадцать месяцев блокады. Но когда именно: в какой день и час, какими силами мы начнем операцию — немецкое командование не знало.

Как потом показали пленные, удар советских войск, который гитлеровцы ожидали целый год, в тот день оказался все-таки для них неожиданным, особенно по силе и мастерству.

Ровно в 9 часов 30 минут утреннюю морозную тишину разорвал первый залп артиллерийской подготовки. На западной и восточной сторонах шлиссельбургско-мгинского коридора противника одновременно заговорили тысячи орудий и минометов обоих фронтов.

Два часа бушевал огненный ураган над позициями противника на направлениях главного и вспомогательных ударов советских войск. Артиллерийская канонада Ленинградского и Волховского фронтов слилась в единый мощный рев, и трудно было разобрать, кто и откуда ведет огонь. Впереди вздымались черные фонтаны разрывов, качались и падали деревья, летели вверх бревна блиндажей противника. Над землей то тут, то там появлялись серые, быстро оседающие на сильном морозе облачка — испарения от вскрытых огнем болот. На каждый квадратный метр участка прорыва падало два-три артиллерийских и минометных снаряда.

Хорошо подготовленная атака принесла желаемые результаты. Преодолевая сопротивление врага, взламывая его оборону, ударные группировки обоих фронтов, хотя и не без больших трудностей, настойчиво пробивались навстречу друг другу.

Семь суток шла ожесточенная борьба в глубине обороны противника, не прекращаясь ни днем ни ночью. Гитлеровские войска упорно сражались за каждую высоту, за каждую рощу и поселок. Но их оборона была сломлена общими усилиями советских воинов всех родов войск, хорошо взаимодействовавших друг с другом.

В результате наступления наши войска заняли Шлиссельбург и ряд других населенных пунктов, превращенных противником в мощные узлы сопротивления. 18 января в районах Рабочего поселка № 5 и Рабочего поселка № 1 наступавшие части фронтов соединились. Блокада Ленинграда была прорвана!

По ходу операции наблюдательный пункт командующего 2-й ударной армией, где мы находились, переместился в район Рабочего поселка № 1. Я увидел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов,

прорвавших блокаду. Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость!

Прорыв ленинградской блокады явился большим военно-политическим событием. Планы Гитлера задушить город голодной смертью были сорваны.

18 января, в день завершения прорыва блокады, Указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено звание Маршала Советского Союза. 20 января мы с К. Е. Ворошиловым были в Ленинграде. Нас глубоко тронуло, что во время встреч и бесед ни один житель не пожаловался на лишения, вызванные блокадой. Все разговоры сводились к тому, как бы скорее организовать доставку в Ленинград материально-технических средств для производства и ремонта боевой техники, необходимой нашим войскам... Сказывались сила и могущество советского народа, воспитанного партией Ленина, народа, которого не может победить никакая вражеская сила.

Испытания, которые пришлось пережить ленинградцам, кроме советских людей, никто, пожалуй, не выдержал бы: жители города Ленина проявили величайшее мужество и стойкость. Вспоминая это, мы, оставшиеся в живых, с глубоким уважением склоняем головы перед светлой памятью тех, кто отдал жизнь за город Ленина, за Советскую Родину, за будущее наших детей...

Операция Ленинградского и Волховского фронтов продемонстрировала возросшее военное искусство Красной Армии и ее командования. Впервые в истории современных войн здесь был осуществлен разгром противника, блокировавшего длительное время крупнейший город, ударом извне в сочетании с мощным ударом из осажденного района. Наступление, проведенное по такому плану, было Ставкой всесторонне умело подготовлено и успешно завершено.

Победа, одержанная советскими войсками в январе 1943 года под Ленинградом, явилась убедительным свидетельством роста военной экономики нашей страны. В составе ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов насчитывалось свыше 5200 орудий и минометов. За январь — март 1943 года только войска Ленинградского фронта израсходовали около трех тысяч вагонов боеприпасов. Тот факт, что ленинградцы, находясь свыше одного года в блокаде, смогли подготовить для войск фронта так много боеприпасов, свидетельствует о том, что противнику не удалось подавить боевой дух славных сынов и дочерей города и парализовать работу промышленности.

Прорыв блокады продемонстрировал великую силу морально-политического единства советского общества, дружбы народов нашей Родины. Под Ленинградом сражались представители всех национальностей Советского Союза, проявившие беспримерную храбрость и массовый героизм. За мужество и отвагу в боях по прорыву блокады около 22 тысяч воинов Ленинградского, Волховского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота и Ленинградской армии ПВО были награждены боевыми орденами и медалями, а наиболее отличившиеся удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Отмечая массовый героизм советских воинов в оборонительных сражениях и в операции по прорыву блокады, как непосредственный участник событий не могу пройти мимо одного факта.

В 1969 году в Англии вышла из печати объемистая книга Гаррисона Солсбери «Осада Ленинграда»¹.

Книга обладает многими внешними признаками научности: факты и цифры даны со ссылками на источники, один лишь перечень которых занимает 14 страниц убористого текста. Примечательно, что в числе почти 500 названий использованной литературы указано 230 книг советских авторов и, кроме того, 192 публикации из нашей периодической печати.

Однако более глубокое знакомство с книгой Солсбери показывает, что она — яркий образец необъективности и предвзятости. Антисоветская направленность ее очевидна.

Автор тщательно отобрал и охотно описал самые мрачные, тяжелые и отрицательные факты и эпизоды. В конечном счете создается впечатление бессмысленности и ненужности жертв, принесенных жителями Ленинграда и войсками Ленинградского фронта ради победы. О самой победе книга, по сути дела, не рассказывает. Не раскрывается в ней и значение 900-дневной героической обороны города Ленина для всего хода войны.

Общеизвестные факты, заимствованные из опубликованных советских источников, господин Солсбери преподносит западным читателям с видом первооткрывателя. Благодаря этому неосведомленный человек может подумать, например, что в книге впервые публикуются сведения о страданиях, причиненных блокадой населению Ленинграда, о количестве погибших и т. п.

С исключительной недобросовестностью Солсбери изла-

¹ В США эта книга вышла под названием «900 дней».

гает сведения о потерях. Он утверждает, будто «советское руководство преднамеренно приуменьшает данные об умерших от голода».

Тут Солсбери явно и умышленно вводит в заблуждение читателей. Мы совершенно не собирались скрывать число жертв преступлений немецких фашистов. Мы об этом никогда не забудем! Просто установить сразу после войны подлинные цифры жертв осады оказалось делом нелегким. В страшную блокадную зиму 1941/42 года детально подсчитать умерших от голода было некому. Первой объявленной цифрой погибших было 632 тысячи человек. Но впоследствии советские историки уточнили эту цифру, что и нашло отражение в соответствующей исторической литературе.

Вот что написано в одном авторитетном труде: от налетов авиации и артиллерийских обстрелов погибло 16 467 ленинградцев и 33 782 человека получили ранения. *641 803 ленинградца* погибли от голода и лишений, — таков итог вражеской блокады.

Так в чем же состоит «открытие» господина Солсбери? Очевидно, что его «глубокомысленные» рассуждения о фальсифицированных и действительных потерях ленинградского населения не стоят ломаного гроша.

Авторы подобных книг бессильны изменить факты истории. В величии подвига ленинградцев, как в зеркале, отразились высота советской морали, мужество и стойкость советских людей, их преданность идеалам социализма, превосходство нашего военного искусства над военным искусством гитлеровского вермахта. Без признания этой аксиомы невозможно ни понять, ни объяснить ход второй мировой войны в целом и узловых, исторических битв, например таких, как борьба за Ленинград.

О героической обороне Ленинграда написано много. И все-таки, мне кажется, о ней, как и обо всех наших городах-героях, следовало бы сказать еще больше, создать специальную серию книг-эпопей, богато иллюстрированных и красиво изданных, построенных на большом фактическом, строго документальном материале, написанных искренне и правдиво.

Думаю, у каждого советского человека нашлось бы дома заветное место для подобной книги. Пусть наша молодежь за новыми кварталами, площадями и проспектами нынешних городов разглядит окропленные кровью минувшей войны улицы и переулки, разбитые и черные от пожара стены, вздыбленную землю, с которой руками советских людей, их дедов, отцов и матерей был сметен жесто-

кий враг. Это стоило бы сделать, пока живы очевидцы и участники героических событий великого прошлого.

И если верно, что нужно как можно скорее стирать с лица земли следы войны и разрушений, не омрачать ими жизнь живущих, то также необходимо передавать поколениям облик и дух героического времени войны.

*В. З. РОМАНОВСКИЙ,
генерал-лейтенант,
в 1943 году командующий
2-й ударной армией*

ЯНВАРСКАЯ ПОБЕДА

В начале декабря сорок второго года я был назначен командующим 2-й ударной армией. В Москве встретился с генералом армии К. А. Мерецковым. Он приезжал в Ставку, где получил указания о проведении совместно с Ленинградским фронтом операции по прорыву блокады Ленинграда.

Положение Ленинграда было трудным. Приближалась вторая блокадная зима, а с ней и новые тяготы. Чтобы облегчить положение города и защищавших его войск, предпринималась совместная операция двух соседних фронтов.

...В вагоне генерала Мерецкова я прибыл на Волховский фронт. Хотя Кирилл Афанасьевич знал меня раньше, но все же учинил настоящий «экзамен». Командующий фронтом отвел мне землянку, предложил разработать наступательную операцию армии и сказал:

— Сиди здесь и думай. Если тебе потребуется добавочно какой-нибудь справочный материал о местности, по которой армия будет наступать, об обороне противника, о своих войсках, звони мне. Приду и дам нужные справки. По артиллерии звони генералу Дегтяреву. Больше ни к кому не обращайся.

Трое суток я сидел в землянке и разрабатывал операцию. Закончив ее вчерне, главным образом на карте, я по телефону сообщил об этом командующему фронтом.

Мерецков пришел, выслушал меня, рассмотрел карту с нанесенным на нее решением, затем задал несколько вопросов и в заключение спросил:

— Все улеглось в голове?

— Да, все твердо.

— Вот и хорошо! — И с этими словами Кирилл Афанасьевич взял мое творение, чиркнул спичку и тут же в зем-

лянке сжег его, дабы никто не проведал, какая операция готовится.

— Теперь поезжай в армию,— сказал командующий, глядя на пепел от сожженных листов,— составь план занятий с войсками и проведи в каждой дивизии первого эшелона учения. В организации учебных полей тебе поможет фронтовой инженер генерал Хренов. Он знаком с системой и характером обороны противника.

5 декабря сорок второго года я прибыл во 2-ю ударную армию, принял командование ею и занялся подготовкой войск к будущей операции. Для каждой дивизии в тылу была подобрана местность, схожая с той, где предстояло прорывать оборону. Потом эту местность оборудовали такими же инженерными сооружениями, как у противника.

Одним словом, сделали на учебных полях все, с чем дивизии предстояло встретиться в наступлении.

Началось обучение войск на учебных полях. На дневных и ночных занятиях по несколько раз отрабатывались все детали предстоящих боев. В заключение прошли учения с боевыми стрельбами.

Войска нашей армии должны были, взаимодействуя с ударной группировкой Ленинградского фронта, срезать упиравшийся в Ладогу шлиссельбургско-синявинский выступ немецко-фашистской группировки.

Командование и политотдел армии разъясняли солдатам и офицерам важность стоящих перед войсками общих задач. И люди воспринимали это умом и сердцем, учились преодолевать препятствия, наступать за огневым валом, я бы сказал, с азартом.

ДОКУМЕНТЫ

АКТ О ВСТРЕЧЕ ДВУХ ФРОНТОВ

Настоящий акт составлен при встрече частей Волховского фронта с частями Ленинградского фронта в Рабочем поселке № 1 (восточная окраина).

18.1.43 года в 9 ч. 30 мин. на восточной окраине Рабочего поселка № 1, прорвав блокаду Ленинграда, встретились 1-й отдельный батальон 123-й отдельной стрелковой бригады Ленинградского фронта, во главе с заместителем командира по политчасти майором МЕЛКОНЯН, ст. лейтенантом КАЛУГОВЫМ, сержан-

том АНИСИМОВЫМ; с другой стороны — 1-й стрелковый батальон 1240 сп 372 сд Волховского фронта, во главе с начальником 1-го отделения штаба 372 сд майором МЕЛЬНИКОВЫМ и командиром 440 развед. роты ст. лейтенантом ИШИМОВЫМ. Через час на место встречи прибыл командир 372 сд полковник РАДЫГИН, который взял на себя командование 1-м отд. стрелк. батальоном 123 осбр, поставил дальнейшую задачу до прихода частей 123 осбр и 327 сд.

(Акт скреплен соответствующими подписями).

Управление армии, готовя войска, одновременно разрабатывало детальный план операции. К этому был привлечен ограниченный круг лиц. Основная тяжесть работы легла на командующего фронтом, на командарма и членов Военного совета армии А. А. Кузнецова и В. Т. Писклюкова, на начальника штаба П. И. Кокорева, начальника оперативного отдела штаба В. М. Бурмистрова и командующего артиллерией.

На переднем крае стояли войска 8-й армии. Мы бывали в ее частях, но чаще всего там, где не собирались наступать. Только с 25 декабря стали более детально знакомиться с передним краем и местностью в полосе прорыва. В войсках мы представлялись как новые работники штаба фронта. Для чего это делалось, понятно каждому. Чтобы скрыть от противника подготовку к прорыву, были также активизированы разведывательные действия на всем фронте, вплоть до Новгорода.

Помню, в двадцатых числах декабря у меня в избе сидели члены Военного совета армии А. А. Кузнецов, В. Т. Писклюков и начальник штаба П. И. Кокорев. Мы обменивались мнениями о виденном в частях и обсуждали задачи на ближайшие дни. Время было позднее. Все вопросы как будто разобрали, наметили план дальнейших действий. Только собрались сесть за стол ужинать, как в избу вошел заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. Он глубоко вникал во все детали подготовки к наступлению, дневал и ночевал в частях. Ночное «заседание» пришлось продолжить...

И. И. Федюнинский, обращаясь к А. А. Кузнецову, спросил:

— Строите железную дорогу через Ладугу?

— Работы идут полным ходом.

— Думаю, что их не придется заканчивать. На этот раз мы блокаду обязательно прорвем!

А. А. Кузнецов — член Военного совета Ленинградского фронта и секретарь горкома партии — прибыл в армию недавно. Он должен был помочь нам морально подготовить войска к предстоящему сражению. Алексей Александрович являлся как бы связующим звеном между командованием двух фронтов. С присущей ему кипучей энергией и настойчивостью он устранил возникавшие порой шероховатости и неувязки.

— Романовский тоже об этом говорит, — ответил Кузнецов. — Да ленинградцы народ осторожный. Верят не словам, а делам...

Замечание Кузнецова вновь напомнило о той огромной

ответственности, которая лежала на 2-й ударной армии. Нельзя допустить, чтобы новую операцию постигла судьба предыдущих. Мы можем и должны прорвать блокаду. Боевые успехи советских войск в районе Сталинграда, о которых каждый день сообщало радио, говорили о том, что противник теперь уже не тот, каким был в начале войны. А мы, советские воины, месяц от месяца становимся опытнее, сильнее, воюем по-иному.

Ставка Верховного Главнокомандования придавала операции большое значение и уделяла ей много внимания. 2-я ударная и взаимодействующая с ней 67-я армия Ленинградского фронта получили значительные силы. Главное заключалось теперь в том, чтобы разумно их использовать.

А задача перед нами стояла непростая. Путь войскам преграждали мощные дзоты и торфяные болота, изрезанные глубокими рвами и покрытые деревоземляными валами. В сентябре сорок второго года в этом районе шли кровопролитные бои. Часть наших танков, вклинившихся в оборону противника, была подбита и сожжена. Гитлеровцы их тоже использовали, превратив в неподвижные огневые точки. От начальника инженерного управления фронта генерала А. Ф. Хренова и разведчиков мы получили подробные данные о расположении этих танков. Они окаймляли Синявинские высоты — подходы, подошву и западные склоны, а также рошу Круглую. В полосе прорыва армии насчитывалось до 40 таких малоуязвимых даже для артиллерии огневых точек.

Мы не рассчитывали на высокие темпы наступления, а готовились настойчиво и последовательно прогрызать глубоко эшелонированную вражескую оборону. В каждой роте создали штурмовые группы для блокирования и уничтожения бронированных огневых точек. Эти группы взаимодействовали с танками и артиллерией.

Наша армия должна была доложить о готовности к наступлению 1 января сорок третьего года. Мы завершили к этому дню все. Оборудовали исходный плацдарм, подтянули артиллерию.

Пристрелка велась ранее находившимися здесь орудиями, а к ним привязывались подошедшие на усиление новые артиллерийские части.

С командующим 67-й армией Ленинградского фронта генералом М. П. Духановым, войскам которого предстояло наступать нам навстречу, мы договорились о взаимных опознавательных знаках и сигналах, о порядке постоянной связи по радио.

Партийные организации в январские дни могли уже, что называется, в открытую сказать воинам о предстоящей операции по прорыву блокады. Каждый солдат воспринял эту весть с большим воодушевлением. Сотни воинов вступали в Коммунистическую партию. Те, кто не успел подать заявление, готовясь к атаке, говорили: «Я иду в бой за родной город Ленина, поэтому прошу считать меня коммунистом».

Перед наступлением в частях прочитали обращение ленинградских рабочих к воинам Волховского фронта. Это обращение сыграло большую мобилизующую роль. Наши воины давали слово, что избавят ленинградцев от страданий.

* * *

Накануне наступления — 10 января — в армию прибыли представители Ставки К. Е. Ворошилов и Г. К. Жуков, а также командующий фронтом К. А. Мерецков. Уже не помню в который раз я доложил план операции со всеми деталями.

2-я ударная армия имела оперативное построение для наступления в два эшелона. В первом эшелоне должны были действовать шесть стрелковых дивизий: 128, 372, 256, 327, 376 и 314-я. Им предстояло осуществить наиболее трудную часть операции — взломать вражескую оборону.

Настала последняя ночь перед наступлением. Войска заняли исходные позиции. Меня очень беспокоила высокая плотность наших войск на переднем крае, особенно на левом фланге, где в полосу обороняющейся 314-й дивизии полковника И. М. Алиева выдвинулись еще две дивизии — 327-я и 376-я. В траншеях было полно людей, и если бы противник проведал об этом и организовал артиллерийскую контрподготовку ночью или на рассвете, он мог бы сорвать наше наступление. Однако ночь прошла относительно спокойно.

Утром началась артиллерийская подготовка. На каждый километр фронта наступления у нас приходилось 137 стволов артиллерии и минометов. Все вокруг гудело. Позиции противника окутал дым.

Пленные вражеские офицеры и солдаты позже признавались: «Мы прошли всю Европу, но такого удара не было нигде. Артиллерия нас оглушила. Мы не в состоянии были вести бой. Даже в дзотах дрожали стены, осыпалась земля. На открытых площадках, в траншеях невозможно было находиться...»

В 11 часов 15 минут 12 января наши войска дружно двинулись в атаку. Разгорелся напряженный бой, на многих участках переходивший в рукопашные схватки.

В первые часы боя части 327-й стрелковой дивизии полковника Н. А. Полякова завязали бой за сильный узел вражеского сопротивления — рошу Круглую, как ее кодировали на карте. Враг был выбит из первой траншеи, но продолжал упорно сопротивляться в других оборонительных сооружениях. За день дивизия уничтожила оборонявшийся тут 366-й пехотный полк 227-й пехотной дивизии противника, захватила 16 орудий, 15 пулеметов, 4 радиостанции, больше 1000 снарядов и много других трофеев, разбила 70 долговременных сооружений и уничтожила 2 танка из числа принимавших участие в контратаках.

В роше Круглой осталось еще немало прочных дзотов, вооруженных одним-двумя орудиями и двумя-тремя станковыми пулеметами. Они мешали нам продвигаться вперед. Приходилось подтягивать орудия, ставить их на открытую позицию и вести по дзотам огонь прямой наводкой.

Особенно отличился в боях 1100-й стрелковый полк 327-й дивизии, которым командовал майор П. И. Сладких. В первый же день он прорвал главную оборонительную полосу противника и уничтожил 35 дзотов и блиндажей. Эти свои убежища гитлеровцы называли бункерами.

Поздно вечером комдив Поляков доложил: «Части дивизии овладели рошей Круглая, вышли на ее юго-западную опушку и развивают наступление в западном направлении. В некоторых местах противник сохранил в нашем тылу бронированные огневые точки и дзоты, которые ведут непрерывный огонь по наступающим войскам. Специально выделенные отряды в составе тяжелых танков КВ, артиллерии прямой наводки, саперов и автоматчиков ведут блокирование и уничтожение этих огневых точек...»

Я поздравил Полякова с первым значительным успехом и передал благодарность Военного совета армии офицерам и солдатам дивизии. Действовали они доблестно и умело.

До сих пор хорошо помню бойца Егора Константиновича Петрова из 1100-го стрелкового полка. На всю дивизию он славился своей снайперской стрельбой. Недели за две до наступления Петров «переквалифицировался» в пулеметчика. Спрашиваю: почему он, отличный стрелок, истребивший более 100 фашистов, сменил снайперскую винтовку на пулемет? Петров ответил:

— Я — якут-охотник, люблю винтовку. И она меня никогда не подводила, ни в тайге, ни на войне. Но винтовка

есть винтовка. Один выстрел — убит один фашист. Я хочу делать не один выстрел, а много выстрелов сразу...

Петров с помощью товарищей быстро изучил пулемет и действительно мастерски овладел им. На второй день наступления, отражая вражескую контратаку, он скошил своими очередями до 100 гитлеровцев.

— Я ведь говорил: много пуль — много мертвых фашистов! — не без гордости пояснял солдат-якут.

Егор Константинович, человек крупного телосложения, шел в первой цепи атакующих, прокладывая путь стрелкам своим метким огнем. В январских боях его в третий раз ранило, но он не ушел с поля боя, а, преодолевая боль, продолжал отбивать яростную контратаку противника. Фашисты потеснили наше подразделение, и Петров оказался в расположении врага. И здесь он не растерялся — прикинулся мертвым. Когда наши подразделения вновь заставили гитлеровцев отходить, Петров, собрав последние силы, подполз к пулемету и ударил по фашистам...

Так мужественно сражались люди дивизии. За два дня боев они уничтожили более 2 тысяч фашистов и захватили 120 дзотов и бункеров.

Правее 327-й наступала 256-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Ф. К. Фетисов. Направление ее главного удара проходило между двумя наиболее мощными узлами сопротивления — рощей Круглой и Рабочим поселком № 8 — по равнинной торфяно-болотистой местности. Гитлеровцы соорудили здесь насыпные дерево-торфо-земляные валы. Облитые водой, эти валы на морозе стали ледяными. Было их три. За валами и укрывались вражеские солдаты.

Наша артиллерия разбила эти препятствия, и полки успешно продвигались вперед. Однако уязвимыми оказались открытые фланги дивизии. Полковник Фетисов вынужден был повернуть часть своих сил фронтом к укрепленным пунктам — роще Круглой и Рабочему поселку № 8, и темп наступления дивизии замедлился. Отстали танки, — торфяник не выдерживал их тяжести. И тут на выручку пришли артиллеристы. Орудия прямой наводкой гасили огневые точки на флангах. Наша авиация по заявкам пехоты бомбила противника в глубине его обороны.

Дерзко и умело сражался в этой дивизии 3-й батальон 930-го стрелкового полка. Еще шла артиллерийская подготовка, а комбат Д. П. Колышкин поднял роты. Как только артиллеристы перенесли огонь вглубь, батальон стремительно ворвался в первую вражескую траншею, а затем и во вторую... Специально выделенный комбатом отряд очи-

шал бункеры от фашистов. Смелый бросок батальона позволил полку быстро выполнить поставленную боевую задачу и облегчил действия соседей. Столь же решительно батальон прорывал потом вторую позицию врага. На своем пути бойцы блокировали, а затем подорвали пять бункеров. Враг пытался контратаками сбить батальон с захваченного им рубежа. Колышкин отразил три контратаки. Он был ранен, но остался в строю. За день батальон истребил более 300 фашистов.

Непосредственно на Рабочий поселок № 8 наступала 372-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник П. И. Радыгин. Используя выгодное положение поселка, противник превратил его в сильно укрепленный узел сопротивления. Очагами упорной обороны стали здесь каменные дома, насосная станция, построенные фашистами железобетонные и деревоземляные сооружения.

Полки 372-й дружно атаквали врага, захватили три траншеи, приблизились к центру этого узла, но полностью овладеть им не могли. Противник имел здесь численное превосходство. Оборонявшие поселок части 227-й немецкой пехотной дивизии насчитывали 16 500 солдат, наша же дивизия — лишь 7500 человек. Наступление на этом участке затормозилось.

На второй день — 13 января — противник начал подтягивать к участку прорыва оперативные резервы. На станцию Мга прибыли четыре эшелона — три с пехотой и один с артиллерией — из района Тосно. В дальнейшем усиление вражеской группировки продолжалось.

Готовясь к операции, мы предусматривали, что противник может подбросить к участку прорыва до 11 свежих полков пехоты, до 15 артиллерийских дивизионов и 50 танков. Однако мы несколько ошиблись в расчетах. Уже на третий день наступления к старым 170, 227, 1-й пехотным и 5-й горнострелковой дивизиям присоединились введенные в бой новые — 61-я и 96-я, а в последующем еще две новые пехотные дивизии и ряд других частей. Появилось и много новых артиллерийских батарей. Это усиление войск противника не позволило нам развить тактический успех в оперативный. Однако противник понес огромные потери.

Командир 227-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Скотти в одном из приказов писал: «Солдаты, ваша дивизия обескровлена, но мы до конца должны выполнить свой долг. Ни шагу назад. Восстановим утраченное положение. Через могилы — вперед!»¹.

¹ Архив МО СССР, оп. 4073, д. 292, л. 14.

Так, «через могилы», шли немецкие полки к новым могилам, к своей гибели. Наше наступление продолжалось.

16 января войска 2-й ударной армии отделил от дивизий Ленинградского фронта, двигавшихся нам навстречу, узкий коридор — километра полтора-два. Оставалось сделать последний рывок и соединиться. Ленинградцы действовали успешно: прорвали мощную полосу обороны, расположенную на левом берегу Невы. Пока еще упорно сопротивлялись вражеские войска в Шлиссельбурге и на берегу Ладожского озера. Но им угрожало окружение... Находившиеся там вражеские гарнизоны совместными усилиями войск 2-й ударной и 67-й армий вскоре были разгромлены.

18 января в 9 часов 30 минут произошла историческая встреча частей Ленинградского и Волховского фронтов, означавшая, что прорыв блокады Ленинграда совершился. Среди первых волховчан, встретившихся с ленинградцами, были заместитель командира 18-й дивизии полковник Н. Г. Лященко (ныне генерал армии), командир 414-го стрелкового полка подполковник В. И. Шкель, солдаты Василий Дзюба и Петр Левашов, сержант Владимир Васильев и лейтенант Горюв. Вскоре произошло соединение и на других участках фронта. К 14 часам все наши дивизии соединились с ленинградскими и повернули фронт наступления на 90 градусов, на Синявинские и Келлоловские высоты.

Часов в двенадцать на наблюдательный пункт армии прибыли К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, К. А. Мерецков. Они поздравили с победой, ознакомились с ходом боев, дали некоторые советы и указания.

Вдруг Жуков обратился ко мне с необычным вопросом: — Товарищ командарм, ты когда смотрел на себя в зеркало?

Я ответил, что не помню, кажется, 11 января.

Георгий Константинович вынул из кармана маленькое зеркальце, подал мне и сказал смеясь:

— Возьми... Посмотри только, на кого ты похож. Себя, пожалуй, не узнаешь...

Я взял зеркальце, посмотрел и удивился. На меня глядел посиневший дочерна человек, усталый, словно перенесший тяжелую болезнь. Возвращая зеркальце хозяину, я шутливо заметил:

— Благодарю за доставленное удовольствие.

— Удовольствие-то удовольствием,— сказал Георгий Константинович,— но почему так выглядишь? Заболел?

— За шесть суток прошли восемь километров — есть от

чего заболеть... Противник с фронта жмет, а начальство — с тыла. Несладко приходилось. Я пять суток не спал.

— Тогда ложись отдохни,— сказал Георгий Константинович.— Мы больше жать не будем, переедем к Ленинграду. Да только распорядись напоить нас чаем...

* * *

Войска 2-й ударной и 67-й армий соединились, однако напряжение боя все возрастало. Противник подбрасывал к Синявинским и Келколовским высотам новые и новые дивизии. Мы также вводили в бой свои вторые эшелоны и резервы, но заметного перевеса в силах создать не могли.

Левый фланг и центр оперативного построения нашей армии повернули свои соединения на юго-запад — на Синявинские высоты, а части правого фланга армии совместно с войсками 67-й армии Ленинградского фронта продолжали добивать гитлеровцев в Рабочих поселках и на побережье Ладожского озера.

Фашисты сопротивлялись яростно. 18-я дивизия взяла в плен всего лишь 12 солдат, 372-я — 28 человек, а уничтожили они более 2 тысяч гитлеровцев. Объясняется это двумя причинами: первая — вражеские солдаты не сдавались, так как им непрерывно вдалбливали в головы, что большевики уничтожают пленных; вторая — гитлеровцы еще не потеряли веры в победу на Восточном фронте.

Они не представляли себе масштабов катастрофы, постигшей гитлеровские войска в районе Сталинграда, а вражеское командование старательно скрывало от них правду.

На Синявинских высотах противник занимал выгодные позиции, с которых видел не только наши головные части, но и тылы. На высотах были три яруса траншей с прочными деревоземляными сооружениями.

Первую линию траншей наши войска взяли с ходу, а чтобы взобраться дальше, приходилось штурмовать каждый дзот в отдельности.

Силы наши и противника уравнились, особенно в артиллерии и других огневых средствах. Активнее стала действовать и вражеская авиация. В одном из воздушных боев наши истребители сбили 18 бомбардировщиков противника. Дважды Герой Советского Союза Г. П. Кравченко лично сбил четыре вражеских самолета. Но, увлекшись боем, и сам был подбит. Когда загорелся его самолет, он выпрыгнул, но парашют не раскрылся, и Григорий Пантелеевич, храбрый наш летчик, погиб.

Для штурма синявинского узла сопротивления армией был составлен специальный план, утвержденный командующим фронтом. Но вместо запрошенных нами на основе расчетов 507 тысяч снарядов различных калибров мы получили лишь 320 тысяч.

Мы, конечно, понимали, что фронт не дал нам необходимого количества снарядов не по чьей-либо злой воле. Промышленность к этому времени еще не в силах была обеспечить нас в достаточном количестве всем, что требовалось.

В первой линии полосы наступления 2-й ударной действовало шесть стрелковых дивизий. Мы вводили в бой свежие части, но противник, не желая терять выгодные позиции, тоже подбрасывал новые дивизии.

Сосед справа — 67-я армия Ленинградского фронта — наступал примерно на таком же 11—12-километровом фронте, пытаясь овладеть келколовским рубежом. Даже сегодня, после многих послевоенных лет, зримо ощущаю, с каким упорством шла борьба...

На направлении наших действий не было условий для маневра и внезапных ударов. Приходилось прорывать очень мощную оборону противника на большую глубину лобовыми атаками. Ясно, что без артиллерии крупного калибра, достаточно снабженной боеприпасами, невозможно было сбросить противника с Синявинских и Келколовских высот.

Иногда наших артиллеристов ругали за стрельбу по площадям, то есть за огонь не по цели, а лишь по району, где находилась эта цель. Но ведь не только артиллерия, а даже наступавшая пехота и танки не всегда видели огневые точки противника, которые хорошо вписывались в окружающую местность, были искусно замаскированы и открывали огонь только тогда, когда к ним близко подходили наши стрелковые цепи.

Единственно, за что я как командарм винил командира 2-й артиллерийской дивизии полковника К. А. Седаша, — это за невысокое качество инструментальной разведки вражеских батарей, особенно шестиствольных минометов. С последними борьба велась явно слабо.

Несмотря на жесткую оборону противника, 364-я дивизия ворвалась на гребень высоты 43,3. 80-я дивизия атаковала северо-восточную часть Синявина и двигалась на высоту с отметкой 50,1. Она пробилась до третьей линии траншей, но на высоту 50,1 не вышла.

В ожесточенных схватках за высоту 43,3 беспредельную храбрость проявили командир батальона 1216-го полка

364-й дивизии А. А. Ефимов и его бойцы. Комбат Ефимов и лейтенант И. В. Клименко со своими солдатами Ф. Безгазовым, И. Уширхановым, Д. Денисовым и другими в яростной рукопашной схватке истребили десятки фашистов. Артиллерист сержант И. Назаров шел в пехотной цепи и мастерски корректировал огонь артиллерии, уничтожившей огневые точки врага. Действия батальона Ефимова, поддержанные 1216-м полком и другими частями 364-й дивизии, и привели к захвату важного опорного пункта — высоты 43,3.

Как сейчас, помню утро следующего дня — 3 февраля. Запаса снарядов мы не имели и пользовались ими, что называется, с «колес». По плану должны были подвезти 70 тысяч снарядов. Этого количества мы не получили. Все же, посоветовавшись, решили атаку, назначенную на полдень, не отменять, а начать ее после 30-минутной артиллерийской подготовки. Сделать более продолжительную артподготовку мы не могли. С небольшой группой штабных офицеров я находился на наблюдательном пункте на высоте 43,3. Командиры дивизий, полков и батальонов вели визуальную разведку. Наша авиация бомбила вражеские позиции и прикрывала войска от ударов фашистских самолетов.

А на переднем крае все было тихо, спокойно. В 11 часов 30 минут загремели наши пушки, усилила удары авиация. Минут через десять видим, как нестройные цепи противника выскакивают из траншей и перебежками движутся к нашим позициям. Пехота открыла по ним огонь и заставила залечь.

Вскоре и фашисты повели сильный артиллерийский огонь по нашим позициям. Появились вражеские бомбардировщики. Наши истребители отогнали их, и они сбросили груз где попало. В 11 часов 55 минут противник перешел в атаку. Наши стрелки, пулеметчики, минометчики и артиллерия, особенно орудия прямой наводки, расстреливали наступавшую вражескую пехоту и поддерживавшие ее танки. Напряженный бой продолжался три часа. В 15 часов противник, так и не достигнув наших траншей, стал отходить. Части 364-й дивизии поднялись и перешли в контратаку.

Захваченные в этом бою пленные показали, что 11-я и 215-я пехотные дивизии немцев пришли в Синявино накануне вечером. Перед ними поставили задачу нанести удар по советским войскам, вернуть высоту 43,3 и сбросить нас с Синявинских высот в болото. Атаку фашисты назначили на 12 часов. Но тут случилось непредвиденное. Советская

артиллерия упредила вражескую атаку и спутала карты гитлеровцев.

И в последующие дни непрерывные атаки и контратаки ни одной стороне успеха не принесли. Нам не удалось отогнать врага дальше на запад, чтобы освободить железную дорогу и расширить прорыв. Противник также не сумел достигнуть своей цели — восстановить блокаду Ленинграда.

В ожесточенной борьбе за Синявинские высоты мастерство и героизм проявил расчет 120-мм миномета братьев Шумовых. Командовал им старший сержант Александр Шумов. В расчет входили его братья — Иван, Василий, Авксентий и Лука. Они, говорил мне командир батареи старший лейтенант Федор Цивликов, — бесстрашные люди, показывают пример не только батареяцам, но часто и пехоту воодушевляют в бою. На высоту 43,3 Шумовы двигались в первой цепи, уничтожив 24 пулеметные точки противника и 9 дзотов. Умело отражая контратаки врага, в боях по прорыву блокады они истребили более 300 гитлеровцев. Стреляют мастерски...

В армию Шумовы вступили добровольцами. В первые же дни войны их привел в военкомат дед, заявив: «Хоть наше село находится и далеко от фронта, но мои внуки хотят защищать Родину. Пожалуйста, примите их всех». Провожая на фронт, дед им дал напутствие: «Каждый из вас должен истребить по сто врагов. Меньше нельзя. Больше можно. У вас силы и снаровки на это хватит».

Внуки честно, на совесть выполняли наказ деда. На высоте 43,3 Василий попросил разрешения стрелять из пулемета, сказав, что четверо его братьев справятся с минометом. Командир полка разрешил. Противник двинулся в контратаку. Василий открыл огонь и скошил более 100 фашистов. Когда командир батареи подошел к нему, он лежал окровавленный — вражеская пуля пробила щеку. «Наказ деда, — доложил богатырь, — выполнил за один час. Вот они лежат рядками, как обмолоченные снопы». Василий в госпиталь не пошел. Весь день он дежурил у пулемета и только вечером сдал его новому расчету, а сам вернулся к братьям...

Во время этих боев братья Шумовы подали заявление о приеме их в партию. «Наша жизнь, — писали они, — тесно связана с жизнью Коммунистической партии с ранних наших лет».

В боях по прорыву блокады Ленинграда героически сражались воины всех национальностей. Бурят Зайнелг Абиб Касенов подорвал 4 дзота и истребил более 100 гитлеровцев. Командир роты старший лейтенант казах Аиб

Абилев со своими взводами ворвался в Рабочий поселок № 6, разрушил пять дзотов, блокировал три бункера, в которых находилось 120 фашистов, и продержал их «под арестом», как он говорил, пока не подошла помощь батальона. Из одного блокированного убежища вытащили 30 пленных, а два бункера Абилев подорвал, так как фашисты не складывали оружия.

Для удержания Сиявинских высот враг ввел только на последнем этапе сражения две свежие дивизии. 11-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Томашки сгорела за два дня боев, потеряв 12 тысяч убитыми и ранеными. Такая же участь постигла 212-ю пехотную дивизию генерал-майора Рихмана. Переброшенная под Сиявино из-под Тосно, она также продержалась лишь несколько суток и потеряла 12 500 солдат и офицеров.

390-й пехотный полк 215-й пехотной дивизии, 162-й и 176-й пехотные полки 61-й пехотной дивизии, побывавшие на Сиявинских высотах, также недосчитались добрых двух третей всего состава. Таким образом, на четырехкилометровом участке, где действовали три вражеские дивизии, гитлеровцы потеряли 36 тысяч своих солдат и офицеров, то есть по 9 тысяч на один километр фронта.

Наши потери были тоже велики, но они не идут ни в какое сравнение с теми, которые понес на Сиявинских высотах враг. А ведь мы наступали! Это говорит о большом мастерстве наших воинов.

Прорыв блокады Ленинграда, штурм сиявинских позиций вошел в историю Великой Отечественной войны, в историю славной битвы за город на Неве, как ярчайший пример мужества, отваги и непреклонной воли наших войск к победе.

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

ТРЕХМИНУТНЫЙ ПРАЗДНИК

(Прорыв блокады)

Еще три залпа по сволочам!
И вот в одиннадцать сорок
Врываемся первыми из волховчан
В горящий Первый поселок.

С другого конца, мимо шатких стен,
Огнем на ветру распятых,
Люди ль, фашисты ль сквозь чадную темь
В дымных скользят маскхалатах.

К бою! Но искрой негаданных встреч
Вспыхнуло слово далече.
Все ярче и шире русская речь
Разгорается нам навстречу!

И там, где разгромленный замер дот —
Хоть памятник ставь над ними,—
Питерец волховцу руки жмет,
Целуются. Не разнимешь!

Стоило жизнью не дорожить,
Снова риска и снова,
Чтоб не мы, так другие смогли дожить
До этого дня большого.

И прямо на улице фляжки с ремней
Срываем и светлым утром
За нашу победу, за память о ней
На празднике пьем трехминутном.

Еще раз целуемся. Время не ждет.
Боевые порядки выстроив,
Навек неразлучные, вместе в поход
До последнего вздоха и выстрела.

Я праздники лета знал и зимы —
Только лишь память тронь.
На приисках золотой Колымы
Я пил голубой огонь.

Я чтил обычаи Кабарды,
Гулянья помню Урала,
Со всей Ферганой я выпил на «ты»
На стройке Большого канала.

Я шел навстречу веселым речам,
Где б ни скитался по свету,
Но лучшего празднества не встречал,
Чем трехминутное это.

Шлиссельбург,
январь 1943 г.

ПОД ГРОХОТ НАШИХ БАТАРЕЙ

Долгое время мне пришлось воевать на Ленинградском и Волховском фронтах. Навсегда остались в памяти бескрайние леса Приволховья, болотистые топи, торфяные поля, разбитые дороги. Трудную борьбу с врагом дополняли природные сложности. Чтобы воевать и жить, войска вместо траншей вынуждены были строить деревоземляные заборы, вместо окопов — насыпные брустверы. Бревенчатые настилы и гати прокладывались на многие километры. Эти фронтовые дороги солдаты окрестили «трясучками». Отправляя в тыл раненых, ездовые с горечью говорили: «Тело доведу, а за душу не ручаюсь».

Осенью и весной все тропы и дороги становились буквально непроходимыми. Бойцы двигались по пояс, а то и по горло в воде, толкая перед собой плот, на котором были боеприпасы и продовольствие.

В условиях Волховского фронта минометы были наиболее подходящим оружием. Пехота с уважением говорила: «Миномет — та же артиллерия. Плита, самоварная труба. Против гаубицы пониже, дымок пожже, а прикурить врагу хорошо дает».

Зима в 1942 году легла рано и устойчиво. Примерно в середине ноября мы с группой бойцов и командиров, откомандированных из 120-го минполка, пробирались во вновь формируемую минометную часть при 2-й ударной армии. Бушевала метель. Северяк разъяренно хлестал нам в лицо, пузырил шинелишки, забирался за воротник. К вечеру мы пришли в разрушенное Войбокало. Оконные проемы в домах забиты досками, заткнуты тряпьем. Чтобы попасть засветло к месту назначения, мы двинулись дальше. За деревней вошли в лес. Здесь царила тишина. Вскоре оказались на полянке и увидели небольшую землянку, пригнутую у вековой ели. Возле нее стоял подтянутый капитан средних лет с симпатичным лицом.

— С пополнением? — спросил он меня.

— Так точно, товарищ капитан. Скажите, где найти командира полка? Я назначен начальником штаба.

— Тогда будем знакомы. Командир полка я — Недачин Павел Николаевич, — отрекомендовался он. Потом с какой-то затаенной надеждой добавил: — Родом из Смоленска. Может, есть земляки?

Но строй промолчал. Поздоровавшись со всеми за руку, командир полка сказал:

— Полка еще нет. Вы составите костяк. Работы предстоит много.

Спустя несколько минут появился лейтенант. У него было смуглое, чуть скуластое лицо, веселый взгляд с хитринкой. Широченные бриджи скрывали кривоватые ноги. От него так и веяло молодостью и задором. Он пристукнул каблуками со шпорами, представился:

— Лейтенант Сериков, командир комендантского взвода полка.

Когда лейтенант увел прибывшую группу, мы с командиром полка зашли в землянку. Я сообщил ему, что тоже со Смоленщины, рад встретить земляка в такое тяжелое время, когда наш край находится под пятой гитлеровских оккупантов. Разговор пошел откровеннее и конкретнее.

Вскоре в часть начали прибывать личный состав, вооружение, лошади. Работать приходилось день и ночь, урвав два-три часа для отдыха. Я удивлялся, как легко, оперативно решал все организационные вопросы командир полка. Он ездил в тылы армии, фронта и добивался, казалось, невозможного. У меня же в штабной работе получалось не все гладко. Бросался всюду, стремясь сделать сразу многое, но этим только вносил путаницу. Меня это огорчало, а потом стало тяготить. Видя мое угнетенное состояние, Павел Николаевич старался меня подбодрить, научить, выправлял мои огрехи. И стал бы я штабником, но обстоятельства сложились иначе.

Первым помощником начальника штаба полка прибыл старший лейтенант Иван Александрович Богданов. Это был, как говорят, рубаха парень. Небольшого роста, подвижный, жизнерадостный, он оказался смекалистым и хорошо знающим штабную работу. Вторым помощником — по разведке — был старший лейтенант Василий Константинович Ощепков. Он был в летах, среднего роста, с суровым взглядом и резковатым характером, но с доброй и отзывчивой душой, присущей сибирякам. Третьим помощником — по связи — назначили старшего лейтенанта Ивана Васильевича Мироненко. Воспитанник детдома, стройный, с черными вьющимися волосами, кареглазый украинец имел покладистый характер, был душевен и сообразителен, за словом в карман не лез. Украинский акцент придавал егоговору особую мягкость и певучесть.

Командиром первой батареи прибыл после госпиталя старший лейтенант Владимир Семенович Захаров. Смуглый, маленького роста, он вместо шапки-ушанки носил ку-

банку и очень гордился ею. Он привез с собой гармошку, на которой хорошо играл. Командиром второй батареи, тоже после госпиталя, назначили старшего лейтенанта Ивана Антоновича Костенко. Родом он был из Новосибирской области. До войны окончил сельскохозяйственный техникум и работал агрономом. Как и я, он побывал уже в боях на Западном фронте и в Синявинской операции. Стройный, всегда подтянутый, чуть выше среднего роста, с худощавым обветренным лицом, которое было испещрено маленькими крапинками оспы. Мы быстро с ним сблизились, а потом сдружились. Командиром четвертой батареи определили лейтенанта Зацепу, лет двадцати, высокого роста, косая сажень в плечах. Из-под шапки лихо выбивались светло-русые кудри. Любил повеселиться и хорошо закусить. Пятую батарею возглавил старший лейтенант Елфимов. Лет под тридцать, среднего роста, худощавый. Его лицо с крючковатым носом было словно прокопчено на дымном костре. Как артиллерист он имел хорошую подготовку, но, очевидно, прошедшие бои изрядно расшатали его нервную систему.

Не было только командира третьей батареи, и командир полка поручил мне следить за ходом ее формирования.

Пропагандистом полка приехал старший политрук Александр Петрович Коптелов. Лет под сорок, хладнокровный и смелый сибиряк. Он быстро завоевал авторитет среди личного состава и стал душой полка.

В населенном пункте Войбокало находились наши тылы. Помощником командира полка по материальному обеспечению прибыл спокойный, рассудительный майор лет сорока. Звали его Иван Иванович Андреев. Благодаря его оперативной работе наша часть не имела особых затруднений в материальном снабжении.

Старшим врачом полка утвердили Александру Васильевну Неклюдову, фельдшером — Марию Николаевну Ильину. Они вместе учились в Ленинградском мединституте, успели побывать в блокаде и боевых передерягах. С молодой кипучей энергией они приступили к своим обязанностям и справлялись с ними вполне успешно.

В декабре из запасного полка к нам прислали взвод девушек-связисток. В их числе были Клавдия Халдина, Шура Балова, Надя Мохова, Зина Базанова, Зина Ландышева, Аня Захарова, Полина Цветкова, Тамара Додонова. Они стали телефонистками в батареях и в управлении полка.

Так на основании приказа командующего артиллерией Волховского фронта генерала Г. Е. Дегтярева начал фор-

мироваться минометный полк пятибатарейного состава на конной тяге. Каждая батарея имела шесть минометов 120-миллиметрового калибра. Позже полку присвоят 191-й номер и он станет полком артиллерии РГК.

Сроки на комплектование были отведены жесткие. Уже через месяц батареи приступили к боевой и политической подготовке.

В середине декабря прибыл другой командир полка, майор Воронин Константин Михайлович. Он привез приказ о назначении капитана Недачина начальником штаба полка, а меня отозвали в распоряжение кадров артиллерии 2-й ударной армии. Я подал по команде рапорт с просьбой оставить в полку командиром третьей батареи. Просьбу удовлетворили. С радостью принялся за знакомое мне дело.

Началась упорная отработка тактических действий батареи, сколачивание расчетов и взводов. Повели счет времени на часы и минуты. Декабрьские дни коротки, к тому же в тот год выдались морозными. Приходилось заниматься при свете костров до поздней ночи. Хорошо, что стояли в лесу. Он спасал нас от ветров, снабжал дровами и маскировал от вражеской авиации. Бойцы понимали поставленные перед ними задачи. Боевая и политическая подготовка быстро наладилась и давала положительные результаты.

С душевной теплотой вспоминаю командира взвода управления батареи лейтенанта Таратуту Григория Фаликовича. В то время ему было девятнадцать. Он имел десятиклассное образование и годичную подготовку в Ленинградском артиллерийском училище. За короткий срок лейтенант сумел сплотить и подготовить к работе в сложных условиях отделения разведки и связи — основу основ управления огнем батареи.

Мне было радостно и приятно, что командиры огневых взводов младшие лейтенанты Василий Гойда и Александр Звягинцев приехали из Лепельского минометного училища, в котором ранее учился и я. Они не участвовали в боях, но при первой же встрече с врагом проявили себя с самой лучшей стороны.

Неоценимый вклад в формирование коллектива внес заместитель командира батареи по политической части. Сожалею, что запаматовал его фамилию. Родом с Украины, он до призыва работал директором школы. С педагогическим тактом замполит умел донести до бойцов поставленную задачу, мобилизовать их на самоотверженные действия. Всегда требовательный к себе и подчиненным, он был

справедлив и отзывчив к чужой беде. Его воспитательное мастерство преображало бойцов.

В повседневных занятиях, в перекуры у костра от солдат и сержантов можно было услышать много дельных предложений, которые, как правило, сами же воины и исполняли. Так, своими силами в батарее была отремонтирована обувь, одежда, конская сбруя. Для удобства перевозки минометов бойцы сконструировали специальные перекладины, на которых крепились опорная плита, ствол и дунога-лафет. Были изготовлены деревянные срубы, подкладываемые звеньями для устойчивости под плиту миномета на болотистом грунте. Без них при выстреле миномет сильно оседал в болоте. С разрушенных бомбежками и покинутых жителями домов собрали кровельное железо, из него изготовили печки «буржуйки» и складные трубы...

Под новый год майор Воронин собрал командный состав полка. На совещании подвели итоги боевой и политической подготовки подразделений, состоялся обмен опытом. Затем был товарищеский ужин. Единой боевой семьей встретили новый 1943 год.

В морозное январское утро полк получил приказ занять к 7 января боевые порядки в районе юго-западнее Рабочего поселка № 9 и поступить в оперативное подчинение 372-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник П. И. Радыгин.

Для изучения местности в указанный район срочно выехали командиры батарей с разведчиками. С наступлением темноты выступил и весь полк.

Утром неожиданно наступила оттепель, повалил густой снег. Это было и хорошо, и плохо. Метель надежно прикрывала с воздуха сосредоточение наших войск, но в то же время мешала вести разведку целей противника.

Всю первую декаду января личный состав оборудовал огневые позиции, строил блиндажи и укрытия для лошадей, подвозил боеприпасы. Глаза и уши батарей вели разведку целей в отведенных секторах. Отрабатывалась таблица артиллерийского наступления, составлялись огневые карточки. Словом, дел хватало.

11 января в полку был митинг. Командир зачитал обращение ленинградских рабочих к воинам Волховского фронта. Оно сыграло огромную мобилизующую роль. Воины поклялись, что избавят ленинградцев от страданий. Многие бойцы и командиры подали заявления в партию.

В ночь на 12 января, как по заказу, ударил ядреный мороз. Ночью стрелковые дивизии первого эшелона скрытно заняли исходное положение для наступления. С рассве-

том сиявинское торфяное поле высветилось девственной чистотой снега. Пока на нем не было ни одной кляксы от разрыва снаряда. Перед боем всегда остро ощущаешь красоту природы. Даже не верилось, что эта святая тишина вот-вот обернется грохочущим адом, а безупречная белизна будет обезображена пороховой копотью.

В 9 часов 25 минут на огневые позиции всех батарей по телефонным проводам понеслось распоряжение командующего артиллерией 2-й ударной армии генерал-майора Калашникова:

— По местам!.. Батареи, к бою!..

Мгновенно снята маскировка с пушек и минометов, расчехлены стволы. Наводчики сноровисто установили заданные прицелы и угломеры. Замковые с лязгом открыли затворы, заряжающие заслали в казенники орудий снаряды, в тяжелые минометы опустили пудовые мины.

И вот уже следуют доклады командиров орудий:

— Первое готово!

— Второе готово!..

В 9 часов 29 минут новая команда:

— Натянуть шнуры!

И вслед за ней не совсем уставная, но долгожданная:

— По фашистским оккупантам!.. За город Ленина! Батареи! Огонь!..

Тысячи оранжевых языков одновременно озарили небо. Несмотря на солнечное утро, восток на мгновение окрасился в багрово-рдяные тона, словно наступил второй рассвет. Зыбко качнулась земля, деревья вздрогнули, сбросив с себя кружевные наряды.

Машина наступления была запущена на полную мощность. В 300 метрах от нас в расположении врага взметнулась стена из снега и земли, над которой завихрились клубы бурого дыма с тусклым отблеском оранжевых вспышек. От массы рвущихся мин и снарядов моментально образовалась бурлящая, ураганная туча, которая то удалялась, то приближалась, словно дышала тяжело и порывисто.

Наплывающие горячие волны воздуха заставили нас залезти в укрытие. Через щель амбразуры нашего НП было отчетливо видно, как тяжелые снаряды потрошили дзоты и блиндажи, швыряя вверх и разбрасывая по сторонам обломки бревен и скрученные силой взрыва железнодорожные рельсы. Наши тяжелые мины взрывали минные поля, рвали в клочья проволочные заграждения, разрушали траншеи и окопы.

Вдруг наступила звенящая тишина. Но это еще не был

конец артподготовки. Эстафету приняла авиация. Артиллерия сделала паузу, чтобы самолеты не оказались на траектории полета своих снарядов.

Мы вылезли из укрытия. Противник вел ответный огонь вяло и разрозненно. Многие его батареи были уничтожены или подавлены первыми же залпами нашей артиллерии. Выглядывала из окопов наша пехота. Бойцы трясли головами, чтобы прогнать глухоту.

После авиационного налета артиллерия возобновила сокрушающие удары, ведя огонь строго по плановой таблице артиллерийского наступления.

В 11 часов 15 минут залп «катюш» потряс воздух. По всему фронту прорыва огненные хвосты раскрасили небо на узкие полосы. Горизонт снова окрасился в багровый цвет.

Над исходным рубежом взвились и зависли гроздь сигнальных ракет, возвещая начало атаки. Поднимая вихри снега, из укрытий двинулись наши танки с десантами автоматчиков. Цепи пехоты 372-й стрелковой дивизии, сопровождаемые огненным валом, устремились к первой позиции врага. Через несколько минут из сотен глоток вырвалось дружное, раскатистое «Ур-р-р-а-а!»...

Первая линия вражеских траншей была захвачена с ходу. Полки 372-й стрелковой дивизии приблизились к Рабочему поселку № 8, но полностью овладеть им не смогли. Используя выгодное положение поселка, противник превратил его в сильно укрепленный узел сопротивления. Очагами обороны стали здесь каменные дома, насосная станция, деревоземляные и железобетонные сооружения. Наступление на этом участке затормозилось. Противник при поддержке танков предпринял яростную контратаку и потеснил наши батальоны к окраине поселка. И опять пехоте помогли артиллеристы. Сосредоточенным огнем нашего полка и других артчастей удалось приостановить контратаку врага и нанести ему большие потери. Пехотные штурмовые группы захватили несколько каменных домов и дотов, сумели закрепиться в них и теперь вели бой в окружении.

Между нашим НП и наступающей пехотой проходила глубокая канава шириной 15—20 метров. Она простреливалась с флангов пулеметным и минометным огнем, то и дело обрывавшим телефонные провода. Редко какому связисту удавалось уцелеть тут, пока он устранял очередной обрыв кабеля.

Помогла смекалка. Разведчик Григорий Шибанов, прослуживший перед войной пять лет на флоте, связисты

Н. Оверкулов, Н. Гилязов привязали полевой кабель к гранате без запала и перебросили через канаву связистам, которые приползли с огневых позиций батареи. Связь была восстановлена без потерь. Этот метод быстро распространился и не раз в дальнейшем выручал в бою. Так устанавливали мы позднее связь от дома к дому, через простреливаемую улицу, железнодорожное полотно, насыпную дорогу и т. п.

После полудня огневые средства 372-й стрелковой дивизии были перенацелены южнее и севернее Рабочего поселка № 8, куда сумели продвинуться наши пехотинцы. Неожиданно я получил указание передать батарею командиру взвода управления лейтенанту Таратуте, а самому явиться на КП полка. Там майор Воронин приказал мне срочно принять 5-ю батарею, командир которой был тяжело ранен, а командир взвода управления младший лейтенант Фетисов убит. Не теряя времени, отправился на огневые позиции батареи. Дальнейшая моя военная судьба была связана с этой батареей целый год. Бойцы и командиры были смелыми, инициативными воинами. Особенно по душе пришелся старший на батарее Алексей Николаев, двадцатилетний, но уже опытный офицер с хорошей организаторской жилкой, умевший увлечь подчиненных на выполнение боевой задачи.

Наступила первая после начала наступления ночь. Еще больше похолодало. С Ладоги тянул пронизывающий ветер, гнал по изрытому торфяному полю бурю поземку. Снаряды и мины рвались с необычным звуком, будто лопались от мороза. Укрытий не было никаких, кроме звездного шатра над головой. Мы с пехотинцами расположились на ночь в воронках, канавах. От холода не спасали даже валенки и шубы. Во временных наших укрытиях стали появляться сперва робкие, а потом запыхали всю жаркие костры. У противника тоже засветились костры.

К нашему костру подошли пехотные разведчики с двумя «языками». Два здоровенных гитлеровца дрожали от холода, лица были осунувшиеся и посиневшие. Рукава и полы шинелей обгорели. Разведчики сказали, что взяли их у костра.

Наша авиация, развесив на парашютах осветительные ракеты, всю ночь наносила бомбовые удары по тылам противника. От интенсивной бомбардировки вражеских позиций земля дрожала даже в нашем расположении.

13 января наша часть поддерживала второй батальон 1236-го стрелкового полка, который весь день вел упорные бои на северной окраине Рабочего поселка № 8, но про-

двинулся только на 100—300 метров. Оборона врага в этом месте была насыщена дотами и дзотами, их не мог разрушить наш минометный огонь.

В этот день противник ввел в дело до тех пор неизвестные нам шестиствольные минометы. Выстрел из этого оружия был схож со скрипучим криком ишака. Бойцы сразу окрестили эти минометы «ишаками» и «скрипунами». Мина работала по принципу нашего реактивного снаряда. При полете за ней тянулся огненный шлейф. Летела мина по крутой траектории. Ее полет сопровождался многоголосым звенящим подвыванием, угнетающе действовавшим на психику. Но достаточно было залечь в окоп или воронку, чтобы обезопасить себя от взрывной волны и осколков. Для массирования огня гитлеровцы вели стрельбу сразу из нескольких установок с временных огневых позиций, часто расположенных прямо у дорог. Первое время шестиствольные минометы доставили нам много хлопот, пока мы научились вести с ними борьбу.

На следующий день мороз был еще крепче. Руки прилипали к металлу. Утром командир батальона поставил нам задачу на уничтожение ряда целей, мешавших продвижению пехоты. Используя огневую поддержку, подразделения стрелков одним махом заскочили на северную окраину Рабочего поселка № 8. Завязалась рукопашная схватка, короткая, ожесточенная.

Батальон отвоевал за день две линии траншей и захватил три вражеских дзота и несколько блиндажей. Батарейные разведчики тоже захватили небольшой блиндаж, где мы стали по очереди обогреться. Вся северная часть Рабочего поселка была очищена от противника.

Войска 2-й ударной армии за день вышли на линию Рабочих поселков № 4 и 5, овладели станцией Подгорная и продолжали атаки западнее рощи Круглой. Обойденные с флангов, очаги сопротивления врага в Липках и Рабочем поселке № 8 были блокированы.

Перед рассветом 15 января полк сменил огневые позиции и переместился в район между поселками № 4 и 8. Это давало возможность лучше маневрировать огнем по фронту и дальности.

Противник с утра усилил артиллерийско-минометный обстрел, активизировалась его авиация. Попытки наших частей овладеть блокированными очагами сопротивления в Липках и Рабочем поселке № 8 нейтрализовались ожесточенными контратаками врага при поддержке танков.

Примерно в полдень со стороны противника началась сильная артиллерийская стрельба. А в воздухе в это вре-

мя шли ожесточенные схватки наших и вражеских самолетов. Проводная связь с огневыми позициями то и дело рвалась. Многие связисты наших батарей вышли из строя.

Наконец фашисты перенесли огонь в глубину нашей обороны. И мы сразу увидели, как напротив позиции в боевой порядок разворачивается более десятка вражеских танков. Жерла их пушек выплескивали пламя, пулеметы поливали свинцом наши окопы. За танками, пригнувшись, бежала пехота.

Позади нашего НП резко ударила наша сорокапятка. Ее поддержала другая. После каждого выстрела пушки полягушачьи подпрыгивали на раскинутых станинах, выбрасывая со звоном пустые гильзы. Вскоре три вражеские машины были подбиты. Остальные прорвались и стали утюжить траншеи, где находились стрелки. Пехотинцы не растерялись, противотанковыми гранатами и бутылками «КС» подбили и подожгли еще два танка, а пехоту прижали к земле пулеметно-автоматным огнем и гранатами.

Один танк, пробившись через окопы стрелков, устремился на ближайшую пушку. Не дрогнув, бойцы всадили под башню два снаряда. Однако танк успел надвинуться на сорокапятку, раздавил ее и сам, дернувшись, замер. В тот же миг борт его разворотил снаряд 76-мм пушки, стоявшей в глубине нашей обороны.

Другой танк шел на наш НП. У нас, как назло, не оказалось под рукой ни противотанковых гранат, ни бутылок с горючей смесью. Рядом находившийся расчет противотанкового ружья, очевидно, нервничал и стрелял неточно. Позади нас сорокапятка тоже молчала, позже мы узнали — у пушки заклинило затвор. А танк с лязгом и грохотом, осыпая землю, накрыл окоп. Сразу стало темно, сверху что-то заскрежетало и сухо треснуло — должно быть, выстрелила пушка.

Едва танк съехал с окопа, как мой ординарец сибиряк Сережа Азанов выскочил из укрытия, достиг позиции ПТР, схватил у раненого солдата ружье и выстрелил два раза в моторную часть танка. Кто-то под гусеницу метнул связку гранат. И грозная машина застыла на месте. Из ее моторной части показались струйки дыма, огонь потек по броне, извиваясь змейками. Выбравшийся из танка экипаж сдаться в плен не захотел и был уничтожен.

Один из танков врага на полном ходу с десантом на броне устремился к НП четвертой батареи. Командир батареи лейтенант Зацепя связкой гранат подорвал бронированную машину, но сам получил тяжелое ранение. Разведчики батареи уничтожили десантников автоматным огнем

и гранатами. Бутылками с горючей смесью подожгли вражеский танк, который все еще огрызался огнем. В командование батареи вступил командир взвода управления лейтенант Борис Егоров.

Бой затих к вечеру. На изрытом воронками поле догорали вражеские танки. Задрав хвост, недалеко от нас торчал «хейншель». Развороченная взрывами земля курилась едкой испариной. Низко над нами зависли рваные космы угарного дыма.

С тыла на НП пришли бойцы. Они принесли в термосах горячую пищу. От них мы узнали, что огневые позиции наших батарей тоже были в критически-опасном положении. До полутора десятков фашистских танков из Рабочего поселка № 4 предприняли яростную атаку, сумели прорваться и выйти в тыл огневым позициям полка. Начальник штаба капитан Недачин организовал круговую оборону. Политсостав полка разошелся на самые опасные участки и оставался с батареями на оборонительных позициях. Командир расчета сержант Иван Константинович Литовченко сумел проскочить через боевые порядки вражеских танков и связаться с артиллерийским дивизионом капитана Григорьева. Артиллеристы сразу пришли на помощь и ударили по танкам врага. С тыла подоспели наша пехота и несколько танков. Решительной контратакой вклинившийся противник был разгромлен. Наши подразделения ворвались в Рабочий поселок № 4. В бою за поселок вражеской пулей был сражен отважный командир дивизиона капитан Григорьев.

В разгар боя кончились мины. Сержанты Иван Данилович Елкин и Петр Григорьевич Кувькин под сильным обстрелом сделали несколько опасных рейсов на санях упряжках и доставили боеприпасы.

Заряжающие Михаил Васильевич Сергеев и Филипп Павлович Терехов заменили наводчиков и продолжали вести огонь, выполняя обязанности за товарищей.

В сложных условиях работали связисты. Они много раз выходили на линию, под огнем устраняя порывы кабеля. Особо отличились в этот день красноармейцы-связисты Иван Яковлевич Пиваков, Николай Сидорович Оверкулов, Андрей Степанович Васельчук, Василий Иванович Иванищев.

Из артиллерийских разведчиков особым уважением пользовались Иван Васильевич Колотов, Николай Николаевич Аввакумов, Яков Федорович Кожевников, Михаил Нестерович Лысак.

16 января после артподготовки 372-я стрелковая дивизия при поддержке 122-й танковой бригады решительным штурмом овладела Рабочим поселком № 8. В полосе 2-й ударной армии в этот день все узлы сопротивления противника в первой и второй линиях обороны были ликвидированы. Гитлеровское командование ввело в бой свежие силы, но изменить ход событий уже не могло.

Разрозненные вражеские группировки, находившиеся на южном побережье Ладожского озера, сосредоточились севернее Рабочего поселка № 1 в ударный кулак и предприняли психическую атаку. Противник хотел рассеять боевые порядки 372-й стрелковой дивизии и прорваться к Синявино. Под барабанный бой и устрашающий рыцарский марш цепь за цепью, с винтовками наперевес и автоматами, прижатыми к животу, шли на нас пьяные фашисты. Их поддерживали танки и бронетранспортеры. Над головами шеренг — штандарты и знамена со свастикой. Это было страшное и, я бы сказал, трагическое шествие. Враг шел навстречу своей гибели. Видя такое, даже бывалым воинам нелегко было сохранить хладнокровие.

Поступила команда не стрелять, подпустить ближе. Все припали к оружию. Расстояние сокращалось, но время, казалось, остановилось. Кругом стояла гнетущая тишина. Гитлеровские солдаты шли, по-бычьему склонившись вперед, с перекошенными от злобы лицами. Нарастал гул моторов, заглушая барабаны.

Командир батареи лейтенант Таратута откуда-то притащил с разведчиками пулемет. Сноровисто заправил ленту, изготовился к бою.

Сейчас уже не помню, на каком удалении мы открыли огонь по врагу. Это была настоящая стальная вьюга для противника. Каждый залп нашей артиллерии косил шеренги врага. Последние ряды не выдержали, повернули назад, но были уничтожены пулеметным и автоматным огнем 12-й лыжной стрелковой бригады. Она еще накануне совершила марш-бросок по Ладожскому озеру и зашла в тыл противнику.

Из-за плохой видимости мне приходилось до слез напрягать зрение, чтобы не потерять из виду наши наступающие цепи и вовремя поддержать их огнем. Когда стрелковые подразделения приблизились к окраине Рабочего поселка № 1, я не поверил своим глазам: навстречу им, словно призраки, из дымящегося поселка вышли шеренги пехоты. Я быстро стал готовить данные для стрельбы, чтобы поставить им заградительный огонь. Но было

уже поздно: вот-вот должна была вспыхнуть рукопашная схватка.

И вдруг... сходящиеся шеренги побежали друг к другу навстречу. Вверх полетели шапки-ушанки. С той и другой стороны послышалось мощное «ура!». А потом все перемешалось, закружилось.

Свершилось!

В этот раз, однако, нам побывать в объятиях ленинградцев не пришлось. Минометчики получили срочный приказ поддержать огнем 1236-й стрелковый полк 372-й дивизии, наступавшей южнее Рабочего поселка № 1. Противник там оказывал упорное сопротивление.

На 11 часов 30 минут была назначена 30-минутная артподготовка в районе роши Туфель, где проходил сильно укрепленный рубеж врага. Началась усиленная подготовка к решительному броску. Пехотинцы подтаскивали патроны, гранаты, пулеметные коробки, осматривали оружие. Командиры батарей заканчивали пристрелку целей. Со стороны противника стрельба совсем прекратилась.

Настал, а потом прошел срок артподготовки. А команда все не поступала. Мы терялись в догадках. Неожиданно в стороне противника, куда мы должны стрелять, вспыхнула сильная винтовочная и пулеметная стрельба. Через несколько минут она так же внезапно смолкла.

Загадка вскоре разрешилась. Мы увидели, как из роши Туфель, где был противник, в нашу сторону выехали два конника на немецких битюгах. Они размахивали руками и что-то кричали. Когда они подъехали к нам, мы узнали, что это были два командира из разведотряда Ленинградского фронта. Оказалось, ленинградцы выбили врага из роши без помощи нашей артиллерии. Противник отошел к Синявинским высотам.

Услышав такую новость, наши пехотинцы сорвались с места и помчались к роше. На одной из полянок бойцы и командиры обнимались, целовались, не сдерживая слез радости выстраданной победы. Вскоре нашлись среди волховчан и ленинградцев земляки, и начались задушевные беседы. Откуда-то появилась гармошка с драными мехами, гармонист сыпанул русскую...

Так продолжалось около часа. Но вот послышалась команда, и мы, теперь уже вместе с ленинградцами, повернули на юг, двинулись в сторону Синявинских высот для расширения прорубленного коридора.

В этот день 136-я стрелковая дивизия и 61-я танковая бригада Ленинградского фронта, отразив контратаку врага, на его плечах ворвались в Рабочий поселок № 5, где

соединились в полдень с частями 18-й стрелковой дивизии и 16-й танковой бригады Волховского фронта.

Утром 19 января мы с волнением услышали сообщение Советского Информбюро об этом событии.

*Ф. В. ГОРЛЕНКО,
генерал-майор в отставке,
в 1943 году начальник
оперативного отделения
штаба артиллерии
2-й ударной армии*

В ИНТЕРЕСАХ ПЕХОТЫ И ТАНКОВ

В декабре 1942 года Ленинградский и Волховский фронты получили приказ Ставки Верховного Главнокомандования снять блокаду Ленинграда. И сразу началась напряженная работа по подготовке операции.

Учитывая специфику театра — лесисто-болотистую местность, частые снегопады и туманы, ограничивающие боевое применение авиации, — командование нашего фронта отводило в ней большую роль артиллерии. Для этого привлекались 2885 орудий и минометов, из них 2206 — в полосе наступления 2-й ударной армии.

Артиллерию 2-й ударной армии в то время возглавлял генерал-майор артиллерии Д. Д. Калашников. Это опытный, волевой артиллерист, имевший глубокие специальные знания и умевший твердо, без колебаний, с удивительной энергией и настойчивостью проводить принятое решение в жизнь. Он был немногословен, внешне даже несколько суров, однако никогда не допускал в обращении с подчиненными грубости и обидной резкости. К огромному сожалению, генерал Калашников погиб в конце описываемой операции на КП 2-й ударной армии от прямого попадания в блиндаж вражеского снаряда. В его лице советская артиллерия потеряла талантливое военачальника, а его соратники — опытного руководителя и доброго боевого товарища.

Под стать генералу Калашникову были его ближайшие помощники. Должность начальника штаба артиллерии армии занимал полковник Т. И. Бондарев, смелый и энергичный командир. Он хорошо знал артиллерию, обладал исключительной работоспособностью, умел быстро схватывать главное, не терялся в самой сложной обстановке. Придя на должность начальника штаба артиллерии с поста командующего артиллерией стрелковой дивизии,

он сумел в короткий срок сколотить штаб, сделать его гибким органом управления.

Заместителем у Калашникова был полковник В. Н. Мясоедов, старый артиллерист с богатейшей практикой. Был он безотказен и неутомим в боевой работе, много трудился в войсках, для чего не жалел времени. Как никто другой, он мог помочь командирам и штабам, поддержать их в трудную минуту и нацелить на главное.

Запомнился начальник разведки подполковник В. М. Федорович. Этот невысокий, худощавый, с аскетическим лицом, уже немолодой офицер в совершенстве знал все тонкости артиллерийской разведки и был хорошим организатором ее.

Начальником отделения кадров был майор С. И. Руднев — очень живой и подвижный здоровяк, умевший и любивший работать с людьми. Ему во многом обязана артиллерия армии хорошо подобранным руководящим составом частей.

Четкостью и исполнительностью отличались старший офицер оперативного отделения майор Гвоздевич, оператор капитан Дроздов. Память сохранила имена и других тружеников штаба, без помощи которых не было бы так успешно и в сравнительно короткие сроки проведено планирование боевого применения артиллерии в операции. Я имею в виду чертежников, машинисток, офицеров и солдат отдела, ведавших размножением, приемом и рассылкой документов в подчиненные части. Среди них особенно выделялся старшина Дмитрий Босый, оформлявший графические документы и умевший работать без усталости. Был он общим любимцем, и гибель его в боях за освобождение Советской Прибалтики в 1944 году мы восприняли тяжело. Добрыми фронтовыми товарищами были чертежники Бортников и Арсентьев. Особенно тепло слова заслуживают машинистки Вера и Галя, которым приходилось размножать огромное количество боевых документов. Девушки работали в сложных условиях, стойко переносили трудности фронтовой жизни.

Штаб артиллерии работал сутками, часто без сна и отдыха. Ночью и днем, в пургу и лютый мороз каждый из его сотрудников самоотверженно шел на выполнение задания и всегда стремился сделать необходимое точно и в срок. Офицеры и солдаты трудились вдохновенно, творчески решали различные вопросы, способствуя этим наиболее эффективному использованию артиллерии.

12 декабря штаб приступил к планированию боевого применения артиллерии в операции. В целях сохранения

военной тайны оно проводилось как военная игра. Исходные данные в ней были максимально приближены к условиям предстоящих действий.

Распределение артиллерии было произведено в соответствии с замыслом командарма на операцию и предусматривало ее массирование на направлении главного удара. Небезынтересно привести данные, характеризующие количество артиллерии в соединениях армии и создаваемые плотности.

На направлении главного удара должны были действовать 327-я и 376-я стрелковые дивизии. Первая из них получала участок прорыва в 1,5 километра. Плотность орудий и минометов составляла у нее на 1 километр фронта 365 единиц. На участке прорыва в 2 километра другой дивизии обеспечивалась плотность 183 орудия и миномета на 1 километр фронта. Всего на направлении главного удара сосредоточивалось 537 минометов и 377 орудий. Не было забыто и вспомогательное направление. Здесь приходилось 101 орудие и миномет на 1 километр фронта¹.

Созданная группировка артиллерии имела некоторые особенности. В армии были созданы две артиллерийские группы — «Северная» и «Южная». Последняя, действовавшая на главном направлении, была более мощной по составу. Обе группы имели подгруппы в дивизиях первого эшелона в составе одного-двух пушечных артполков.

Армейская группа артиллерии разрушения (АР) имела подгруппы во всех дивизиях первого эшелона (кроме 256-й стрелковой дивизии, не имевшей усиления артиллерией), в составе от батареи до полка орудий большой мощности. В связи с тем что группа АР действовала на широком фронте (во всей полосе наступления армии), огневые задачи ее подгруппам определялись в дивизиях. В минометную группу армии входили все гвардейские минометные части РВГК. В период артиллерийской подготовки атаки группа использовалась централизованно, по плану армии. С началом наступления большая часть ее состава переподчинялась дивизиям первого эшелона.

В дивизиях для каждого стрелкового полка создавалась группа поддержки пехоты (ПП) в составе от одного до трех минометных и артиллерийских полков. Артгруппы дивизионного ополчения не создавались. Впервые в данной операции была создана контрминометная группа. Ее огнем было уничтожено 11 минометов, подавлено 15 минометных батарей, 3 артбатареи, 10 шестиствольных мино-

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 4073, д. 171, л. 33.

метов. Ее высокая боевая эффективность подтвердила целесообразность формирования специальных контрминнометных групп в дивизиях при условии большого насыщения обороны противника минометами. Они нашли широкое применение в последующих наступательных операциях.

В ходе наступления широко применялись орудия прямой наводки. Это было обусловлено большим насыщением обороны противника дзотами, блиндажами, различного рода заграждениями и сложностью привлечения для стрельбы по ним артиллерии, расположенной на закрытых позициях. В условиях бездорожья орудия прямой наводки явились незаменимым средством непрерывного сопровождения наступающих пехоты и танков. Общая численность орудий прямой наводки (45 мм, 76 мм и 122 мм) составляла 204 единицы на 11,5 километра фронта прорыва, то есть около 18 единиц на 1 километр. В дивизиях, действовавших на направлении главного удара, число орудий прямой наводки было в 1,5—3 раза выше¹.

По инициативе командующего и начальника штаба артиллерии армии был разработан новый оригинальный документ — график артиллерийского наступления. В нем наглядно отображались действия артиллерийских групп по времени. Своеобразно была спланирована артиллерийская поддержка атаки пехоты и танков: определялись общая задача артиллерии на этот период, метод, а для дивизий главного направления — и глубина ведения огня.

В дивизиях также проводилось детальное планирование. Вот как это выглядело применительно к конкретным условиям наступления 327-й стрелковой дивизии. В боевом приказе командующего артиллерией было указано: «В период обеспечения атаки сопровождать пехоту и танки огнем валом на всю глубину рощи Круглая и ПСО по участкам сев. и южн. этой рощи...» Кроме того, определялся расход боеприпасов для артиллерии, привлекавшейся к артиллерийской поддержке атаки. В соответствии с этим документом в штабе артиллерии дивизии были определены основные и промежуточные рубежи огневого вала, установлен состав привлекаемой артиллерии, рассчитаны ее огневые возможности, нарезаны и распределены участки на каждом рубеже огневого вала, определен требуемый расход боеприпасов, порядок ведения и переноса огня по рубежам.

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 4094, д. 23, л. 2 — 46.

Одновременно велась интенсивная разведка противника, которая давала возможность непрерывно уточнять и конкретизировать огневые задачи артиллерии. В целях сокращения сроков планирования в конце декабря все командующие артиллерией дивизий первого эшелона и командиры артгрупп получили необходимые боевые оперативные документы, выполненные в виде отдельных боевых распоряжений, и исчерпывающие устные указания командующего артиллерией армии. Это позволило организовать работу одновременно во всех звеньях: в армии, в дивизиях, в артгруппах. В результате резко ускорилась обработка боевых оперативных документов, возросло качество их выполнения. Выигрыш во времени оказался весьма кстати. Артиллерийские командиры получили дополнительную возможность поработать на местности и по организации взаимодействия.

Уже к 5 января все боевые оперативные документы были доведены до командиров артиллерийских групп, а к 8 января — и до командиров дивизионов и батарей. В 376-й дивизии, например, вопросы взаимодействия в звене командир артгруппы — командир полка были решены к 6 января, в звене дивизион — батальон — к 8-му, а в звене рота — батарея — к 10 января. Ход планирования тщательно контролировался. В итоге к началу боевых действий каждый командир батареи знал конкретные цели, время ведения огня по ним и расход боеприпасов.

Для участия в операции в состав армии должны были поступить с других участков фронта более сорока артиллерийских и минометных частей. Все они прибывали в установленные сроки и сосредоточивались в определенных для них местах, хотя армия располагала всего двумя станциями выгрузки — Войбокало и Новый Быт. Этому способствовал и разработанный штабом артиллерии армии план сосредоточения артиллерии. Наладили контроль за его осуществлением. Офицеры дежурили на станциях выгрузки, встречали части, вручали командирам боевые распоряжения, в которых были указаны район сосредоточения, маршрут следования и контрольное время. При необходимости выделялись проводники. Все передвижения совершались только ночью. Некоторые части прибывали походным порядком. Для их встречи тоже высылались офицеры штаба с боевыми распоряжениями.

За подготовительный период удалось тщательно оборудовать позиционные районы артиллерии. Для орудий были отрыты окопы, а там, где это было невозможно сделать, — поставлены бревенчатые срубы. Для личного со-

слава оборудовались землянки. На ряде позиций производилась расчистка секторов обстрела, подготавливались подъездные пути. Все боевые порядки были хорошо замаскированы, и случаев обнаружения их противником с воздуха и наземных наблюдательных пунктов не было. Выбору огневых позиций для орудий прямой наводки предшествовала тщательная рекогносцировка местности с участием общевойсковых командиров.

Позиционные районы артиллерии, входившей в состав артгрупп, были заняты в период с 22 декабря по 5 января. Орудия прямой наводки выводились на огневые позиции в ночь на 12 января.

Представляют интерес мероприятия по организации взаимодействия артиллерии 2-й ударной армии Волховского фронта и 67-й армии Ленинградского фронта. Для увязки действий и взаимной информации был произведен обмен офицерами связи. Кроме того, для связи с Ленинградским фронтом и 67-й армией была выделена мощная радиостанция.

Взаимодействующие стороны обменялись сигналами и кодированными картами. Для увязки организации контрбатарейной борьбы начальник разведотдела 2-й ударной армии выезжал в штаб 67-й армии. Для детального ознакомления с обстановкой и уточнения огневых задач в полосе действий названных объединений в штаб артиллерии 2-й ударной армии приезжал командующий артиллерией Ленинградского фронта генерал-майор артиллерии Г. Ф. Одинцов. Взаимодействие предусматривалось осуществлять путем взаимной информации об обстановке (в ответственные моменты операции передаваемой через каждые 3—4 часа) и постановкой огневых задач на подавление особо мешавших артбатарей противника и на огневое воздействие по другим важным целям. Все эти мероприятия в значительной степени способствовали эффективному применению артиллерии и успешному проведению операции.

В 9.30 утра 12 января 1943 года началась артиллерийская подготовка на всем фронте наступления армии. Позиции противника обрабатывались 1 час 45 минут, после чего пехота, сопровождаемая огненным валом на направлении главного удара и ПСО на вспомогательных направлениях, двинулась в атаку на вражеские позиции. Хорошо организованная разведка, тщательно спланированный огонь, большое количество средств, участвовавших в артиллерийском наступлении, значительное количество орудий прямой наводки обеспечили эффективное подавле-

ние обороны противника, нарушили его управление и деморализовали гарнизоны опорных пунктов. Однако уцелевшие дзоты и огонь из глубины затрудняли движение наступавшей пехоты. Остатки гарнизонов опорных пунктов яростно оборонялись, стремясь во что бы то ни стало сдержать натиск наших войск.

В течение последующих дней продолжались напряженные бои на всех направлениях. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Каждый дзот, каждую траншею наши части брали с боем, упорно продвигаясь вперед. Для развития успеха командование 2-й ударной армии своевременно вводило свежие силы. И уже 17 января наши части подошли вплотную к Рабочему поселку № 1 и завязали бой на окраине Рабочего поселка № 5. Между Волховским и Ленинградским фронтами оставался узкий перешеек в 1,5—2 километра, который противник оборонял с невиданным ожесточением, стремясь удержать его для вывода остатков своей шлиссельбургской группировки.

А утром 18 января войска армии завершили прорыв обороны противника и соединились с войсками Ленинградского фронта. Этим была выполнена историческая задача: была прорвана блокада Ленинграда.

Боевая работа артиллерии в операции свидетельствует о высоком мужестве, воодушевлении и воинском мастерстве всего личного состава. Артиллерия в буквальном смысле расчистила путь пехоте и обеспечила ей овладение решающими опорными пунктами. Только дивизионная артиллерия 327-й дивизии своим огнем разрушила и уничтожила 52 дзота и блиндажа, 4 склада, 40 различных огневых точек, подавила 2 минбатареи и 12 минометов, рассеяла и частично уничтожила до батальона пехоты¹.

Впечатляют итоги огневой деятельности артиллерии 2-й ударной армии за январь 1943 года. Всего за этот период уничтожено: 941 дзот, 22 артбатареи, 50 минометных батарей, 111 отдельных орудий, 117 отдельных минометов, 468 пулеметов, 34 танка, 26 складов; подавлено: 101 батарея, 159 минометных батарей, 56 отдельных орудий, 61 отдельный миномет, 229 пулеметов².

Операция по прорыву блокады Ленинграда характеризуется частыми перегруппировками сил и средств с целью создания решающего превосходства на главных направлениях. Очень много пришлось маневрировать и артилле-

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 4094, д. 23, л. 2—46.

² Там же, д. 23, л. 48.

рии — при вводе в сражение свежих соединений, изменении направления главного удара, решении внезапно возникавших задач.

В первые дни операции переключение артиллерии на поддержку вводимого соединения с участков соединений, уже ведущих бой, осуществлялось, как правило, без смены боевых порядков, маневром траекториями. Однако в дальнейшем, при значительном продвижении частей первого эшелона, переключение артиллерии на поддержку вводимых соединений резко усложнялось, так как требовало значительных перемещений артиллерийских частей в короткие сроки. О размахе маневра артиллерии можно судить по тому, что за первые шесть дней боев в армии перемещаться пришлось всей дивизионной артиллерии и 20 артиллерийским и минометным частям РВГК. Многим из них даже дважды и трижды. Столь частые перегруппировки проводились в труднейших условиях бездорожья, зимнего времени, при недостатке средств тяги и транспорта и в короткие сроки. За крайне редким исключением, маневрирующие артиллерийские части успевали своевременно вступить в бой и поддержать действия стрелковых частей и подразделений.

В этой операции артиллеристы показали образцы мужества и умения, готовности к самопожертвованию во имя победы. Офицеры и солдаты были охвачены высоким боевым порывом — задача по прорыву блокады Ленинграда воодушевляла всех на боевые подвиги, героические поступки. Отлично действовала в боевой обстановке вся без исключения батальонная, полковая и дивизионная артиллерия. Отличились многие минометчики, гаубичники частей усиления, а также артиллеристы полков большой мощности.

Вот лишь некоторые примеры.

Командир 792-го артполка 256-й стрелковой дивизии подполковник Семенов, павший смертью храбрых, лично руководил огнем орудий прямой наводки и обеспечил уничтожение подавляющего большинства огневых средств противника в полосе наступления дивизии. Командир батареи 894-го артполка 327-й дивизии лейтенант Метелин, будучи ранен, не покинул НП и до конца боя вел огонь по противнику.

Смело и решительно действовали в бою командиры 1-й и 5-й батарей 165-го минометного полка старший лейтенант Староверов и лейтенант Балутин, следовавшие со стрелковыми подразделениями и обеспечившие им эффективную огневую поддержку.

Командир взвода 894-го артполка 327-й дивизии старший лейтенант Супрун после выхода из строя расчета одного из орудий сам стал за наводчика и с помощью замполита батареи старшего лейтенанта Галахова в течение дня уничтожал живую силу и огневые средства противника.

Командир миномета 499-го минометного полка младший сержант Я. Д. Попов, несмотря на ранение и потерю крови, продолжал вести огонь. Связист этого же полка рядовой Н. Д. Волков, будучи дважды контужен и засыпан землей, не ушел с линии до тех пор, пока не восстановил связь. Связист рядовой Лещенко под сильнейшим огнем противника исправил все повреждения на линии и обеспечил командира надежной связью с огневой позицией.

Можно без преувеличения сказать, что героизм артиллеристов 2-й ударной армии был массовым. Своими боевыми делами, высоким воинским мастерством, беспримерным мужеством и отвагой они внесли достойный вклад в замечательную победу под Ленинградом, в успешное выполнение исторической задачи по прорыву блокады города.

*И. Н. БУРАКОВСКИЙ,
генерал-майор запаса,
бывший командир 73-й морской
стрелковой бригады*

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Не могу не рассказать о замечательном человеке и воине, бесстрашном разведчике Николае Чекавинском, которого многие считали погибшим, а он оказался жив. За срок пять лет армейской службы мне не раз приходилось встречаться с мужественными людьми, но с такими, как Чекавинский, вряд ли можно столкнуться дважды.

Приходилось ли вам слышать, чтобы человек с начисто оторванной рукой мог еще в течение семнадцати часов оставаться в строю и продолжать руководить боем своего подразделения? А Николай Чекавинский мог. Это было в незабываемые дни прорыва блокады Ленинграда.

Командир взвода разведки третьего батальона бригады старшина 1-й статьи Николай Васильевич Чекавинский был хорошо известен войнам. Еще в марте 1942 года, в боях на реке Янзеба, он с разведчиками И. В. Булаковым, С. В. Хусаиновым, С. Я. Мартыновым, С. М. Французовым, И. Г. Карповым и другими десятки раз ходил за

линию фронта и в неимоверно трудных условиях добыл несколько «языков» — они в ту пору очень были нужны командованию.

В сентябре того же года бригаду перебросили под Синявино. Мы шли к острию клина, которым волховчане стремились протаранить вражескую оборону и выйти на соединение с войсками Ленинградского фронта. Тогда углубились на 5—6 километров, но на флангах прорыва, ширина которого составляла 4—5 километров, противник удерживал сильно укрепленный пункт Тортолово. Из этого пункта он наносил удары по нашим войскам.

Наступление приостановилось. Гитлеровцы стремились отрезать прорвавшиеся вперед советские войска. Наша бригада должна была не дать сомкнуться его клещам. Больше двух недель днем и ночью не прекращался бой.

Местность болотистая, дорог нет. Днем все пространство простреливается насквозь, даже проползти невозможно. В этих условиях наши разведчики отыскивали проходы, встречали и сопровождали выходившие из «котла» подразделения.

Николай Чекавинский, топограф по профессии, до войны исколесил с теодолитом полстраны. Он участвовал в реконструкции Мариинской системы, в сооружении канала Москва — Волга, в проектировании Куйбышевского гидроузла. Он хорошо читал карту, прекрасно ориентировался в любой обстановке. Во вражеский тыл он предпочитал пробираться небольшими группами, но с преданными друзьями. На синявинских болотах почти каждую ночь Чекавинский уходил за линию фронта изучать оборону врага. Притащил еще пять «языков», из которых один оказался много знающим гитлеровским офицером.

В начале октября 1942 года бригада в основном выполнила свою задачу, но наш третий батальон оказался во вражеском кольце. Обессилевшая бригада не могла оказать ему достаточной помощи. Через сутки в батальоне кончились боеприпасы и продовольствие, без медицинской помощи стали умирать раненые. У меня не было никаких резервов. И в этот момент я подумал о Николае Чекавинском, в опыт солдата и талант разведчика которого я верил всей душой. По радиации передал комбату-3 Анискову и комиссару Работягову: «Помочь ничем не могу. Положитесь на Чекавинского. Он сделает все возможное. Выходите за ним через болота. Если сохранится связь — подержим огнем».

Чекавинский нашел тропу через болота. Одну-единственную. По ней можно было только проползти. И войны

третьего батальона — их оставалось к тому времени 147 человек — вверили судьбу отважному разведчику. Чтобы не сбиться с тропы, Чекавинский предложил использовать телефонный кабель: находясь впереди, он будет разматывать катушку, а остальные, держась за провод, последуют за ним. Уговорились: огонь открывать лишь в крайнем случае.

Три часа ползли бойцы по болоту неполные три километра под носом у противника. Когда батальон уже выбрался на сухое место, враг, по-видимому, все же заметил что-то и, осветив местность ракетами, открыл пулеметный и минометный огонь. Несколько человек было ранено, в их числе и Чекавинский. Однако все 147 человек были спасены. Было спасено и Знамя части. Чекавинский отказался от госпитализации. Бригадные врачи на ходу залечили его раны.

После сентябрьских боев бригада отошла на переформирование и отдых. А в начале 1943 года она вновь подошла к Тортолову, чтобы принять участие в прорыве блокады Ленинграда.

В январе 1943 года Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов проверил готовность морской бригады к боям. Кто-то из моих заместителей рассказал ему о разведчике Чекавинском. Климент Ефремович заинтересовался им. После беседы с ним он поблагодарил Чекавинского за службу, пожелал ему новых успехов и перед строем бригады наградил его именными часами. На внутренней стороне крышки была выгравирована надпись: «Сердечно дарю именные часы перед строем 73-й морской бригады отважному, мужественному, бесстрашному разведчику Чекавинскому. Ворошилов К. Е. 6.1.43 г.»

Морозным утром 12 января 1943 года наши части начали прорывать оборону противника. О такой обороне обычно пишут: долговременная, многополосная, сильно укрепленная. Что она представляла из себя на нашем участке, мы уже знали по сентябрьским боям.

Бригаде предстояло взять Тортолово — сильно укрепленный пункт врага, напоминавший морской форт. Командование Волховского фронта понимало трудность поставленной перед нами задачи.

В течение первых двух дней ожесточенных боев нам не удалось продвинуться ни на шаг. Живучими оказались огневые точки врага, глубоко врытые в землю. Наши танки встречались сильнейшим огнем и, неся потери, не могли продвинуться дальше первой траншеи. К утру 13 января в сводной роте третьего батальона выбыли из

строю командир и его заместитель. С моего разрешения командовать сводной ротой был назначен Н. Чекавинский.

Вот тут-то и проявился талант советского воина. Обходя позиции своей роты, Чекавинский видел, как его боевые друзья засыпают в траншеях при 30-градусном морозе и почти не реагируют на близкие разрывы снарядов. Но по бессистемному, случайному огню противника он чувствовал, что и враг вымотан вконец. У Чекавинского возникла дерзкая мысль: ведь этим можно воспользоваться — впереди ночь, только бы суметь бесшумно сблизиться и внезапно атаковать врага.

Его план был одобрен и утвержден. Решили тортоловскую крепость врага взять ночным внезапным штурмом сводной роты чекавинцев.

— Братки! — обратился к морякам Чекавинский. — Перед нами поставлена ответственная боевая задача. Сегодня ночью попытаемся штурмом взять Тортолово. Обойдем укрепления стороной. Убежден, что это возможно. Но буду откровенен, и вы должны об этом знать: идем почти на верную смерть. Кто готов со мною на подвиг во имя Родины добровольно — шаг вперед!

Из восьмидесяти человек сводной роты семьдесят пять моряков сделали этот шаг.

Я приказал артиллеристу полковнику Д. А. Морозову приготовиться к огневому налету по Тортолово, но Чекавинский категорически запротестовал.

— Противника тревожить не надо, — сказал он, — огневому налету не делать и режима огня не менять до тех пор, пока моряки не окажутся в Тортолове.

Я согласился с его решением.

13 января 1943 года в 22.00 сводная рота вышла на задание. Впереди, рядом с Чекавинским, шли проверенные в деле его товарищи — разведчики Иван Буланов, Сергей Хусаинов, Иван Карпов, Михаил Мартынов. Все в немецкой форме, в руках кинжалы. С затаенным дыханием они подбирались к фашистским дозорным и часовым, бесшумно снимали их, освобождая путь роте. Почти два часа ползли смельчаки вперед, обходя опорный пункт врага слева.

В 24.00 рота подобралась к вражескому опорному пункту с запада. Ночную тишину разорвали автоматные очереди, взрывы гранат. В свете разрывов и обильно вывешенных всполошившимися фашистами осветительных ракет мы увидели над холмом красное знамя — кусок кумача, прихваченный с собой моряками. Через несколько ми-

нут заработала артиллерия обеих сторон. Наша артиллерия прикрывала роту от вражеских атак с запада, а дзоты противника ограждали огнем свою крепость от проникновения наших подкреплений с востока. Тортоловская позиция была в сплошном огненном кольце, а внутри этого клокочущего ада шел рукопашный бой. Противник был застигнут врасплох. Многие фашисты выскакивали из блиндажей полураздетыми. Траншеи были завалены трупами. В один из блиндажей наши бойцы заталкивали пленных.

Но силы были неравными. Противник оборонял Тортолово отборным батальоном, а с нашей стороны действовала лишь рота моряков. Оправившись от внезапности, враг начал оказывать сильное сопротивление. Некоторые огневые точки он удерживал в течение ночи и всего дня 14 января и своим огнем исключал возможность подхода наших подкреплений. В то же время огневые точки врага, захваченные нами, вели огонь в упор, прямо в лоб, отбивали все контратаки противника.

Около часу ночи в рукопашной схватке Николай Чекавинский был тяжело ранен. Ему оторвало левую руку по локоть. Санитара поблизости не было, товарищи наспех перетянули предплечье жгутом, сделанным из провода, и хотели отнести пострадавшего в укрытие. Но мужественный командир заявил: «Все по местам! Будем драться, пока бьется сердце».

Возбужденный боем, Николай ни на минуту не прекращал командовать ротой. Он расставлял воинов для обороны, отражал контратаки, выкуривал противника из еще не занятых огневых точек. И так продолжалось в течение всего дня 14 января. Преодолевая нечеловеческую боль, Чекавинский оставался на командирском посту, продолжал руководить боем. Своей железной волей, мужеством он звал на подвиг товарищей. Крепость Тортолово была взята и удержана. Но еще до того как подоспело подкрепление, Чекавинский был еще раз тяжело ранен — перебита вторая рука, ребро, повреждена правая нога.

Я узнал о беспримерном поведении Чекавинского в бою после. Помню, как мимо командного пункта пронесли на носилках отважного разведчика. Бригадный врач, осмотрев раны Чекавинского, доложил, что положение безнадежное из-за многочисленных ран и громадной потери крови. Медицинская помощь, по-видимому, не понадобится.

Я подробно доложил командующему фронтом К. А. Мерецкову о подвиге Николая Чекавинского. Командующий

приказал срочно оформить наградные документы и нарочным доставить в штаб фронта. Было решено представить Чекавинского к званию Героя Советского Союза, остальных храбрецов — к другим боевым наградам. Кроме того, командующий приказал объявить о подвиге моряков всему личному составу бригады.

Наградной материал был немедленно доставлен. Начальник штаба третьего батальона капитан Н. П. Малик понес наградные документы в штаб фронта. Но вот ведь как бывает в горячке боя. Наградной материал не попал по назначению: капитан Малик вместе с сопровождавшим его краснофлотцем погиб в пути от вражеского снаряда. А в батальоне считали, что материалы доставлены. Я тоже не проверил этого.

А потом? После прорыва блокады Ленинграда морскую бригаду расформировали, моряки были отозваны на флот и заканчивали войну на кораблях. И так все постепенно забылось.

Но оказалось, что Николай Чекавинский, уже находясь в госпитале, совершил еще один подвиг: он победил смерть. В санитарной роте, куда наш герой был доставлен в бессознательном состоянии, ему сделали переливание крови. Военфельдшер Логинова отдала ему 400 граммов своей крови. Затем его срочно отправили в госпиталь санитарным поездом, следовавшим на Урал. Полгода пролежал он в госпитале в Ирбите. Могучий организм моряка с помощью внимательных, заботливых врачей выстоял. После госпиталя Чекавинский вернулся в Москву, женился, воспитал хорошего сына.

Об этом я узнал много лет спустя после войны от ветеранов нашей 73-й морской бригады. Получил много писем, в которых сообщалось о том, что Николай Чекавинский жив, а его геройские подвиги остались неотмеченными. Я решил исправить допущенную мною ошибку. В повторных наградных документах прямо написал: «Беру вину лично на себя».

В судьбе прославленного героя горячее участие принял Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков. Несмотря на тяжелую болезнь, маршал возбудил ходатайство о награждении Николая Чекавинского, которого он хорошо помнил по боевым делам на фронте. Отмечая особую роль смельчаков Чекавинского в захвате Тортолово, маршал писал, что эта сильно укрепленная противником высота долго перекрывала главное направление прорыва блокады Ленинграда и что «захват Тортолово был важным оперативным успехом для дальнейшего раз-

грома немцев на этом решающем направлении прорыва блокады».

В 1967 году, накануне 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы участников войны. В Москве орденом Красного Знамени наградили двух человек. Один из них — Николай Васильевич Чекавинский.

*А. З. БЕЛОЗЕР,
полковник в отставке,
бывший начальник политотдела
43-й зенитно-артиллерийской
дивизии*

КОММУНИСТЫ — И ГОРДОСТЬ, И ПРИМЕР

В годы Великой Отечественной войны армейские коммунисты на всех фронтах выступали проводниками политики партии в солдатских массах. Они были первыми помощниками командиров при проведении их решений в жизнь, мобилизовали бойцов на образцовое выполнение заданий на фронте борьбы с фашистскими захватчиками, способствовали укреплению воинской дисциплины, повышению бдительности. И если мы сегодня с гордостью говорим, что Советская Армия является армией массового героизма, то должны отметить, что первыми среди отважных бойцов за честь, свободу и независимость нашей Родины были люди с партийным билетом у сердца. Во имя долга они не щадили ни своей крови, ни самой жизни. Примеров тому более чем достаточно. Мне хотелось бы рассказать о коммунистах 43-й зенитно-артиллерийской дивизии РГК, участвовавшей в прорыве блокады Ленинграда.

Дивизия создавалась в декабре 1942 года. В это время Волховский и Ленинградский фронты готовились к исторической битве по прорыву блокады города Ленина. В сколачиваемых расчетах, батареях, полках коммунисты вместе с командирами рассказывали бойцам о значении предстоящих боев, воспитывали у них жгучую ненависть к фашистским захватчикам. Для этого активно использовалась периодическая печать, встречи с участниками боев на Северо-Западе, рассказы местных жителей, освобожденных от вражеской оккупации. В числе страстных пар-

тийных пропагандистов были коммунисты Даньшин и Зражевский, Рывкин и Манякин, Власенко и Осадчий, Семченков и Долгих. Они имели разные воинские звания, занимали различные должности, но одинаково целеустремленно проводили работу в войсках.

В первые дни после формирования дивизии коммунистов было немного — всего 82 члена и кандидата партии. Их помощниками выступали комсомольцы, которых в подразделениях насчитывалось 126 человек. Но дело не в количестве, хотя отмечу, что политаппарат дивизии и полков принимал необходимые меры по созданию партийных и комсомольских организаций в каждом подразделении. С самого начала существования соединения коммунисты проявляли усердие в службе, являлись примером в дисциплине. Они поднимали на щит славы участников прошедших боев, обобщали их опыт, учили на нем молодежь.

Дивизия еще не была в боях, своих героев, как и боевой истории, у нее еще не было. Но в подразделения в числе пополнения пришли участники боев под Москвой, Тихвином и в других местах. По просьбе коммунистов они рассказывали о сильных и слабых сторонах противника, о том, как его сподручнее бить. В свою очередь, по инициативе членов партии Даньшина и Стельмашука было организовано фотографирование отличившихся ранее в боях воинов при развернутом Боевом Знамени части. Фотокарточки вместе с благодарственными письмами посылались родным. А ознакомление личного состава с ответными письмами из родных мест бойцов оказывало сильное моральное воздействие, поднимало боевой дух.

Начались бои по прорыву блокады осажденного Ленинграда. 1464-й полк нашей дивизии, которым командовал подполковник Л. С. Анисимов, занимал огневые позиции южнее населенного пункта Липки. С первых минут наступления батареи полка находились в боевых порядках 128-й стрелковой дивизии. Авиация противника вначале не проявляла активности — не позволяла погода. Зенитки поддерживали огнем и колесами стрелковые подразделения. Враг упорно сопротивлялся. Наши бойцы по колено в снегу на себе тащили пушки. После четырехчасового боя на одном участке произошла заминка. Наступление стрелков приостановилось. На позицию зенитной батареи капитана Парфенова прорвалась группа вражеских танков и автоматчиков. Не растерялся боевой командир, смелый и отважный коммунист. Он призвал личный состав

стоять на боевых местах насмерть, беспощадно и метко разить врага.

— Первому и второму орудиям — огонь бронебойными по танкам, третьему и четвертому — по вражеским автоматчикам! — распорядился командир батареи.

От интенсивной стрельбы стволы пушек накалились. Несмотря на 30-градусный мороз, пот градом катился с бойцов. В трех расчетах осталось по 3—4 человека из семи. Раненые отказывались уходить, оставались на боевых постах.

— Буду сражаться до последней капли крови, — говорил комсомолец Александр Семенов. И сражался до тех пор, пока враг не был отброшен. После этого он хотел отправиться на перевязку. Но сам не мог идти. Обессиленного и обескровленного, его унесли на носилках.

Бой продолжался. Несмотря на потерю двух танков, враг наседал. Находившийся на батарее парторг полка Долгих собрал в критическую минуту пулеметчиков, связистов, разведчиков, вооружил всех гранатами и бутылками с зажигательной смесью и сам возглавил группу: «Поможем товарищам уничтожить фашистов!»

В этом бою старший лейтенант Долгих был ранен, но продолжал оставаться на поле боя. Вскоре на помощь зенитчикам пришли стрелки с противотанковыми ружьями. В этом тяжелом бою батарея коммуниста Парфенова уничтожила четыре и подбила три вражеских танка, истребила несколько десятков фашистов.

Второй день наступления — 13 января. Небо ясное. Фашистские стервятники с самого утра стали большими группами появляться над нашими позициями.

— Еще на дальних подступах, — рассказывал комдив полковник И. Г. Бурдаев, — полки открыли заградительный огонь. Вражеские самолеты не пошли напролом. Рассредоточившись, они пытались наносить удары с разных направлений. Маневрируя огнем, мы не давали возможности врагу бомбить наши боевые порядки. Как и всегда в этих случаях, противник решил уничтожить наше зенитное прикрытие. Серьезным испытаниям в тот день подверглись батареи 464-го полка. Восемь раз по 6—8 самолетов появлялись гитлеровцы над их позициями.

Опытный зенитчик, умелый организатор и воспитатель, командир полка коммунист М. И. Прозеров искусно управлял огнем, смело отбивал атаки врага. Вдохновляемые примером командира, героически руководили своими батареями капитаны Соковчук и Крижиневский. Прорвавшись

сквозь завесу огня, вражеские самолеты сбросили на батарею Соковчука свыше 50 бомб и гранат. Вся огневая была перепахана вдоль и поперек. Пострадал и сам комбат: взрывной волной его отбросило в сторону. Орудия комсомольцев Репина и Соловьева оказались опрокинутыми. Но это не остановило мужественных зенитчиков. Пока самолеты делали очередной разворот, зенитчики батареи Крижиневского продолжали стрельбу. Им удалось сбить один «юнкерс». Тем временем комбат Соковчук пришел в себя, личный состав батареи быстро восстановил порядок, и огонь по врагу продолжался.

— По направляющим, по направляющим! — уточняют командиры расчетов комсомольцы Репин и Соловьев, помогая подчиненным в исполнении команд.

Снаряды рвутся рядом, в самой гуще стервятников. Командир взвода комсомолец лейтенант Белишко, видя усталость своих боевых товарищей, помогает подносить ящики со снарядами.

Над батареей звучит громкое «ура!», когда сразу два стервятника, объятые густым дымом, с ревом и свистом врезаются в землю.

Так сражались в этот день зенитчики. Вечером во всех подразделениях были проведены беседы об итогах боя, выпущены боевые листки. С большим подъемом воспринял личный состав зенитных подразделений благодарность командующего артиллерией 2-й ударной армии, наблюдавшего нашу боевую работу.

Прорыву блокады Ленинграда радовались все советские люди, но особенно торжествовали, конечно, сами ленинградцы. К воинам Волховского фронта стали приезжать делегации ленинградских трудящихся. В свою очередь, наши воины посещали предприятия города, где знакомились с условиями их работы и жизни. Делегация одного из ленинградских заводов, которую сопровождал заместитель начальника политотдела дивизии капитан К. В. Сергеев, в сентябре 1943 года побывала на огневой позиции батареи капитана Парфенова. Батарея стояла в Рабочем поселке № 1. Делегаты уже собирались уезжать, когда начался налет вражеских самолетов. Одна из работниц, входившая в состав делегации, попросила разрешения посмотреть боевую стрельбу артиллеристов-зенитчиков.

— Получилось как по заказу, — вспоминал потом Константин Владимирович Сергеев. — Самолеты шли прямо на нас. Комбат подал команду. Заградогонь не остановил

воздушных стервятников. Разделившись на три группы, они продолжали полет, даже снизили высоту. Зенитчики сражались отважно. И вот один из самолетов загорелся. Начал разваливаться в воздухе по частям.

По возвращении домой делегация рассказала об отличной работе наших зенитчиков в заводской газете «Вперед».

Много славных страниц в летопись Великой Отечественной войны вписали коммунисты 635-го полка. Заместителем командира по политчасти здесь был майор Л. И. Андельман. С особым удовлетворением я вспоминаю командира орудия коммуниста сержанта Александра Николаевича Каменского. В армию он был призван в ноябре 1941 года и оказался на плацдарме под Невской Дубровкой. Здесь в первом же бою он был ранен. После госпиталя служил в разных частях ПВО, охранявших небо Ленинграда. В начале 1943 года был направлен на передовую под Красный Бор, где в жестокой схватке с врагом получил ранение и контузию. В апреле он прибыл в наш 635-й полк. В его составе прошел боевой путь от Синявина до предместий Златой Праги. Высоко пронес Александр Николаевич звание члена ленинской партии. На его боевом счету сбитые самолеты врага, уничтоженные танки и самоходки, огневые точки и сотни фашистов. Орудие № 1284 прославленного расчета ныне находится в Ленинградском военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Впечатляющи боевые дела зенитчиков батареи 37-мм пушек, которой командовал коммунист старший лейтенант Ефимов. Это был хорошо подготовленный зенитчик, умелый организатор и воспитатель, боевой и решительный командир. Его батарея при прорыве блокады Ленинграда прикрывала подразделения 462-го стрелкового полка. Комбат Ефимов за мужество в борьбе с врагом был удостоен ордена Александра Невского. Шестеро из его батареи также получили правительственные награды.

Заслуженным авторитетом в дивизии пользовался командир расчета, парторг батареи старшина Андрей Павлович Зюзин. Он начал свой боевой путь с первого дня войны на Юго-Западном фронте. В сентябре 1942 года в составе одного из полков будущей 43-й зенитно-артиллерийской дивизии он прибыл на Волховский фронт.

Возглавляя парторганизацию батареи, он проявлял большую заботу о повышении авангардной роли комму-

нистов в бою. В начале 1943 года парторганизация батареи (комбатом здесь был коммунист капитан А. И. Казепов) насчитывала в своих рядах 18 коммунистов. В боях по прорыву блокады Ленинграда зенитчики подразделения показали себя с самой лучшей стороны. В период наступления наших войск батарея двигалась в боевых порядках подразделений 372-й стрелковой дивизии, помогая им огнем и колесами. Мужественно сражался расчет коммуниста Зюзина. Стараясь не отставать от наступавших подразделений, зенитчики по глубокому снегу перекатывали на себе орудия, отбивали атаки вражеских самоходок и автоматчиков. Как руководитель парторганизации старшина Зюзин после каждого боевого дня обходил расчеты, беседовал с коммунистами, напоминал им об их месте и роли в бою.

Вот один из примеров того, как Зюзин действовал в бою. Было это во второй день нашего наступления. Над полем боя показалась группа фашистских самолетов. Зенитчики открыли заградогонь. Разрывы ложились у самых целей, но самолеты продолжали лететь. Зюзин поменялся местами с наводчиком, молодым зенитчиком, еще не обладавшим достаточным боевым опытом, и прильнул к прицелу. Фашистский самолет, словно почувствовав опасность, начал маневрировать. «Не уйдешь, сволочь!» — проговорил Зюзин, и длинная очередь прошила фашистского стервятника. Кувыркаясь, он пошел к земле, волоча за собой шлейф черного дыма.

За день боя батарея переместилась вперед на четыре километра и записала на свой лицевой счет четыре самолета противника. Из них два пришлось на расчет коммуниста Зюзина.

Старшина Зюзин для личного состава служил примером четкого исполнения служебного долга, высокой партийной принципиальности. С каждым боем повышалось мастерство расчета, увеличивался его вклад в победу над врагом. Так, в боях под Ропшей и Кингисеппом на счету расчета было 7 подбитых самолетов, 3 танка и одна самоходная установка.

Долог был путь к Победе. Его славно прошел коммунист Андрей Зюзин со своими боевыми товарищами Евсеевым, Бондаренко, Морским, Терентьевым, Бойко и Филипповым. Это был отличный расчет в отличной батарее.

Можно продолжать примеры. Все они свидетельствуют о том, что коммунисты в бою были и гордостью подразделений, и примером для всех воинов.

Сметая все, штурмуя доты,
Где глушь непроходимая,
Идет российская пехота,
Идет непобедимая.

И там, где пули землю роют,
И там, где в молниях гора,
Везде летит, гремит родное
И перекатное «ура!».

— И смерть врагам! —

Им гнить в болотах,
Ведь за страну родимую
Идет российская пехота,
Идет непобедимая.

Когда-нибудь, должно быть, скоро
Настанет миг, народ вздохнет,
Настанет день такой, с которым
На всей земле гроза замрет.

Тогда с желанною охотой
К труду, навек любимому,
Пройдет российская пехота,
Пройдет непобедимая.

Во все дома войдет победа,
Ко всем сердцам она прильнет,
И вот, на час какой, к соседу
Бывалый воин завернет.

И, выпив стопку для затравки,
Как стогаммовку, без манер,
На стул присядет иль на лавку
Орденосный кавалер.

И так, нисколько не в обиду
Юнцам, что в избу собрались,
Он скажет: «Мы видали виды,
Мы под Синявином дрались!»

1943 г.

*А. И. ШУМАЧЕВ,
бывший командир батареи
76-мм пушек 1252-го стрелкового
полка 376-й стрелковой дивизии*

ОДИН ПРОТИВ ПЯТНАДЦАТИ

Весной 1943 года после прорыва блокады Ленинграда наш 1252-й полк 376-й стрелковой дивизии держал оборону на юго-восточной окраине роши Круглая. Кто находился тогда на восточных скатах Синявинских высот, знает, что представлял собой наш передний край. Настоящая неразбериха: отдельные наши подразделения глубоко вклинились в оборону противника, а некоторые мощные дзоты врага находились буквально в метрах от наших боевых порядков. Особенно опасный вражеский дзот был на участке обороны первого батальона.

Командир полка полковник Гринев приказал командиру взвода разведки лейтенанту Ивану Петровичу Степанову уничтожить этот дзот, а при благоприятных обстоятельствах попытаться захватить в плен его гарнизон.

Действовал лейтенант Степанов предельно просто. Он договорился с артиллеристами, чтобы по его сигналу орудие, находившееся неподалеку, открыло по этой цели огонь и ослепило противника, а сам он организует наблюдение за дзотом. Командир артиллеристов с пониманием отнесся к просьбе полкового разведчика и выделил для этой цели несколько снарядов. Орудие начало стрелять.

Пользуясь этим прикрытием, разведчики подкрались к дзоту. По сигналу Степанова орудие прекратило огонь, и тогда разведчики, не мешкая, ворвались в дзот. Пятеро гитлеровцев еще не успели подняться с пола, где они прятались от обстрела. Здесь их и пленили наши разведчики.

Через день таким же образом подчиненные Степанова овладели вторым дзотом. Еще семь гитлеровцев привели они в штаб полка.

Все это было сделано столь мастерски, что разведчики не понесли никаких потерь. За эти мужественные действия лейтенанту Степанову был вручен орден Отечественной войны I степени. Офицер стал первым кавалером ордена Отечественной войны в нашем 1252-м полку.

Позже, в 1944 году, когда я находился в 943-м артполку той же дивизии, мне один из товарищей рассказал, что в боях по окончательному снятию блокады Ленинграда было обнаружено тело погибшего лейтенанта Степанова в окружении пятнадцати трупов гитлеровцев. Что здесь произошло — неизвестно. А что погиб коммунист

Степанов Иван Петрович, уроженец села Иткуль Чулымского района Новосибирской области, героически — это факт!

*Г. МАКАРОВ,
в 1943 году
заместитель командира
истребительно-противотанковой
батареи по политической части
256-й стрелковой дивизии*

САША БОЛДЫРЕВ, ЗАРЯЖАЮЩИЙ

В составе истребительно-противотанковой батареи 256-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии мы с Сашей Болдыревым участвовали в прорыве блокады Ленинграда в районе 8-го Рабочего поселка.

12 января 1943 года, в 9 часов 30 минут, вместе с другими орудиями и минометами ударили по врагу и пушки нашей батареи. Прямой наводкой мы расстреливали блиндажи, дзоты и доты гитлеровцев.

Бои на всех рубежах были исключительно упорными. Продвижение наших войск замедлилось. Положение осложнялось еще и тем, что в районе боев было очень мало дорог. Леса, болота, торфяники, не промерзшие даже при 25-градусном морозе, препятствовали сосредоточению боевой техники — танков, тяжелых орудий. В этих условиях особая роль отводилась легкой артиллерии.

Трудно приходилось солдатам нашей батареи. В первый же день боя были ранены командир орудия, два орудийных номера. Лошади — основная тягловая сила — погибли от артиллерийско-минометного огня.

Прячась за бронированным щитом от вражеских пуль и осколков, утопая в вязких болотах и снежных сугробах, выбиваясь из последних сил, мы шаг за шагом вместе с пехотой продвигались вперед. Саша Болдырев, он был у нас заряжающим, подбадривал ребят, вместе с ними вытаскивая из глубокой колеи застрявшую пушку.

— Им ведь тоже не легче, — показывал он в сторону Ленинграда. — Нам, братцы, торопиться надо!

И мы торопились. Вновь назначенный подносчик едва успевал обеспечивать снарядами. Было хорошо видно, как от наших шрапнельно-осколочных и бронебойно-зажигательных снарядов падали фашисты, замолкали вражеские огневые точки, взлетали в воздух блиндажи. Заряжающий Болдырев трудился без усталости: ровно шелкал орудийный затвор, надежно запирая в стволе очередной снаряд. А ко-

гда стрельба на время затихала, Саша, не думая об отдыхе, бежал к складу снарядов, тащил тяжелые ящики к пушке.

— Потом, потом отдыхать будем. Сначала с врагом рассчитаемся, — говорил он.

Видимо, гитлеровцам солоно приходилось от нашей пушки. Неоднократно шквалы огня обрушивались на место ее расположения. По щиту то и дело цокали пули, осколки снарядов и мин. За нами охотились вражеские снайперы.

В один из вражеских налетов был разбит оптический прицел нашей пушки, и она «ослепла».

— Что делать, Саша? — спрашиваю своего помощника. — Неужто не сумеем больше поддерживать товарищей?

— Не унывайте, товарищ замполит (я в то время был заместителем командира батареи по политчасти). Мы их, гадов, и без прицела достанем!

Саша открыл затвор, заглянул в ствол пушки, направляя ее на новую цель. Огонь нашего орудия не прекращался.

Вражеская огневая точка заставила залечь нашу атакующую пехоту.

— Поддержите, братцы! — прибежал к нам связной командира стрелковой роты. — Прижал нас к земле, гад ползучий.

— Дадим огоньку? — обращаюсь к Саше.

— Так точно, дадим!

Связной показал огневую точку, мешавшую продвижению нашей пехоты. Мы развернули пушку, навели по стволу и сделали первый выстрел. Пулемет сначала замолк, а потом опять застрочил. Снаряд за снарядом досылал в ствол комсомолец Болдырев.

— За Родину! За Ленинград! — приговаривал он всякий раз.

В один из моментов, нажав на рычаг спуска, я вдруг не ощутил знакомого подскакивания пушки и выстрела. Обернулся: Саша лежал на спине, в руках крепко держал очередной снаряд. Разгоряченный боем, он, видимо, не заметил, как поднялся выше бронированного щита. Тут его и настигла вражеская пуля.

На лице Саши, которого еще редко касалась бритва, сохранялась мягкая мальчишеская улыбка: мгновением раньше он, видимо, успел заметить, что наша пушка расправилась с вражеской огневой точкой и рота дружно, с криком «ура!» рванулась в атаку.

Наше прощание с Сашей было до обидного коротким. Три автоматные очереди да скупые слова: «Прощай, боевой друг, мы отомстим за тебя!» Наступление продолжалось. Похоронили комсомольца Александра Болдырева шедшие за нами другие товарищи.

Саша Болдырев (я знал, родом он из Грязовецкого района Вологодской области) не встретился с воинами Ленинградского фронта, не дожидаясь радостного дня Победы. Но он сделал все, что мог, чтобы защитить Родину, чтобы скорее прорвать блокадное кольцо вокруг города Ленина.

Мне очень хочется, чтобы о моем боевом друге знали люди. Не умирают герои в памяти народной, а Саша Болдырев был настоящим героем.

Сам я участвовал в боях на Волховском, Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах. Три раза ранен. Инвалид Великой Отечественной войны. В настоящее время работаю главным инженером нормативно-исследовательской станции Минсельстроя УССР, проживаю в Новой Каховке.

*А. В. АФАНАСЬЕВ,
генерал-майор в отставке,
бывший начальник войск связи
2-й ударной армии,
В. Н. МАШИН,
полковник-инженер*

ПО ТОРФЯНЫМ БОЛОТАМ И ТОПЯМ

Связистам 2-й ударной армии в операции по прорыву блокады Ленинграда предстояло решить целый комплекс задач. На их плечах была организация связи в период сосредоточения и развертывания войск армии в исходном положении для наступления, обеспечение ее бесперебойной работы в ходе наступления войск на всю глубину операции. Требовалось также предусмотреть возможность переключения связи с западного направления на южное в случае переноса боевых действий в южном направлении после прорыва, разработать и осуществить меры по организации связи взаимодействия и взаимному опознанию частей Ленинградского и Волховского фронтов при их встрече, в ходе сражения, в глубине освобождаемой территории.

Для решения этих задач в составе войск связи 2-й ударной армии были 123-й отдельный полк связи, 360-й отдельный линейный батальон связи, 26, 42, 279, 464 и

976-я отдельные кабельно-шестовые роты, 40-я и 138-я отдельные телеграфно-строительные роты и 336-я отдельная телеграфно-эксплуатационная рота.

Местность, на которой разворачивалась и протекала операция, представляла собой поросшие мелким кустарником торфяные болота, изрытые множеством карьеров, то есть достаточно открытое и трудно преодолеваемое пространство. Правда, в известной мере эти карьеры способствовали защите и маскировке кабельных линий связи от арт-огня и воздушных бомбардировок, но одновременно и затрудняли передвижение людей, боевой техники, транспорта. Постоянные и шестовые линии строились на укороченных железных опорах. Местность подсказывала, что связистам придется столкнуться с частыми повреждениями линий связи. Поэтому в целях быстрее устранения обрывов было установлено большое количество контрольных телефонных постов.

Руководство боевыми действиями велось с ВПУ армии, удаленного от передовой на 8—10 километров. Войска поддерживали 14-я воздушная армия и ряд других приданных ей частей и соединений. С учетом этого обстоятельства пришлось создать развернутую сеть проводной связи и узел связи, принявшие на себя (без корпусных управлений) до 20 направлений.

Чтобы избежать лишних потерь в личном составе и технике в ходе боев, узел связи на КП и ВПУ армии рассредоточивался по отдельным укрытиям и блиндажам. Таким образом, каждое направление имело свое укрытие.

Схема проводной связи на начало операции принципиально состояла из двух частей: связи с тылами и соседями (при помощи «тяжелых» средств связи, преимущественно по постоянным проводам с применением телеграфных аппаратов Бодо и СТ-35) и связи с передовыми боевыми соединениями и частями (преимущественно по малогабаритным полевым кабельным и шестовым линиям телефонной и телеграфной связи).

В ходе операции не предполагалось сложных и глубоких маневров. Это обстоятельство определяло характер организации связи. За каждой дивизией на всю операцию закреплялось по одному линейному кабельно-шестовому взводу. При продвижении дивизии вперед линии связи удлинялись. Маневрирования средствами и силами связи в этих условиях не требовалось. В случае ввода в бой других соединений за ними также закреплялись определенные взводы проводной связи.

Таким образом, организация проводной связи в ходе описываемого сражения была сравнительно простой и ясной. Это, однако, не значило, что было просто обеспечивать устойчивую и безотказную связь в сложившихся условиях. Оборонявшие выступ фашистские войска упорно сопротивлялись. Ожесточенные бои не прекращались. Обе стороны несли большие потери в живой силе и вооружении. Связисты не были исключением. Частые повреждения линий связи артминометным огнем противника всякий раз требовали выходов на их восстановление. В течение двухнедельных боев в 239-й и 80-й стрелковых дивизиях было из строя по 100 связистов; в 364-й дивизии — до 180 связистов. В десяти дивизиях за этот период выбыли тысячи связистов. Возникали большие трудности в подготовке замены им. Части и подразделения связи понесли большие потери в технике и имуществе связи. Десятки единиц аппаратуры и сотни километров кабеля и шестовых линий были уничтожены огнем противника.

* * *

После осуществления прорыва и организации нашей обороны на отвоеванном у врага шлиссельбургско-синявинском выступе была перестроена и сеть проводной связи.

КП 2-й ударной армии из поселка Бабаново перешел на место ВПУ в район школы автотракторных кадров. В районе Рабочего поселка № 1 был создан новый ВПУ армии. Линии проводной связи, ранее проложенные от ВПУ к пяти дивизиям (256, 191, 11, 71, 314-й), обращенные на запад, были удлинены и замкнуты теперь на узел связи КП.

Управление дивизиями (90, 224, 239, 80, 364-й сд, 73-й сбр), действовавшими в южном направлении, замыкалось на новый ВПУ армии. К этим дивизиям были заново проложены кабельные и шестовые линии связи. Учитывая интенсивный обстрел этого района артиллерией противника, ВПУ был перемещен из района Рабочего поселка № 1 на Ладожский канал.

Вдоль берега Ладожского озера от поселка Верхняя Назия к новому ВПУ армии были построены две осевые линии связи, каждая в два провода, а также малогабаритная линия связи с выходами на КП и ВПУ армии. Созданная система давала возможность образования обходных и дублирующих каналов связи в случае повреждений тех или других линий. Поскольку все дивизии и другие соединения и части устанавливали связь между собой, обра-

зовалась в целом весьма густая сеть прямых и обходных каналов, что обеспечило устойчивость и непрерывность проводной связи в звене армия — дивизия.

В звене дивизия — полк проводная связь действовала менее устойчиво вследствие частого повреждения линий огнем противника. Во многих случаях устранять обрывы можно было только в ночное время. В звене полк — батальон телефонная связь была крайне неустойчивая, а в звене батальон — рота она в большинстве соединений и частей отсутствовала из-за выбытия из строя большого количества связистов и средств связи.

В силу этих обстоятельств было обращено особое внимание на организацию радиосвязи во всех звеньях. К началу операции армейское командование и штаб имели радиосвязь с командованием соединений, командирами частей различных родов войск. В период подготовки армии к наступательной операции с момента перехода КП армии в район сосредоточения (Бабаново) радиосвязь работала только на прием. В целях маскировки на месте старого КП (г. Старая Ладога) была оставлена радиостанция, которая работала по ранее действовавшим радиоданным и отвечала на вызовы раций фронта по заранее составленному расписанию, а также производила поверку радиосвязи с соседними армиями, остававшимися до последнего момента на старых местах дислокации. Радиосвязь на передачу была разрешена в артсетях с 9 часов 30 минут 12 января 1943 года, в армейских, дивизионных и других радиосетях, а также по направлениям с 67-й армией Ленинградского фронта — с 10.00 того же дня, то есть уже после начала операции.

В целях обеспечения уверенной радиосвязи и в предвидении встречи войск двух фронтов радиосвязь была организована по специальным направлениям, по которым передавалась взаимная информация о ходе боевых действий. Каждое направление имело свою волну и позывные (пароли) для вхождения в связь и для опознавания друг друга.

Связь по радионаправлениям была установлена немедленно после начала наступления армий и действовала бесперебойно. Обмен сообщениями велся сначала по кодовой переговорной таблице, телеграфом, а затем микрофоном. На случай потери радиосвязи или ее расстройств по каким-либо причинам были назначены общая резервная волна и один позывной.

Итоговые донесения о действиях радиосвязи позволяют сделать общий вывод, что во всех радиосетях армии, ди-

визий и бригад радиосвязь работала устойчиво. Внутри соединений радиосвязь использовалась мало. С одной стороны, этому препятствовало ограниченное количество анодных батарей, из-за чего радиосвязью в звене дивизия — полк разрешалось пользоваться только в период нарушения проводной связи. С другой стороны, сказывалась слабая отработка штабами вопросов скрытого управления войсками. Встречались еще в некоторых частях и случаи радиобоязни: как-никак техника, с нею надо уметь обращаться. А вдруг подведет? Телефон и связные надежнее, рассуждали некоторые командиры и тем пытались оправдать свое осторожное отношение к радиосредствам.

Мы, специалисты, понимали эту слабость в подготовке некоторых командиров. Старались восполнить пробелы, но условия для этого не всегда имелись.

Радиопомех со стороны противника не зарегистрировано, но были случаи совпадения волн сетей с волнами вещательных радиостанций противника. Слабо пользовались радиосвязью при медленных темпах продвижения и при действиях на сравнительно малых расстояниях. В этих случаях целесообразнее оказывалась проводная связь.

Для доставки корреспонденции адресатам была организована связь подвижными средствами: в армии имелись 7 автомашин ГАЗ АА, 45 конных посыльных и 42 лыжника. Для приема и отправки корреспонденции были организованы пункты сбора донесений, которые находились при КП; ВПУ и втором эшелоне штарма.

В звене дивизия — полк успешно работали конные и пешие посыльные на лыжах. Для связи со штабом 67-й армии Ленфронта в начале операции была организована эстафета автомашин через Липки — Колосарь — Кобона — Ваганово, а с 24 января связь осуществлялась через ВПУ 67-й армии в районе Рабочего поселка № 2.

В общем все подвижные средства связи работали хорошо и обеспечивали своевременную доставку корреспонденции адресатам. За период с 12 по 20 января в общей сложности поступило 9918 пакетов и было отправлено 14 070. Потерь в личном составе среди этой категории связистов почти не было.

В тяжелых боях по прорыву блокады Ленинграда связисты 2-й ударной армии примерно выполняли свой долг. За самоотверженные действия по обеспечению командиров связью многие воины были награждены орденами и медалями СССР. Благодарную память мы храним о тех, кто не дожил до Победы, кто ценою своей жизни преградил путь фашизму.

Я. Л. ТРУТНЕВ,
в 1943 году телефонист
роты связи
364-й стрелковой дивизии

НАЗЫВАЛИ НЕРВОМ АРМИИ

Наша 364-я стрелковая дивизия в тот период располагалась в районе станции Жихарево и готовилась к предстоящим боям. Дел у всех по горло. Не сидели и мы, связисты, сложа руки. В нашей службе в общем-то не приходилось бывать без работы — война и для связистов испытание. Вот и тогда от центральной телефонной станции в разные направления убегали провода — в полки, в батальоны. По ним к исполнителям неслись команды, распоряжения, а снизу вверх — доклады. Образно говоря, провода как нерв в живом организме: есть связь — идет жизнь, а нет ее — беги на линию, связист, ищи обрыв.

В тот день, а было это 9 января 1943 года, командир взвода младший лейтенант Скорев приказал Потапову, Гаранину, Тимошенко и мне под руководством старшего сержанта Урмоева проложить проводную связь к соседу слева — на КП стрелкового полка. Задание не ахти какое. Мы, как положено в таких случаях, приготовили все необходимое и сами собрались. Старший сержант Урмоев сориентировался на местности, исчислил азимут. Дальше, как говорится, дело техники.

Скоро мы подошли к сосновому лесу. Повозочного с лошадью пришлось отправить обратно, а имущество связи взяли себе на плечи.

КП полка размещался в крошечном и тесном блиндаже.

— Товарищ майор, — обратился Урмоев к находившемуся там майору, — я — сосед справа, куда прикажете поставить телефон?

Блиндаж был уже забит всевозможными аппаратами. Оглядевшись по сторонам, майор выбрал наконец место.

— Ставьте вот сюда, рядом с этим телефоном. Только места для телефониста в блиндаже нет.

Мы и сами это видели. Закончив установку телефона, мы вышли наружу. Урмоев приказал мне и Николаю Гаранину организовать промежуточную телефонную станцию «Дуная», а остальным подыскать что-нибудь для жилья.

Захватив катушку провода и два аппарата, мы с Гараниным пошли организовывать промежуточную. В поисках подходящего блиндажа набрали на землянку. Ткнув ногой

в дверь, Гаранин открыл ее. Нас обдало теплым воздухом:

— Ба, да это ведь баня, Яков! Живем! Заходи!

Я перешагнул порог и почувствовал, как под ногами чавкают мокрые доски.

Было уже за полночь, когда к нам в баню-землянку пришел командир взвода. Предполагая, что этот участок связи будет наиболее уязвимым, Скорев решил сам находиться здесь. Пока он разговаривал по телефону с командиром роты, мы с Гараниным, прижавшись друг к другу, дремали. Заметив это, Скорев сказал:

— Сейчас второй час ночи. Я подежурю, а вы немного поспите. Нужно будет — разбужу...

Наступило утро 12 января 1943 года. Мы уже не спали, а сидели на корточках и с хрустом жевали сухари, запивая водой из котелка, когда раздались первые артиллерийские залпы. Битва, целью которой был прорыв блокады Ленинграда, началась. От нараставшего артиллерийского огня землянка содрогалась. Нам казалось, что она вот-вот рухнет. Наше занятие прервал командир:

— Линия в сторону «Темпа», на повреждение!

Мы с Гараниным выскочили из землянки. Уже и противник вел огонь. Да только некогда о нем было думать. В этот миг мы увидели, что перпендикулярно линии связи стремительно несутся наши танки, с ходу ведя огонь и, увы, унося на гусеницах десятки метров провода. Надо было спасать линию. Пренебрегая опасностью, мы устремились навстречу танкам. Успели перочинным ножом рассечь «нитку» и растянуть концы провода в разные стороны, давая проход танкам. Конечно, знали меру ответственности за разъединение линии связи во время боя. Но, убежденные в своей правоте, мы быстро, как только прошли танки, соединили концы проводов.

Вражеский огонь все усиливался. Уже приходилось передвигаться к местам обрыва линии ползком. Провод оказался поврежденным в нескольких местах. Спустившись в воронку, я связал концы и в этот момент был отброшен сильным взрывом в сторону. Очнувшись, увидел Гаранина, выбравшегося из-под комьев земли и снега.

— Хорошо, Яков, что это снаряд. Не дай бог, мина — нам бы несдобровать.

Возвращались мы с Николаем в землянку уставшие до изнеможения. Доложили командиру о выполнении задания. Он похвалил нас за проявленную инициативу, но предупредил:

— Плотнее нужно прижиматься к земле-матушке. Оно надежнее...

Вечером, когда немного стихла канонада, боец Демин принес для всех связистов «Дуная» обед и ужин. Устроившись, как могли, мы принялись за перловую кашу, не забыв, конечно, и о ста наркомовских граммах. Ели с аппетитом, шутили:

— Ну вот, с обедом покончено, а ужин придется на завтрак оставить.

Гаранин ухмыльнулся:

— Не будем переживать. Мы и сегодня с ним успеем справиться...

Прошло трое суток битвы за Ленинград. Столько страху кругом. Аж земля стонет. А люди двигаются, действуют, делают свое дело, пренебрегая смертью. И мы с Гараниным в этом общем потоке рядом.

Каждый новый день боя выводит из строя связистов. Дежурный по связи потребовал от нашего командира выделить линейного надсмотрщика на «Дунай» вместо раненого бойца Митина. Командир направил меня. Когда я стал уходить, Николай сказал:

— Я провожу тебя, будь осторожен.

— Ты тоже, Николай, больше к земле прижимайся, как нам советовал взводный.

Землянка роты, куда я пришел, напоминала собой двухъярусные нары, на которых слева прямо в шинелях спали линейные надсмотрщики, а справа, на втором ярусе, — девушки-радистки. У противоположной стены топились «буржуйка».

Я с трудом нашел себе место на нарах слева и втиснулся между спящими. У нас, связистов, день и ночь — понятие относительное. Не успел я сомкнуть глаз, как в землянку вбежал дежурный по связи лейтенант Безручко и крикнул:

— «Дунай»! На повреждение!

Когда я прибыл на место и стал устранять обрыв, ко мне на помощь подоспел Гаранин.

— Готово! — кричу я ему. — Включай!

— Подключил, да только не разберешь, кто говорит, — отвечает он, плотнее прижимая трубку к уху. — Работает в обе стороны! — наконец сообщил он.

Возвращаемся в землянку. Снова ползем сквозь разрывы мин и снарядов. Спустившись, а вернее, скатившись по крутому откосу Черной речки, топаем мимо землянок. И вдруг за спиной голос:

— Трутнев, к командиру роты!

Командир роты старший лейтенант Щербаков находился в землянке и разговаривал по телефону. Закончив разговор, он обернулся ко мне:

— Устал, Трутнев?

— Да есть малость, товарищ старший лейтенант.

— Это видно. И проголодался, надо думать.

— Есть малость, — подтвердил я.

— Присаживайся к столу: котелок с кашей в твоём распоряжении. Да и чай горяч.

Я охотно принял предложение командира. Хотя отдельная рота связи и больше, чем обычная рота, но это не полк и не батальон. Здесь командир помнит каждого бойца по фамилии, знает, чем дышит каждый его подчиненный.

Шел седьмой день битвы за Ленинград. Нервы напряжены до предела. Превозмогая страшную усталость, еле переставляя ноги, возвращаюсь с очередного повреждения линии. Недалеко от Черной речки увидел шестерку собак, тащивших волокушу с тяжело раненым бойцом. Когда снаряды рвались близко, собаки сами прижимались к земле, скулили. Падая на землю вместе с ними и санитар-собаковод. Вот волокуша поравнялась со мной. Вижу раненого бойца. Нога завернута в плащ-палатку, голова забинтована, безвольно содрогается в такт толчкам на кочках и колдобинах. По закрытым глазам, заросшему щетиной лицу трудно определить, кто он — русский, украинец, татарин? Но для меня ясно одно — это защитник Ленинграда.

Всю ночь мы не сомкнули глаз. Не смогли отдохнуть и днем. Трудились во имя одной цели — прорыва блокады Ленинграда. И вот этот час настал. Радостную весть мы услышали, когда под огнем противника держали связь.

— Черт подери, руки окоченели, — дую в кулаки, говорил я своему другу. А когда связал концы и подключился к линии, то услышал долгожданное: «Прорыв блокады свершился!» Эти слова передавали из штаба дивизии по всем линиям связи.

Неописуемая радость охватила нас. Уже не обращая внимания ни на вражеский огонь, ни на окоченевшие руки, мы прыгали, как дети, поздравляя друг друга. По телефону командир взвода приказал нам прибыть в расположение роты. Не чуя ног, бежали мы в роту. Первым увидел старшего сержанта Султанова — нашего помкомвзвода. Лицо его сияло радостью. Для нас с Гараниным он был отцом и по годам и по службе, и звали мы его за глаза «батькой».

— С победой! — кричит Султанов и горделиво закручивает кончики рыжеватых усов.

Мы вошли в землянку, гудевшую радостными людскими голосами. Политрук роты старший лейтенант Башкуртов стоял посреди землянки и, когда людской говор немного стих, начал читать сообщение Совинформбюро.

Затем слово взял командир роты старший лейтенант Щербаков:

— Поздравляю вас, товарищи бойцы и командиры, с большой победой — прорывом блокады Ленинграда. Почтим память тех, кто пал смертью храбрых в бою с врагом. Желаю вам дальнейших успехов!

Минутная тишина — и снова радостный гул в землянке.

После этих торжественных минут мы с бойцом Деминым отправились на ротную кухню. Повар сержант Москаленко щедро наполнил подставленные емкости щами и кашей на всю нашу группу. Вскоре мы были уже на нашей промежуточной телефонной станции. Здесь нас уже ждали командир взвода и бойцы Коля Гаранин и Потапов. Уселись поплотнее, налили водки в две кружки и приложились к ним.

— За победу, за Ленинград!

*А. И. ПРОХВАТИЛОВ,
полковник в отставке,
в 1942—1943 годах редактор
газеты 2-й ударной армии
«Отважный воин»*

СОЛДАТСКАЯ СПУТНИЦА

Передо мной подшивка ежедневной газеты 2-й ударной армии «Отважный воин». Первый номер за 1943 год. Мы выпустили его на четырех полосах, несмотря на острую нехватку бумаги. К этому обязывало обилие редакционной почты. В письмах, коротких заметках, наскоро написанных перед боем, в стихах, шедших от самого сердца, советские воины выражали свою решимость беспощадно бить врага. Они рассказывали об удачах в ратном труде, делились радостными событиями своей фронтовой жизни. И нередко переписка с армейской газетой заменяла бойцам прерванную связь с родным домом.

«Самым замечательным для меня в минувшем году был день вступления кандидатом в члены партии, — писал ефрейтор Г. Желнин. — Я стал коммунистом! Это высокое

звание не обещаю, буду до последней капли крови защищать родную землю».

«Мне вручили орден Красной Звезды, — сообщал снайпер Павел Баранов. — Какими делами оправдать награду Родины? Больше, безжалостнее убивать фашистов!»

Солдаты приносили в редакцию новогодние поздравления родных, друзей, знакомых и незнакомых советских людей. Студентка Московского института имени Куйбышева Вера Яковлева прислала посылку и просила передать ее скромный подарок лучшему бойцу. Посылку вручили летчику-орденоносцу Виктору Князькову. В ней было письмо от Веры: «Где бы ни застала тебя новогодняя ночь — в полете, на аэродроме, в землянке — вспомни о девушках, радостно приветствующих мужественных защитников Отчизны. Еще яростней бей фашистов и приезжай с победой, незнакомый родной Сокол». Такие письма были очень дороги фронтовикам. Они бережно хранили их, читали и перечитывали.

Ленинградская тема в то время была ведущей в каждом номере газеты. В статьях, очерках, корреспонденциях и письмах военкоров говорилось о городе Ленина — колыбели Великого Октября, о его стойких и мужественных людях, переносивших все невзгоды и муки блокады, работавших не покладая рук под бомбежкой и артиллерийским обстрелом, о людях, непоколебимо веривших в нашу победу над врагом.

В двух январских номерах выступил молодой в то время писатель К. Дружинин, работавший в политотделе армии. В очерке «Человек с лопатой» он показал подвиг ленинградской семьи Калачевых с Васильевского острова. Михаил Калачев пал смертью храбрых в бою. Его сын Борис отважно, как и отец, сражался на фронте, а жена Дарья Павловна и шестнадцатилетняя дочка Люба самоотверженно работали на строительстве укреплений под Ленинградом.

В этом очерке, как и во всех других материалах газеты, подчеркивалась главная мысль: «Победой, жестоким разгромом гитлеровцев завершится битва. Эту победу будет праздновать не только боец — человек с винтовкой. И человек с лопатой, строитель укрепленных рубежей, будет равноправным участником этого торжества». Пропаганда уверенности в победе, которой жил весь советский народ, составляла суть подготовки людей к предстоящим боям, основу воспитания у воинов наступательного порыва.

3 января, когда очередной номер был уже почти готов,

редакция получила доставленный самолетом из Ленинграда пакет. В нем находилась статья Николая Тихонова «Наш Ленинград!» и записка: «Это первый материал ленинградских писателей для газеты „Отважный воин”». Переверстали полосу, и пламенное тихоновское слово в тот же день пошло в войска. Газету быстро доставили в части, а оттуда вместе с боеприпасами — в подразделения.

«Немецкие танки, — писал Николай Тихонов, — загрозили русскому человеку дорогу в будущее. Сметет он эти танки! Крови, пота, труда не пожалеет — сметет!» Писатель показывал героический труд ленинградцев, создававших в полуразрушенных цехах новые и отремонтировавших поврежденные танки, орудия и минометы, непрерывным потоком шедшие прямо с заводов на передний край. «Мы, — заверял Н. Тихонов от имени всех ленинградцев, — не боимся борьбы, потому что мы знаем, за что мы боремся. Мы не боимся смерти, потому что наше дело бессмертное, как бессмертен народ...».

С этого дня писатели Ленинграда стали активно выступать на страницах «Отважного воина».

В первые дни января во 2-ю ударную армию прибыл секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов, назначенный на время операции по прорыву блокады членом Военного совета нашей армии. Он проявил большую заботу о газете: дал задание подготовить специальный номер, посвященный началу наступления, заказал в одной из ленинградских типографий клише — плакат на первую полосу, распорядился о подготовке письма-обращения ленинградских рабочих к воинам армии, передал нам статьи и очерки ленинградских писателей, посоветовал, как лучше подавать материалы о Ленинграде.

Об обстановке, боевой задаче и условиях, в которых предстояло действовать войскам армии, я узнал из беседы с командующим генерал-лейтенантом В. З. Романовским. Командарм принял меня приветливо, и разговор сразу принял деловой и доверительный характер, особенно после того, как он узнал, что я служил в ОКДВА, а затем редактировал газету Орловского и Южно-Уральского военных округов, которыми командовал его однополчанин генерал-лейтенант Ф. Н. Ремезов.

— В нашей армии служит старый дальневосточник, замечательный газетчик Николай Пожарский, которого я знаю еще по Хасану. Не встречали такого? — спросил командующий.

Я ответил, что пока не встречал.

— Обязательно найдите его. Хороший человек!

Затем генерал подвел меня к оперативной карте и рассказал о предстоящих боях по прорыву блокады. Командующий посоветовал мне познакомиться с полковником Н. А. Поляковым, командиром 327-й стрелковой дивизии, обязательно побывать самому и послать корреспондентов на учебные поля, где сооружены такие же, как у фашистов, позиции, опорные пункты и воздвигнут деревоземляной вал, и посмотреть, как учатся наши бойцы и командиры штурмовать укрепления противника. Генерал просил также уделить особое внимание 2-й артиллерийской дивизии прорыва, которая составляла основу огневой мощи нашей армии.

Пришел начальник штаба генерал-майор П. И. Кокорев. Командующий познакомил нас и тут же распорядился, чтобы штаб держал редакцию в курсе оперативной обстановки и боевых задач.

В тот же день почти все работники редакции посетили учебные поля, познакомились с полковником Н. А. Поляковым, подполковником С. М. Корягиным и майором Д. И. Казаковым, которым предстояло вести своих бойцов в первом эшелоне на главном направлении удара.

10 января вместе с начальником политотдела армии полковником Ф. А. Шаманиным мы побывали у члена Военного совета и обсудили с ним содержание специального номера. Материал тут же пошел в набор.

Делали этот номер больше суток, потому что наша полиграфическая база совершенно не была подготовлена для выпуска газеты большим тиражом. На единственной «американке» приходилось печатать полосы отдельно, а это 24 тысячи оттисков. К тому же, когда уже отпечатали вторую полосу, пришлось делать ее заново: получили долгожданное письмо ленинградцев.

В ночь с 11 на 12 января прибыли вызванные из частей связные. Им вручались свертки газет с надписью: «Вскрыть после объявления боевого приказа». Вместе со связными в полки и батальоны первого эшелона выехали почти все работники редакции.

В эту ночь вряд ли кто спал во всей армии, хотя каждый понимал, что нужно накопить силы. Бойцы 2-й ударной были готовы к прорыву блокады Ленинграда, к жестоким боям с ненавистным врагом.

Под утро объявили боевой приказ. И пошел из рук в руки специальный номер газеты «Отважный воин». Его читали в блиндажах при свете самодельных коптилок,

в траншеях, на огневых позициях артиллеристов и минометчиков. Там, где было возможно, зовущие в бой газетные строки зачитывали перед строем подразделения.

С любовью и надеждой, с полным доверием и неколебимой уверенностью в победе прозвучало обращение ленинградских рабочих к воинам армии:

«Мы ждем от вас выполнения своего воинского долга — прорыва блокады Ленинграда.

Пусть мысль о великом значении нашего города, пусть дума о славных его людях воодушевляет вас в бою... Вперед, славные советские воины! Родина не забудет вашего подвига. Вовеки веков будет для народа священной мужество тех, кто достойно и честно выполнит свой долг, освобождая Ленинград».

13 января 1943 года газета писала: «Наши части стремительным ударом разгромили один из сильнейших узлов немецко-фашистской обороны — рошу Круглая. В тех боях особенно отличились бойцы под командованием полковника Полякова. Они еще раз показали, что никто не может противиться силе русского оружия». От сердца к сердцу шел призывный клич «Отважного воина»: «Враг дрожжал от удара такого, бейтесь, как бьются бойцы Полякова!»

Вместо передовой статьи в номере были стихи Александра Прокофьева. В них такие строки:

Настал наш час, и в мужестве суровом
Идем, сметая тысячи преград,—
Бойцами командира Полякова
Уже гордится славный Ленинград.

Под командованием полковника Н. А. Полякова мужественно сражались прославленные полки 327-й стрелковой дивизии, преобразованной за отвагу и героизм личного состава в 64-ю гвардейскую.

Каждый день прорыва блокады описан в армейской газете. Все ее материалы — от передовой статьи до сообщения военкором с поля боя — вдохновляли бойцов, развивали наступательный порыв войск, помогали командованию и политическому отделу армии, партийным и комсомольским организациям непрерывно вести работу, направленную к великой цели — прорыву вражеской блокады.

Вот передовые статьи тех дней: 14 января — «Стремительность — душа наступления», 15 января — «Перед нами город Ленина», 16 января — «Их пример зовет на подвиги». В них обобщен ход боевых действий за первые дни

боев.. Пламенный призыв: «Будем без усталы драться за тот счастливый миг, когда воины наших частей горячо обнимут идущих к нам навстречу защитников города-героя. Слава героям исторических битв за Ленинград!»

Особенно напряженные бои по прорыву блокады Ленинграда были 18 января 1943 года. Сотрудники редакции газеты «Отважный воин» С. Наровчатов, М. Урес, В. Роговский, И. Каминер, А. Шляхтин и другие находились на решающих участках — шли в боевых порядках частей, ведущих бои в районе Рабочих поселков № 1 и 5. Здесь намечался рубеж встречи двух фронтов.

Не так-то легко было преодолеть оставшиеся полтора километра. Гитлеровцы переходили в контратаки, защищали свои опорные пункты с яростью обреченных. Они стремились во что бы то ни стало удержать горловину, по которой пыталась уйти от возмездия их шлиссельбургская группировка.

Радостную весть о прорыве блокады Ленинграда первым принес в редакцию Сергей Наровчатов. Немного позже он рассказал об этом волнующем моменте в стихотворении «Трехминутный праздник».

Сергей Наровчатов был одним из самых молодых и, пожалуй, наиболее оперативных работников нашей газеты. Недавний выпускник Литературного института имени М. Горького, он в свои двадцать с небольшим лет уже был обстрелянным солдатом: добровольцем воевал с белофиннами, участвовал в боях под Москвой и к 1943 году успел приобрести «местный» боевой опыт, воюя в синявинских лесах и болотах. Он был из тех журналистов, которые поспевали всюду и писали о том, что видели своими глазами и что пережили вместе с бойцами переднего края.

Корреспонденция Сергея Наровчатова, опубликованная в нашей газете 14 января 1943 года под заголовком «Имя Юнчева бессмертно», посвящена подвигу старшего лейтенанта Юнчева, волевого, умелого и храброго командира стрелкового батальона. Его батальон первым вклинился в оборону противника. Как и подобает коммунисту, мужественно вел себя в эти минуты комбат Юнчев. Он руководил атакой, находясь на самых ответственных участках наступления. Вражеской пулей офицер был смертельно ранен, но до последнего дыхания находился в строю.

Бойцы отплатили врагу за гибель своего любимого командира. Они бросились вперед на фашистов, сметая все преграды. В этот день батальон Юнчева продвинулся дальше всех к Ленинграду.

Заглядывая в будущее, Сергей Наровчатов писал: «Ни-

когда не изгладится в памяти народа имя старшего лейтенанта Юнчева. Сраженный пулей, он продолжал жить в подвигах своих бойцов. Бессмертны имена освободителей Ленинграда!» Так оно и произошло. Имя старшего лейтенанта Юнчева, как и других отважных воинов, отличившихся в боях при прорыве блокады Ленинграда, вписано в историю Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Сергей Наровчатов уже в те годы проявил себя как подготовленный литератор и талантливый поэт. На фронте он прошел суровую жизненную школу, получил идейную закалку. Стал коммунистом. Здесь сформировались его гражданственность и партийность — основа его поэзии.

Доброе слово хочется сказать о литературном сотруднике нашей газеты Марке Уресе. Инженер-судостроитель «Красного Сормова» с первых же дней работы в «Отважном воине» показал незаурядные способности газетчика. Возвращаясь с передовой, старший лейтенант Урес приносил не только свои корреспонденции, но и кипу солдатских писем и тут же с ходу, не успев как следует отогреться и отдохнуть, начинал готовить материал в номер. Работа в газете так захватила его, что он уже не мыслил себя вне редакционного коллектива. Журналистика стала для Марка Уреса призванием и пожизненной профессией.

По инициативе А. А. Кузнецова в редакцию нашей газеты был направлен из Ленинграда поэт Александр Прокофьев. Его стихи обогащали содержание газеты. Поэт воспевал Ленинград, его немеркнущую славу, мужество ленинградцев — тружеников и воинов.

Александр Андреевич жил интересами нашего дружного коллектива, делал все для того, чтобы газета вела бойцов на ратные подвиги. Поэт незамедлительно откликался на все важнейшие события, на героические поступки воинов, призывал бойцов следовать примеру героев, с честью выполнять боевые задачи.

После прорыва блокады войска закреплялись на занятых рубежах. В стихотворении «Все что взято нами — свято» Прокофьев выразил патриотические чувства воинов:

Как нам дорог бугорок,
Светлая долина,
Каждый холм и каждый лог,
Каждая былинка!
Кажется, что нсту краше,
Лучше этих мест, друзья.
Это — наше, это — наше,
Нам без этого нельзя!

И солдаты отважно бились «за тропинку узкую, за полянку русскую...».

А. А. Прокофьев часто посещал воинские подразделения, встречался с героями своих будущих произведений. Но самый сильный след в его творчестве оставили братья Шумовы. О минометном расчете Шумовых впервые написала наша газета 6 апреля 1943 года. Это была страница «Герои Отечественной войны». Подготовил ее Николай Пожарский, назначенный по рекомендации генерала В. З. Романовского литсотрудником нашей газеты. Александр Андреевич проявил большой интерес к Шумовым, внимательно прочитал все материалы, расспросил Пожарского обо всем, что тот знал про них, и на другой день выехал на огневую позицию минометчиков.

Обаяние Александра Андреевича, его умение быстро сближаться с людьми, найти интересную тему разговора расположили Шумовых к поэту, и они долго беседовали. Рассказали о своем отце, довоенной жизни, о дружбе и согласии в семье, об уважении к старшим. Александр Андреевич увидел, насколько слаженно работает огневой расчет, как точно поражает цели. Встреча с Шумовыми взволновала Прокофьева. Он с жаром говорил о верности родительскому слову, об истинном патриотизме русских людей. Прославленные в боях за город Ленина пятеро братьев Шумовых и их семидесятипятилетний отец Никита Фаддевич стали героями его эпической поэмы «Россия». А несколько позже, в белые ночи, когда разливались трели соловьиные, родилось и начало поэмы:

Сколько звезд голубых, сколько синих,
Сколько ливней прошло, сколько гроз,
Соловьиное горло — Россия,
Белоногие пуши берез...

Александр Прокофьев любил рассказывать о своих встречах с бойцами, делился своими наблюдениями, принимал к сердцу и писал о том, что дорого и близко солдату:

Ты шинель моя, шинель,
Серая, наплечная —
Одеяло и постель
И подушка вечная!
В непогоду, без огня,
Где земля разрытая,
Грешь, милая, меня,
Ветерком подбитая!

Понимая душу солдата, он умел вовремя подбросить задорную частушку, зло высмеять врага. А как все это было нужно солдатской газете! «Хоть шутка — минутка,

а заряжает на час» — так оценили бойцы маленькие фельетоны, юмористические стихи, частушки сатирического уголка газеты.

Под влиянием прокофьевских стихов, его лирики во многом изменился характер редакционной почты. Бойцы стали чаще присылать стихи в газету, и мы ввели постоянную рубрику: «Фронтая лирика». Красноармейские стихи нередко занимали целую полосу. В них проступали прокофьевские мотивы и образы, постоянно звучала тема любви к матери-Родине.

Целенаправленность и само лицо газеты, оригинальная подача материалов, их язык и стиль во многом зависят от ответственного секретаря редакции. «Отважному воину» повезло. На этой должности с первого дня формирования 2-й ударной армии и почти до конца войны находился Виктор Александрович Кузнецов. Пошел он на фронт с первыми формированиями Московского ополчения, участвовал в боях на подступах к Москве, пережил трагедию Мясного Бора. До войны В. Кузнецов работал в Центральном кабинете редакторов при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Там он изучал передовой опыт редактирования, познал, осмыслил и воспринял ленинские требования к печати, ставшие его собственным глубоким убеждением.

Бои за Ленинград сплотили редакционный коллектив «Отважного воина». Каждый работник редакции стремился чем-либо обогатить содержание газеты, привнести в нее новое, неповторимое, укрепить связи с читателями и военкорами. Потомственный ленинградец писатель Давид Евсеевич Славентантор, психолог и публицист, своими очерками, статьями и корреспонденциями проникал глубоко в сознание бойцов, затрагивал и заставлял звучать душевные струны солдата. Он тщательно работал над словом и этому учил журналистов, а у них учился высокой оперативности в работе, военному делу.

Капитан Анатолий Шляхтин умело рассказывал на страницах газеты об отличившихся бойцах. Это он описал подвиг Якова Богдана, закрывшего собой в критическую минуту боя амбразуру вражеского дзота. А. Шляхтин принес в редакцию комсомольский билет № 3752605 Якова Ивановича Богдана, пробитый девятью пулями и обогранный кровью отважного воина. Шляхтин был автором корреспонденции «Комсомольский билет героя» и листовки о нем, выпущенной редакцией.

Художник нашей газеты Борис Орлов в соавторстве с ленинградским художником Михаилом Гордоном с боль-

делали настилы из бревен и хвороста через топкие места, строили мосты, наращивали дороги и содержали их в проезде состоянии. Прокладывались десятки километров дорог-гатей. Всеми этими работами руководили начальник автодорожного отдела В. М. Тихонов и его заместитель Н. Д. Тапилин.

Политотдел тыловых частей и учреждений, возглавляемый полковником Жуковым, уделял неослабное внимание партийно-политической работе среди личного состава тыла. В докладах, лекциях, беседах офицеры политотдела освещали положение на фронтах Отечественной войны, рассказывали о значении города Ленинграда, о роли тыла в войне, пропагандировали героизм воинов в битве за Москву. Постоянное внимание уделялось вопросам международного положения, воинской дисциплины, бдительности, сохранения военной тайны и другим.

Начальники довольствующих отделов армии приложили много усилий, чтобы к началу операции создать положенные запасы боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия, фуража и других видов снабжения. В соответствии с приказом по тылу запасы размещались на армейских складах и в войсках.

Военный совет армии повседневно занимался вопросами обеспечения войск всем необходимым. Перед началом операции командующий армией В. З. Романовский обязал начальника тыла побывать в дивизиях и еще раз лично проверить, насколько полно они обеспечены боеприпасами, горючим, продовольствием. Обращалось внимание на то, у всех ли бойцов имеются вещевые мешки и патронташи, укомплектованы ли они патронами, есть ли неприкосновенный запас продовольствия, индивидуальные перевязочные пакеты. Командарм лично интересовался, имеют ли курящие махорку, курительную бумагу, спички. Все это далеко не мелочи — они влияют на настроение бойцов, определяют их моральный дух.

12 января 1943 года началось наступление под Ленинградом. Вместе с боевыми подразделениями самоотверженно выполняли свой долг военнослужащие тыла армии. Как и солдаты, прорывавшие блокаду, они показывали образцы смелости и решительности. Водитель Малосовский, например, доставив на огневые позиции боеприпасы, узнал, что расчет одного из орудий потерял несколько человек. Батарея в это время вела огонь по контратаковавшим фашистам. Водитель бросился к орудию и стал выполнять обязанности заряжающего. До конца боя темп огня орудия не снижался.

Вот другой пример. На перекрестках дорог в те дни многие видели регулировщицу В. Маракулину. Не зная усталости, днем с сигнальными флажками, ночью с фонарем она стояла на своем посту. И даже тогда, когда рядом рвались мины, снаряды или бомбила авиация, она не уходила с поста, стараясь быстрее пропустить к передовой танки, орудия, грузовики со снарядами и патронами, сани с продуктами.

Пример самоотверженности и мужества показал военный врач И. И. Краснопеев. Двое суток под постоянным обстрелом он без отдыха работал в землянке, оказывая помощь раненым бойцам и командирам. Его самого ранило, но он продолжал свой нелегкий труд. Остался в строю и тогда, когда осколком мины ему оторвало два пальца на руке. Перевязав рану, врач делал все возможное, чтобы облегчить страдания больных товарищей. И только после третьего ранения — осколком снаряда в грудь — его эвакуировали вместе с другими. Краснопеев Иннокентий Ионович, член КПСС с 1940 года, ныне полковник медицинской службы, проживает в Ленинграде и продолжает трудиться в Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова в должности начальника научно-исследовательской лаборатории.

По инициативе личного состава пятой роты 533-го стрелкового полка 128-й стрелковой дивизии в частях 2-й ударной начался сбор средств в фонд обороны страны. Почин был подхвачен всеми воинами дивизии. Была проведена работа по сбору денежных средств и среди воинов тыла на строительство боевой техники. Вскоре политотдел тыловых частей и учреждений получил от Верховного Главнокомандующего телеграмму следующего содержания: «Полевая почта 57872. Помощнику начальника политотдела по комсомолу старшему лейтенанту товарищу Мотченко. Передайте комсомольцам и молодежи войсковой части 57872, собравшим, кроме внесенных ранее 580 400 рублей на строительство танковой колонны «За Ленинград», дополнительно 126 300 рублей на строительство танковой колонны имени комсомольца Якова Богдана, мой боевой привет и благодарность Красной Армии».

Старший лейтенант Я. М. Богдан командовал пятой стрелковой ротой в 533-м полку. В одном из боев он совершил героический подвиг — грудью закрыл амбразуру вражеского дзота, чем обеспечил подразделению выполнение поставленной задачи. В память о нем был начат сбор средств на строительство танковой колонны имени комсомольца Якова Богдана.

Во время прорыва блокады многие офицеры управления тыла находились в войсках и контролировали ход подвоза материальных средств, организацию медицинской помощи и эвакуации раненых. Начальник тыла армии Алексей Николаевич Лысов четко организовал работу войскового тыла. В этом ему всегда помогал начальник тыла Волховского фронта генерал Леонид Павлович Грачев.

Необходимый ритм в работе задавал штаб тыла. Его офицеры А. Соломатин, В. Астахов, А. Голощапов, Б. Белый, Н. Ничипуренко, В. Красногородская и другие своевременно обрабатывали и доводили до войск документы по организации тыла и снабжения, осуществляли контроль за их выполнением, чем обеспечивали непрерывность управления тылом.

Доброе слово нужно сказать и о специалистах медицинской службы. Начальник отдела В. Н. Павловский (ныне генерал-лейтенант медицинской службы в отставке), его заместитель по политчасти Ф. В. Крылов, армейский хирург М. И. Шрайбер (позднее заместитель главного хирурга Советской Армии, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР) и другие профессионально организовали лечебно-эвакуационное дело. М. И. Шрайбер в период боевых действий все время находился в медсанбатах и госпиталях, консультируя врачей-хирургов и лично выполняя сложные операции.

Начальник продовольственного отдела полковник Вячеслав Андреевич Тимченко постоянно заботился об организации питания войск. Горячая пища, чай, свежий хлеб своевременно доставлялись на передовые позиции. Ему и офицерам его отдела И. Лысову, А. Калашникову, А. Училихину и другим много пришлось потрудиться, чтобы хорошо работал армейский полевой хлебозавод, другие подразделения снабжения продовольствием и фуражом.

Особо хочу сказать о людях хлебозавода. Его мастер-пекарь красноармеец Иван Семин при норме шесть выпечек давал семь-восемь и ни разу не было, чтобы хлеб пригорел или оказался недопеченным. Так же, как Семин, работали пекари красноармейцы Степан Толкачев, Иван Доночкин и другие. Они честно и добросовестно выполняли свои обязанности, за что имели благодарности от командования и бойцов.

Начальник военных сообщений В. А. Силин и его помощник А. Н. Беляновский сумели четко организовать внутриармейские перевозки, в частности работу железнодорожных санитарных летучек. Этим они содействовали успешному решению поставленных задач.

Добросовестно работали начальник автодорожного отдела В. М. Тихонов, его офицеры Н. Тапилин, В. Самышев, М. Мартынов и другие. Они справились с дорожным обеспечением и осуществляли необходимый контроль за выполнением плана подвоза материальных средств войскам.

В ходе операции управление тыла переместилось в Бабаново. Отделения основных полевых складов были приближены к действующим войскам и разместились на грунте. Поближе к полю боя переместились и военные госпитали первой линии.

Через шесть дней после начала операции войска Ленинградского и Волховского фронтов встретились. Эта весть с быстротой молнии облетела все части и подразделения. Прорыв блокады Ленинграда свидетельствовал о возросшей силе Советской Армии, боевом мастерстве и героизме ее войск, о росте военной экономики нашей Родины. Однако впереди были еще жестокие сражения. И очень важная задача состояла в том, чтобы окончательно освободить город от блокады, разгромить вражескую группировку под Ленинградом.

Для ее выполнения, а также для снабжения Ленинграда продовольствием, топливом, горючим и другими материальными средствами огромное значение имела постройка железной дороги на отвоеванной у противника узкой полоске земли вдоль южного берега Ладожского озера. Эта дорога протяженностью в 36 километров была построена в рекордно короткий срок — за две недели. И с 6 февраля по ней регулярно подвозились необходимые материальные средства для ленинградцев. В строительстве этой дороги, названной «Дорогой победы», оказывало помощь и управление тыла нашей армии. Оно выделяло автомобильный транспорт для подвоза строительных материалов. Началось также автомобильное движение по грунтовым дорогам названного коридора.

Штаб 2-й ударной армии в ночь с 7 на 8 ноября 1943 года перешел на Ораниенбаумский плацдарм, где принял от Приморской оперативной группы участок с оборонявшимися там войсками. Управление тыла переехало в Ораниенбаум в ночь с 8 на 9 ноября. Организацию отправки частей и учреждений армии на плацдарм осуществлял начальник отдела военных сообщений подполковник В. А. Силин. По Финскому заливу шли корабли и другие плавсредства со всеми мерами предосторожности и маскировки, в отдельных местах на удалении четырех километров от врага. Позднее были передислоцированы на Ораниен-

баумский плацдарм и все тыловые части и учреждения армии. переброска была произведена организованно, без нарушений существовавших правил.

С прибытием на плацдарм началась планомерная, кропотливая работа по организации и устройству тыла: прием тыловых частей и учреждений от Приморской оперативной группы, размещение вновь прибывавших частей, накопление запасов всех видов материальных средств, строительство грунтовых дорог и др. В этот период начальником тыла армии был назначен полковник Вячеслав Андреевич Тимченко. В должность начальника штаба тыла вступил гвардии полковник Старков.

К началу операции были созданы достаточные запасы боеприпасов, горючего, продовольствия и других материальных средств. Все грузы доставлялись водным путем на пирсы плацдарма. Разгрузка и доставка производилась в ночное время. Всего до начала операции на плацдарм было переброшено свыше 53 тысяч человек личного состава, 658 орудий, 2500 автомашин, тысячи лошадей, 10 тысяч тонн боеприпасов, большое количество танков и тысячи тонн продовольствия, фуража и других грузов.

Готовились и дороги. Дорожные батальоны, которыми командовали В. Креницкий, С. Володин, М. Мартынов, прокладывали запасные трассы и объезды, укладывали жердевки в топких местах, строили мосты, удлиняли грунтовые дороги. Много труда требовалось и для того, чтобы содержать их в проезжем состоянии, обеспечивать соответствующую скорость движения транспорта, техники и войск.

За два дня до начала операции стало известно, что обещанный фронтом отдельный автотранспортный батальон подвоза выделен не будет. Поэтому срочно пришлось внести коррективы в план подвоза материальных средств. Военный совет распорядился о том, чтобы имущество и грузы с армейских складов и его отделений войска перевозили своими средствами.

Забегая вперед, надо сказать, что водительский состав транспортных частей и подразделений работал с невероятной нагрузкой. Перевозки шли круглосуточно. Особо хочется отметить хорошую организаторскую работу начальника автомобильного отдела полковника Ф. Зайцева, подчиненных ему офицеров Митяева, М. Харкевича, А. Хустовича, диспетчера автобата А. Аржановского, командира 232-го ремонтно-восстановительного батальона М. Барановского, его заместителя по техчасти А. Тимофеева и других, которые осуществляли необходимый контроль за

выполнением плана, обеспечивали своевременный ремонт техники. В столь сложных условиях шло постоянное сокращение времени погрузки и выгрузки перевозимого имущества, повышение коэффициента технической готовности. КТГ автомобилей превышал 0,9.

Начав наступление 14 января 1944 года, войска Ленинградского фронта к 27 января отбросили гитлеровцев на 70—100 километров от Ленинграда. Столица нашей Родины салютовала войскам Ленинградского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады.

1 февраля 1944 года войска освободили город Кингисепп. А через несколько дней вступили на землю Советской Эстонии.

Наши войска в этих боях проявили героизм, волю к победе. Плечом к плечу с боевыми частями мужественно сражались с врагом и воины тыла. Вот, к примеру, как работал 67-й отдельный дорожно-строительный батальон. Это тыловая часть. Его дело строить дороги в армейском тыловом районе. Однако он принимал участие в освобождении города Кингисеппа, превращенного врагом в сильный опорный пункт. Командир батальона майор, ныне полковник в отставке, Михаил Иванович Мартынов проложил обходные пути к городу для пропуска боевой техники. Соединения 109-го стрелкового корпуса, совершив маневр по ним, ворвались в город и штурмом овладели Кингисеппом. В овладении городом участвовал и личный состав батальона, за что ему было присвоено наименование «Кингисеппский», а на Боевом Знамени засверкал орден Красной Звезды.

Армейские тыловые части и учреждения неотступно следовали за продвигавшимися войсками, обеспечивая их необходимыми материальными средствами. Начальник армейской базы подполковник И. Артамонов и начальники складов, не допуская большого отрыва боевых частей от баз снабжения, своевременно выдвигали и разворачивали отделения складов. Тыловые колонны соединений, полков и батальонов (связисты, дорожники, медики, ремонтники, кладовщики, портные, сапожники, парикмахеры, финансисты, почтовые и клубные работники), так же как и армейские, старались не отставать от наступавших подразделений и своевременно обеспечивать их всеми видами довольствия. Дивизионные полевые хлебозаводы, несмотря на частые перемещения, своевременно выпекали хлеб. Многие операции хлебопеки производили на ходу.

По роду своей работы я часто бывал в войсках, тыловых частях и учреждениях и видел, насколько самоотверженно трудились воины тыла на своем посту. Вот обычная обстановка, в которой они действовали: над лесом гремят разрывы снарядов, опушку его обстреливают вражеские пулеметы. А медицинские сестры, санитары делают свое дело. Припоминается молодая санитарка комсомолка Аня Кузьмина. Она разыскивала раненых и выносила их с поля боя. За день она десятки раз совершала такие походы. Раненых размещали в доме, стоявшем на отшибе. Фашисты, заметив движение, открыли по дому огонь зажигательными снарядами. Дом загорелся. Аня, увидев огонь, бросилась к раненым и начала вытаскивать их по одному. Так она вынесла девять человек. К ней на помощь прибежали другие санитары. Все раненые были спасены.

Шофер сержант Губанов возил грузы по дорогам наступления и попадал во всякие ситуации. Ему не раз приходилось отстаивать свой груз с оружием в руках. Однажды колонна, в составе которой он вез боеприпасы, попала на вражескую засаду. Губанов организовал круговую оборону. Пулеметным и автоматным огнем шоферы перебили окруживших их гитлеровцев и без потерь доставили груз к назначенному месту. В другой раз Губанов вывел из-под артиллерийского огня машину, шофер которой был убит осколком снаряда.

На деятельность тыла армии активно влияла партийно-политическая работа. Офицеры политотдела тыловых частей и учреждений полковник Тарасов, капитан Мотченко, майоры Ю. Бир, А. Яковец, Ф. Гульчак спланировали и организовывали воинов тыла на беззаветное выполнение обязанностей по обеспечению войск всем необходимым. Умело воспитывали личный состав армейский интендант Петр Сергеевич Михайлов и его заместитель по политической части Александр Андреевич Шкалов. Именно в результате продуманного воспитания самоотверженно трудились работники тыла всех рангов и звеньев, проявляя энергию, инициативу. В числе отличившихся были: в отделе снабжения горючим — Н. Числов, В. Гербаус, В. Глебов; в финансовом отделе — В. Чуков, Летков; в отделе кадров — П. Рыжиков, А. Усольцев. Хорошо трудились начальники тыла корпусов, дивизий и бригад В. Брехов, К. Табаков, С. Тимофеев, В. Нарышкин, Д. Орлов, Н. Калинин, Г. Огородников, С. Корсуков, А. Соколов.

Мощные удары, нанесенные врагу войсками Ленинградского и Волховского фронтов в январе 1944 года, пол-

ное освобождение Ленинграда от вражеской блокады создали необходимые условия для подготовки и проведения наступательных действий по освобождению Эстонии. К решению этой задачи готовился и тыл.

В войсках проводились занятия и учения. Тыловые части и учреждения отрабатывали элементы тылового обеспечения с учетом опыта, полученного в битве за Ленинград. Станцией снабжения войск армии являлся тогда Кингисепп.

На основании решения Военного совета армии весной 1944 года на землях колхоза «Пахарь-2» Кингисеппского района было организовано армейское подсобное хозяйство. Это дало возможность получать для госпиталей армии молоко, ранние овощи и другие продукты. Руководил хозяйством офицер А. Училихин.

25 июля 1944 года на участке прорыва севернее Нарвы под прикрытием огня артиллерии и авиации бойцы 109-го стрелкового корпуса спустили на воду плоты и лодки для переправы на западный берег реки. За воинами на плотках следовали орудия прямой наводки. Высок был наступательный порыв наших войск. Вслед за атакующими войсками саперы наводили паромную переправу. 26 июля советские войска штурмом овладели городом и крепостью Нарва — важным узлом обороны гитлеровцев на пути в Эстонию.

29 июля второй эшелон полевого управления армии передислоцировался в Нарву. Туда же вскоре были перебазированы и основные армейские склады.

Для успешного осуществления очередных задач командование фронта решило осуществить обходный маневр. Смысл его, как известно, состоял в том, чтобы из района Тарту ударить на север вдоль западного побережья Чудского озера и выйти в тыл вражеским войскам, оборонявшим рубеж «Танненберг». Маневр был смелым и являлся частью плана Таллинской фронтовой операции, проводившейся в рамках стратегической операции по освобождению Прибалтики.

В связи с этим 2-й ударной было приказано сдать нарвский участок 8-й армии и передислоцироваться в район Тарту. На совещании, созванном штабом армии, командирам соединений был сообщен порядок движения. С докладом о тыловом обеспечении войск на марше и в пунктах сосредоточения выступил начальник тыла полковник В. А. Тимченко.

Перемещение дивизий, корпусных и армейских частей, тыловых частей и учреждений осуществлялось своим хо-

дом по маршруту: Нарва, Гдов, Пнево, район Тарту. На перешейке, разделяющем Чудское и Псковское озера, у деревни Пнево, была наведена паромная переправа, по которой и пропускались войска. Армейские склады с их материальными средствами, госпитали перебазировались в новый район по железной дороге. Для снабжения прибывавших частей в новом районе управление тыла открыло станцию снабжения Вастсе-Куусте. Полевые армейские склады были размещены на железнодорожных станциях. Второй эшелон также разместился в домах станционного поселка Вастсе-Куусте.

Шесть дней, прошедших с момента полного сосредоточения войск и до начала наступления, начальники служб тыла использовали для подготовки тыловых частей и учреждений к обеспечению войск материальными средствами.

17 сентября 1944 года началось наступление наших войск из района Тарту с задачей разгромить тартускую группировку гитлеровцев и в последующем развивать наступление в северном и северо-западном направлениях. Предполагалось затем во взаимодействии с войсками 8-й армии окружить и уничтожить нарвскую группировку противника. После выполнения задачи предстояло наступать на Таллин, освободить его и выйти на восточное побережье Балтийского моря.

Наступление развивалось стремительно. Уже 22 сентября в Таллин вступили войска 8-го эстонского стрелкового корпуса 8-й армии. Над Домом Советов эстонской столицы вновь взвилось красное знамя.

И в этот период воины тыла самоотверженно трудились на своих постах. А когда создавалась тяжелая обстановка, смело брались за оружие. Так, во время доставки боеприпасов гвардии старшина Е. Тонких с водителями машин отразили контратаку противника численностью до взвода и уничтожили при этом более десяти гитлеровцев. Боеприпасы он доставил в срок.

Тыловая колонна одного из батальонов находилась на марше. На опушке леса она была остановлена крупным заслоном противника. Воины тыла быстро приняли боевой порядок. Кухня повара П. Ильина оказалась у самой дороги. Ильин не растерялся. Вместе с поваром Чубуковым, кладовщиком Романовым, ездовым Шульпиным кухню и продовольствие укрыли во рву, отрыли стрелковые ячейки, подготовили оружие к бою.

Гитлеровцы пошли в атаку. Ильин и его товарищи, подпустив врага поближе, открыли огонь из автоматов.

Несколько попыток делали гитлеровцы, чтобы уничтожить советских солдат, но всякий раз меткий огонь наших воинов заставлял их прижиматься к земле. Воины тыла из этой схватки вышли победителями.

Не раз в боях бывал рядовой Ильин. Четыре раза он был ранен при доставке пищи на передовую. За добросовестное исполнение служебного долга имел от командования одиннадцать поощрений. Его грудь украсили медали «За боевые заслуги», «За отвагу».

Работу медицинского персонала эвакогоспиталя № 924 (начальник госпиталя Д. К. Хохлов) характеризует один из многих случаев проведения квалифицированных операций. В госпиталь доставили старшину Парфенова с пулевым ранением почки. Кровь изливалась в брюшину. Врачи сделали сложную операцию. Несколько дней и ночей Парфенов провел в забытьи. Наконец он пришел в себя, открыл глаза. Здоровье воина быстро пошло на поправку.

В ту пору в госпитале трудились замечательные специалисты старший хирург Г. Чаленко, врачи Новиков, Воробьева, Моисеева, медсестры Шарапина, Макрякова, Киселева, Матвеева и другие. Им приходило много писем, в которых их благодарили за самоотверженный и благородный труд, чуткость и заботу о воинах. Многие из них и по сей день продолжают работать по медицинской части. Например Д. К. Хохлов, полковник медицинской службы в отставке. Ныне он возглавляет Ленинградский научно-исследовательский институт хирургического туберкулеза.

Военный совет армии дал хорошую оценку работе тыла в проведенных операциях. Не было случаев, когда бы из-за необеспеченности или несвоевременного подвоза материальных средств ослаблялась наступательная сила войск. В этом большая заслуга принадлежит и всему личному составу тыла, партийным и комсомольским организациям, самоотверженно борющимся за успех дела.

Член Военного совета армии генерал К. Г. Рябчий уделял постоянное внимание созданию дружного и работоспособного коллектива тыла, оказывал офицерам повседневную помощь и поддержку. Он не раз напоминал начальникам отделов и служб тыла, заместителям командиров соединений по тылу о необходимости по-отечески заботиться о воинах. «Сытно накормленный боец веселей воюет», — говорил он. Требовал он и особой заботы о раненых бойцах, чтобы им своевременно оказывалась квалифицированная медицинская помощь, постоянно проявлялось внимание.

Офицеры штаба и служб, весь личный состав частей, подразделений и учреждений тыла своим самоотверженным трудом способствовали быстрейшему разгрому немецких оккупантов под Ленинградом и освобождению Советской Эстонии. Их труд достойно отмечен Военными советами фронта и армии.

27 сентября 1944 года армия после выполнения задач, связанных с освобождением Советской Эстонии, была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

*Д. Е. ЦИБУЛЬСКИЙ,
в 1941—1944 годах
помощник начальника
топографического отдела
штаба 2-й ударной армии*

УСЕРДИЕ ВОЕННЫХ ТОПОГРАФОВ

Меня попросили рассказать о работе военных топографов в боевых условиях. Должен заметить, что деятельность этих специалистов имеет свои особенности. Им приходилось выполнять свою боевую задачу на переднем крае и во втором эшелоне, в Ленинграде на улице Воинова, 53, где дено и ночью готовились графические документы для войск. Никто из нас, военных топографов тех незабываемых дней, не думал о подвигах. Каждый считал выполнение приказа своим священным долгом, ибо ясно сознавал, что он защищает город Ленина, что каждое сделанное задание — это камень в крепость обороны города, это часть победы, которую мы должны добывать и обязательно добудем в грядущих битвах.

Наши топографы активно участвовали в оборонительных боях в августовские и сентябрьские дни 1941 года на подступах к Ленинграду в районе Красного Села, Урицка, Пулковских высот. Затем они готовили топографические материалы для участка прорыва блокады на берегу Невы. Не касаясь всего сделанного ими, расскажу лишь об очень коротком отрезке времени, связанном с действиями 2-й ударной армии на Ораниенбаумском плацдарме.

Ораниенбаумский плацдарм, как известно, стал трамплином, с которого 2-я ударная армия начала разгром вражеских войск, блокировавших Ленинград. В топографическом отношении он представлял в значительной части лесисто-болотистую, всхолмленную, полого спускающуюся к заливу местность. Господствующая высота — гора Коло-

кольня — 105,9 м — южнее речки Черная, западнее населенного пункта Порожки. Местность, по которой проходил передний край наших войск, в районе Старого Петергофа не превышала 17 м над уровнем моря, в районе населенного пункта Коровино — 72,7 м, в районе Петровской — 69,8 м. И лишь в районе р. Веренка, в верховьях ее, — 117,9 м.

Противник имел передний край на более благоприятной местности — с абсолютными высотами 142,1 м, 168,3 м, 148,0 м (Мховицы), 142,8 м (Ст. Бор), 129,5 м (Гостилицы), 76,0 м (Брантовка), 56,0 м (Троицкая Гора), 17,4 м (Старый Петергоф).

В растительном покрове территории плацдарма преобладают смешанные леса. Почти повсеместно они заболочены. Имеются значительные по размерам болота — Таменгонтское, Сюрьевское, Порзоловское с глубинами более метра. Территория обильно насыщена мелкими речками, являющимися притоками более крупных рек: Коваши на севере, Воронка на юго-западе, Черная на юге. Здесь же проходит система Петергофского водопровода. Вся территория переднего края наших войск и войск противника — это часть огромного геологического уступа, так называемого «балтийского щита». Именно эту особенность выгодно для себя использовали войска противника. Их позиции на уступе были намного предпочтительнее наших.

Дорожная сеть на этой территории была развита слабо. Единственная железная дорога как бы опоясывала местность с востока на запад и далее вдоль залива через Калище на юг в направлении на Котлы. С севера на юг в центре территории железных дорог к переднему краю не было. Автогужевых дорог в этом направлении также было очень мало. Незначительные по протяженности шоссе-снейные дороги начинались на севере участка примерно с середины. До самого переднего края шли лесные дороги по заболоченной местности.

Увлажненные почвы в лесах вынуждали наши войска укрываться в деревянных срубах, нередко на сваях. Населенные пункты в основном расположены по периферии участка. В зоне переднего края значительное количество населенных пунктов в ходе боев были разрушены, населением оставлены.

На территории плацдарма имелась незначительная сеть геодезических пунктов разных классов. Она служила основой для полевых съемок крупного масштаба. Однако установившаяся оборона наших войск вызвала необходимость дополнительного сгущения сети для целей привязки

боевых порядков артиллерии, позиций войск, инженерных сооружений, создания специальных карт и графических документов. Для осуществления этих целей руководство военно-топографической службы Ленинградского фронта направило одно подразделение 64-го геодезического отряда для обеспечения Ораниенбаумского плацдарма требуемой геодезической основой. Другое подразделение 3-го топографического отряда продолжало заниматься сгущением сети и произвело все съёмочные работы.

Эти и другие задачи решались топографами в тесном взаимодействии со штабами и службами войск по заранее составленному плану, который был утвержден начальником штаба. Нам удалось удачно распределить свои небольшие силы и средства, что обеспечило выполнение многих дел в крайне сжатые сроки. Командиры-топографы Крылов, Корсаков, Иванов, Загорин, Ибрагимов при любых погодных условиях, навьюченные топогеодезическими инструментами, нередко под обстрелом противника старательно выполняли свои задачи.

Привязка боевых порядков, съёмка инженерных сооружений в районе переднего края — дело не легкое. Оно связано со многими неудобствами, среди которых, например, вынужденное хождение вне траншей для обеспечения правильного ориентирования и привязки к контурным точкам местности. Приходилось выполнять работы в зоне видимости противника. Они производились большей частью полуинструментально и нередко глазомерно. Привязка артиллерии — только инструментально.

Топограф, имея в руках крупномасштабную карту, должен максимально точно опознать контурные точки объектов на местности и на карте, применяя метод засечек, нанести положение первых траншей, долговременных сооружений, позиций станковых пулеметов, минометов и т. д. Сроки выполнения задач всегда были короткими. Поэтому работы велись и в ночное время с помощью осветительных ракет, которых по всему переднему краю было всегда достаточно. Об этом «заботился» и противник.

Военные топографы, кроме того, выполняли и маршейдерскую работу при прокладке подземной траншеи для подрыва вражеского штаба в районе Старого Петергофа. Уже была проложена траншея на 96 метров, но командование оставило ее, так как было принято другое решение.

В период подготовки войск к разгрому противника под Ленинградом перед топографической службой были поставлены задачи: обеспечить войска новейшими топогра-

фическими картами, каталогами геодезических пунктов, графическими документами, планами городов, изготовить рельефные карты и схемы; произвести сгущение артиллерийской геодезической сети, привязать боевые порядки артиллерии; изъять использованные карты, добыть трофейные топографические документы; размножить разведсхемы с данными о войсках противника; осуществить топографическую подготовку войск. Распоряжением начальника штаба фронта для их выполнения нам было придано топографическое отделение 3-го топографического отряда в составе 7 офицеров и 35 солдат. Для размножения и печати документов доставлена множительная машина.

Любая операция задолго до ее осуществления планируется в штабах на топографических картах. В зависимости от размеров операции выбирается карта наиболее удобного масштаба. Она должна отражать местность с наибольшей точностью. Поэтому в нее постоянно вносятся изменения на местности по данным различных видов разведки (воздушной, наземной и др.).

Координируя свои действия с заинтересованными отделами штаба армии, топографическая служба принимала все возможные меры к непрерывному обновлению карт на всех решающих направлениях действий армии. В ходе наступления силами топографической службы готовились для некоторых участков прорыва фотокарты. Фотокарты, особенно если они цветные, играют важную роль в обеспечении боевых действий.

Мне вспоминаются мероприятия по обучению войск перед прорывом с Ораниенбаумского плацдарма. На огромных рельефных картах, на макетах, в учебных городках развернулась массовая учеба личного состава. Большую помощь в обучении офицерского состава оказали выполненные нашей службой карты полей невидимости, проходимости местности, рельефные карты. Ориентирование, хождение по азимуту — постоянные темы на учениях.

Учитывалось и то, что командиры должны быть обеспечены наиболее свежей и достоверной картой. Для этого огромную работу провела топографическая служба Ленинградского фронта. Краснознаменная военно-картографическая фабрика с высоким качеством напечатала нужные войскам топографические карты и боевые графические документы.

Своевременное обеспечение войск всеми топографическими документами сыграло свою роль в боевых действиях армии.

*А. Г. ГОЛУБИЦКИЙ,
капитан в отставке,
бывший начальник штаба
отдельного саперного батальона
11-й стрелковой дивизии*

СЫНОВНИЙ ДОЛГ

Я работаю в школе. Мне часто приходится беседовать с ребятами. Дети и старшие школьники с интересом слушают рассказы о войне. Ученики — народ любознательный, задают много вопросов:

- Страшно ли в бою?
- Сколько убили фашистов?
- Приходилось ли брать пленных?
- Какие имеете награды?
- В каких частях и где воевали?

И множество других. Когда они слышат от меня, что служил в 26-м отдельном саперном батальоне 11-й стрелковой дивизии сапером, то некоторые недоумевают. Что же это за специальность — сапер? Они хорошо знают летчиков, танкистов, артиллеристов, разведчиков. Но саперов... Поднявшись с места, некоторые эрудиты выкрикивают, что это, мол, минер, подрывник...

В период Великой Отечественной войны саперам отводилась очень большая роль в наступлении и в обороне. Это о них говорили: саперы — мастера на все руки, труженики войны. Но и ошибаются они только раз в жизни.

Нам, воинам 26-го отдельного саперного батальона, довелось с августа 1941 года по январь 1944-го, то есть до полного снятия блокады Ленинграда, участвовать в боях за город Ленина. Вместе с другими частями мы отражали натиск врага в 1941 году под Кингисеппом, Котлами, Красным Селом, Новым и Старым Петергофом, Ораниенбаумом. Там познавали горечь потерь и поражений, радость победы над врагом. В 1942 году вели бои на станции Погостье, под Мгой, Вороновом, Синявином, в болотах и лесах. Дивизии, сражавшиеся здесь, называли болотными. О них слагали стихи и песни. Вот как писал, например, поэт-фронтовик Павел Шубин:

Будут навеки в преданьях прославлены
Под пулеметной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.

Мы, ветераны, с гордостью вспоминаем бои, в которых участвовал наш саперный батальон в составе 2-й ударной армии при прорыве блокады Ленинграда в 1943 году и

при ее окончательном снятии в 1944 году. В декабре 1942 года мы находились в районе Гонтовой Липки. Шла подготовка к активным действиям. Неизвестно было, когда они начнутся, но мы чувствовали их приближение. Это воодушевляло. Нас радовали успехи Красной Армии под Сталинградом и на других фронтах. Это удесятряло силы.

Шел второй год войны с фашизмом. Опыт первых месяцев ее научил нас многому. Так, мы убедились, что при наступлении в лесисто-болотистой местности штурмовые группы являлись целесообразной организационной формой, а ядром этих групп были саперы. Обучение бойцов штурмовых групп вели наши офицеры-саперы под руководством командира батальона майора А. С. Лобовикова. Для этого строили дзоты, ледяные валы и их же штурмовали, преодолевали настоящие минные поля, проволочные заграждения. Эти занятия оченьгодились новичкам, только что пришедшим в батальон.

В начале января 1943 года батальон перешел на берег речки Черная. Стояли сильные морозы, много снега. Саперы получили задачу подготовить командный и наблюдательный пункты для командира дивизии. Тяжелый труд, работать приходилось большую часть суток. Отдых тут же, на еловых лапах — для себя землянок еще не построили. Но усталости и уныния не было. Все трудились с огоньком. В последующем вели работы по улучшению подходов к переднему краю, оборудовали огневые позиции для артиллерии.

И вот в 9 часов 30 минут 12 января заговорила наша артиллерия. Земля гудела от разрывов снарядов и мин на позициях фашистов. Передний край заволочло пороховым дымом.

Наша 11-я стрелковая дивизия была во втором эшелоне 2-й ударной армии. Бои развернулись упорные. Поэтому уже на второй день 163-й стрелковый полк дивизии был введен в бой, а на третий — два других стрелковых полка. Роща Круглая, где шли бои, представляла собой сильный опорный пункт гитлеровцев. Выгодное положение ее по отношению к окружающей местности сочеталось с мощным инженерным оборудованием. Фашисты оказывали упорное сопротивление, держались за каждый блиндаж, окоп, траншею. Саперы 26-го отдельного батальона вели бой вместе со стрелковыми подразделениями.

Вот некоторые штрихи о тех днях, сохранившиеся в памяти.

В низкой землянке, расположенной в промерзшей куче торфа, командир батальона майор Лобовиков Андрей Сер-

геевич ставит задачу командиру саперного взвода младшему лейтенанту Голоушкину:

— Вот здесь, в роще Круглая, передовые стрелковые подразделения вклинились в оборону гитлеровцев. С флангов и с фронта противник ведет интенсивный огонь. Подходы к нашему переднему краю весьма затруднены. Полки несут большие потери. По приказу командира дивизии вашему взводу ночью надо проникнуть к обороне врага и разведать ее. На месте разделитесь на две группы. Разведгруппы составьте таким образом, чтобы потом они могли войти в состав штурмовых групп.

— Ясно, товарищ комбат! — отчеканил командир взвода. — Разрешите выполнять?

И вот январской холодной ночью саперы пробираются к переднему краю. Младший лейтенант Голоушкин впереди. Деревья и кустарники посечены пулями и осколками снарядов. На каждом шагу воронки. Но Голоушкин уже бывал здесь, знает все тропинки, опасные места. Саперы вошли в середину «мешка». Вдруг взвилась вражеская ракета. Затрещали пулеметные и автоматные очереди.

— Ложись! — командует Голоушкин.

Вражеский огонь стихает. Командиры проверили наличие бойцов. Все на месте, потерь нет.

— За мной! — И Голоушкин устремляется вперед.

Достигли нашего переднего края, нашли командиров стрелковых рот, предупредили их о своей вылазке. Разделились на две группы: одна во главе с сержантом Петровым, вторую возглавил сержант Расщектаев. Надели белые халаты и, соблюдая осторожность, поползли к вражеской обороне. Вот она. Как и предполагалось, здесь у немцев несколько наземных срубов. Перед ними ледяной вал с ячейками, проволочные заграждения. Разведгруппы в полном составе возвратились и доложили командиру взвода Голоушкину о результатах вылазки.

Начальник инженерной службы дивизии майор П. А. Кучин прибыл в расположение батальона. В землянке комбат Лобовиков, его заместитель по политчасти капитан А. И. Цветков, я и командир роты А. А. Смирнов. Изучаем доставленные Голоушкиным данные. Начинж формулирует боевую задачу:

— Требуется расширить «мешок», в котором находятся стрелковые подразделения дивизии. Приказано блокировать вражеский узел обороны, выбить фашистов из него. Для этого создаются штурмгруппы. Включить в них лучших саперов.

Подобраны саперы. С ними отправляется командир саперного взвода лейтенант Поляков. Это опытный командир, комсомолец. Однако комбат подстраховывает и его. Общее руководство поручается заместителю командира саперной роты старшему лейтенанту Г. А. Калинин, который побывал на переднем крае в этом районе, наметил и уточнил действия с командиром стрелкового батальона 219-го полка.

Ранним утром 18 саперов под командованием лейтенанта Полякова заняли исходные позиции в траншеях стрелков. Началась артподготовка. Под ее прикрытием саперы выдвинулись к переднему краю фашистов. Мин не обнаружили. Встретили проволочное заграждение. Раздается лязг ножниц. Куски колючей проволоки бесшумно ложатся в снег. Проходы сделаны. Штурмовые группы проходят через них. Артиллерия переносит огонь вглубь обороны противника. Группа сержанта Расщектаева бросается вперед.

Гранаты и связки взрывчатки полетели во вражеские ячейки и дзоты. Стрелки прикрывают саперов огнем. Несколько уцелевших гитлеровцев бросились бежать. Меткие выстрелы штурмующих настигают их. Завязывается бой у других дзотов. Тут уж химики пустили в дело свои огнеметы. Чувствуется паника среди гитлеровцев: они стали метаться между дзотами по ходам сообщения. Саперы Князев и Курдюков с фланга подобрались к дзотам, подорвали их взрывчаткой. Курдюкова ранило. Но он пересиливает боль и остается в строю. В отбитых у врага блиндажах обнаружены гранаты. Они немедленно пускаются в дело. Продвижению группы Расщектаева мешает огневая точка врага. Это заметил сержант Петров, действовавший слева. Он уничтожает опасную цель гранатами. На сапера Шишкина навалился гитлеровец. Шишкин оглушил его прикладом автомата.

К исходу дня гитлеровцы удерживали в полосе действий полка только два дзота. Лейтенант Поляков решил обойти их и ударить во фланг. Неожиданное появление советских бойцов у дзотов вынудило противника отступить.

Бой окончен. Опорный пункт врага уничтожен. В тот день было взято 10 дзотов, перерезана дорога, служившая артерией снабжения засевших здесь гитлеровцев. Стрелковые подразделения значительно улучшили свои позиции. При выполнении поставленной задачи отличились саперы: лейтенант Поляков, сержанты Петров, Расщектаев, Калиев, рядовые Князев, Сахатов, Курдюков, Стрепельцов

и другие. Трое саперов были ранены. Сержант Петров и красноармеец Мархель пали смертью храбрых.

Особо теплые слова хочется сказать об исключительной отваге, стойкости и самообладании в этом бою сапера рядового Русановского Владимира Алексеевича. Он служил в батальоне с 1941 года, участвовал в выполнении многих боевых задач. Но в этом бою проявил исключительную волю, выдержку и преданность Родине. Русановский был ранен у блокируемого дзота — ему осколком оторвало ступню. Не снимая валенка, он наложил на ногу жгут из ремня и продолжал вести огонь по врагу, пока были патроны. Он даже подбадривал товарищей, крича:

— Бейте фашистов! Вот им за Ленинград, за муки ленинградцев!

В мае 1943 года в батальон пришло письмо от Русановского из тылового госпиталя. Он писал о своем здоровье, сожалел, что больше не может вернуться на фронт, желал нам удач в боях. За успешное выполнение задания лейтенант Поляков и рядовой Русановский были награждены орденами Красной Звезды, Расщектаев, Курдюков и другие — медалями «За отвагу».

Враг упорствовал. Наше продвижение вперед иногда исчислялось десятками метров. Но боевой настрой войск был высок.

Под Шлиссельбургом передний край Волховского фронта находился в 12 километрах от реки Невы. Всего 12 километров отделяло ленинградцев от Большой земли. Эту узкую полоску фашисты называли «фляшенхальс» — бутылочное горло. Не просто было выбить фашистскую пробку из этого горла. Много раз подо Мгой и Синявном громыхала канонада, но прорвать блокаду не удавалось. Теперь это горло было разбито. 18 января части 67-й и 2-й ударной армий соединились в районе Рабочего поселка № 1. Блокада Ленинграда была прорвана. Наши части продолжали наступление в направлении Синявинских высот и Мги. Гитлеровцы яростно контратаковали, пытаясь восстановить утраченные позиции.

11-я стрелковая дивизия, а с ней и наш 26-й саперный батальон продолжали выполнять боевую задачу. Командира саперного взвода старшего лейтенанта Б. В. Корюкина пригласили в штаб батальона. Разговор был предельно кратким. Комбат сказал:

— В роще Круглая между 163-м и 219-м полками образовался разрыв. Прикрыть нечем, мало бойцов. Вам со своим взводом сегодня ночью необходимо заминировать этот стык.

— Ясно! — отрапортовал Корюкин.

— Действуйте! Берегите бойцов. Будьте предельно осторожны, — напутствовал в заключение комбат.

С наступлением темноты взвод саперов во главе со старшим лейтенантом Корюкиным направился к передовой. Небо покрылось тучами, дул сильный ветер с Ладоги. Корюкин впереди. За ним, тяжело ступая под тяжестью вещмешков с минами, идут бойцы. Шуметь нельзя. Нейтральная полоса узкая. Малейшая оплошность — и противник обнаружит. Работали лежа. Руки коченели от мороза. Но сапер в рукавицах не работает — это опасно. К счастью, противник вел себя спокойно, только изредка бросал осветительные ракеты. Установлена последняя мина. Засечены ориентиры, чтобы составить формуляр минного поля. Саперы собрались перед траншеями нашей пехоты, привели себя в порядок, немножко отдохнули. За противником все время ведется наблюдение.

— Товарищ старший лейтенант, гитлеровцы ползут к нашему переднему краю, — доложил наблюдатель Иван Фролов.

Корюкин всматривается. Да, враг, видимо, накапливает силы для удара в стык между полками. Только поздно. Командир взвода приказал подчиненным приготовиться к отражению атаки.

Вот фашисты приблизились к минному полю. Взрыв, еще взрыв, еще... Саперы довольны: их оружие разит врага. Немцы растерялись. Они не предполагали встретить здесь мины. Воспользовавшись замешательством фашистов, Корюкин приказал открыть огонь. Пущены в ход и гранаты. Да и стрелки поддержали саперов своим огнем. Вылазка врага была сорвана.

Накануне прорыва блокады Ленинграда в батальон с пополнением прибыл рядовой Иванов. Щупленький, малого роста, он казался совсем мальчиком. Но был бодрым, расторопным, находчивым и сразу завоевал уважение у старожилов батальона. Правда, над ним иногда шутили: тебе, мол, сынок, не воевать, а в прятки играть. Иванов все принимал с улыбкой, отвечал шутникам:

— Цыплят по осени считают.

Начались бои. Иванов заявил о себе и как боец. При выполнении заданий действовал смело, решительно. За короткое время установил и снял на переднем крае сотни мин, ходил на штурм вражеских дзотов, в разведку.

Группе наших саперов было приказано находиться в боевом охранении на танкоопасном направлении. Среди них был и Иванов. Саперы сидели в блиндаже впереди

траншей стрелков. Задача ясна: преградить путь вражеским танкам гранатами, бутылками с горючей смесью, связками взрывчатки, управляемыми минами.

Фашисты обнаружили саперов, открыли по ним огонь из пушки прямой наводкой. Снарядом был разбит железобетонный колпак, поврежден блиндаж. Трое находившихся там саперов оказались засыпанными землей. Иванов бросился на выручку товарищей. Он откопал их, вынес в безопасное место, а сам вернулся на пост. Вражеская танкетка двинулась к нашим боевым порядкам. Видимо, хотела уничтожить смельчаков. Иванов не растерялся. Он сказал своему напарнику:

— Не стрелять, не выдавать себя. Подпустить танкетку поближе!

А когда та подошла на близкое расстояние, забросали ее гранатами. Танкетка вздрогнула, развернулась на месте и остановилась: на одной гусенице далеко не уедешь. Грудь Иванова за этот бой украсила первая награда — медаль «За отвагу».

С января по конец октября 1943 года батальон участвовал в боях под Синявином. В ночь на 30 октября 11-я стрелковая дивизия сдала обороняемый участок другим частям и покинула траншеи на Синявинских высотах. Батальон вместе с ней совершил марш через Шлиссельбург на правый берег Невы и расположился в районе деревни Морозовка на непродолжительный отдых.

12 ноября мы погрузились в железнодорожный эшелон и к вечеру прибыли в Ленинград. Это нас озадачило. А что дальше? Как всегда в таких случаях, среди бойцов и командиров пошли разговоры, сыпались предположения. В составе нашего батальона служили ленинградцы. Им была предоставлена возможность встретиться с родными, знакомыми, с теми, кто остался в живых после страшной блокадной зимы 1941/42 года.

Все предположения рассеялись, когда командир батальона майор А. Д. Дубов после возвращения от командира дивизии собрал офицерский состав и приказал срочно подготовить батальон к погрузке на баржи. Предстояло передислоцироваться на Ораниенбаумский плацдарм.

К вечеру на Неве у Канатной фабрики мы погрузились в самоходную баржу и к утру прибыли в Ораниенбаум. Для тех, кто служил в батальоне в первые месяцы войны, прибытие на плацдарм было волнующим событием: ведь мы участвовали здесь в ожесточенных боях в августе — октябре 1941 года. Особенно упорными они были у деревни Порожки, в Горбунках, в Новом и Старом Петергофе,

на прудах у Английского дворца. Здесь, на рубеже Английские пруды — Старый Петергоф, в конце сентября 1941 года наша дивизия остановила гитлеровцев на пути к Ораниенбауму и Кронштадту, участвовала в отражении яростных атак врага, укрепляла оборону. Теперь мы прибыли сюда, чтобы принять участие в разгроме фашистов и окончательно снять блокаду с города Ленина.

От Ораниенбаума мы совершили марш и в середине ноября прибыли в деревню Мордовщина. Здесь получили пополнение, обучались в обстановке, близкой к боевой. В начале января 1944 года батальон сосредоточился у переднего края обороны в районе Порожки — Петровское. Саперы построили КП и НП командиру дивизии, провели подготовительные работы на переднем крае.

Накануне наступления меня вызвали в штаб дивизии. Начальник штаба полковник Тюриков и начальник инженерной службы подполковник Кучин поставили задачу: разведать и разминировать мост через речку Черную у деревни Порожки. О задании я доложил командиру батальона. Мы обсудили его, подумали, как лучше решить. Мост находился у самого переднего края противника. С заданием могли справиться лишь опытные, смелые, решительные саперы. Отобрали для этой цели рядовых Василия Кучина, Игоря Пелевина и Шишкина.

Вот что рассказал бывший сапер-минер Василий Никитич Кучин о выполнении задания. Тогда он действовал за старшего в этой группе.

— Январь был снежным. Стояли морозы. Днем мы вели наблюдение за передним краем противника, наметили путь движения к мосту. С наступлением темноты надели белые халаты и, получив добрые напутствия командиров и товарищей, отправились в траншеи нашей пехоты. Присмотрелись, прислушались, попросили пехоту не стрелять. Перебрались через бруствер на нейтральную полосу. Ползком добрались до первого препятствия — проволочного забора, поставленного в три ряда. Сделали проход. Действовали так тихо, что было слышно, как бьется сердце у товарища. Мост запорошен снегом, никто по нему не ходит и не ездит уже третий год. Ползем друг за другом, готовые ко всяким неожиданностям, проверяем снежную целину шупами: пока для нас главный враг — мины. Вот мы у моста. Берега реки очень крутые, напоминают противотанковый ров, только широкий. Пробираемся под мост. Главное — найти, как и чем он заминирован. Дальше саперу известно, что и как делать. Осматриваем мост при свете вражеских ракет: бревна выкрашены в белый

цвет, запорошены снегом. Проходят минуты, полчаса, час, а мы не можем понять, почему не видно зарядов. Где они находятся? И есть ли они? Ползать у фашистов под носом не безопасно, а ведь утром наступление.

Трудно сказать, сколько бы мы еще ползали, если бы не обнаружили в снегу кусок провода, каким обычно фашисты пользовались для взрывных работ, производимых на расстоянии. Все ясно. Каждый подержал в руках этот кусок проволоки: сомнений нет, мост заминирован, подготовлен к взрыву. Но где расположены заряды? Осмотрели береговые опоры и пучки свай — ничего не нашли. Теперь нужно добраться до балок и настила моста. Лестницы, конечно, нет, а высота до двух метров. Принимаем решение: ставим Шишкина в боевое охранение у подхода к мосту со стороны противника. Пелевин садится на корточки, а я залезаю ему на плечи, становлюсь. Он поднимает меня до уровня моста. Так мы с ним передвигаемся под мостом. Через несколько минут обнаруживаем заряды. Быстро извлекаю взрыватели, без промедления вырезаю куски провода, соединяющего заряды, снимаю и выбрасываю в снег несколько пачек взрывчатки. Мост спасен, электросхема врага разрушена. Легонько постукиваю Пелевина по голове и плавно сваливаюсь в снег.

Прежней дорогой возвращаемся в траншеи нашей пехоты. Спешим в расположение батальона на доклад начальнику штаба.

— Товарищ начальник штаба, задание выполнено, — докладываю я, — вот снятая техника.

Он крепко пожал нам руки, сказал, что всех представит к правительственным наградам, и отпустил отдыхать. Но отдохнуть не удалось. Началась артподготовка.

Когда наши войска пошли в наступление на вражеские позиции, то артиллеристы и танкисты успешно воспользовались мостом. С командного пункта мы следили за мостом до тех пор, пока первый наш танк не преодолел его.

Особое место в боевых делах саперов занимали минирование и разминирование, проделывание проходов в минных полях противника, его проволочных заграждениях. Каждое задание такого рода требовало выдержки, высокого мастерства. Обнаружить мину, обезвредить ее под носом у противника и не выдать себя, да еще в трудных погодных условиях, — это истинно героический подвиг.

Группа саперов-минеров батальона, возглавляемая старшим сержантом Голубевым, задолго до рассвета прибыла в боевые порядки пехоты. Внимательно изучила обстановку перед передним краем. Первым перевалил через

бруствер траншеи опытный сапер Иван Николаевич Фролов. Он огляделся кругом и махнул рукой. Оставляя в снегу глубокие борозды, следом за ним, стараясь незвякать оружием, поползли по нейтралке остальные. Впереди стали заметны огневые точки противника. Перед ними ряды колючей проволоки, минные поля. Прошло несколько минут — и в снег брошены первые куски проволоки. Осторожно вывинчивая из мин взрыватели, начали свое дело саперы-минеры. Ошибаться нельзя — последует взрыв. Над головами свистят пули: боевое охранение противника периодически ведет огонь.

Проходы сделаны и обозначены. Боевая задача выполнена. Только саперы успели отползти к позициям наших пехотинцев, как начал брезжить рассвет. Доложили по команде о проделанных проходах. Через несколько минут, ахнув, раскололась земля — началась артподготовка. После ее окончания саперы опять в числе первых двинулись вперед — надо пропустить наступающих через минное поле да и более надежно огородить проходы.

А вот что рассказал бывший отличный минер старший сержант запаса Б. Д. Бухтеев:

— Мне приходилось встречаться с немецкими минами-сюрпризами. Зная, что они в основном натяжного действия с использованием приманки, мы всегда были предельно внимательны и осторожны. Однажды стрелки, продвигаясь вперед, обнаружили на кустах серо-белые мешки на высоте 60—70 см от поверхности земли. Я и еще двое саперов сопровождали пехотинцев в наступлении. Стрелки сразу же обратились к нам. Дал команду не трогать эти мешочки. Саперы внимательно присмотрелись к сюрпризам. Оказалось, что от мешочка протянута еле заметная проволока. Привязав к ней шпагат, мы из укрытия дернули. Раздался взрыв.

После освобождения Ропши и Волосова батальон имел один день для отдыха. Мы привели себя в порядок, пополнились боеприпасами, средствами инженерных заграждений, получили неприкосновенный запас, подготовились к дальнейшим боям. А с 23 января 1944 года батальон в составе дивизии двинулся в наступление по направлению Молосковицы — Ивановское — Веймарн — Сланцы.

Зима в том году была снежная. Шли часто без дорог, иногда по колено в снегу. Усталость валила с ног, но никто не ныл. Бывало, на привалах сразу же засыпали, прямо в снегу или облокотившись на пенек, на дерево. Некоторые бойцы даже умудрялись, как они говорили, подремать на ходу. От снега одежда и валенки были мок-

рыми. Сушили их на кострах при остановках. Тылы наши часто отставали, пищу подвозили холодную, хлеб замерзший. Хлеб мы накальвали на палки, поджаривали на кострах. Он становился вкусным, поджаристым. Встречали в деревнях наших людей, освобожденных от оккупантов. К нам они относились с особой теплотой, угощали, чем могли.

Стрелковые части подошли к реке Луга. Мост через нее был взорван. Батальон получил приказ к утру на реке усилить лед для пропуска техники. За ночь настелили мост шириной 4 метра, длиной 15 метров поверх льда. Утром машины с боеприпасами и продовольствием, артиллерия и другая техника были переправлены по настилу, а пехота переходила по льду.

Прибыли на разъезд Туганы, что на железнодорожной ветке Веймарн — Сланцы. Здесь один старик нам рассказал, что железнодорожное полотно заминировано, но взорвать его фашисты не успели. Специальная команда гитлеровцев, узнав о приближении частей Советской Армии, забрала в деревне всех лошадей и убежала. На железной дороге через каждые 75—100 метров к рельсам были привязаны толовые заряды со взрывателями. Нам пришлось их снимать на протяжении до 10 километров.

Прошли город Сланцы, пересекли границу Эстонии. Бойцы и командиры батальона были, как никогда, сплочены, единоклюшны и целеустремленны, всегда и во всем проявляли взаимовыручку, действовали исключительно слаженно. Несмотря на то, что мы мало отдыхали, спали на снегу под открытым небом, никто из нас не болел. Сами удивлялись необъяснимой выносливости, устойчивости ко всем невгодам.

В первой половине дня 3 февраля подошли к реке Нарва. Освободили от врага деревню Скорятина Гора. День солнечный, было хорошо видно, как на противоположном берегу длинная колонна гражданского населения, сопровождаемая гитлеровцами, уходила на запад. В деревне не осталось ни одного человека, ни одного домашнего животного или птицы. Все забрали фашисты.

Деревянный мост через Нарву взорван. О его восстановлении не могло быть и речи: нет времени, да и пристрелян он фашистами. Решено в ночь с ходу форсировать реку на подручных средствах, которые нужно изыскать на месте. Мы не имели необходимых материалов, а главное — времени. Река Нарва на этом участке не замерзла, течение быстрое. Было над чем задуматься.

В деревне нашли 15 рыбацких лодок, доски, смолу,

войлок, тряпки. Лодки отремонтировали, из досок сколотили плоты. Со стрелками полка, назначенного к переправе первым, провели тренировочные занятия. А когда выдались свободные минуты, заместитель командира батальона по политчасти А. И. Цветков и парторг П. С. Поляков помогли провести в подразделениях партийно-комсомольские собрания.

В назначенный срок к месту переправы прибыли командир дивизии полковник В. И. Шкель и его заместители. Саперы нашего батальона для обеспечения переправы подразделений дивизии через Нарву были готовы.

Ночь с 3 на 4 февраля 1944 года была темная. Ветра почти нет. Мороз небольшой. Тихо. Передвигаемся по берегу бесшумно, распоряжения, команды — шепотом. Последние напутствия, советы, дружеские похлопывания по плечу, рукопожатия тем, кто отправляется в первый рейс. Бойцы спускают лодки и плоты на воду, саперы берутся за весла. Занимает место пехота. При подходе к вражескому берегу мы были обнаружены. Немцы открыли интенсивный огонь из автоматов, пулеметов, орудий. Но снаряды рвались уже позади нас. Огонь был не прицельным и потому большого ущерба не наносил.

Саперы подошли к берегу и высадили первую группу пехоты. Особенно отличились при этом старший сержант Катков, сержант Цыганков, красноармейцы Иванов, Коршунов, Юдин, Михайлов, Шаройко. Они действовали быстро и решительно, немедленно отправились обратно, за следующей группой пехотинцев. Красноармейцы Михай-

ДОКУМЕНТЫ

РАБОЧЕЕ СПАСИБО ВОИНАМ 2-й УДАРНОЙ

Генерал-лейтенанту
Романовскому
Генерал-майору
Кузнецову

Коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих трижды орденоносного Кировского завода не может найти достаточно слов, чтобы выразить свою радость, связанную с прорывом блокады Ленинграда. Передайте наше пролетарское спасибо всем бойцам и командирам, принимавшим участие в прорыве блокады Ленинграда. Все наши силы, все наши способности мы отдадим с еще большей энергией

на окончательный разгром ненавистного врага. Желаем вам дальнейших успехов в разгроме гитлеровских мерзавцев, окружающих наш доблестный город. По поручению коллектива за- вода:

директор завода **Длугач**, секретарь парткома **Пузырев**, завком **Потюков**, начальники цехов **Скобников**, **Хижняк**, **Ротенберг**, **Куличкин**, **Байхов**, **Гарибьян**, стахановцы **Малахов**, **Беляков**, **Затравин**, **Королева**, **Филатов**, **Павлов**, **Лохина**, **Дудин**, **Савин**, **Сафоненкова**, **Бунин**.

Ленинград,
19 января 1943 года
(по телеграфу).

лов. Юдин, Коршунов, Иванов, когда их лодки пробило пулями, на ходу закрыли отверстия тряпками и благополучно добрались по назначению. За ночь саперы сделали несколько рейсов. На западном берегу Нарвы был захвачен плацдарм. С высадившимися подразделениями поддерживалась устойчивая связь.

Плацдарм, конечно, надо было расширять. Нам были срочно доставлены малые надувные лодки. В ночь на 6 февраля началась на них переправа. Исключительное мужество и отвагу, находчивость и выдержку проявил сержант-сапер комсомолец С. И. Суворов. Он одним из первых на надувной лодке с пулеметным расчетом отправился к вражескому берегу. На середине реки лодку пробило пулей. Сапер не растерялся. Подбадривая пулеметчиков, он быстро заделал пробоину и благополучно добрался до противоположного берега. У берега оказался лед, на который пехотинцы поставили свой пулемет. Но вдруг лед проломился, и пулемет погрузился в воду. Суворов, несмотря на огонь противника, выскочил из лодки в ледяную воду, помог вытащить пулемет на берег и только после этого отправился за следующей группой пехоты. На обратном пути в лодку попала разрывная пуля. Ликвидировать пробоину было невозможно. Комсомолец Суворов, сбросив полушубок, валенки, бросился в воду и вплавь добрался до берега. Так же поступил сапер Коршунов, когда его лодку пробили две разрывные пули.

За мужество и отвагу, умелые действия, проявленные при форсировании реки Нарва, особо отличившиеся были награждены. Старший сержант Катков, сержант Суворов, красноармеец Иванов — орденами Отечественной войны I степени, красноармейцы Коршунов, Юдин — орденами Красной Звезды. Отмечены наградами были и другие воины батальона.

Так личный состав нашего батальона выполнял свой долг перед Родиной в годы Великой Отечественной войны.

**ОТВАГА,
ПОМНОЖЕННАЯ
НА УМЕНИЕ**

3

И. И. ФЕДЮНИНСКИЙ,
*генерал армии,
Герой Советского Союза,
в 1943—1945 годах командующий
2-й ударной армией*

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП
БЕССМЕРТНОЙ ЭПОПЕИ**

Военно-политическая обстановка, сложившаяся к началу 1944 года, характеризовалась, прежде всего, крупными военными успехами Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны, дальнейшим укреплением экономического, политического и военного могущества Советского государства. Наш народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии добились коренного перелома в войне с фашистской Германией. Советские Вооруженные Силы окончательно закрепили за собой стратегическую инициативу.

Все это позволяло советскому командованию подготовить и провести большую наступательную операцию с целью разгрома гитлеровских войск под Ленинградом и Новгородом...

Оборона противника под Ленинградом и Новгородом в инженерном отношении совершенствовалась два года. Враг создал глубокоэшелонированную оборону, построенную на сочетании сильных узлов сопротивления и опорных пунктов, имевших круговую оборону с развитой системой траншей и отсечных позиций.

Чтобы полностью деблокировать город Ленина и очистить от фашистских оккупантов Ленинградскую область, войскам Ленинградского и Волховского фронтов предстояло разгромить одну из наиболее сильных группировок врага.

Для содействия войскам Ленинградского и Волховского фронтов Ставка выделила крупные силы авиации дальнего действия. Перед партизанскими соединениями, оперировавшими в Ленинградской области, была поставлена задача оказывать всемерную помощь войскам, нанося удары по коммуникациям врага, срывая переброски живой силы и техники противника.

Кроме того, Ленинградский фронт был усилен четырьмя, а Волховский — одним самоходно-артиллерийскими полками. Некоторые танковые соединения и части получили новую материальную часть. На пополнение 13-й и 14-й воздушных армий поступило значительное количество штурмовиков, бомбардировщиков и истребителей. Из своего резерва Ставка выделила Ленинградскому фронту штурмовую инженерно-саперную бригаду.

В соответствии с замыслом операции, ленинградцам и волховчанам предстояло разгромить фланговые группировки 18-й гитлеровской армии юго-западнее Ленинграда и

ДОКУМЕНТЫ

ЛЕНИНГРАДСКО- НОВГОРОДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В результате побед Сов. Вооруж. Сил в Сталинградской и Курской битвах, на Левобережной Украине и в Донбассе, в битве за Днепр к нач. 1944 сложились благоприятные условия для проведения наступления под Ленинградом и Новгородом... Силами войск 2-й ударной, 42-й и 67-й армий Ленингр. фронта (команд. ген. армии Л. А. Говоров), 8, 54 и 59-й армий Волхов. фронта (команд. ген. армии К. А. Мерецков), 1-й ударной и 22-й армий 2-го Прибалт. фронта (команд.

ген. армии М. М. Попов) при тесном взаимодействии с КБФ, Ладожской и Онежской воен. флотилиями была проведена Ленинградско-Новгородская операция 1944. К участию в ней привлекались также авиация дальнего действия (команд. маршал авиации А. Е. Голованов) и партиз. соединения (13 бригад общей числ. до 35 тыс. чел.). 14 янв. 1944 сов. войска перешли в наступление с Ораниенбаумского плацдарма на Ропшу, а 15 янв. — от Ленинграда на Красное Село. 20 янв. после упорных боев наступавшие войска соединились в р-не Ропши и ликвидировали окруженную

под Новгородом, а затем, развивая наступление на кингисеппском и лужском направлениях, завершить разгром главных сил врага и выйти на рубеж реки Луга. В дальнейшем они должны были действовать на нарвском и псковском направлениях и завершить освобождение Ленинградской области.

Руководство Ленинградского фронта (командующий генерал армии Л. А. Говоров, члены Военного совета генерал-лейтенант А. А. Жданов и генерал-лейтенант А. А. Кузнецов, начальник штаба генерал-лейтенант Д. Н. Гусев) приняло решение нанести по врагу двойной удар — с Ораниенбаумского плацдарма и Пулковских высот. Две армии Ленинградского фронта — 2-я ударная и 42-я, наступая с разных направлений на Ропшу, должны были соединиться там, окружив петергофско-стрельнинскую группировку врага, и разгромить ее севернее Красного Села.

Войскам Волховского фронта (командующий генерал армии К. А. Мерецков, член Военного совета генерал-лейтенант Т. Ф. Штыков, начальник штаба генерал-лейтенант Ф. П. Озеров) предстояло нанести два удара по сходящимся направлениям и разгромить группировку врага в районе Новгорода.

...Подготовка к операции велась очень тщательно и всесторонне. Благодаря исключительной отваге и выдержке советских воинов и балтийских моряков 2-й ударной армии удалось буквально под носом у врага своевременно и без потерь сосредоточиться на Ораниенбаумском плацдарме.

ДОКУМЕНТЫ

петергофско-стрельнинскую группировку пр-ка. Одновременно 14 янв. сов. войска перешли в наступление в р-не Новгорода, а 16 янв. — на лубанском направлении и 20 янв. освободили Новгород. 21 янв. пр-к начал отход из р-на Мга, Тосно. К концу янв. были освобождены гг. Пушкин, Красногвардейск, Тосно, Любань, Чудово, Новоскольники. Нем.-фаш. войска пытались удержать рубеж р. Луга, но 12 февр. сов. войска во взаимодействии с партизанами овладели г. Луга, а к 15 февр. полностью прорвали оборону пр-ка. После этого Волхов. фронт был расформирован,

а войска Ленингр. и 2-го Прибалт. фронтов продолжали преследование пр-ка на псковском и островском направлениях; к исходу 1 марта они вышли на подступы к границе Латв. ССР. В результате Ленинградско-Новгородской операции нанесено тяжелое поражение группе армий «Север», освобождена почти вся Ленинградская обл. и часть Калининской, сов. войска вступили в пределы Эстонии, были созданы благоприятные условия для разгрома пр-ка в Прибалтике и в р-не к с. от Ленинграда...

К 10 авг. 1944 завершилась битва за Ленинград, имевшая боль-

Корабли с войсками и техникой выходили из Ленинграда и Лисьего Носа после наступления темноты и возвращались перед рассветом. Все это происходило в период жестоких штормов, а затем — и ледостава, корабли двигались по стесненным фарватерам и мелководью, в зоне вражеского огня.

К началу операции на плацдарм были переброшены весь личный состав армии, свыше 2 тысяч различных боевых машин, много орудий и минометов, десятки тысяч тонн боеприпасов и других военных грузов и свыше 4 тысяч лошадей.

Оперативная скрытность ввела противника в заблуждение; он до последних дней полагал, что мы перебрасываем войска с плацдарма в город.

Не теряя времени, дивизии 2-й ударной армии напряженно, без усталости, днем и ночью учились осуществлять прорыв заблаговременно подготовленной обороны гитлеровцев. Основное внимание мы обращали на самостоятельные действия стрелковых подразделений и штурмовых групп, а также на взаимодействие между ними. Войска учились маневрировать на поле боя, сочетать огонь с движением, вести бой в траншеях, умело действовать ночью.

На специально оборудованных полях проводились занятия по обнаружению и преодолению инженерных заграждений. В каждой стрелковой роте имелся один взвод, подготовленный к самостоятельному преодолению минно-взрывных препятствий.

Особое внимание уделяли мы подготовке танковых войск...

ДОКУМЕНТЫ

шое полит. и военно-стратег. значение и оказавшая значит. влияние на ход боевых действий на др. участках сов.-герм. фронта. Она оттянула на себя крупные силы нем. — фаш. войск и всю фин. армию. Гитлеровское командование не могло перебрасывать из-под Ленинграда свои силы на др. направления, где решались гл. задачи. С окончанием битвы за Ленинград высвобождались крупные силы войск Ленингр. и Карельского фронтов, к-рые Ставка ВГК использовала на др. стратег. направлениях.

Советская военная энциклопедия

ОРАНИЕНБАУМСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Ораниенбаумский плацдарм — район побережья Финского зал. у Ораниенбаума (ныне г. Ломоносов) от Керново до Петергофа (Петродворец) протяжением 65 км и в глубину 20—25 км; удерживался сов. войсками в Великую Отечествен. войну с сент. 1941 по янв. 1944, сыграл важную роль в героич. обороне Ленинграда. Ораниенбаумский плацдарм образовался в ходе боевых действий войск 8-й армии Ленингр. фронта, к-рые при поддержке арт-и Краснознаменного Балтийского

Вступив в командование войсками 2-й ударной армии, я прежде всего ознакомился с плацдармом, который по фронту тянулся на 65, а в глубину достигал 20—25 километров. Передний край обороны противника проходил по линии Керново — Закорново — Гостилицы и далее по дороге Гостилицы — Петергоф. Используя лесисто-болотистую местность, гитлеровцы построили оборону по линии холмов, с которых хорошо и на значительную глубину просматривалось расположение наших войск. Перед передним краем имелись сплошные минные поля и проволочные заграждения в два-три кола. За ними тянулись траншеи с пулеметными площадками.

В населенных пунктах Гостилицы, Кожирицы, Дятлицы, Ропша и других были созданы опорные пункты. На линии Кипень — Ропша противник оборудовал тыловой оборонительный рубеж. В районе населенного пункта Беззаботный располагалась тяжелая артиллерия, которая использовалась для варварских обстрелов Ленинграда. Перед фронтом 2-й ударной армии оборонялись пехотная и моторизованная дивизии СС, две авиаполевые дивизии, пехотный полк, а также отдельные строительные и охранные батальоны.

2-й ударной армии предстояло силами не менее пяти-шести дивизий прорвать оборону противника на гостилицком направлении, овладеть Ропшей и, соединившись с войсками 42-й армии, уничтожить петергофско-стрельнинскую группировку гитлеровцев. В дальнейшем, после образования общего фронта с 42-й армией, развивать наступление на Кингисепп и Гатчину.

ДОКУМЕНТЫ

флота (КБФ) (345 орудий калибра 400—100 мм) остановили наступление нем.-фашистских войск на рубеже Керново, Лубаново, Терентьево, Горлово, Петергоф и создали на нем устойчивую оборону... В период подготовки Ленинградско-Новгородской операции 1944 на Ораниенбаумский плацдарм была перегруппирована из р-на Ленинграда 2-я ударная армия. К началу операции на О. п. было перевезено 5 стрелк. дивизий, 13 арт. частей и соединений, 2 танк. и 1 самоходно-арт. полк, танк. бригада (всего 52 535 чел.), большое кол-во боеприпасов (св. 700 вагонов) и различ. грузов.

Ораниенбаумский плацдарм имел важное операт. значение, нависая над левым флангом 18-й армии пр-ка, он не только прикрывал подступы к Ленинграду с побережья Финского зал., но и отвлекал на себя немалые силы врага, создавал более благоприятные условия для действия КБФ. Ораниенбаумский плацдарм был исходным р-ном для наступления 2-й ударной армии, участвовавшей в разгроме нем.-фашистских войск, осаждавших Ленинград. Оборона Ораниенбаумского плацдарма — яркий пример массового героизма сов. воинов.

Советская военная энциклопедия

Успех операции во многом предопределялся высоким моральным и боевым духом войск.

В партийно-политической работе значительное место занимали пропаганда революционных традиций Ленинграда, популяризация подвигов, совершенных защитниками города Ленина. Вся партийно-политическая работа была направлена на создание в войсках высокого наступательного порыва, мобилизовала воинов на преодоление трудностей. Это имело исключительно важное значение, поскольку войска Ленинградского и Волховского фронтов не располагали достаточным опытом проведения крупных наступательных операций на большую глубину.

Большое внимание уделялось партийно-организационным мероприятиям. Были подготовлены и обучены политработники резерва, а также подобраны кадры для выдвижения их на партийную работу. Вопросы укрепления партийных и комсомольских организаций в ротах и батареях находились в центре внимания политорганов.

Город Ленина защищали сыны всех советских народов, вся страна. Лучшими из лучших были коммунисты и комсомольцы. Высокий подъем, вызванный в войсках подготовкой к наступлению, нашел свое выражение в огромном притоке в партию и комсомол передовых солдат и офицеров. Партийные и комсомольские организации, созданные в каждом подразделении, сплачивали личный состав, поднимали его боеготовность.

Ленинградская партийная организация также активно участвовала в политической работе в войсках. Пропагандисты и агитаторы, ветераны Октября и боев за Петроград выступали в полках и на кораблях. Слушая их, воины прониклись чувством личной ответственности перед Родиной за судьбу города-героя, носящего имя великого Ленина. Каждый из них понимал, что сейчас Родина зовет воинов Ленинградского фронта приумножить славу ленинградцев, добытую в боях и труде, и с нетерпением ожидал боевого приказа на решительный штурм укреплений врага.

Мне часто приходилось выезжать в соединения, контролировать ход подготовки, присутствовать на занятиях. Побывал я во всех дивизиях, но, естественно, особое внимание уделял 43-му стрелковому корпусу генерала А. И. Андреева. Ему и, в частности, 48-й и 90-й стрелковым дивизиям предстояло действовать на главном направлении в первом эшелоне.

Однажды в середине декабря я приехал в 286-й стрелковый полк 90-й дивизии. Командир полка подполковник Фоменко обучал подразделения отражению контратак пе-

хоты и танков противника. Занятие он организовал хорошо, поучительно. После разбора я приказал построить полк на опушке леса, кратко подвел итоги, похвалил отличившихся, сделал ряд замечаний.

— Нужно настойчиво учиться борьбе с танками противника,— подчеркивал я.— Умелый и отважный солдат не испугается танка. Сегодня на занятиях вы действовали правильно. Ну, а если в самом деле на вас пойдут танки? Сумеете вы укрыться от них, например, вот в этом окопе?

Я указал на окоп, видневшийся неподалеку от опушки.

Солдаты молчали. По их лицам было видно, что они не очень верят в то, что можно уцелеть, если через окоп пойдут танки. Это неверие в свои силы следовало немедленно развеять. Иначе проведенное занятие в значительной мере утратило бы смысл.

— Кто хочет показать свою смелость? — спросил я.

Из строя вышел невысокий, веснушчатый солдат.

— Разрешите мне, товарищ генерал!

— Как ваша фамилия?

— Рядовой Ильин.

— Не испугаетесь? Усидите в окопе, когда на него пойдет танк?

— Выдержу, товарищ генерал, не сробею.

— Давайте попробуем. Только раньше скажите, что будете делать, когда через окоп пойдет танк?

Солдат уверенно доложил, как будет действовать, побежал к окопу и прыгнул в него. Теперь из укрытия видна была лишь его шапка-ушанка.

Раздался рокот мотора, и один из танков, лязгая гусеницами по мерзлой земле, двинулся на окоп. Солдат присел на дно. Танк навалился на бруствер всей своей многотонной тяжестью. Присутствующие затаили дыхание. Танк перевалил через окоп. В тот же миг Ильин, целый и невредимый, поднялся и метнул учебную гранату.

Я подозвал к себе солдата.

— Хорошо действовал, молодец! Страшно было?

— Нет,— ответил Ильин, но сразу же поправился: — То есть не очень страшно.

— За правильные действия и смелость вот вам награда.

Я снял с руки часы и перед строем вручил их солдату, потом, отпустив обрадованного Ильина, спросил:

— Кто еще не боится посидеть в окопе?

Поднялся лес рук. Солдаты поняли, что глубокий окоп — надежное укрытие от танка.

— Отлично! Все получите такое удовольствие,— заверил я солдат.— Но награды не ждите. Она предназначалась только первому.

В интересах армии должны были действовать крупнокалиберные морские орудия, установленные на знаменитых фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Я побывал и там, ознакомился с возможностями дотоле неведомых мне артиллерийских систем.

Одновременно с напряженной боевой учебой велась активная разведка.

Приближался день начала операции.

Нами было принято такое решение: обороняться на флангах частью сил, а в центре сосредоточить ударную группу в составе двух стрелковых корпусов (шесть стрелковых дивизий) и на фронте шириной 10,5 километра прорвать оборону гитлеровцев на гостилицком направлении.

Чтобы скрыть от противника сосредоточение ударной группы в центре, мы широко применяли оперативную маскировку. На правом фланге армии в первых числах января три дня демонстрировали сосредоточение пехоты, артиллерии и танков. Для этого широко использовали деревянные макеты, а также мощные громкоговорящие установки.

Работали некоторые радиостанции артиллерийских и танковых частей, расположенных на правом фланге. На всем фронте была проведена разведка боем, при этом наиболее активные действия велись опять-таки на правом фланге.

Авиация демонстративно вела усиленную разведку корпорского направления, ночью бомбила там узлы сопротивления противника, имитировала прикрытие истребителями сосредоточения наших войск.

Словом, все делалось для того, чтобы привлечь внимание противника к нашему правому флангу, скрыть истинное направление главного удара, обеспечить тактическую внезапность наступления.

Путем перегруппировки войск удалось достичь на узком участке намеченного прорыва трехкратного превосходства в живой силе и более четырехкратного — в танках, орудиях и минометах.

13 января передовые траншеи были приближены к противнику на 150—350 метров. Стрелковые части выдвинулись ночью в нейтральную полосу и быстро окопались. Это оказалось полной неожиданностью для противника.

В ночь, предшествовавшую началу наступления, девять саперных рот перед фронтом трех стрелковых дивизий пер-

вого эшелона проделали 109 проходов в минных полях и заложили заряды под проволочными заграждениями противника. Заряды были взорваны, когда началась артиллерийская подготовка.

Накануне наступления я побывал почти во всех соединениях ударной группировки, обошел исходные позиции, побеседовал с командирами полков и дивизий, проверяя подготовку к прорыву. Хотелось предусмотреть все до мелочи, использовать весь опыт, накопленный за годы войны.

Свой наблюдательный пункт вынес на гору Колокольня, поближе к исходным позициям стрелковых дивизий первого эшелона. Вообще-то место там было небезопасное. Рядом располагались НП командира 43-го корпуса генерала А. И. Андреева и командира 90-й дивизии полковника Н. Г. Лященко. Таким образом, на маленьком пятачке сосредоточились три наблюдательных пункта. Но другого выбора не было: гора Колокольня являлась единственным местом, с которого можно было видеть боевые порядки соединений, действующих на главном направлении.

Поздно ночью я вышел из блиндажа в траншею, закурил. Несмотря на усталость, спать не хотелось.

Я знал, что в эти часы войска скрытно выдвигались на исходные позиции. На переднем крае, до которого от моего НП было не более 300 метров, стояла тишина. Значит, пока все в порядке, противник ничего не подозревает.

В траншее вдруг зашуршал снег. Я негромко окликнул:
— Кто идет?

— Свои, товарищ командующий,— послышался знакомый голос генерала Андреева. Следом за командиром корпуса подошел полковник Лященко.

— Где были? Почему не отдыхаете? — спросил я.

— Зашел доложить, что все готово,— ответил генерал Андреев.— Проверял, как дивизии заняли исходные позиции. Вот встретил полковника Лященко. Он тоже был в полках.

— Идите отдыхать. Можно поспать еще несколько часов.

— А вы сами-то что не спите, товарищ командующий?

— Слушаю, как ведет себя противник. Кажется, спокойно. У вас, товарищ Лященко, все в порядке?

— Так точно. Готовы хоть сейчас начинать.

— Ну ладно. Смотрите, при атаке Гостилиц не теряйте темп. Если будете действовать быстро — дело пойдет. Когда выйдете на южную окраину Гостилиц, будьте готовы к отражению контратак с юго-запада. Постарайтесь подтянуть противотанковые средства.

— Учту, товарищ командующий.

Я спустился в блиндаж, заставил себя заснуть. На рассвете меня разбудил громкий, задорный крик петуха. Это было неожиданно: рядом передний край, поблизости ни одной деревни, и вдруг — петух. Откуда он тут взялся?

— Это полковника Лященко петух,— сказал всезнающий адъютант Рожков.— Полковник его всегда с собой возит, а зачем — неизвестно. Петух совсем ручной, привык к хозяину, как собачонка. Пусть его кричит. Говорят, если петух громко поет, день будет хороший.

Я стал натягивать сапоги. Спать уже больше не хотелось.

Утро 14 января выдалось необыкновенно тихим. Белые клочья тумана окутывали землю, цеплялись за ветви поредевшего от артиллерийского обстрела леса, покрывали прозрачной пеленой передний край обороны наших войск. Казалось, уставшая от кровопролитных боев земля решила отдохнуть и ничто не может нарушить ее покой. А между тем именно в это спокойное утро командиры полков и дивизий 2-й ударной армии, которая сосредоточилась для наступления, испытывали необыкновенное волнение, тот подъем душевных сил, который всегда предшествует историческим событиям.

Командиры смотрели на часы и ждали. Ждал и я. А стрелки часов, как нарочно, двигались медленно. Казалось, время приостановило свой бег и не торопится приблизиться к заветной цифре: 9 часов 35 минут. Особенно тягостны были последние минуты и даже секунды...

И хотя все мы ожидали этого момента, ожидали не один день и месяц, он наступил неожиданно. Тишина январского утра была разорвана громовыми раскатами. Даже бывалым бойцам показалось, что такой канонады они раньше не слышали. Шестьдесят минут артиллеристы 2-й ударной армии и Краснознаменного Балтийского флота обрабатывали главную полосу обороны гитлеровцев. На позиции врага обрушилось свыше 100 тысяч снарядов и мин.

О том, насколько огонь нашей артиллерии был мощным и точным, говорят показания пленных, взятых войсками армии в этой операции. Так, обер-фельдфебель третьей роты 19-го полка 10-й авиаполевой дивизии показал: «В нашей роте после артподготовки русских из ста сорока человек в живых осталось только девять. Это те счастливы, которым во время артподготовки удалось вылезти за свой передний край. Все мы имели один выход — сдаться в плен».

Да, огонь артиллерии был очень силен. 2-я ударная армия имела на плацдарме 1152 орудия и 1482 миномета. Из

этого количества на участке прорыва (10,5 километра) удалось сосредоточить 1773 орудия и миномета, что составляло около 170 стволов на один километр фронта.

Кроме того, большую помощь в прорыве нам оказала морская артиллерия кораблей и фортов Кронштадта, а также авиация. Темп стрельбы морской артиллерии во время артподготовки был очень напряженным: на орудие калибра 130 мм приходилось 60 выстрелов, а калибра 180 мм — 36. Стрельба была такой, что краска на стволах орудий сгорела.

В результате внезапного массированного удара артиллерии армии и Краснознаменного Балтийского флота живая сила и техника врага понесли весьма ощутимые потери. Были подавлены основные артиллерийские и минометные позиции гитлеровцев, нарушена работа их штабов, которые потеряли управление войсками.

Командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц, командир 1-й артиллерийской группы подполковник Проскурин и командующий ВВС флота генерал М. И. Самохин имели свой наблюдательный пункт на плацдарме и поддерживали непосредственную связь с командармом и командиром правофлангового корпуса А. И. Андреевым.

Авиация в первый день наступления из-за плохой погоды вылетала редко. И все же морские летчики сумели сделать 75 самолето-вылетов.

Особое внимание мы уделили использованию орудий, выделенных для ведения огня прямой наводкой, при уничтожении дзотов и огневых точек на переднем крае, а также для проделывания проходов в проволочных заграждениях и минных полях.

В 10 часов 40 минут соединения, входившие в состав ударной группировки, тесно взаимодействуя с танками и артиллерией, пошли в атаку. С участка 286-го полка 90-й дивизии донеслись звуки духового оркестра. В первую траншею внесли Боевое Знамя полка.

Танки с трудом двигались по оттаявшей болотистой земле. Но пехотинцы, одетые в белые маскировочные халаты, смело устремились вперед. Со своего наблюдательного пункта я отчетливо видел, как пехота и танки овладели первой вражеской траншеей и стали безостановочно продвигаться дальше.

Хотелось знать, что делается на левом фланге, невидимом с моего наблюдательного пункта. Судя по сильной стрельбе, противник там оказывал ожесточенное сопротивление. Я позвонил генералу Андрееву:

— Как дела на левом фланге?

— Все идет нормально, дивизии продвигаются. Переходите ко мне или на НП полковника Лященко. От нас левый фланг отлично просматривается.

И только я завернул за изгиб траншеи, как в то место, откуда ушел, угодил снаряд. Наблюдательный пункт был почти полностью разрушен.

К середине дня 14 января части 90-й дивизии овладели деревней Гостиллицы, превращенной гитлеровцами в опорный пункт. Как мы и предполагали, противник пытался контратаковать во фланг выдвинувшийся вперед 286-й стрелковый полк и вновь занять деревню. В борьбу с ним вступила полковая противотанковая батарея, при этом артиллеристы проявили исключительную стойкость и мужество.

Особенно отличился командир орудия сержант Т. И. Морозов. Весь его расчет вышел из строя. Морозова ранило, но он продолжал вести по танкам огонь, пока не отбили контратаку врага. За этот подвиг Морозову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Успешно наступали полки первого эшелона 48-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор А. И. Сафронов.

Противник пытался подвести к месту прорыва новые силы, но утром 15 января перешла в наступление 42-я армия. Это помешало гитлеровскому командованию осуществить маневр резервами. Однако сопротивление врага еще не было сломлено.

15 января гитлеровцы предприняли до тридцати контратак силами от взвода до роты при поддержке танков. Наиболее упорно сопротивлялись они в районе деревни Варвароси, где проходил стык 90-й и 48-й стрелковых дивизий. Один из полков 48-й дивизии задержался, открыв правый фланг 173-го полка 90-й дивизии. Этим мог воспользоваться противник. Батальону лыжников 90-й дивизии было приказано оказать помощь соседу.

Батальон состоял исключительно из молодежи, уроженцев Вологодской области. Все солдаты прекрасно ходили на лыжах, были закаленными, физически выносливыми, смелыми, в большинстве своем комсомольцами. Командовал батальоном майор Алтухов.

В ночь на 16 января лыжники по лесу подошли к Варвароси, окружили деревню с трех сторон и стремительно атаковали противника, застигнутого врасплох. Одетые в белые маскировочные халаты, лыжники беззвучно скользили по улицам села, бросая гранаты в дома, где находились гитлеровцы. Почти весь гарнизон Варвароси был

уничтожен ими. Лыжники захватили много различного вооружения и военного имущества.

На следующую ночь батальон так же дерзко и внезапно атаковал опорный пункт фашистов в деревне Дятлово. В этом бою геройски погиб майор Алтухов.

17 января по всей армии разнеслась весть о бессмертном подвиге старшего сержанта И. К. Скуридина из 4-го полка 98-й стрелковой дивизии. Дивизия находилась во втором эшелоне корпуса и была введена в бой 15 января. Развивая наступление на волосовском направлении, 4-й полк завязал бой за деревню Сокули, превращенную гитлеровцами в опорный пункт.

Одна из стрелковых рот была остановлена огнем из хорошо замаскированного дзота. Бойцы залегли на открытом месте. Положение создалось критическое.

По занесенной снегом канаве Скуридину удалось подобраться почти вплотную к вражеской огневой точке. Вся рота следила за его смелыми действиями. Вот он встал и метнул в дзот одну за другой три гранаты. Огневая точка умолкла.

Воспользовавшись этим, бойцы сделали новый рывок к деревне. Но казавшийся уничтоженным дзот ожил. Тогда старший сержант Скуридин на глазах у атакующих бойцов ничком бросился на амбразуру и закрыл ее своим телом.

Старшему сержанту И. К. Скуридину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Эти незабываемые события никогда не изгладятся из нашей памяти.

Вспоминая о былом, и в частности о боевых действиях 2-й ударной армии, мне хочется, как бывшему командарму, обратить слова глубокой благодарности и признательности к боевым товарищам, друзьям-однополчанам, к тем тысячам замечательных советских офицеров, сержантов и солдат, которые воевали в составе 2-й ударной армии и на долю которых выпали суровые испытания. В этих испытаниях ярко раскрылись замечательные качества наших воинов — их невиданная стойкость, упорство и мужество в борьбе с врагом, вера в победу, верность Родине и Коммунистической партии.

Время выветрило из памяти немало имен. Да человеческий мозг и не в состоянии запомнить тысячи и тысячи фамилий; но многие герои, которых я знал лично, и сегодня живут в моем сердце и памяти.

Мне никогда не забыть массовый героизм, который проявляли воины 2-й ударной армии в наступательных боях

1944 года. Отличившихся в бою командиры дивизий и полков награждали непосредственно на поле боя. Наибольший наступательный порыв в 131-й стрелковой дивизии проявили бойцы стрелковой роты 482-го стрелкового полка, наступавшие на Порожки. Этой ротой командовал капитан Марченко. Уничтожив в рукопашном бою свыше 30 вражеских солдат и офицеров, рота быстро овладела первой траншеей. Затем, не задерживаясь, продолжала наступать на Глагино, расположенное в глубине обороны противника.

Дважды раненный, командир другой роты, Сергей Кондратьев, оставался в строю и продолжал руководить боем своего подразделения. Его ранило в третий раз, ранило тяжело, смертельно. В это время рота отбивала очередную контратаку противника. Вестовой командира роты и наши мужественные бойцы-санитары пытались унести Кондратьева с поля боя в медпункт. Но, уже лежа на волокуше, Сергей Кондратьев приказал везти себя не в тыл, а вперед, туда, где гремел бой. Сознание покидало командира. Тогда он, преодолевая боль, сказал вестовому: «Ваня, передай всей роте... Гоните врага... с нашей земли... Умираю... за Родину... партию... Ленинград...» И умолк навсегда.

Бойцы роты свято выполнили последнюю волю командира. Вместе с другими подразделениями батальона они успешно отбили контратаку противника, уничтожили свыше 200 его солдат и офицеров и двинулись вперед...

Часто солдаты заменяли в бою выбывших из строя командиров — и подразделения продолжали успешно выполнять боевую задачу.

Вот выбыл из строя командир взвода. Старший сержант Кокарев подает команду: «Слушай меня. Вперед, за мной!» Но на пути взвода — действующий дзот, из которого бьют два пулемета. Старший сержант Кокарев с двумя бойцами ползет к дзоту и забрасывает его гранатами. Дзот парализован. Шесть немецких пулеметчиков нашли в нем свою смерть.

Комсомолец Борис Тюкин отважно сражался за Родину. Выбивая из траншеи гитлеровцев, он столкнулся с группой фашистских солдат. Юноша смело вступил с ними в схватку: огнем из автомата он уложил четверых гитлеровцев и продолжал продвигаться вдоль траншеи.

Спустя некоторое время разорвавшейся вблизи гранатой Борис Акимович Тюкин был смертельно ранен. Он не дождал до своего девятнадцатилетия всего несколько дней.

Не так давно я получил письмо от бывшего солдата

П. А. Климова, который сражался под Ленинградом в рядах 1030-го стрелкового полка 260-й стрелковой дивизии. К письму старый воин приложил рассказ о своих товарищах-однополчанах. Он просил меня, чтобы этот материал я поместил в книге «Поднятые по тревоге». Но просьба пришла с опозданием, книга уже вышла. С некоторыми сокращениями я хочу теперь, пользуясь случаем, обнародовать написанное П. А. Климовым. Вот что он сообщил мне:

«Перед нами проходили сильно укрепленные позиции противника. Нашей третьей роте была поставлена задача во что бы то ни стало овладеть важной высотой и заблокировать немецкие огневые точки. В роте было 25—30 активных штыков, командовал ею только что окончивший военное училище лейтенант Коновалов, совсем еще юноша — многие из солдат годились ему в отцы. Рота успешно выполнила боевой приказ. Высота была взята. Теперь нужно было ее удержать. Мы знали, что противник не успокоится, он примет все меры, чтобы вернуть потерянное. И мы стали укрепляться.

Вскоре, как мы и ожидали, противник начал атаку. На опушке леса показались неровные цепи. Фашистов было несколько сот. Они шли не торопясь, не пригибаясь к земле, во весь рост. Лейтенант вгляделся и сказал: «Пьяные». И это действительно была пьяная ватага. Они шли растегнув мундиры, что-то хрипло выкрикивая. Их было в несколько раз больше, чем нас. Удержимся ли?

И тогда парторг нашей роты старший сержант Шаповалов сказал: «Поклянемся, что высоту отстоим. Будем драться до последней капли крови. Ведь это наша земля!» И мы поклялись.

Мы били метко, немцы то залегали, то поднимались вновь, то снова валились на землю и расползались во все стороны. Подступы к высоте были усеяны трупами.

И тут обрушилась на нас артиллерия. И пошли танки. А за ними автоматчики. Уже погибли Квашин, Кочерян, Смирнов, Котов. Были ранены Губин, Устинов, Лобадзе, Миронов. Раненые не покидали своих мест, продолжали стрелять, хотя сил у них становилось все меньше и меньше. Редели наши шеренги, а тут еще осколком мины тяжело ранило лейтенанта Коновалова. Парторг роты Шаповалов приказал оттащить его в укрытие, а сам принял командование ротой.

Бой становился все яростнее. Казалось, нет больше сил задержать врага. А он был уже совсем близко. Автоматы к животу, крики, непрерывная пальба. Гитлеровцы в двух шагах; тяжело дыша, они лезут на нас, рвутся к пулемет-

ным гнездам. Навстречу им встает Осипов, огромный, самый рослый солдат роты. Он бросается к первому немцу. Удар прикладом — и немец валится к его ногам. Второй выхватывает нож, но приклад достает и этого фашиста. А немцы все лезут и лезут, и нет им счета. И нет, кажется, сил их остановить.

И тут из укрытия медленно вылез лейтенант Коновалов. Гимнастерка в крови, порванная в клочья. Лицо бледнее мела, от нестерпимой боли он кусает губы. Страшным усилием воли он заставляет себя приподняться, замахивается и бросает в сторону немцев противотанковую гранату. И падает.

Тут, словно по отданному лейтенантом сигналу, грохнуло могучее русское «ура!». На помощь к нам спешил батальон. Немцы не выдержали его стремительного натиска, побежали, оставляя за собой десятки трупов.

Все горело. Гул боя, затихая, откатывался вглубь фашистской обороны. А мы стояли на бруствере окопа — пять человек, оставшихся от роты лейтенанта Коновалова.

Мы смотрели на лежащих вокруг наших товарищей, отдавших жизнь за свободу Родины. Они сделали все, что было в человеческих силах, они клятву сдержали, выстояли. Они дрались с ненавистным врагом до последней капли крови».

И так, до последней капли крови, дрались все.

Храбрость, мужество и исключительную самоотверженность проявили в боях славные летчики наших Военно-Воздушных Сил.

С группой летчиков-штурмовиков морской авиации капитан И. А. Иржак стал расстреливать на бреющем полете скопившихся в одном из населенных пунктов вражеских солдат и офицеров. Его боевая машина была подожжена огнем зенитной артиллерии противника.

Верный сын Родины, капитан Иржак направил свой пылающий самолет в здание, около которого находилось много гитлеровцев и машин.

За смерть отважного героя, повторившего подвиг Гастелло, заплатили своей жизнью десятки оккупантов.

Наши славные моряки-балтийцы не только поражали врага огнем корабельных орудий, но и героически сражались непосредственно в боевых порядках. Спаянные крепкой дружбой, они проявляли в боях беззаветную храбрость. Фашисты до ужаса боялись безудержно смелых, стремительных атак морской пехоты.

Флот, блокированный вместе с армией с суши и мо-

ря, в тесном взаимодействии с сухопутными войсками принимал самое деятельное участие в операции и всеми силами и средствами помогал войскам армии наносить сокрушительные удары по войскам противника.

Могучая артиллерия линейных кораблей «Октябрьская революция», «Петропавловск», крейсеров «Максим Горький» и «Киров», эскадренных миноносцев «Свирепый», «Грозящий», «Строгий», «Опытный» и других метко разила врага, разрушая его позиции. Хорошо и точно вели огонь артиллеристы 101-й морской бригады железнодорожной артиллерии.

Надо воздать должное вице-адмиралу И. И. Грену, которому принадлежит большая заслуга в подготовке моряков-артиллеристов.

За успешное содействие войскам Ленинградского фронта в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом Президиум Верховного Совета СССР наградил крейсер «Максим Горький» орденом Красного Знамени. За отличные боевые действия 101-й морской бригаде железнодорожной артиллерии было присвоено звание гвардейской Красносельской и она была награждена орденом Красного Знамени. Ордена Красного Знамени удостоились также 21-й истребительный авиаполк и 15-й отдельный разведывательный полк ВВС флота.

За личную храбрость и мужество, проявленные в ходе боев, многие матросы и офицеры флота были награждены орденами и медалями Советского Союза, а лучшим из лучших присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В наступательных боях под Ленинградом советские воины проявляли массовый героизм. Не преувеличивая, можно сказать, что каждый солдат, матрос, каждый сержант и офицер был героем, дрался с врагом не щадя своей крови и жизни, добывая победу не только воинским умением, но и личным бесстрашием.

Только во 2-й ударной и 42-й армиях за десять дней боев был награжден 3281 человек.

Наше наступление развивалось в целом успешно, хотя вначале темпы продвижения были не слишком высокими. За два первых дня боев соединения продвинулись всего на шесть километров.

Мы наращивали силу удара за счет ввода в бой вторых эшелонов стрелковых корпусов, а с утра 17 января для развития успеха в направлении Кипень, Ропша ввели в бой армейский танковый резерв, состоявший из танковой бригады, полка самоходной артиллерии, артиллерийского пушечного полка, стрелкового батальона и двух саперных

рот. Пехотинцы и саперы двигались за танками на автомашинах. За этой подвижной группой действовала 43-я дивизия 122-го стрелкового корпуса. 18 января в бой вступил второй эшелон армии — 108-й стрелковый корпус, который получил задачу выйти на рубеж Волосово — Большие и Малые Горки — Ропша и в дальнейшем наступать в направлении на Красное Село.

Подвижные группы 2-й ударной и 42-й армий с боями продвигались навстречу друг другу, окружая и уничтожая вражеские арьергарды. Прикрываясь ими, фашистское командование пыталось вывести свои войска из районов Ропши и Красного Села.

Войска уходили вперед, и 18 января штабу армии также пришлось переезжать на новое место. Я спросил у генерала Кокорева:

— Петр Иванович, на новом КП все подготовлено?

— Так точно. Туда уже выехали комендант штаба и офицеры оперативного отдела.

Уверенный, что с перемещением штаба все в порядке, я поехал в 43-й корпус к генералу Андрееву, а оттуда — прямо на новое место. КП предполагалось разместить на окраине одной деревни. Мы разыскали ее без труда, но оказалось, что штаб туда еще не перебрался. Приехал лишь комендант с пятью солдатами. Он сидел в пустом каменном доме и отчаянно ругал связистов, которые где-то застряли и все еще не подтянули телефонную линию.

— Где будет мое рабочее место? — обратился я к коменданту.

— А вот здесь, в этом доме, товарищ генерал.

Я оглядел комнаты, в которых не было никакой мебели, если не считать большого стола. Мы решили подождать подхода штаба, тем более что Кокорев, с которым мне удалось связаться по радио, сообщил, что все уже находятся в пути.

В доме топилась печь. Можно было снять шинель и немного отдохнуть. Но отдых наш был нарушен самым неожиданным образом.

Из окна комнаты виднелась высотка, покрытая лесом. Вдруг я увидел, что, огибая эту высотку, к дому движутся двенадцать танков, а за ними спешит пехота — человек около ста. Когда танки подошли ближе, стало ясно, что это фашистские машины.

Что делать? Отходить некуда — дом стоит на открытом месте. Начнем перебегать к лесу — фашисты положат всех пулеметным огнем, да и от танков не убежишь. Оставалось одно: защищаться до последнего.

В доме нас было четырнадцать: шесть автоматчиков, два шофера, два радиста, шифровальщик, комендант, мой адъютант Рожков и я. Положение создалось не из веселых: соотношение сил было явно не в нашу пользу.

Я приказал всем встать у окон, проверить оружие, подготовить гранаты, которых у нас нашлось около десятка.

Помню, не страх, а злость и досаду испытывал я в те минуты. Очень уж глупым казалось погибнуть вот так, в результате нелепой случайности и собственной беспечности.

Танки подходили все ближе. Они шли, вытянувшись в колонну. Пехота еще не развернулась в цепь и двигалась беспорядочной толпой. Значит, противник не обнаружил нас. Но около дома стояли автомобили. Их-то гитлеровцы не могли не заметить, проходя мимо. Придется нам открывать огонь первыми. Нужно попытаться отсечь пехоту от танков, а потом гранатами вывести из строя хоть несколько машин. Может, удастся противника повернуть.

Пехота уже метрах в двухстах. Солдаты идут по-прежнему толпой. Никаких приготовлений к бою не видно. У танков открытые люки. Что же, тем лучше! Внезапный удар ошеломляет, сеет панику.

— Огонь! — скомандовал я.

Дружно затрещали наши автоматы. Несколько фашистских солдат сразу упало, а остальные — я даже не поверил своим глазам, — вместо того чтобы залечь или развернуться в цепь, бросили оружие и подняли руки. Танки остановились, из люков высунулись танкисты, махая белыми платками.

Что за чертовщина? Почему сдаются, чего испугались?

Трое наших автоматчиков вышли из дома и, держа оружие наготове, направились к гитлеровцам. Мы для острастки дали еще несколько очередей. Вскоре автоматчики вернулись и привели с собой фашистского офицера, который немного говорил по-русски.

Из его объяснений мы поняли, что это подразделение оторвалось от своей части и второй день блуждает по окрестным лесам и болотам. Потеряв надежду соединиться со своими, гитлеровцы решили при первой возможности сдаться в плен.

Генералу армии Л. А. Говорову я не рискнул докладывать об этом случае, но член Военного совета фронта каким-то образом узнал обо всем и сделал мне выговор за беспечность.

— Если бы гитлеровцы знали, что в доме находится командующий армией, они не стали бы сдаваться в плен, —

говорил член Военного совета.— Все могло кончиться для вас очень печально.

В течение 18 и 19 января соединения 108-го и 122-го стрелковых корпусов продолжали наступление и овладели населенными пунктами Кипень и Ропша. Войска 42-й армии штурмом взяли Красное Село. Передовые подразделения нашей подвижной группы отчетливо слышали шум боя, который вели теснящие противника части 42-й армии.

В 21 час 19 января мне доложили, что в районе Русско-Высоцкого, восточнее Ропши, подразделения 462-го полка 168-й стрелковой дивизии встретились с подвижной группой 42-й армии, наступавшей с красносельского направления. А 20 января попавшие в окружение фашистские части были полностью ликвидированы.

Все мы, от солдата до генерала, были уверены в победном исходе операции. Эту уверенность вселяли и добрые вести, поступавшие к нам с других фронтов. На юге развернулось грандиозное наступление. Успешные бои вели войска 1-го Прибалтийского фронта. В подобной обстановке группа армий «Север» не могла получить существенной помощи резервами. Враг начал выдыхаться.

19 января вечером московское небо озарил салют в честь прорыва обороны немцев. Отличившимся соединениям и частям 2-й ударной и 42-й армий, 13-й воздушной армии и авиации флота были присвоены наименования «Красносельских» и «Ропшинских».

Наши войска, продолжая наступать, овладели городами Пушкином и Павловском, а в ночь на 26 января — Гатчиной, крупнейшим узлом обороны гитлеровцев.

Одновременно с нами наступали войска Волховского фронта. Завершив прорыв заблаговременно подготовленной обороны врага севернее и южнее Новгорода, дивизии 59-й армии форсировали реку Волхов и озеро Ильмень. 20 января они овладели древним русским городом Новгородом.

Боясь попасть в окружение в районе Мга — Тосно, гитлеровцы в ночь на 21 января начали отходить. Войска левого крыла Ленинградского фронта и правого крыла Волховского перешли к его преследованию и освободили Тосно, Любань, Чудово.

Успешно развивались действия войск 2-го Прибалтийского фронта в районе Новоскольников (командующий генерал армии М. М. Попов). Они сковывали 16-ю армию врага, не допуская переброски ее войск под Ленинград и Новгород.

Неоценимую помощь действующей армии оказывали ленинградские партизаны.

В результате к концу января Ленинград был окончательно освобожден от вражеской блокады и Октябрьская железная дорога очищена от противника. Войска Ленинградского фронта вышли на рубеж реки Луга и захватили на отдельных участках плацдармы на ее западном берегу.

Хотя гитлеровское командование и возлагало надежды на неприступность и несокрушимость своих позиций под Ленинградом, оно не могло не чувствовать, что час расплаты за все зверства фашистов под Ленинградом близок. Поэтому проводилась большая обработка гитлеровских солдат и офицеров, чтобы поднять их дух и веру в уже ставшую мифом непобедимость немецкой военной машины, веру в силу приказа. Захваченные нами документы и показания пленных убедительно рассказывают о том, что думали в те дни фашистские оккупанты и что они предпринимали.

Вот выдержки из обращения командира 50-го армейского корпуса вермахта к войскам от 22 декабря 1943 года:

«...Нет сомнения в том, что противник в скором времени, выбрав благоприятную погоду и местность, перейдет в наступление на различных участках Ленинградского и Ораниенбаумского фронта. Каждый из нас должен знать — какой цели он хочет достичь этим наступлением. Он хочет уничтожить армию. Противник надеется добиться решения в свою пользу на всем Восточном фронте. ...Мы должны выполнить приказ. Это значит, что никто не двинется назад, каждый будет бороться до последнего патрона, до последней гранаты...»

А вот что было сказано в приказе по 10-й авиаполевой дивизии от 11 декабря 1943 года:

«...Для усиления Ораниенбаумского фронта вводится танково-гренадерская дивизия СС «Норланд» на участке Кожаново, Петровицы. В случае наступления противника каждый опорный пункт, каждый дот должен защищаться до последнего человека. Отхода быть не может».

Так гитлеровцы думали и говорили до начала январской операции наших войск. А когда Красная Армия перешла в наступление, прорвала сильно укрепленную оборону гитлеровцев и, не давая противнику покоя ни днем ни ночью, продолжала победоносное движение вперед, враг заговорил по-другому. Вот полные отчаяния и безнадежности показания пленных, содержание захваченных документов и перехваченных переговоров:

«...Наши офицеры совершенно ничего не знали об обстановке. Ходили самые разнообразные слухи. Офицеры,

чтобы успокоить солдат, уверяли, что наступают не русские, а мы. Я и несколько бывших со мной солдат сдались в плен...» (солдат четвертой роты 531-го дивизиона охраны береговой артиллерии).

«...Мы удивляемся, что у русских так много артиллерии. Ведь Россия потеряла все основные промышленные районы. Многие солдаты совершенно лишились самообладания и безумно металась по сторонам. 15.1.44 русские нас окружили. Мы свыше двух суток блуждали по лесу, потеряв всякую ориентировку. Голодные и холодные, мы решили сдаться в плен...» (командир взвода велороты 10-й апд.).

«У нас царил полный беспорядок. Никто не знал, какие деревни заняты русскими и какие еще удерживаются. Потери были огромны. К вечеру 18 января из двадцати четырех самоходных орудий у нас осталось только десять. Половина из них оказалась без прислуги. Утром нас атаковали русские танки, и все орудия дивизиона стали добычей русских...» (офицер 1-й батареи дивизиона самоходных орудий моторизованной дивизии СС «Норланд»).

Паникой были охвачены не только солдаты, но и штабы. Вот характерный телефонный разговор начальника оперотдела штаба 50-го армейского корпуса с командиром батальона связи. На запрос последнего об обстановке начальник оперотдела сообщил: «170-я пд отошла южнее линии Дудергоф, Красное Село, 126-я пд почти окружена. 802-й артполк разбит». На вопрос командира батальона связи «Что же делать дальше?» ответил: «Сегодня получена телеграмма командующего армией генерал-полковника Линдемана — держаться при любых обстоятельствах».

Тяжелое поражение, нанесенное петергофско-стрельнинской группировке врага, создало благоприятные предпосылки для дальнейшего развития наступательной операции. Командование Ленинградского фронта поставило перед войсками задачу: ударом в юго-западном направлении перерезать пути отхода противника на Нарву, отбросить его в лесисто-болотистый район южнее Кингисеппа, Сиверской и там уничтожить.

По приказу командующего фронтом 24 января мы передали 108-й корпус 42-й армии. Взамен его в нашу армию вошел 109-й стрелковый корпус. Перегруппировку произвели быстро. Я поехал в один из корпусов, начальник штаба армии генерал П. И. Кокорев — в другой. Мы лично руководили перегруппировкой, чтобы уже на следующий день продолжить наступление.

С рубежа железной дороги Гатчина — Кингисепп вой-

ска армии повернули фронт на запад. Таким образом, в целом мы совершили поворот на сто восемьдесят градусов.

Командирам соединений было приказано усилить темп наступления, не прекращать активных действий ни днем ни ночью, наращивать удары путем своевременного ввода в бой резервов...

27 января соединения 122-го стрелкового корпуса овладели укрепленным пунктом Волосово.

Страшная картина предстала здесь нашим глазам. Прежде чистый и живописный дачный поселок был сильно разрушен. На запорошенных снегом пепелищах торчали черные печные трубы. Уцелевшие дома глядели пустыми глазами окон.

Гитлеровцы учинили в Волосове зверскую расправу над советскими людьми, всячески издевались над ними, многих расстреляли. У меня сохранилась фотография шестнадцатилетней волосовской школьницы Нади Тугановой. Она поддерживала связь с партизанским отрядом товарища Сергея. По поручению партизан поступила работать на немецкую почту, добывала ценные разведывательные сведения.

Незадолго до начала нашего наступления фашисты произвели в Волосове массовые аресты. Попала в гестаповский застенок и Надя Туганова. Ее избивали, пытали электрическим током, но мужественная девушка не выдала товарищей.

23 января фашисты повезли четырнадцать заключенных, подозреваемых в связях с партизанами, на расправу в Терпилицкий лес. Всех их по очереди подводили к заранее вырытой яме и расстреливали в упор. Гитлеровец, который стрелял в Надю, был пьян. Пуля ранила Туганову в шею. Потеряв сознание, девушка упала. Через некоторое время она очнулась и услышала шум мотора подъехавшего автомобиля: фашисты привезли еще двух девушек, приговоренных к расстрелу. Одна из них крикнула:

— Скорее стреляй, проклятый фашист!

Грянули выстрелы, и гитлеровцы уехали за новыми жертвами.

С громадным трудом выбралась Надя из могилы и добрела до дому, где ее спрятали мать. Так молодой партизанке удалось спастись.

Политработники армии позаботились, чтобы о зверствах гитлеровцев стало известно во всех частях и соединениях. Ненависть к врагу, горячее стремление быстрее изгнать фашистских захватчиков с родной земли вели воинов вперед...

Мне запомнился лаконичный доклад командира 98-й стрелковой дивизии о подвиге бойцов взвода лейтенанта Травина.

Взвод оседлал дорогу, по которой двигались, пытаюсь прорваться на запад, до 600 гитлеровских солдат, 3 танка и 4 штабных автобуса. Наши бойцы не отступили перед численно превосходящим противником. Завязался бой, в котором фашисты потеряли 250 человек убитыми и ранеными. Но погиб весь взвод вместе со своим отважным командиром лейтенантом Травиным.

В конце января наша армия вышла к реке Луга. Там мы получили задачу прорвать промежуточный рубеж обороны противника по западному берегу реки на фронте Куровицы, Киноши, к 2 февраля выйти на рубеж реки Нарва и захватить плацдармы севернее и южнее города Нарва. Таким образом, на правом фланге армии, где действовал 43-й корпус, предстояло форсировать две, а на левом фланге — приданному нам 122-му корпусу — даже три крупные водные преграды, на которых гитлеровцы подготовили рубежи обороны.

К исходу дня 31 января войска 2-й ударной армии переправились через реку Луга. Фашисты оказывали яростное сопротивление. Особенно упорно обороняли они город Кингисепп, где нам приходилось отбивать буквально каждый дом. Все же 109-й корпус в результате умелого обходного маневра и ночного штурма 1 февраля овладел городом.

За время наступательной операции, начавшейся 14 января 1944 года, 2-я ударная армия прошла с боями до 150 километров, продвигаясь в среднем по 7—8 километров в сутки. В отдельные же дни темп продвижения доходил до 20—22 километров.

Советские войска полностью освободили от вражеской блокады Ленинград, изгнали захватчиков из пределов Ленинградской области, очистили часть Калининской и вступили на землю Советской Эстонии.

В ходе наступления наши войска нанесли тяжелое поражение 18-й гитлеровской армии. Значительные потери понесла также и 16-я фашистская армия. Всего в ходе боев были полностью уничтожены три дивизии и ряд отдельных частей 18-й армии, уничтожено и захвачено большое количество вооружения, техники и военного имущества.

Авантюристические планы Гитлера захватить город Ленина рухнули окончательно.

27 января 1944 года салют, прогремевший в ленинградском небе, возвестил миру о новой блестящей и славной победе советского народа и его Вооруженных Сил.

*В. Е. ЛАЙХТМАН,
в 1943—1945 годах
командир батареи 81-й пушечной
артиллерийской бригады*

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ

81-я армейская пушечная артиллерийская бригада родилась в боях за город Ленина. Не в резервных частях, не в тылу, а прямо на фронте, у пушек шло ее боевое сколачивание. Основой нового соединения стали два артиллерийских полка — 311-й Краснознаменный и 1115-й.

311-й артполк РВГК отличился еще во время советско-финляндской войны. На Ленинградский фронт часть прибыла из-под Москвы осенью 41-го. Это было трудное для ленинградцев время. Гитлеровцы хвастались, что со своих наблюдательных постов их артиллерийские корректировщики видели Исаакиевский собор и Петропавловскую крепость, Адмиралтейство и Невский проспект.

На плечи наших артиллеристов легла ответственная задача — оградить Ленинград от огня вражеской артиллерии. Вместе с другими частями и соединениями бригада вошла в состав контрбатареинной группы. Сложность возложенной на артиллеристов задачи заключалась в том, что боеприпасов было чрезвычайно мало. Часто на орудие в день выделялось лишь 2—4 снаряда. Методы обнаружения батарей противника и способы стрельбы по ним вначале были недостаточно эффективными.

По решению командования была усилена разведка артиллерии противника. На наблюдательных пунктах организовали круглосуточное дежурство офицеров. Улучшилось взаимодействие с корректировочной авиацией, воздухоплавательными подразделениями. Звукометрические подразделения научились быстро определять номер стреляющей батареи, сверяя запись «работающей» цели с эталонной лентой. Такие ленты имелись на каждую батарею противника.

Чтобы повысить боевую устойчивость орудий и надежность укрытия личного состава и техники, были построены деревоземляные орудийные окопы. Сверху на них укладывались камни, бревна, балки, а амбразуры закрывались щитами и маскировались сетями от воздушного и наземного наблюдения. Блиндажи для артиллеристов имели сверху 4—5 накатов из бревен. Даже прямое попадание обычно не разрушало такое укрытие. В одном из налетов на огневую позицию 7-й батареи было выпущено 180 снарядов, но ни орудия, ни люди не пострадали.

Повышение артиллерийского мастерства, улучшение организации и способов контрбатарейной борьбы обеспечили нанесение серьезного поражения немецкой артиллерии и значительно сократили интенсивность обстрелов города.

Огромным счастьем для Ленинграда и ленинградцев явился прорыв блокады в январе 1943 года. Была отвоевана маленькая полоска земли от Шлиссельбурга по берегу Ладожского озера. По построенной железной дороге в Ленинград двинулись эшелоны с грузами. Немецкая артиллерия тут же начала «охоту» за нашими поездами. Узкий коридор, связывавший Ленинград с Большой землей, подвергался постоянному обстрелу. Именно в это время началась наша боевая дружба с артиллеристами 2-й ударной армии, которые, как и мы, входили в группу дальнего действия и вели огонь на нейтрализацию и подавление фашистских батарей.

За нашей батареей была закреплена цель № 940 — четыре 150-мм орудия противника, находившиеся юго-восточнее станции Мга. Дни и ночи, сменяясь с командиром взвода управления Е. Ф. Винокуровым, не отрывались мы от стереотрубы, искали другие огневые позиции противника. С высоты наблюдательного пункта хорошо просматривался лес, некоторые дороги. Но тщетны были попытки увидеть орудийные стволы. На выручку приходили звукометристы. Сноровисто и точно они передавали координаты действующих батарей противника. Но когда огонь вели многие системы, звукометрическая лента «забывалась», и расшифровать ее трудно. К тому же время получения сведений о работе цели исчислялось у них минутами, а огонь надо было открывать в считанные секунды. И тогда, несмотря на артобстрелы и пулеметный огонь, командиры-артиллеристы «прощупывали» каждое подозрительное место. Со временем опытные наблюдатели стали обнаруживать желтоватый дымок, сопровождающий выстрел, а в сумерки и ночью — отблески выстрелов. Техникoй засечки звучащих целей овладели все разведчики взвода управления.

Вот над лесом, где укрылись вражеские орудия, появляется небольшой желтоватый дымок. Проходит 9—15 секунд — и гулкий звук выстрела доходит до нашего наблюдательного пункта. Снаряды еще в воздухе, а уже принят доклад: «Цель 940 открыла огонь». Еще мгновение — и дежурные расчеты получают команду: «„Десна“ — огонь!».

Первые вражеские снаряды рвутся у нас в тылу и поч-

ти одновременно наши достигают неприятельских огневых позиций. Как только фашисты слышат свист осколков вблизи своих орудий, они немедленно прекращают стрельбу. Нам того и надо. Ведь снарядов очень мало. Заставить батарею противника замолчать — вот задача, которую наши артиллеристы решали успешно.

Цель, закрепленная за 7-й батареей, была особенно вредной. Эти орудия обстреливали не только железнодорожные составы, но и штабы и наши боевые порядки. Было замечено, что периодически гитлеровцы меняют позицию.

В один из летних дней с разрешения командира 3-го дивизиона майора Н. Д. Доценко мы получили побольше, чем обычно, снарядов, чтобы серьезно проучить фашистов. С особой тщательностью рассчитали исходные данные, подобрали снаряды и заряды одной партии.

Наступило памятное утро. Было тихо. Редко кое-где ухали орудия. Наша цель себя пока ничем не проявляла. Наш наблюдательный пункт располагался на вершине высокой ели, в гуще леса. Чтобы забраться на вышку, надо было сначала лезть по сучьям, потом вдоль ствола шла лестница. На самом верху был сделан НП в виде «скворечника», обтянутого со всех сторон плащ-палаткой. Зеленая плащ-палатка, закрывавшая наблюдателя, сливалась с окружающими деревьями.

Третий час я бесшумно дежурил на своем НП. Впереди лежала местность, изученная до мельчайших деталей. От долгого сидения в «скворечнике» болела спина и отекали ноги. Время шло, а вражеские пушки молчали. Вдруг долгожданное колечко дыма взвилось над лесом, и далекий звук выстрела подтвердил, что цель ожила. Мгновение — и определено направление, затем дальность до звучащей точки (по секундомеру). Все правильно. Цель, как говорят, подтвердилась. Незамедлительно следует команда на нашу огневую позицию: «„Десна“, по цели 940, один снаряд, огонь!»

Теперь в окулярах прибора хорошо виден фонтан земли, взлетевший в районе леса. Определив положение разрыва, стреляющий ввел коррективы и дал два батарейных залпа. Первая группа снарядов легла особенно удачно. Громадный взрыв, который произошел на вражеской стороне, был виден со многих наблюдательных пунктов, а его звук слышали даже в штабе бригады.

Быстро доложив обстановку, я попросил еще 20 снарядов. Очень хотелось добить батарею противника. Еще два

мощных взрыва — и четырехорудийная 150-мм батарея противника перестала существовать.

В том же году наша батарея уничтожила два фашистских танка, рассеяла скопление пехоты, подавила несколько других батарей противника. Боевые заслуги личного состава были отмечены орденами и медалями. 1 августа 1943 года о боевых успехах подразделения писала «Правда».

Вместе с воинами 2-й ударной армии артиллеристы нашей бригады участвовали в форсировании Нарвы, расчищали путь на Тарту и Пярну, освобождали Таллин, помогали стрелкам и танкистам овладевать городами Эльбинг, Грауденц, Штеттин, Данциг.

9 мая возле немецкого города Штральзунд, на берегу Балтийского моря, закончился боевой путь 81-й армейской пушечной артиллерийской Таллинской Краснознаменной, ордена Суворова II степени бригады 2-й ударной армии.

*А. И. РУДКОВСКИЙ,
А. С. ИЗРАЭЛИТ,
полковники запаса,
в 1944—1945 годах
начальник штаба
и заместитель командира
по политчасти 173-го отдельного
инженерно-саперного батальона*

ТРУЖЕНИКИ ВОЙНЫ

После того как 2-я ударная армия была переброшена на Ораниенбаумский плацдарм, наш 295-й отдельный инженерно-саперный батальон Приморской оперативной группы был переименован в 173-й и введен в состав 21-й инженерно-саперной бригады. Эта бригада помогала в переброске войск к месту их сосредоточения. В частности, саперы принимали участие в усилении и удлинении погрузочного пирса в Лисьем Носу, устройстве во льду прохода для судов, занимались оперативной маскировкой.

За короткое время на плацдарм было переброшено 5 стрелковых дивизий, 14 артиллерийских частей и соединений, танковая бригада, 2 танковых полка, несколько тысяч лошадей, 700 вагонов боеприпасов.

И на самом плацдарме хватало дела. Подразделения батальона прокладывали новые дороги для маневра войск, сооружали командные и наблюдательные пункты, устройства для водоснабжения войск, непрерывно вели инженерную разведку обороны противника,

Подготовка к предстоящему наступлению шла по всем направлениям. Большую работу вели политработники — заместители командиров рот по политчасти старшие лейтенанты Кудряшов и Тычкин, секретарь партийной организации батальона старший лейтенант Панков. Коммунисты и комсомольцы рассказывали воинам о положении на фронтах Отечественной войны, о трудовых подвигах советских людей, отдававших все свои силы созданию того, что требовалось для победы над врагом. В эти дни наблюдался особенно большой приток в ряды Коммунистической партии.

Каждый воин-сапер был проникнут чувством личной ответственности перед Родиной за судьбу города, носящего имя великого Ленина. Все ждали приказа двинуться вперед. Мы, конечно, раньше всех почувствовали, что такой приказ должен вот-вот поступить. Верным признаком этого явилось распоряжение начальника инженерных войск армии скрытно снять минновзрывные заграждения в тылу наших войск.

Саперы рот старших лейтенантов Хованова, Беляева и Галимова, соблюдая строжайшую маскировку и осторожность, в течение нескольких недель сняли почти все минные поля, вплоть до нашего переднего края, освободив территорию для размещения войск и их развертывания для наступления. Затем последовал новый приказ — в течение нескольких ночей, также соблюдая осторожность, не вызывая ни малейшего подозрения у врага, проделать проходы в своих и противника минных полях.

Ночью, в белых маскировочных халатах саперы буквально сливались с местностью. Сантиметр за сантиметром они исследовали землю миноискателями, щупами и чуткими пальцами. За три напряженные ночи саперные роты батальона совместно с другими подразделениями армии на направлении главного удара разрушили более 500 метров проволочных заграждений, 100 метров завалов и 200 метров деревоземляных валов. В ночь с 13 на 14 января, перед началом наступления, перед фронтом трех дивизий первого эшелона саперы, в том числе и нашего батальона, проделали более 100 проходов в минных полях и заложили усиленные заряды под проволочными заграждениями врага, которые были взорваны при артиллерийской подготовке.

К утру 14 января штаб батальона переместился в район горы Колокольня. Роты ушли в распоряжение частей и подразделений, которым они придавались для инженерного обеспечения в бою.

В 10 часов 40 минут 14 января 1944 года войска 2-й ударной армии перешли в наступление. Саперы находились в атакующих подразделениях. Так, подчиненные старшего лейтенанта Хованова были приданы танковым частям и подразделениям. Их посадили на броню танков. Саперы старшего лейтенанта Беляева действовали совместно с артиллеристами. Саперная рота под командованием старшего лейтенанта Галимова обеспечивала маршруты движения войск. Взводы действовали как отряды обеспечения движения. На техническую роту батальона была возложена задача инженерного обеспечения пунктов управления штаба 2-й ударной армии. Взвод инженерной разведки лейтенанта Рубцова продвигался с передовыми подразделениями пехоты и вел инженерную разведку противника.

Работы хватало всем. Командир батальона майор Г. Е. Жгун, авторы этих строк, заместитель командира батальона по строевой части капитан Кисляков постоянно находились в боевых порядках, координировали действия подразделений батальона.

Под натиском наших войск противник отходил, нес большие потери. Но дрался ожесточенно. Цеплялся за каждый рубеж, траншею, высотку, отдельный дом. На пути отхода он ставил мины и фугасы, взрывал мосты и дороги, предпринимал отчаянные контратаки.

Особым ожесточением отличались бои за населенный пункт Ропша. Противник предпринял яростную контратаку на одну из артиллерийских позиций. Артиллеристы били прямой наводкой, отстреливались из стрелкового оружия, но враг наседал. Саперы под градом пуль прикрывали позицию минновзрывными заграждениями, а затем вместе с артиллеристами отражали контратаки врага. Совместными усилиями удалось отбить противника. В этом бою пали смертью храбрых восемь наших саперов во главе с бесстрашным командиром старшим сержантом Балтышевым.

В боях под Ропшей отличились офицеры Буман, Беляев, Мухутдинов, Рубцов, старшина Польский, сержанты Воробьев, Олейник, Федосеев, красноармейцы Прохоров, Варясин, Алексеев, Дятлин, Васин, Илядзе и другие. За активные боевые действия по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом наш батальон наградили орденом Красной Звезды, ему присвоили наименование «Ропшинский». Большая группа офицеров и солдат батальона была награждена орденами и медалями.

Войска 2-й ударной армии развивали наступление в направлении Кингисепп — Нарва. Батальон двигался в бое-

вых порядках, содействуя пехоте и танкам, выполнял работы по закреплению захваченных рубежей.

В районе Волосово противник пытался остановить наше продвижение. В этом бою саперные подразделения под командованием офицеров Беляева, Хованова, Макарова и Бумана активно способствовали продвижению танков. Сделав свое дело, вновь садились на броню и двигались вперед. Смертью храбрых погибла в тех боях санинструктор роты Вера Василевская, до последней минуты своей жизни оказывавшая помощь раненым бойцам и командирам.

Враг цеплялся за каждый населенный пункт. Свой отход он прикрывал крупными силами мотопехоты, усиленной артиллерией и танками. Фашисты взрывали мосты, минировали дороги, устраивали завалы. Все это создавало трудности для наших наступавших частей. Находясь в боевых порядках войск, саперы обеспечивали их продвижение: снимали минные поля и фугасы, строили мосты, устраивали переходы через различные препятствия. Для обеспечения форсирования реки Луги саперы старших лейтенантов Беляева и Галимова при помощи подручных материалов усилили лед и обеспечили пропуск через реку артиллерии и танков.

В начале февраля наши войска достигли реки Нарва. Пехота с ходу форсировала ее по льду в районе Коссари. Для обеспечения переправы артиллерии и автотранспорта с боеприпасами, продовольствием, кухнями саперы первой и второй рот произвели усиление льда при помощи досок и бревен, обнаруженных на лесозаводе в населенном пункте Коссари. Часть саперов приступила к очищению противоположного берега Нарвы от противотанковых, противопехотных мин и фугасов.

Переправа по льду, хотя и укрепленному, оказалась непригодной для танков. Батальон, все роты которого к этому времени подтянулись, получил приказ срочно приступить к строительству временного низководного моста для пропуска танков.

Противник, придя в себя, стремился уничтожить переправившиеся на противоположный берег реки подразделения. Гитлеровцы занимали ряд господствующих высот. Используя их, враг вел прицельный огонь по реке и переправам. Лед на реке был разрушен, временные переправы тоже.

Саперов выручила ночь. До начала темноты они произвели тщательную разведку местности в районе будущего моста, заготовили материал. А с наступлением темноты приступили к постройке низководного моста почти на уров-

не со льдом. Трудные условия — темнота, крепкий мороз — не замедлили работы. Мост к утру был построен. Танки, артиллерия и автотранспорт двинулись на противоположный берег.

С рассветом противник возобновил авиационные налеты и артиллерийский обстрел. В течение двух суток он несколько раз выводил мост из строя. Но саперы вновь и вновь восстанавливали его. Противоположный берег временно получал подкрепление, боеприпасы, горючее.

Потребовалась еще одна переправа. Наш батальон вместе с 42-м понтонным батальоном получил задачу навести понтонный мост в районе Комаровки. Это около 2,5 километра вверх по течению реки.

В течение одной ночи через реку была проделана полынья и собран понтонный мост. Верхняя одежда саперов и понтонеров превращалась в ледяной панцирь. Работать в таких условиях было очень трудно. Но все понимали, что сделать переправу к сроку необходимо. Офицеры батальона во главе с комбатом майором Жгуном находились вместе с солдатами и своим примером воодушевляли их на быстрейшее выполнение боевой задачи. И задача была выполнена в срок. Хочется отметить огромный патриотизм, мужество и героизм наших солдат и офицеров, которые в ледяной воде, под артиллерийским обстрелом и бомбежками врага работали на этом участке реки.

На плацдарме нашим войскам было очень тяжело. Для их прикрытия минновзрывными заграждениями были направлены наши саперные роты под командой офицеров Кислякова, Беляева, Мухутдинова, Бумана. Противник предпринимал отчаянные контратаки. Саперы буквально перед атакующими танками врага ставили мины, вели по машинам огонь из противотанковых ружей, забрасывали их бутылками с горючей смесью. Совместными усилиями всех родов войск плацдарм был удержан, хотя существенно расширить его тогда и не удалось.

В боях за плацдарм были смертельно ранены майор Гурин, капитан Кисляков, старший лейтенант Галимов, минер Шубин, другие саперы. Вместо выбывших из строя становились другие, и выполнение боевой задачи продолжалось.

В марте 1944 года батальон принимал участие в строительстве двух высоководных мостов, постройке рокадной дороги по болотистой местности. В короткий срок был развернут лесозавод по изготовлению десантных лодок. Заготовка лесоматериала, изготовление лодок, просмолка и доставка их в районы будущих переправ шли по четкому

графику. При этом соблюдалась строжайшая маскировка. За короткий срок было изготовлено несколько сот лодок и сосредоточено у самого уреза воды на реке Нарва.

В начале июня войска на изготовленных саперами лодках на широком фронте форсировали реку и овладели городом Нарва. Совместно с первым эшелоном пехоты саперы форсировали реку и приступили к проделыванию проходов в минновзрывных заграждениях противника. А их было немало: берег реки представлял собой сплошные минные поля. Часть сил батальона продолжала обеспечивать переправу войск, а часть получила задачу сопровождать войска в бою по расширению плацдарма.

При форсировании реки Нарва батальон захватил оставленный врагом комплект совершенно нового понтонного парка. Он служил нам для обеспечения переправы войск через водные преграды до конца войны.

После завершения форсирования реки саперные роты вновь были приданы танковым и артиллерийским частям для их сопровождения. Из состава батальона был создан отряд обеспечения движения. Выделился также подвижный отряд заграждения, оснащенный противотанковыми и противопехотными минами, взрывчаткой, противотанковыми гранатами, бутылками с горючей смесью, противотанковыми ружьями и огнеметами. При контратаках противника, особенно танков, подвижный отряд заграждения преграждал им путь.

Преследуя противника, войска 2-й ударной армии подошли к сильно укрепленному рубежу «Танненберг», взять который с ходу не удалось. Наши разведчики под командой лейтенанта Павлова (Воробьев, Харитонов, Прохоров, Ивкин, Ларин и другие) приносили в штаб данные о характере вражеских укреплений, их количестве, расположении на местности. Данные разведки, конечно же, использовались командирами при принятии решения.

Перед временно остановленными нашими войсками саперные роты сразу же ставили минновзрывные заграждения. На них противник при попытках контратаковать наши позиции потерял сотни солдат и десятка полтора танков.

В боях обретенное мастерство саперы нашего батальона умело использовали при освобождении Таллина и всей эстонской земли от оккупантов, а также при очистке от врага Пруссии и Померании.

Отступая, гитлеровцы всякими способами пытались нанести урон нашим войскам. На дорогах, улицах, в домах, помимо установленных мин, разбрасывались минированные авторучки, коробочки, безделушки, которые при при-

косновении к ним взрывались. Даже в радиоприемниках вместо батарей питания обнаруживались маленькие мины, ниточка от чеки которых шла к ручкам настройки. Стоило повернуть любую из них — и происходил взрыв. Часто раскидывались маленькие коробочки, которые при случайном надавливании вспыхивали и выпускали ядовитую жидкость, вызывавшую обильное слезотечение и кровохарканье. К слову сказать, от этих «сюрпризов» страдало и немецкое население.

Коварству противника противопоставлялась находчивость наших саперов. Вступая в населенные пункты, они немедленно занимались разминированием и обезвреживанием всяких «сюрпризов». В этом особенно проявили себя офицеры Буман, Рубцов, Гурьев, Олейник, разведчики Харитонов, Воробьев, Ларин, Ефремов, Носков, Рыженков, Сафин, Шульц и многие другие. Подчиненные старшего лейтенанта Годжиева, кроме того, проявили немало изобретательности и сметки в использовании инженерной техники, захваченной у врага. За активные и смелые действия офицер Годжиев, например, был награжден орденом Александра Невского.

На островах Воллин, Узедом и Рюген саперы нашего батальона закончили Великую Отечественную войну.

*Н. П. КНЕСТЯПИН,
капитан в отставке*

ОДНОПОЛЧАНЕ

В нашем 1255-м стрелковом полку младший лейтенант Вася Новосельцев командовал взводом 76-мм полковых пушек. Был он небольшого роста. Торопливая речь, порою неразборчивая, делала его застенчивым среди товарищей. Но командиром он был отменным. Впервые, как мне помнится, мы встретились осенью 1942 года под Ржевом. Потом военная судьба свела нас под Ленинградом. Все свободное время Вася уделял подготовке расчетов к бою. Его орудия тщательно маскировались и закапывались в землю. Он хорошо предвидел бой и его особенности. Окопы пехоты были его окопы. Для него не существовало пространства, отделявшего огневые позиции взвода от передовой линии стрелковых рот. Он лично осматривал сектор обстрела и наблюдения каждого орудия, расчищал и убирал каждый кустик, каждый мешавший наблюдению и стрельбе камешек.

Новосельцев был уверен в своих подчиненных, доверял

им. В то же время он постоянно проверял способность каждого из них выполнить предстоящую задачу в бою.

Менялась боевая обстановка, менялись участки действий. Новосельцев не сетовал: противника везде бить надо. Это его стремление особенно проявлялось в схватке с врагом за расширение участка прорыва на мгинском направлении.

Наши стрелковые части преодолели сопротивление противника, овладели высотой, улучшили свои позиции. Артиллерия сопровождения пехоты отстала, увязла в болоте. Но не было на войне таких трудных положений, из которых Новосельцев не находил выхода. Под покровом ночи с помощью стрелков он разобрал пушки и по частям, поочередно, волоком перетаскал их в боевые порядки наступавших подразделений. К утру под носом у противника появились пушки на прямой наводке. Они помогли стрелкам отбить контратаки врага, удержать занятый рубеж.

Смекалка и находчивость командира взвода проявились и в других боях. Однажды противник под прикрытием авиации и артиллерии ввел в бой танки и перешел в контратаку за высоту, которой овладел наш полк. Новосельцев, продуманно расставив пушки, сразу же подбил один танк. Бой нарастал. Дым и пыль затрудняли наблюдение. Пользуясь этим, танки противника обошли высоту слева и зашли в тыл. Новосельцев разгадал маневр противника и своевременно развернул орудия навстречу танкам. Однако один танк противника, пробравшись сзади, смял гусеницами орудие старшины Мазурова — одного из лучших воинов — и устремился вперед. Но фашисту далеко не удалось уйти, второе орудие в упор пробило бок танка.

А что же стало со старшиной Мазуровым? Оказалось, что он успел спрыгнуть в окоп, остался жив и здоров, получил новое орудие и продолжал боевой путь. Позднее с ним произошел еще более удивительный случай.

Его орудие сопровождало огнем нашу пехоту. Вдруг Мазуров упал. Пуля сразила его. На каске можно было отчетливо различить входное пулевое отверстие спереди и выходное сзади. Но Мазуров еще дышал. Бойцы забинтовали ему голову и отвезли раненого в санроту. Каково же было удивление воинов, когда через несколько дней старшина вернулся к своему орудью. Оказалось, что рикошетирующая пуля, пробив каску, скользнула по ее внутренней стороне и, не повредив черепа, вышла наружу. После этого товарищи подшучивали над ним: у тебя, мол, не голова, козь пули насквозь проходят! Мазуров не обижался и отвечал: «Мне еще до Берлина дойти надо».

При преследовании отступавшего противника наши орудия непосредственной поддержки пехоты отстали. Стрелковые роты без огневой подмоги артиллерии замедлили продвижение. Несмотря на то что местность была открытая, орудия Новосельцева были прицеплены к бронетягачам и быстро подвезены на помощь пехоте.

Расположившись за небольшим холмиком, Новосельцев уже собирался начать стрельбу по огневым точкам противника, как вдруг обнаружил, что под этим холмиком — действующий немецкий блиндаж. Не растерявшись, он рванул автоматной очередью по двери блиндажа. На помощь к нему подоспел старшина Мазуров. В результате короткого боя они овладели блиндажом, несколько гитлеровцев было убито, остальные взяты в плен.

Мне и позже довелось встречаться с Новосельцевым. Он возмужал, повзрослел. Рассказал мне, что старшина Мазуров награжден вторым орденом Славы.

Вася Новосельцев до войны проживал в Горьком. Мазуров, как мне помнится, — в Вологодской области. В июле 1944 года в бою под городом Резекне младший лейтенант Новосельцев героически погиб и похоронен на окраине хутора, названия которого я не помню. Дальнейшей судьбы старшины Мазурова не знаю. Надеюсь, что он дошел до Берлина и победителем вернулся на Родину.

*Т. П. ЗУБРИЦКАЯ,
в 1943 году санинструктор
934-го стрелкового полка
256-й Краснознаменной
стрелковой дивизии*

И ТАКОЕ БЫВАЛО...

Вблизи деревни Шум, в лесу, словно перенесенный из сказки, стоял маленький домик, в шутку прозванный солдатами «домиком на курьих ножках». Тянулись к нему автоматчики 934-го стрелкового полка 256-й Краснознаменной стрелковой дивизии, находившейся на доукомплектовании в этом районе летом 1943 года. В свободное от занятий время здесь можно было поговорить на свободную тему со своим командиром роты лейтенантом Николаем Коломойцем, немного отдохнуть, пошутить, помечтать. Командира автоматчики любили, и каждый из них хотел быть похожим на него.

Николай Коломеец родился и жил в Хабаровском крае. Суровые условия научили его быть чутким и справедли-

вым к людям, требовательным к себе. Солдаты восхищались его мужеством и помнили весенний эпизод.

Тогда рота автоматчиков дралась за одну из высоток. В критический момент боя был смертельно ранен командир роты. Будучи старшиной, Коломоец не растерялся, принял командование подразделением на себя. Боевая задача была выполнена, за что грудь инициативного старшины украсил орден Красной Звезды, а на погоны потом легли лейтенантские звездочки.

В один из вечеров, дождливый и пасмурный, особенно было тесно в избушке. Помню, я разговаривала со старшиной, сбежавшим из санроты не долечившись. Был он намного старше меня, и на мои упреки мало реагировал, лишь повторял, что, мол, яйца курицу не учат.

В то время я работала санинструктором. Автоматчики звали меня не по фамилии и не по воинскому званию — была я старшим сержантом. Не знаю, чья это выдумка, но называли меня не иначе, как Тамар Павлович. В тот вечер разведчик Олег Володин приволок в домик невесть откуда добытый патефон с единственной пластинкой. Полустиертая пластинка хрипло пела:

Старый тополь листвою колышет,
Тихий вечер зноем дышит.
Нас с тобой никто не слышит,
Ты всю правду мне открой...

Парни притихли, слушая эту наивную песенку. Думаю, что так же, как и я, они перенеслись мыслями в далекий, радостный и светлый довоенный мир. Неожиданная команда вернула всех к действительности.

Строились быстро, без суеты. На темноту и сеявший как из решета дождь никто не обращал внимания. Потом двинулись по раскисшей дороге. Остался в опустевшем лесу сказочный домик — свидетель отрадных минут солдатского отдыха.

Я шла рядом со старшиной. Шагал он медленно, с трудом (снова начался приступ малярии). Не объясняясь, я сняла с его плеча автомат и перевесила на свое плечо. Подождав повозку, усадила старшину. Он не сопротивлялся.

Идти было все труднее. Ноги вязли в грязи. Намокшая шинель давила на плечи, сковывала движения.

На рассвете мы подошли к небольшой речке, всего метра три-четыре шириной. Вода, порыжевшая от дождя, скрывала дно. Остановились. Многие солдаты от усталости еле держались на ногах. Но надо было идти. Поборов утомление, я шагнула в воду. Дно реки твердое, ровное. Сапоги наполнились холодной водой. Чтобы подбодрить

ребят, крикнула: «Ныряй, ребята, здесь мелко!» А парни уже идут следом. Командир замыкал шествие.

Короткий привал. Отжали портянки и снова в путь. Чем дальше шли, тем непослушней становились ноги. Казалось, легла бы в дорожную жижу и мгновенно уснула. И впрямь многие засыпали на ходу, то и дело натываясь на шедшего впереди. Мне стало страшно от мысли, что вот так вдруг упаду и не подымусь больше. Чтобы побороть нахлынувший страх, я крикнула: «Споём!»

Ребята подняли голову, некоторые с недоумением. У некоторых на лице появилась вялая улыбка. Ко мне подошел командир: «Молодец, Тamar Павлович, признаться, я уж стал сомневаться, выдержат ли наши ребята переход...» Мне стыдно было признаться, что и крикнула-то я в минуту своей душевной слабости.

Закончился многодневный изнурительный марш. Часть заняла боевые позиции. Я задержалась в санроте — оборудовали операционную. Потом попросила парторга Толстова направить меня в передовой санвзвод. Добираться туда было трудно, но опыт помог. И вот я в землянке батальонного санвзвода, который возглавлял лейтенант медслужбы Анатолий Бызов.

Недалеко за землянкой начинались окопы. А в соседней землянке оказались наши старые знакомые-автоматчики лейтенант Коломоец, Жора Криворучко, Аркадий Кондаков, санинструктор Морковкин и Саша, 16-летний доброволец. Фамилии его не помню, знаю только, что ребята в шутку звали его «Бобик». Окружили меня, рассказывают о только что отбитой атаке противника.

Не помню, какой это был день июля, но бой в тот раз оказался трудный. Наши то сами рвались вперед, то отбивали атаки противника. Мы с Бызовым еле успевали перевязывать раненых. А раненые все прибывали. Морковкин лежал на полу. Я его не заметила, но, услышав крик: «Тамара, почеси пятку», подбежала к нему. Вместо ступни у него торчал обрубок. Накладывая Морковкину жгут, я утешала его, как могла: «Ну миленький мой, родненький мой, потерпи еще немножечко». И не помню, чтоб кто-то стонал или кричал от боли. Иной раз так исковеркает солдата осколками, а молчит, сцепив зубы. Ведь это тоже мужество.

На нарах сидел Саша Бобик. У него слепое осколочное ранение в живот. Превозмогая боль, парнишка скрипел зубами и рвался снова в бой. Еле отправили его в медсанбат.

Бой утих к вечеру. Необычной была наступившая ти-

шина и горькой. Не стало Аркаши Кондакова, погиб отважный командир лейтенант Коломоец, многие по ранению выбыли в госпиталь. Жора Криворучко чудом уцелел, выручила солдатская смекалка. Брошенную в него фашистом гранату он ловко перехватил на лету и метнул обратно. За героизм и отвагу, проявленные в бою, он был представлен к ордену Красного Знамени.

В этом бою наши не отступили ни на шаг. Своим мужеством, волей и умением они удержали занятые позиции.

*С. М. НАСОНОВ,
полковник, в 1943—1944 годах
заместитель начальника
оперативного отделения штаба
131-й стрелковой дивизии*

ЗАПОМНИЛОСЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

После недавней встречи ветеранов 2-й ударной армии мне очень захотелось рассказать о двух боевых эпизодах, запомнившихся на всю жизнь. Может быть, они помогут ярче представить события давно минувших, но лично мне весьма памятных дней.

...Осенью 1943 года 131-я стрелковая дивизия была переброшена на Ораниенбаумский плацдарм и в составе 2-й ударной армии стала готовиться к прорыву глубокоэшелонированной и долговременной обороны противника на участке гора Колокольня — Порожки.

Мне, тогда капитану, заместителю начальника оперативного отделения дивизии, пришлось участвовать под руководством командира дивизии полковника, а затем генерал-майора, Петра Логиновича Романенко в разработке планов учений на местности, сходной с местностью предполагаемого участка прорыва.

Этим учениям большое значение придавали командующий армией генерал-лейтенант И. И. Федюнинский и начальник штаба генерал-майор П. И. Кокорев. Они часто бывали в районе учений, давали указания, как эффективнее использовать средства борьбы и лучше подготовиться к прорыву.

Усилия принесли желаемые результаты. Стрелковые полки хорошо подготовились к выполнению предстоящей задачи. Для меня лично эти декабрьские дни ознаменовались важным событием: я был принят в члены Коммунистической партии.

Рано утром 14 января 1944 года перед началом артиллерийской подготовки на переднем крае находился сводный оркестр нашей дивизии. Громкоговорители были направлены в сторону противника. Когда закончилась артподготовка и наша артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника, сводный оркестр неожиданно заиграл священную для всех нас песню «Вставай, страна огромная!». Незабываемые мгновения! Воодушевленные величественной музыкой, воины бросились вперед. Ничто не могло остановить их порыва. Позже генерал-лейтенант Федюнинский, оценивая действия 131-й стрелковой дивизии, сказал: «Дивизия наступала, как на учении...»

После освобождения Ропши наша, теперь уже Ропшинская Краснознаменная, стрелковая дивизия преследовала отходившего противника, не давая ему закрепиться на промежуточных рубежах. В феврале 482-й полк с ходу форсировал Нарву и захватил небольшой плацдарм юго-восточнее города Нарва. Противник эсэсовскими частями пытался сбросить наши подразделения в реку. Он непрерывно бомбил, обстреливал наши позиции артиллерийским огнем. Ожесточенные контратаки следовали одна за другой. Был смертельно ранен командир 482-го полка майор Трофименко. По приказу комдива я вместе с ординарцем рядовым И. Н. Робиковым под вражеским огнем переправился по разбитому льду через реку и вступил в командование полком. Доложил об этом по радио комдиву. Он сообщил, что через час-полтора мне поможет сосед справа, и потребовал прочно удерживать захваченный рубеж.

Находясь на НП полка, я отдал два распоряжения: внимательно следить за поведением противника, чтобы не застал нас врасплох; подготовить данные для огня по двум рубежам на удалении 200 и 500 метров на случай вражеской контратаки.

Через полтора часа после разговора с командиром дивизии я увидел справа на удалении до полутора километров батальон наших солдат. Приказал внимательно наблюдать за противником и в случае необходимости помочь этому батальону огнем.

Но что же оказалось в действительности? Видимо, перехватив мой разговор по радио с командиром дивизии, гитлеровцы переделали часть своих солдат в красноармейскую форму и хотели внезапной атакой сбросить нас в реку.

Меня насторожили не совсем обычные действия приближавшегося к нам подразделения. А когда показались ползущие сзади них немецкие танки, сомнений не осталось:

перед нами враг. Приказал немедленно открыть огонь из всех видов оружия и отразить контратаку.

Эта контратака оказалась самой ожесточенной. Но полк выстоял и удержал позиции. За этот бой командующий армией И. И. Федюнинский вручил мне орден Красного Знамени.

Вот о чем вспомнилось в день встречи ветеранов нашей славной 2-й ударной армии. В настоящее время я работаю старшим преподавателем Академии имени М. В. Фрунзе и делаю все возможное для того, чтобы готовить высококвалифицированные офицерские кадры для нашей Советской Армии.

*Д. М. ЗАБАБУРИН,
в 1943—1945 годах
помощник начальника
оперативного отдела
2-й ударной армии*

НЕ ТОЛЬКО ЧИСЛОМ...

...Поздней осенью 1943 года части 2-й ударной армии из Ленинграда на кораблях перебазировались на Ораниенбаумский плацдарм. Происходило это так. С наступлением темноты на побережье Финского залива северо-западнее Ленинграда части грузились на пароходы и баржи. Пересекали залив и, выгрузившись в районе Ораниенбаума, уходили в леса. За ночь совершалось несколько рейсов. Если рассвет заставал не успевшее разгрузиться судно, то оно с оставшимися на борту подразделениями возвращалось в Кронштадт. У противника, в случае обнаружения такого судна, создавалось впечатление не о переброске войск на плацдарм, а об их эвакуации оттуда. Разводить костры, курить, громко разговаривать в районе выгрузки не разрешалось. Ведь все происходило в шести километрах от линии вражеской обороны, и гитлеровцы легко могли накрыть район выгрузки артиллерийским огнем.

Однажды я как представитель штаба армии находился в районе разгрузки войск. В небе послышался гул немецкого самолета. Одновременно с этим в 3—4 километрах от Ораниенбаума над болотами начали появляться осветительные ракеты. Их запускали наши артиллеристы: при освещении болота район выгрузки выглядел словно бы погруженным в абсолютную темноту. Гитлеровцы только через две недели после начала переброски войск установили некоторые подробности об этом.

Чтобы скрыть от фашистского руководства направление главного удара (в сторону Ропши, то есть на восток), наше командование проводило маскировочные мероприятия. Их цель сводилась к тому, чтобы создать впечатление у противника о направлении главного удара в сторону Копорья, то есть на юго-запад. Наши части, занимавшие оборону на юго-западе Ораниенбаумского плацдарма, были более активны, постоянно вели разведку. Разведка же в восточном направлении, в сторону Гостилиц, не велась. Артиллерия на юго-западе вела пристрелку по всем артиллерийским правилам (одно орудие от дивизиона). Но это были кочующие орудия. Автомобили на юго-запад двигались ночью с потушенными фарами. Иногда зажигали их якобы для того, чтобы проверить дорогу. Кочующие танки ночью создавали видимость сосредоточения их. Даже количество костров на юго-западе преднамеренно увеличивалось.

Как показали последующие события, противник решил, что готовится наше наступление на Копорье. Он снял наиболее боеспособные части с занимаемых позиций в районе Гостилиц и перебросил их в сторону Копорья. Фашистские газеты писали в то время, что русские собираются из района Копорья и Новгорода окружить группировку немецких армий под Ленинградом.

Фашистское командование поняло свою ошибку через два часа после начала наступления наших войск. Ему пришлось срочно перебрасывать по рокадной дороге отдельные группы пехоты и танков из Копорья под Гостилицы. Но было уже поздно. Фашистам не удалось противопоставить нашему мощному удару достаточно организованное сопротивление.

...В начале января 1944 года, примерно за две недели до начала наступления наших войск под Ленинградом, командование 2-й ударной армии получило сообщение, что пруды в районе Гостилиц, которые питали Петергофские фонтаны, заполнены водой. В случае подтверждения этого наши войска могли попасть в затруднительное положение: если фашисты взорвут плотины, то полоса наступления окажется затопленной. Это обстоятельство, конечно же, следовало иметь в виду.

Было принято решение: взорвать плотины заблаговременно, с тем чтобы к моменту наступления здесь мог образоваться достаточно прочный лед. В район прудов были посланы саперы. К счастью, первоначальные сведения не подтвердились: воды в прудах не оказалось, плотины были взорваны еще в 1941 году.

...Война в Эстонии подходила к концу. Гитлеровские части были разбиты и поспешно отступали.

В один из дней мы с начальником штаба армии генералом П. И. Кокоревым ехали по лесной дороге. Оказавшись на пригорке, неожиданно увидели перед собой группу немецких солдат в количестве 40—50 человек. Они были при полном вооружении. Шофер мгновенно остановил машину, не зная, что делать дальше. Я тоже растерялся.

В этот момент генерал Кокорев вышел из автомобиля и спокойно направился к вражеской группе. Еще не зная намерений генерала, мы с шофером поспешили за ним. Подойдя к немцам, Кокорев спросил: «Кто вы?» Те вразной начали спрашивать: где плен? Кокорев рукой показал в ту сторону, откуда мы только что приехали, и с таким же невозмутимым видом отправился назад к автомобилю.

Только оказавшись в машине, он шепнул шоферу: «А теперь — гони!»...

*Б. Л. ГАЛЬПЕРИН,
в 1944 году
начальник радиостанции
123-го отдельного полка связи*

ОТКРЫТЫМ ТЕКСТОМ

В наступательной операции, завершившейся полной ликвидацией блокады города Ленина, я участвовал в качестве начальника радиостанции 123-го полка связи.

Прорвав оборону противника, части 2-й ударной армии продвигались в направлении Ропши. Для развития успеха была введена в бой армейская подвижная группа, основу которой составляла 152-я танковая бригада. Для связи командующего бронетанковыми войсками армии полковника Г. А. Мироновича с танковой бригадой, а также с танками поддержки пехоты была создана радиогруппа. Руководство ею осуществлял старший помощник начальника связи армии майор И. Х. Хабиб (ныне полковник в отставке). Экипаж рации РСБ состоял из пяти человек (кроме меня в него входили старший радист сержант Б. Порхун, электромеханик младший сержант М. Д. Клоп, радист Сорокин, водитель автомашины С. И. Минаков). Переносными рациями командовал старший сержант Имранов. В составе группы были еще два радиста, прибывшие с пополнением из Ленинградской школы радиоспециалистов.

13 января радиогруппа была выдвинута в район горы Колокольня на НП командарма, а рано утром 16 января

на автомашине мы уже следовали за колонной подвижной группы в направлении деревни Глядино. Через наши головы вели огонь «катюши», оставляя на фоне неба красивый след малинового цвета.

Через некоторое время колонна остановилась. Где-то впереди образовалась «пробка» — болотистая местность не позволяла двигаться в объезд. Майор Хабиб с радистом Имрановым отправился вперед на розыски НП командующего БТМВ Мироновича. Через некоторое время Имранов вернулся и сообщил мне название населенного пункта, куда следовало прибыть радиогруппе.

«Пробку» на дороге к этому времени ликвидировали, и мы двинулись в путь. Наименования пункта назначения я, к сожалению, не помню, но ясно представляю его внешний вид. На высоком холме — развалины монастыря, деревянные постройки вокруг сожжены дотла. Во дворе монастыря разместился штаб 131-й стрелковой дивизии.

Майор Хабиб поставил перед нами задачу: держать связь с танковой бригадой. Пользуясь специально разработанными кодами и картой, мы оперативно установили связь с танковой бригадой и получили информацию о ее действиях.

Место нашего расположения оказалось очень удобным для наблюдения за полем боя. Поэтому кроме штабных офицеров БТМВ армии и 131-й дивизии сюда прибыли командующий БТМВ фронта генерал Баранов, другие руководящие товарищи. Погода была морозной, а жилые помещения монастыря полностью выведены из строя. Пристанищем для гостей стало помещение нашей рации — специальный кузов грузовой автомашины, оборудованный «буржуйкой».

Связь с танковой бригадой поддерживалась микрофоном, как было принято в танковых войсках. Полковник Миронович получал полное представление о действиях подчиненных ему частей. Бригада продвинулась до окраин Ропши, но, попав под сильный огонь противника, остановилась. «Приказываю атаковать „Сороку”» (по коду г. Ропша), — передаем распоряжение Мироновича. В ответ получаем радиограмму командира бригады Оскотского: «Веду огонь с места, Георгий (по коду командир мотострелкового батальона) атакует». На вызов к рации вместо командира прибыл замполит. На вопрос: «Где Оскотский?» — следует ответ: «На вопросы подобного рода отвечать не могу».

Так или иначе, а продвижение танковой бригады замедлилось. В это время поступило сообщение о том, что 42-я армия выполнила свою ближайшую задачу — город

Красное Село освобожден от фашистов. У полковника Мироновича возникла идея — передать по радио открытым текстом: «Нашими войсками занято Красное Село. Прошу усилить удар на Ропшу».

Подобные сообщения по радио открытым текстом запрещались правилами. Но мы понимали, какое воздействие может оказать на воинов это вдохновляющее сообщение. Взяв микрофон у радиста, майор Хабиб сам передал сообщение. Это было вечером 18 января, а на следующее утро мы получили информацию об освобождении Ропши.

Не знаю, сыграла ли тогда какую-нибудь роль наша открытая радиопередача, но хочется думать, что и этот крошечный боевой эпизод был не лишним добавлением к нашей победе под Ленинградом.

*В. П. МУХИН,
в 1942—1944 годах
стрелок-связист 6-го отдельного
полка морской пехоты*

ВПЕРЕДСМОТРАЮЩИЕ ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА

В газете «Балтийский луч» Ломоносовского района была опубликована заметка «Летопись подвига». В ней сохранилась просьба к защитникам Ораниенбаумского плацдарма, читателям газеты, участвовать в создании сборника воспоминаний ветеранов 2-й ударной армии. Очень хочу, чтобы в этом сборнике нашлось местечко и для описания мужества и отваги тех, кому пришлось защищать Ораниенбаумский плацдарм от ударов противника со стороны моря.

Конечно, в первый период войны 2-я ударная армия не была непосредственно связана с делами воинов на Ораниенбаумском «пяточке». Но вся последующая борьба за освобождение Ленинграда от блокады навечно связала их судьбы.

С августа 1942 года по октябрь 1944 года я находился в 6-м отдельном стрелковом полку морской пехоты. Он оборонял острова Лавансари и Пенисари (ныне Мощный и Малый). Они находятся друг от друга в десяти километрах и лежат на траверзе г. Нарва и мыса Кургальского. Мы находились как бы в двойном кольце блокады. По этим островам проходил передний край морской обороны Ленинграда.

Наши острова называли форпостом Балтики. Так же называлась и выпускавшаяся здесь газета «Форпост Балтики». «Костью в горле» окрестили вражеские генералы эти острова, преградившие путь фашистам к Ораниенбаумскому побережью и к Кронштадту. Мы были как бы вперёдсмотрящими к обороне Ораниенбаумского плацдарма.

Противник не оставлял мысли о захвате островов. Он установил тяжелые батареи на Кургальском мысу с южного берега Финского залива и на мысу Котка с северного берега и вел систематический обстрел этих кусочков советской земли. Изнуряющий повседневный огонь, постоянная угроза высадки десанта... Никто не мог знать, в какую из ночей противник попытается сделать это.

Мне и моим боевым товарищам довелось защищать о. Пенниси, оказавшийся на самом острие защиты Ораниенбаумского плацдарма. Хорошо помню наших бесстрашных командиров младшего лейтенанта Рейдмана, сержанта Козловского, старшего краснофлотца Субботина. Они учили нас бить врага без промаха. В августе 1942 года мы давали клятву на верность Родине: «Пока бьется наше сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие — не бывать фашистам в Ленинграде!»

Ночью вся противодесантная оборона находилась в боевой готовности. Отдыхали прямо на боевых постах у пулеметов. По всему периметру острова у воды располагались наблюдатели. Они следили за горизонтом и шумом кораблей противника. Днем боевая готовность, конечно же, сохранялась. Между боями с фашистской авиацией мы укрепляли свою оборону на случай морских десантов противника. Строили быстро, хотя не было среди нас строителей-специалистов, не было никакой техники. Все делалось вручную. Морские пехотинцы и артиллеристы превращали остров в неприступную крепость. Работали с рассвета до темна. Перерывы были, когда отбивали налеты вражеской авиации.

Оборону строили под руководством старшины Василия Петровича Сослюка, сержанта Герасимова. Работали охотно, с огоньком, хотя условия были тяжелейшие: ни гвоздя, ни нужного инструмента в достаточном количестве. Наши краснофлотцы Червяков, Степанов, Титов, Иванов, Богачев, Гуськов всегда отличались изобретательностью и выдумкой. А зенитчики лейтенанта Зинукова, смелого и отважного командира, отбивали атаки вражеских самолетов по нескольку раз в день.

Многие защитники островов в той сложной обстановке вступили в ряды Коммунистической партии, в комсомол.

Я тоже вступил в ряды комсомола. Нашим комсоргом был старший краснофлотец Василий Воробьев. Лейтенант Лысенко был у нас политруком. Это был смелый и бесстрашный командир, за которым можно было идти в любой бой. Он умел словом подчинить себе бойцов.

Лейтенант Коротков и старшина Селезнев учили нас ночному бою. Не было ни одной ночи, чтобы эти люди отдыхали. Они всегда были вместе с нами, в готовности отразить врага. По ночам фашистские катера подходили близко к острову, но всегда получали отпор.

Наши самолеты сбрасывали нам боеприпасы, продукты и почту. Помню, летчики с выключенными моторами спускались низко и кричали: «Привет балтийцам!» Это были отрадные минуты: приходила от родных весточка с Большой земли (для нас Ленинград был Большой землей).

Наши радисты Матюхин, Галкин, Николай Васильев по первому требованию Кронштадта включали радиомаяк для прорыва наших тральщиков и подводных лодок к о. Лавансари. Садилов, Ломачук и я были стрелками-связистами. Наш позывной был «Орел». Позже, когда проложили кабель по дну залива на Лавансар, позывной стал «Ураган». Мы несли вахту на коммутаторе, держали связь с огневыми точками, с артиллерийскими постами лейтенанта Зинукова.

Как-то вышла из строя связь с наблюдательным постом № 1 (это вышка). Мне приказали исправить. Я взял полевой телефон, оружие, гранаты и пополз по траншее, где был проложен кабель. Ощупью ищу повреждение. Темная ночь, пронизывающий ветер, дождь. Дополз до берега, где кабель уходит в воду. Вблизи расположен дзот. Включаю телефон в провода, начинаю крутить ручку. В этот миг по мне полоснул из автомата часовой. Я распластался по земле, кричу: «Плисов, так, мол, и так, свой я, Мухин!» А на посту стоял молодой краснофлотец, он меня за врага принял. Но все обошлось благополучно.

На посту № 1 нес вахту наш комсомольский вожак Василий Воробьев. Мне также приходилось нести вахту на этом посту. Когда к нам, связистам, прислали несколько девушек в помощь, я стал постоянно нести вахту на НП, а девушки дежурили на коммутаторе. Фашистам эта вышка не давала покоя. Самолеты противника с бреющего полета пытались уничтожить ее. Но наши зенитчики заградительным огнем отбивали самолеты противника.

24 июля 1943 года нам вручали медали «За оборону Ленинграда». Это был торжественный для всех нас день. Приехали даже артисты КБФ. Из-за отсутствия досок мы

не смогли сделать сцену. Как же мы все отвыкли от мирной жизни, от музыки, даже от вида гражданских людей! Как сейчас помню, стояла хорошая солнечная погода. Мы смогли даже сфотографироваться. У меня и поныне есть фото тех лет Васи Воробьева, В. Д. Иванова и еще одного бойца, фамилию которого уже не помню. Этот снимок я послал домой тогда же, вот он и сохранился.

Как-то днем шел я по берегу на огневую точку к Зинукову. Вдруг над островом завязался воздушный бой нашего истребителя с «мессершмиттом». Фашистский самолет задымил и пошел в сторону берега. Наш самолет был, видимо, тоже подбит. Он сделал крутой вираж. Видно было, что из него что-то выпало, а вслед за этим выпрыгнул на парашюте и летчик. Он опустился на воду, а поврежденный самолет упал недалеко от острова. У нас был небольшой плотик. Мы сразу пошли на нем к летчику и доставили его на берег. В разговоре с ним я выяснил, что из самолета, опережая летчика, выпала рация, которую летчик хотел спасти при прыжке, но не удержал в руках.

Во время одной из бомбежек наша наблюдательная вышка, заметно выделявшаяся над лесом, вдруг начала медленно падать. Вахту нес В. Воробьев. Он стремглав слетел по лестнице вниз и едва не погиб под развалинами. Вообще надо сказать, что он не терялся ни при каких обстоятельствах. Воробьев был старше нас (мне было тогда 18 лет), всегда умел сплотить вокруг себя бойцов. С ним можно было идти на любое дело. Это был всегда веселый и бесстрашный воин. Огромного роста, крепкого телосложения, с простым открытым лицом, большими ручищами, он умел постоять за себя и за товарищей. И вот сейчас, много лет спустя, мне кажется, что было бы нечестно перед памятью тех, кто не дожил до Победы, забыть о них, рядовых тружениках войны, кто, может быть, и не совершил яркого подвига, но делал все, чтобы приблизить день Победы.

На о. Пенисари было два перешейка. На одном из них располагались зенитчики Зинукова. Во время ветра при подъеме воды перешейки затоплялись, и остров как бы делился на три неодинаковых островка. В эти периоды бойцы и командиры на островах были отрезаны друг от друга. А надо было туда доставлять боеприпасы, продукты. Часто нарушалась и связь. Приходилось по горло в ледяной воде пробираться туда. Делали это, конечно, ночью, в темноте, часто при ураганном ветре, который в любую минуту мог унести в море. Так вот и оборонялся этот маленький кусочек советской земли.

Весной весь гарнизон стал слепнуть. Оказалось, из-за нехватки витаминов стали заболевать куриной слепотой. Срочно была подана радиограмма в штаб. И вот самолет сбросил нам рыбий жир. Дело пошло на поправку.

Как только самолеты противника подымались с аэродрома Копорье и выходили на береговую черту, мы обнаруживали их с НП и предупреждали об этом Кронштадт, который встречал врага как надо, а наши зенитчики помогали ему. Часто массированные налеты вражеской авиации следовали один за другим.

В 1943 году силами морских пехотинцев и артиллеристов на о. Лавансари построили полевой аэродром. С него авиация штурмовала корабли противника, которые пытались подходить к Ораниенбаумскому побережью.

Ни в одной книге я не встречал имен людей, которые находились на этих маленьких кусочках советской земли. Защитники островов стояли насмерть. Фашисты так и не рискнули высадить здесь морской десант. Моряки умели драться! Это фашисты хорошо знали, испытали на своей шкуре.

Остров Нарва был ничейный. 20 июня 1944 года рота нашего полка захватила его. Тогда гитлеровские миноносцы начали систематически обстреливать остров и поплатились за это потерей миноносца. Об этом героическом подвиге моряков тоже не написано ни строчки.

В феврале 1943 года с о. Лавансари разведчики под командованием майора Романцева ходили к мысу Котка и подорвали там батарею врага. Ходили они и в Лужскую губу, привозили оттуда «языков». 14 февраля 1944 года с о. Лавансари был выброшен под командой майора Маслова десант в Нарвском заливе вблизи деревни Мерекюля. Он отвлек на себя значительные силы врага, чем облегчил положение воинов 2-й ударной армии.

«Костью в горле» для гитлеровцев, рвавшихся к Ленинграду, были морские пехотинцы, защищавшие острова. И не только острова. Везде, где оборонялись или наступали морские пехотинцы, врагу приходилось плохо. Иначе и быть не могло: бойцы морской пехоты, как и все воины нашей армии, сражались с ненавистными оккупантами, не жалея крови и самой жизни.

Совет ветеранов армии выпустил знак «Защитнику Ораниенбаумского плацдарма». Это хорошая память о тех незабываемых днях. Я с гордостью ношу этот знак. Очень хотелось, чтобы и в печати хотя немного было рассказано о мужественных воинах, которые в течение трех лет защищали побережье Ораниенбаумского плацдарма.

*И. М. ШЛЯПИН,
полковник в отставке,
кандидат исторических наук,
доцент. В 1942—1945 годах
начальник отделения пропаганды
и агитации — заместитель
начальника политотдела
2-й ударной армии*

МОГУЧЕЕ ОРУЖИЕ

Чем дальше уходит от нас время Великой Отечественной войны, тем ярче, величественнее вырисовывается героический подвиг советского народа, его славных солдат в защите чести, свободы и независимости нашего социалистического Отечества, спасении европейской цивилизации, народов мира от фашистского порабощения. Уходит время, а с ним и люди, участники этой войны. И очень важно, чтобы новые поколения не только помнили о героях битв с врагом, но и шли дорогами мужества, любили свою Родину и ненавидели ее врагов, как это делало поколение, завоевавшее Победу.

...Мое знакомство с войсками 2-й ударной армии произошло в конце декабря 1941 года, когда она вошла в только что созданный Волховский фронт. В то время я работал в политуправлении фронта и в январе 1942 года вместе с другими товарищами был направлен в район действий 2-й ударной армии. Наша задача состояла в том, чтобы помочь на месте частям и соединениям армии выполнить боевую задачу — прорвать фронт противника и соединиться с Ленинградским фронтом.

В конце декабря 1941 года мне довелось присутствовать на совещании работников политуправления, которое проводил член Военного совета фронта армейский комиссар 1-го ранга А. И. Запорожец. На нем были определены основные направления партийно-политической работы в войсках. На совещании говорилось и об ответственной задаче 2-й ударной армии, которая должна была сыграть решающую роль в прорыве обороны врага, снятии блокады Ленинграда.

13 января 1942 года началось наступление 4, 59 и 2-й ударной армий. Прорыв фронта был осуществлен в районе Мясного Бора. Войска 2-й ударной армии продвинулись на 60—70 километров в направлении к Любани и находились в трех десятках километров от 54-й армии Ленинградского фронта, в 15 километрах от Любани.

Первые успехи войск работники политаппарата стремились использовать для наращивания наступательного по-

рыва. Настроение у воинов было боевое. Беседуя с бойцами наступавших частей, я часто слышал возгласы: «Теперь недолго осталось страдать ленинградцам», «Скоро мы вызволим Ленинград из беды». Борьба за Ленинград, за его освобождение от вражеской блокады рождала в людях величайший патриотизм. Во имя освобождения родной земли от оккупантов советские воины совершали героические подвиги. Так, в конце января 1942 года сержант Иван Герасименко, рядовые Александр Красилов и Леонтий Черемнов в решающий момент борьбы одновременно закрыли своими телами амбразуры трех вражеских дзотов. Их подвиги широко пропагандировались в войсках 2-й ударной армии, равно как и в других армиях фронта. Об этом коллективном подвиге трех советских воинов, увековеченном впоследствии в одной из экспозиций Музея революции в Москве, много материалов печаталось в газете «Фронтовая правда», в армейской газете 2-й ударной армии «Отвага», а также в дивизионных газетах. Подвигу трех героев была посвящена баллада поэта Николая Тихонова.

Тяжелой и пока еще неравной во многих отношениях была в ту пору борьба. 19 марта 1942 года противнику удалось закрыть горловину в районе Мясного Бора и перерезать коммуникации 2-й ударной армии. В политотдел 2-й ударной армии выехала большая группа политработников фронта во главе с начальником политуправления дивизионным комиссаром П. И. Гороховым. Часть политработников, в числе их был и я, направили в район Мясного Бора, где они немало сделали, чтобы организовать и поднять

ДОКУМЕНТЫ

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

27 января 1944 года

Товарищи красноармейцы, сержанты и офицеры войск Ленинградского фронта! Моряки Краснознаменного Балтийского флота! Трудящиеся города Ленина!

Войска Ленинградского фронта в итоге двенадцатидневных напряженных боев прорвали и преодолели на всем фронте под Ленинградом сильно укрепленную, глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев, штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления и опорны-

ми пунктами противника под Ленинградом: городами Красное Село, Ропша, Урицк, Пушкин, Павловск, Мга, Ульяновка, Гатчина и другими и, успешно развивая наступление, освободили более 700 населенных пунктов и отбросили противника от Ленинграда по всему фронту на 65—100 км. Наступление наших войск продолжается. В ходе наступления нашими войсками разгромлены вражеские войска, державшие Ленинград в осаде, и захвачены большие трофеи.

В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден

бойцов и офицеров на борьбу с гитлеровцами! в этом районе.

Мне известно, что несколько позже группа работников политуправления фронта во главе со старшим батальонным комиссаром И. П. Поповым представила донесение на имя командующего и Военного совета фронта. В нем давалась характеристика обстановки в районе действий 2-й ударной армии и вносилось предложение о выводе ее из лесисто-болотистой местности. Такие представления делали и работники штаба фронта. Их содержание командующий Волховским фронтом генерал армии К. А. Мерецков докладывал Ставке и просил отвести войска 2-й ударной армии на линию железной и шоссейной дорог Чудово — Новгород. Но, видимо, обстановка на фронте в ту пору, и в частности под Ленинградом, не позволила Ставке согласиться с этим предложением. Лишь после неудачи новой попытки активизации действий армии и фронта по реализации первоначального замысла Ставка дала согласие на вывод войск 2-й ударной армии.

Отход начался 21 мая 1942 года. До 25 июня войска армии организовано отходили через пробитые коридоры. Утром 25 июня все проходы были вновь закрыты.

В трагедии 2-й ударной армии в 1942 году огромная доля вины падает на карьериста и изменника бывшего командующего 2-й ударной армией Власова. Как показали последующие события, он не принял должных мер по обеспечению ее боевых действий, фактически способствовал фашистам в срыве снятия блокады с Ленинграда.

Мне нередко приходится сталкиваться с людьми, кото-

ДОКУМЕНТЫ

от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

В ознаменование одержанной победы и в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады сегодня, 27 января, в 20 часов город Ленина салютует доблестным войскам Ленинградского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем войскам фронта и морякам Краснознаменного Балтийского флота, участвовавшим в боях за освобождение Ленинграда от блокады.

Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстаивали наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы.

От имени войск Ленинградского фронта поздравляю вас со знаменательным днем великой победы под Ленинградом!

Слава воинам Ленинградского фронта!

рые в силу недостаточной осведомленности или даже дезинформации с подозрением и даже недоброжелательством относятся к участникам боев в составе 2-й ударной армии. Их имена как-то невольно связываются с предателем Власовым. Это глубокое заблуждение. Воины 2-й ударной армии с честью выполнили свой сыновний долг перед Родиной. Они дрались храбро, мужественно и заслуживают всяческого уважения со стороны советских людей. Солдаты и сержанты, командиры и политработники проявляли массовый героизм и во время Любанской операции, и при выходе из окружения летом 1942 года.

Измученные, голодные, они храбро пробивались через вражье кольцо. А многие были уже настолько обессилены, что не могли не только участвовать в боях, но и двигаться. От голода они теряли сознание и в таком виде попадали в плен. Так произошло и с корреспондентом армейской газеты «Отвага» Мусой Мустафовичем Джалилем. Почти весь состав политического отдела армии погиб в боях при прорыве из окружения.

Жертвы, принесенные на алтарь Отечества воинами 2-й ударной армии, не напрасны. Ее действия отвлекли много дивизий противника от Ленинграда и имели большое значение для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на советско-германском фронте в первой половине 1942 года.

Много добрых слов о воинах 2-й ударной армии было сказано в листовке, выпущенной летом 1942 года Главным политическим управлением и политуправлением Волховского фронта после того, как она была вновь готова выполнять боевые задачи. А задачи эти были по-прежнему слож-

ДОКУМЕНТЫ

Слава трудящимся города Ленинграда!

Вечная слава героям, павшим в борьбе за город Ленина, за свободу и независимость нашей Родины...

Смерть немецким захватчикам!

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии

Л. Говоров

Член Военного совета генерал-лейтенант **А. Жданов**

Член Военного совета генерал-майор **Н. Соловьев**

Начальник штаба фронта генерал-лейтенант **Д. Гусев**

КРУШЕНИЕ

«СЕВЕРНОГО ВАЛА»

«...Под ударами наших войск потерпела крушение сильнейшая оборона немцев, которую они сами расценивали как неприступный и непреодолимый «Северный вал», как «стальное кольцо» блокады Ленинграда... Выполнена задача первостепенной важности — ликвидирована полностью вражеская блокада Ленинграда».

[Из доклада Военного совета Ленинградского фронта Ставке Верховного Главнокомандования]

ными: вместе с другими соединениями Волховского и Ленинградского фронтов нужно было прорвать блокаду Ленинграда.

* * *

После выхода из окружения войска армии находились в резерве и приводили себя в порядок. Армия была крайне малочисленна и слабо вооружена. Еще не полностью оправившись от предыдущих боев, она должна была принять участие в Синявинской операции. Но эта операция, начавшаяся 27 августа и закончившаяся 30 сентября 1942 года, успеха не имела. На Ленинград надвигалась вторая блокадная зима. Надо было торопиться.

8 декабря 1942 года Ставка дала директиву Ленинградскому и Волховскому фронтам подготовить новую операцию с целью прорыва блокады Ленинграда. Ударную группировку составила 2-я ударная армия, в которую вошла большая часть соединений Волховского фронта. Военный совет фронта фактически заново сформировал управление этой армии. Командующим был назначен генерал-лейтенант В. З. Романовский, членами Военного совета — генерал-майоры А. А. Кузнецов, В. Т. Пислюков и К. Г. Рябчий, начальником штаба — генерал-майор П. И. Кокорев. Заново был сформирован политотдел армии. Начальником его стал полковник Ф. А. Шаманин, его заместителем по идеологическим вопросам — пишущий эти строки.

Большинство работников управления 2-й ударной армии назначались из числа ленинградцев. Утверждение первого секретаря Ленинградского горкома КПСС, члена Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецова членом Военного совета 2-й ударной армии преследовало важную цель — обеспечение более тесной связи двух фронтов для решения единой задачи — прорыва блокады Ленинграда.

А. А. Кузнецова я знал до войны как секретаря Ленинградского горкома партии, еще совсем молодого, но уже сформировавшегося партийного работника, пользовавшегося в нашем городе заслуженным авторитетом. Работая вместе во 2-й ударной, еще лучше разглядел в нем чудесные качества партийного работника ленинского типа. Мне не раз приходилось встречаться с Алексеем Александровичем в боевой обстановке, и я всегда чувствовал теплоту и душевность этого человека.

В середине декабря 1942 года генерал А. А. Кузнецов провел совещание работников политотдела. Оно проходило в уцелевшей избе недалеко от села Путилово Мгинского

района. В своем выступлении А. А. Кузнецов охарактеризовал международную и военно-политическую обстановку на советско-германском фронте. Он много говорил о положении в осажденном Ленинграде, о героизме ленинградцев, об их страданиях, о задачах, которые стоят перед армией, А. А. Кузнецов сосредоточил наше внимание на том, чтобы партийно-политическая, агитационно-пропагандистская работа была направлена на успешную подготовку к прорыву вражеской блокады. В этих целях он советовал партийно-политическим работникам во время учений находиться непосредственно в ротах и взводах, личным примером показывать бойцам, как надо преодолевать препятствия в условиях лесисто-болотистой местности, блокировать дзоты, действовать в ближнем бою. Член Военного совета указал на необходимость усиления работы по индивидуальному отбору лучших бойцов и командиров в ряды Коммунистической партии, просил партийно-политических работников армии рассказывать личному составу армии о лишениях, которые переносят ленинградцы, об их мужестве и героическом труде, воспитывать у бойцов и командиров ненависть к оккупантам, развивать в сердцах воинов высокий наступательный порыв.

Не могу не сказать о начальнике политотдела армии, комиссаре гражданской войны, депутате Верховного Совета СССР, опытнейшем партийно-политическом работнике полковнике Шаманине Федоре Афанасьевиче, которого я хорошо знал еще по совместной работе в политуправлении Волховского фронта. Это был прямой, честный, любящий людей человек. Он проявлял постоянную заботу о солдате, о его идейно-политическом кругозоре, его жизни, быте, настроении. Мы все учились у Федора Афанасьевича искусству работы с людьми.

Готовясь к решающим боям, партийно-политические работники армии проводили в подразделениях беседы, лекции и доклады об успехах на фронтах Отечественной войны и в советском тылу, о героизме рабочих, колхозников и советской интеллигенции, которые не покладая рук трудились для удовлетворения нужд фронта. Ведущей темой выступлений был Ленинград и его героические жители. В лекциях, докладах, беседах, в дивизионных и армейской газетах рассказывалось о Ленинграде как о городе славных революционных традиций, колыбели Великого Октября, где В. И. Ленин заложил основы Советского многонационального государства, как о политическом, промышленном и культурном центре нашей страны, о важном военно-стратегическом пункте и морском форпосте, запи-

рающем северо-западные подступы к Советскому Союзу. О Ленинграде рассказывали как о титане индустрии и гигантской лаборатории технической и научной мысли, о городе русской славы и одном из центров национальной культуры. Ведь большинство бойцов и командиров 2-й ударной армии не только не были ленинградцами, но и не видели никогда этого города на Неве. Вот почему важно было во всей идейно-политической работе показывать Ленинград, рассказывать о его роли в жизни нашей страны, о его значении в Великой Отечественной войне.

Тогда было известно, что фашистское командование рассчитывало взять город штурмом. Позже гитлеровцы пытались задавить его голодом, окружить двойным кольцом блокады. На конкретных примерах бойцам и командирам показывались мужество и стойкость ленинградцев. Агитаторы и пропагандисты использовали в беседах статьи, рассказы, повести, стихи о блокадном Ленинграде, такие, как поэмы Николая Тихонова «Ленинградский год» и «Киров с нами», Ольги Берггольц «Февральский дневник», Александра Фадеева «Ленинград в дни блокады», стихи Александра Прокофьева, работавшего в то время литсотрудником армейской газеты. Из этих материалов делались вырезки для фотовитрин и стенных газет.

Постоянно велось воспитание ненависти к фашистским оккупантам, творившим на советской земле чудовищные злодеяния. Сознание воинов подводилось к справедливому в тех условиях лозунгу: «Кровь за кровь! Смерть за смерть!». Систематически зачитывались и разъяснялись опубликованные в газетах материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний гитлеровских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба. Проводились беседы о злодеяниях фашистов в тех местностях, где до войны проживали многие воины нашей армии, зачитывались письма, полученные бойцами из освобожденных районов. Особенно часто использовались материалы из ленинградских газет. Воины армии призывались к священной мести.

Большой эффект приносили выступления бойцов, командиров, живших в городе на Неве или побывавших в блокаде. В качестве примера можно привести рассказ взводного агитатора сержанта В. Скупченко о своих беседах в подразделении: «В нашем отделении только двое ленинградцев — я и боец Петров, остальные из разных мест. До войны они знали Ленинград только по книгам да по рассказам. Я стараюсь привить всем нашим бойцам любовь к Ленинграду, рассказываю о революционных традициях питер-

цев, о фабриках и заводах, о чудесных дворцах, о тяжелых днях блокады, когда ленинградцы, переживая невероятные трудности, не склонили головы, отдавали все для победы, для фронта. В своих беседах я использую разные материалы: собственные наблюдения, статьи из газет, личную переписку. Однажды привел несколько примеров из жизни фабрики, на которой я раньше работал»¹.

Сержант В. Скупченко рассказал бойцам отделения, как старый слесарь пенсионер Матвеев вернулся в цех и, несмотря на бомбежку и обстрел, выполнял в смену несколько норм, обучал новичков. Матвеев и умер в цехе. Перед смертью призывал своих учеников работать еще лучше, давать больше продукции фронту. «В тот вечер,— рассказывал сержант,— мы дали друг другу слово еще лучше учиться, готовиться к грядущим битвам за город Ленина».

В период подготовки к наступлению в политотделе армии проводились семинары с заместителями командиров соединений и частей по политической части, с агитаторами дивизий, бригад и полков. На них рассматривались вопросы практики партийно-политической, агитационно-пропагандистской работы. Помню, как на одном из таких семинаров с докладом на тему «В. И. Ленин об агрессивной сущности империализма» выступил начальник политотдела полковник Ф. А. Шаманин. На семинарах обобщался опыт прошлых боев частей и соединений армии, рассматривались вопросы идейно-политической работы в ходе наступления.

В подразделениях проводились беседы об ответственности бойца, о долге воина перед Родиной, об умелом использовании огня пехоты в бою, о равеннии на идущих впереди, о боевом содружестве бойцов различных родов оружия и др.

В партийно-политической работе учитывался национальный состав частей армии. У нас было много казахов, узбеков, киргизов, азербайджанцев и др. Многие из них плохо владели русским языком или совсем не знали его. В подразделениях были созданы группы однородной национальности, возглавлявшиеся офицерами, сержантами или рядовыми коммунистами данной национальности. Эти товарищи проводили читки, беседы с бойцами нерусской национальности. Так, например, в 128-й стрелковой дивизии таких групп было 58, в 71-й — 33, в 191-й — 38, в 379-й — 36.

¹ «Фронтовая правда», 1943, 29 авг.

Рядом с доблестными сынами русского народа под стенами Ленинграда сражались украинцы, белорусы, казахи, латыши, грузины, башкиры, сыновья других народов нашей многонациональной советской Отчизны. У воина-узбека Каюма Рахманова, павшего смертью храбрых на ленинградской земле, нашли письмо, в котором он писал: «Жизнь — это Родина. Родина — это моя семья, мое село, вся моя советская земля. Когда враг забирает пядь родной земли, он отрывает кусок моего тела. Я приехал из края, где много солнца, много богатой земли, много руды, хлопка, винограда, большие стада и счастливая жизнь. Когда фашисты ворвались в Советскую страну, я почувствовал, как задрожала Ферганская долина. И каждый, в ком было честное сердце узбека, сказал себе: «Иди вперед, останови врага, защити свои дома, свою семью!» Если я умру, передайте моему народу, что его сын Каюм Рахманов выполнил свой долг перед Родиной!»

Незадолго до наступления в части армии прибыли делегации заводов и фабрик Ленинграда. Они проводили с бойцами душевные беседы о том, как живут и трудятся ленинградцы, призывали воинов к быстрейшему снятию блокады Ленинграда.

За 2—3 дня до наступления во всех подразделениях армии были проведены партийно-комсомольские собрания, на которых обсуждался один вопрос: «Задачи коммунистов и комсомольцев в бою». Об огромном политическом подъеме в войсках армии накануне наступления свидетельствует и тот факт, что за период подготовки к прорыву блокады партийные организации частей 2-й ударной армии выросли в 4 раза¹.

Вечером 11-го и рано утром 12 января 1943 года командиры, политработники, агитаторы, коммунисты находились с бойцами. Они зачитывали листовки с обращением ленинградских рабочих к воинам армии. Коллективы заводов имени Карла Маркса, «Большевик», Металлического, Балтийского имени Г. К. Орджоникидзе и др. писали, что в эти решающие дни к воинам армии с любовью и надеждой, с полным доверием обращены взоры трудящихся Ленинграда. Текст обращения ленинградских рабочих был опубликован в армейской газете, которая рано утром была доставлена во все подразделения. Обращение заканчивалось словами: «Пусть мысль о великом значении нашего города, пусть дума о славных его людях воодушевляет вас

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945, М., Воениздат, т. 3, с. 130.

в бою. Пусть ненависть к тем, кто терзал этот город бомбами, снарядами, голодом, ожесточит ваши сердца. Вперед, воины-освободители!»

В 9 часов 30 минут 12 января 1943 года началась артподготовка. После нее воины 2-й ударной армии начали трудное, но победоносное наступление, длившееся семь дней. В течение всех этих дней велась активная партийно-политическая и агитационно-пропагандистская работа. Конечно, в бою не всегда приемлемы те формы партийно-политической работы, которые использовались в подготовительный период. Здесь большее значение приобретает индивидуальная работа, призыв равняться на героев. Так, например, когда в боях за деревню Липки геройский подвиг совершил старший лейтенант пятой роты 533-го полка 128-й стрелковой дивизии комсомолец Яков Богдан, закрывший своим телом амбразуру вражеской огневой точки, здесь же на поле боя был написан листок-«молния» и отправлен по наступавшим цепям. О подвиге Я. И. Богдана в подразделения сообщили и по телефону. Статью о нем на другой день опубликовала армейская газета. Политотдел армии срочно подготовил листовку о его подвиге, которая была отпечатана в типографии и разослана в подразделения.

13 января в 12-й отдельной лыжной бригаде перед вступлением ее в бой побывал член Военного совета А. А. Кузнецов. Он беседовал с командирами, бойцами. Во время одной беседы, как об этом писал начальник политотдела бригады М. П. Горемыкин, когда речь зашла о воинском долге, о выполнении приказа, кто-то из бойцов сказал: «Мы, товарищ генерал, умрем, а приказ выполним». Алексей Александрович внимательно посмотрел на солдата и сказал: «Приказ выполнять надо обязательно, но умирают пусть враги, мы им поможем в этом. Нам же надо жить. После победы у нас с вами будет много еще дел».

Много сил отдавали совершенствованию партийно-политической работы в войсках член Военного совета В. Т. Писключков и начальник политотдела Ф. А. Шаманин. Федор Афанасьевич, к примеру, неоднократно подчеркивал, что армейский политработник не регистратор фактов и не равнодушный контролер, а организатор партийно-политической работы в массах. Хочу отметить плодотворную работу лекторов и агитаторов политотдела И. П. Андреева, В. И. Гиленкова, В. Е. Сумпакова, П. Л. Эдельштейна, которые постоянно находились в частях и помогали командирам, замполитам, парторгам политически обеспечивать выполнение боевых задач.

Продуманно велась партийно-политическая работа в частях 327-й стрелковой дивизии, где заместителем командира был полковник Е. Ф. Дурнов. Евгений Федорович правильно расставил партийно-политических работников и постоянно руководил ими. Политработники дивизии проявляли инициативу и оказывались именно там, где возникали сложные ситуации. Характерна в этом отношении, например, работа заместителя командира батальона 1098-го полка 327-й дивизии капитана В. Д. Ерофеева. Когда командир второй роты был ранен, капитан Ерофеев отправился туда и помог организовать работу. Но вот он узнал, что бойцы третьей роты залегли под огнем врага, и устремился в эту роту. Личным примером он увлек бойцов в атаку. Задача дня была выполнена. Поздним вечером капитан Ерофеев проверил получение бойцами боеприпасов и горячей пищи, провел совещание с заместителями командиров рот по политчасти, с коммунистами и комсомольцами, поставил перед ними задачи на следующий день.

В ходе наступления были и такие случаи, когда в результате неудовлетворительного управления штабов некоторых подразделений, выхода из строя командиров и политработников, потери связи бойцы бездействовали, не зная боевой задачи. Так, например, случилось в 12-й отдельной лыжной бригаде, командир которой оказался не на высоте положения. Дело было поправлено усилиями партийно-политического аппарата бригады. В ночь с 15 на 16 января начальник политотдела бригады подполковник М. П. Горемыкин, работник политотдела бригады старший лейтенант В. Г. Сямptomов отправились в боевые порядки бригады и разъяснили личному составу полученную задачу. 16 января бойцы дружно пошли в атаку и успешно действовали. В представлении к награждению М. П. Горемыкина, подписанном командармом генерал-лейтенантом В. З. Романовским и членом Военного совета генерал-майором А. А. Кузнецовым, говорилось: «Большую часть своего времени тов. Горемыкин находился на передовой вместе с бойцами и командирами и своим личным примером под ожесточенным огнем противника поднимал бойцов и командиров на штурм вражеских дзотов. В результате поставленная задача была выполнена...»

Большую работу провели политические органы и партийно-политические работники 128-й и 372-й стрелковых дивизий, где в первые дни наступление развивалось слабо. Командованием этих дивизий были созданы штурмовые группы. В них политорганы направляли коммунистов и

комсомольцев. Встав во главе штурмующих, личным примером коммунисты и комсомольцы увлекали за собой бойцов и обеспечивали выполнение задачи.

Коммунисты и комсомольцы шли в первых рядах атакующих. Многие из них пали под пулями врага. Но на их место вставали другие. За семь дней боев от воинов 2-й ударной армии поступило 3614 заявлений с просьбой о приеме их в партию.

16 января агитаторы и политработники сообщили бойцам и командирам радостную весть о том, что идущие навстречу войска Ленинградского фронта находятся от войск 2-й ударной армии в двух километрах. Воины с новой энергией устремились вперед. Многие раненые не хотели уходить в медсанбат и оставались в строю.

18 января 1943 года войска двух фронтов встретились. Трудно описать всеобщее ликование. Автору этих строк довелось видеть торжество победителей в Рабочем поселке № 5. Не было конца радости, объятиям, поцелуям. Повсюду слышались возгласы: «Победа, славная Победа!» Командир роты автоматчиков, до войны донбасский шахтер, Николай Белозеров говорил молодому бойцу Ленинградского фронта Павлу Солоченко: «Мы все знали о Ленинграде. Знали, что гитлеровцы обстреливают город из тяжелых орудий. Знали, как голодно было в Ленинграде прошлой зимой. Знали, как героически держались ленинградцы, как готовили они сами для себя оружие и боеприпасы. Всей душой рвались мы навстречу, чтобы вложить и свою долю в дело освобождения Ленинграда».

Родина высоко оценила боевые успехи бойцов, командиров и политработников 2-й ударной армии, наградив многих из них орденами и медалями Советского Союза. Но самой высшей наградой для всех нас было то, что осажденный Ленинград и по суше соединился с Большой землей, что по отбитой у врага территории сразу же пошли потоки продовольствия, боеприпасов и других грузов.

Прорыв блокады Ленинграда явился крупной военно-политической победой. Это была победа советских войск над немецко-фашистскими захватчиками, победа нашего общественного и государственного строя над фашистским строем. Это была победа прогресса над реакцией, разума над тьмой.

* * *

После прорыва блокады 2-я ударная армия вошла в Ленинградский фронт. Ее части расположились северо-восточнее Ленинграда. Одни из них продолжали летом

1943 года вести борьбу против немецко-фашистских захватчиков в районе Синявино, другие были отведены на отдых и доукомплектование. Близость к Ленинграду открывала нам новые возможности в работе.

Однажды, встретив меня у домика, где жили и работали политотдельцы, полковник Ф. А. Шаманин сказал:

— Давайте-ка начнем серьезно заниматься ознакомлением солдат и офицеров с жизнью Ленинграда и его жителями. Подумайте, что можно сделать.

Вскоре был готов план. Он предусматривал посылку в Ленинград агитаторов, по 3—4 человека от части. Товарищи своими глазами увидели фронтной город. Они встречались с рабочими предприятий, а затем рассказывали в подразделениях о своих впечатлениях. Вот рассказ агитатора-казаха старшего сержанта Шалипбаева: «В городе Ленина я второй раз. Четыре года назад я был здесь с делегацией трудящихся Казахской республики. Мы видели Ленинград во всей его красе. Тогда мы побывали на заводах и фабриках, в лабораториях и в новых жилых кварталах. Осматривали построенные ленинградцами турбины, тракторы. Хороший город! «У ленинградцев золотые руки»,— говорил я потом у нас в Казахстане. Но вот прошло два года. Город, за который я дрался у Волхова и Ладоги, многое перенес. Собственными глазами я увидел следы злодеяний фашистов — искалеченные дома и дворцы, женщин, оставшихся вдовами, детей — сиротами». И далее Шалипбаев говорил о наказе ленинградцев без устали уничтожать фашистских гадов, о том, что, выполняя этот наказ, он уже уничтожил 50 гитлеровцев и будет уничтожать их еще настойчивее.

Подобные рассказы побывавших в городе производили исключительно сильное впечатление на бойцов.

В начале сентября 1943 года к нам в армию приехал заместитель начальника политуправления Ленинградского фронта, чапаевец, опытный партийный работник, полковник Виктор Александрович Калмыков. Он побывал в частях, познакомился с работой политаппарата. Особенно тщательно проверял деятельность отделения агитации и пропаганды. Виктор Александрович порекомендовал улучшить обобщение и распространение накопленного опыта партийно-политической работы в наступательных боях. После этого агитатором политотдела армии майором Гиренковым была написана разработка на тему: «Ленинград — город-герой. Отомстим за раны Ленинграда!» Подполковник Эдельштейн подготовил лекцию о боевом пути 2-й ударной армии. Инструктор по печати обобщил опыт работы дивизи-

онных газет в операции по прорыву блокады. Мною совместно с другими товарищами был написан доклад об опыте агитационно-пропагандистской работы в наступлении. Работники оргинструкторского отделения обобщили опыт работы парторгов рот, заместителей командиров батальонов и полков по политической части, политотделов соединений.

В обобщении опыта партийно-политической работы много помог заместитель начальника политического отдела 2-й ударной армии полковник Г. И. Середин. Член партии с 1917 года, участник Великой Октябрьской социалистической революции, империалистической, гражданской и Великой Отечественной войн, Григорий Иванович имел громадный жизненный опыт. Трудясь в прошлом в партийно-политических органах армии и на командных должностях (командовал 330-м стрелковым полком и 11-й отдельной стрелковой бригадой в период прорыва блокады Ленинграда), он основательно знал партийную и командную работу. Неторопливый, вдумчивый офицер умел найти и подсказать путь к сердцу солдата, дать человеку добрый совет, воодушевить словом. В аппарате политотдела армии, равно как и в частях, Григорий Иванович снискал себе уважение и авторитет.

Активное участие в подготовке и проведении боевых операций принимал секретарь партийной комиссии подполковник Владимир Васильевич Соловьев. Часто выезжая в части, он оказывал партийным организациям и политорганам помощь в организации и оформлении приема лучших воинов в Коммунистическую партию. Вместе с войсками армии подполковник В. В. Соловьев прошел от Невы до Эльбы.

Политотдел армии заботился о повышении идейно-теоретического уровня партийного актива, агитаторов, о вооружении их опытом агитационно-пропагандистской работы в различных видах боя. В этом деле большую помощь нам оказывали организованные политуправлением фронта семинары при Ленинградском Доме офицеров. На них слушали доклады и лекции таких опытных пропагандистов, как В. А. Калмыков, М. В. Медведев, Л. Н. Доброжинский и др. Мы систематически направляли в Ленинград для работы в Доме партийного просвещения и Доме офицеров лекторов и агитаторов армии, где они знакомились с новой литературой, документами.

С бывальыми воинами-орденоносцами проводились совещания, на которых выступали члены Военного совета, командиры соединений и частей, партийно-политические

работники. Участники этих совещаний затем проводили беседы с бойцами, рассказывали о том, как бьют врага, учили боевому мастерству.

Обучение агитаторов, коммунистов проведению политической агитации среди солдат велось на опыте работы лучших взводных агитаторов. Так, например, широко пропагандировался опыт взводного агитатора 63-й гвардейской стрелковой дивизии рядового Дмитриева, который в летних боях 1943 года умело сочетал пламенное большевистское слово с личным примером мужества и отваги.

Перед одной из контратак гитлеровцев Дмитриев проверил свое оружие и попытал у соседа:

— А твой «максим» готов?

— Воды в кожухе нет,— признался тот.

— Почему раньше не подумал об этом? — спросил агитатор и протянул свою флягу пулеметчику.

— На, заливай в кожух. Я потерплю, а пулемет без воды долго не протянет. Оружие всегда должно быть в порядке.

Пример агитатора подействовал. Один за другим солдаты, слышавшие этот разговор, подали свои фляги. Контратака фашистов была отбита. В этом бою Дмитриев показал личный пример мужества, находчивости и умения бить врагов. В период короткой передышки, обращаясь к молодому бойцу, немного оробевшему при виде фашистского танка, Дмитриев сказал:

— Хоть танк и железный, а струсил. А мы не сплеховали и выстояли, живыми остались. А вот он,— агитатор указал рукой на убитого бойца,— погиб. Почему, спрашивается, погиб? Потому что назад подался, живым хотел остаться, спину врагу показал. Зря погиб. Трусу народ никогда не простит. Пуля любит догонять убегающего.

Агитатор подбадривал и учил бойцов. Когда фашисты предприняли новую контратаку, никто из них не растерялся. Зарывшись в землю, гвардейцы дружно били по нападавшему врагу. И когда гитлеровцы дрогнули, Дмитриев крикнул:

— Смотрите, драпают. Догоняй их, братцы, бей! Вперед! — И сам первым выскочил из окопа.

В разработке политотдела «Содержание, формы и методы политической агитации в наступлении» был подробно изложен опыт агитатора Дмитриева. На нем агитаторы армии учились ведению политической работы в бою.

В разгар подготовки войск к окончательной ликвидации блокады Ленинграда командующим 2-й ударной армией был назначен генерал-майор И. И. Федюнинский. Назначен-

ние в войсках было воспринято с большим удовлетворением. Командиры, политработники да и многие солдаты знали Ивана Ивановича как боевого, очень опытного и талантливое военачальника. Нам было известно, что И. И. Федюнинский участвовал в гражданской войне и в боях на реке Халхин-Гол. В 1939—1940 годах он вместе с другими крушил линию Маннергейма. Великая Отечественная война его застала на западной границе Украины в должности командира корпуса. В сентябре 1941 года И. И. Федюнинский назначается командующим 42-й армией Ленинградского фронта, сыгравшей важную роль в обороне города. Позднее И. И. Федюнинский командовал войсками 54-й армии, прорывавшей блокаду Ленинграда.

Осенью 1943 года 2-я ударная армия была переброшена на Приморский плацдарм, или, как его тогда называли, Ораниенбаумский «пятак». Этот маневр представлял собой очень важную часть подготовки к разгрому врага под Ленинградом. Политические органы и партийные организации в этот период провели в войсках большую работу. Задача была блестяще выполнена. Передислокация прошла организованно, почти без потерь и втайне от врага. Исключительно высок был моральный дух войск. Солдаты и офицеры самоотверженно работали во время погрузочных и разгрузочных работ.

Основные задачи и цели партийно-политической, идейно-воспитательной работы в период подготовки войск к снятию блокады и по разгрому немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом были определены членом Политбюро ЦК партии, первым секретарем Ленинградского обкома партии и членом Военного совета Ленинградского фронта А. А. Ждановым. 6 декабря 1943 года на расширенном заседании Военного совета фронта Андрей Александрович обратил внимание командиров и политработников на вопросы морально-политической подготовки людей, воспитание у них высокого боевого духа. Он говорил, что надо у воинов воспитывать такой наступательный порыв, чтобы солдаты, сержанты и офицеры при любых обстоятельствах добивались выполнения боевой задачи, чтобы они жили одной мыслью, одним всепоглощающим стремлением — сломить и развеять в прах врага.

Вслед за этим было проведено совещание политработников соединений и частей армии. Готовясь к предстоящим боям, политорганы учитывали некоторые существенные особенности личного состава 2-й ударной в тот период. Дело в том, что соединения и части по своей подготовке и боевому опыту были далеко не однородными. Часть войск

имела значительный опыт наступательных боев зимой и осенью 1942 года, также при прорыве блокады Ленинграда. Другая часть имела незначительный боевой опыт. В армию входили и такие соединения (например, 48-я стрелковая дивизия, 71-я и 50-я стрелковые бригады, 16 УР), которые никакого опыта наступательных боев не имели, до января 1944 года находились в обороне.

Длительное пребывание в обороне породило у некоторых бойцов определенное настроение. Задача состояла в том, чтобы воспитать у всего личного состава высокий наступательный порыв. В целях выполнения этой задачи Военный совет и политотдел армии организовали изучение всеми офицерами и солдатами опыта прошедших наступательных боев 67-й и 2-й ударной армий, а также наступательных боев под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге. Мы считали также, что одним из важных условий успешной подготовки войск к разгрому врага под Ленинградом является укрепление ротных партийных и комсомольских организаций. В стрелковые роты направлялись коммунисты и комсомольцы из подсобных, обслуживающих подразделений. Была усилена работа среди беспартийных. Лучшим из них, отличившимся в боях солдатам, сержантам и офицерам помогали подготовиться к вступлению в партию. В результате ротные партийные и комсомольские организации выросли и окрепли. В некоторых соединениях коммунисты и комсомольцы составляли до 30 процентов личного состава. В отдельных дивизиях насчитывалось до 2 тысяч членов и кандидатов партии.

За несколько дней до начала наступления в дивизиях первого эшелона, выдвинутых на направление главного удара, были проведены инструктивные совещания с политработниками. На них рассказывалось, что и как надо сделать в оставшиеся до наступления дни и часы. Участникам совещаний были розданы тексты лозунгов-призывов, рассчитанных на весь период боя: на прорыв обороны, бой в ее глубине и период преследования.

Вот некоторые из призывов на первый период действий войск: «Вперед, доблестные воины, за полное освобождение советской земли от немецких захватчиков!», «Освободим полностью город Ленина от фашистской блокады!», «Ожесточи свое сердце, воин! Пусть смертью расплатится враг за кровь ленинградцев!», «Бей, чтобы взвыла фашистов орда! Русские прусских бивали всегда!», «Идя в сражение, сочетай огонь и движение. Сблизься с врагом — в атаку бегом! Началась схватка — уничтожай врага без остатка! Бей, коли, режь! Закрепляй занятый рубеж!»

Участникам совещаний вручались бланки листовок-«молний» и благодарственных открыток.

Накануне наступления во всех частях армии были проведены митинги. На них выступали солдаты, сержанты, офицеры. Митинги прошли под девизом: «Разгромим врага, отомстим за раны Ленинграда!» Среди личного состава чувствовался необыкновенный подъем. Командир 286-го полка 90-й стрелковой дивизии подполковник Фоменко на митинге взял в руки Боевое Знамя полка, опустился на колени и громко произнес: «Клянемся отомстить за раны Ленинграда!» Священную клятву повторил весь полк. Бойцы при этом поднимали винтовки над головой, а затем целовали свое оружие. Аналогичное происходило во всех полках 90-й стрелковой дивизии, командиром которой тогда был полковник Н. Г. Лященко.

Замечено, что больше всего рядовые и командиры подавали заявления о приеме их в партию в тяжелые месяцы войны, особенно накануне боев. М. И. Калинин так объяснил это: «Все чувствуют, что надо усилить партию. Все знают, что наша партия — руководитель, что только могучая, сильная партия может обеспечить народу победу. И когда красноармеец видит, что он будет участником тяжелого боя, он подает заявление о вступлении в партию, желая идти в бой коммунистом. Это великая сила нашей партии, Советского государства. Массы хорошо знают, что у них один путь с партией»¹.

В 90-й стрелковой дивизии за несколько часов до атаки 182 воина подали заявления с просьбой принять их в партию. Вот что писал в своем заявлении перед боем ленинградский рабочий рядовой К. А. Рогаткин: «Третий раз вступая в бой под ленинским знаменем, прошу принять меня в ряды большевиков. Жена моя и трое детей умерли от голода в Ленинграде в 1941 году. Я должен мстить фашистам за смерть семьи, за разрушения родного города, за ущерб, причиненный фашистами моей Родине. Если придется погибнуть в бою, прошу считать меня коммунистом».

14 января 1944 года наступление началось. В первый день войска армии прорвали оборону противника и продвинулись на 4 километра. Фашистские войска ожесточенно сопротивлялись. В день приходилось отбивать по 20—30 контратак. Партийно-политические работники находились в самой гуще солдатских масс, там, где решался успех боя, где возникали те или иные трудности.

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., Молодая гвардия, 1947, с. 125.

406-й полк 124-й стрелковой дивизии оказался 14 января в невыгодном положении. Перед ним простиралась открытая поляна, на преодоление которой под огнем противника требовалось 10—12 минут. Незадолго до атаки на передний край пришел агитатор полка старший лейтенант Земсков. Ему стало известно, что солдаты и офицеры не были уверены в выполнении боевой задачи, так как противник после переноса нашего артиллерийского огня мог стрелять по атакующим цепям из неподавленных огневых точек. Политработник посоветовался с командиром полка, и было принято решение начать наступление за 10 минут до окончания артподготовки, с тем чтобы успеть за это время преодолеть открытую местность и сблизиться с врагом. Приказ об этом пошел в подразделения, а старший лейтенант Земсков в это время побеседовал с личным составом о том, как надо следовать за огневым валом, прижимаясь к нему возможно плотнее.

За 10 минут до начала общего наступления бойцы полка дружно поднялись в атаку. Траншеи врага были заняты почти одновременно с переносом артогня в глубину обороны противника. Полк почти без потерь выполнил ближайшую боевую задачу.

Агитатор шестой роты 308-го полка 98-й стрелковой дивизии коммунист Брагин был ранен еще на исходном рубеже, но с поля боя не ушел. Он вместе со своей ротой пошел в атаку. Когда бойцы залегли под сильным огнем врага, Брагин поднялся во весь рост и с призывом: «За Ленинград, за Родину!» увлек за собой роту. Стремительным броском бойцы овладели траншеями врага.

Фашисты бросили в бой два танка и автоматчиков. И тогда боевые товарищи снова слышали ободряющие слова агитатора: «Бей и поджигай фашистские танки!» Контратака была отбита, и рота на плечах противника значительно продвинулась вперед.

В бою за Гостилицы мужество проявил личный состав батареи 286-го полка 20-й стрелковой дивизии. Противник был выбит из населенного пункта, но попытался вновь занять село. Этого не допустил расчет артиллерийской батареи. Артиллеристы сражались до последнего. Вышел из строя почти весь расчет. Остался один командир орудия — сержант Морозов. Раненый, он продолжал вести огонь и отбил контратаку противника. За этот подвиг сержанту Морозову было присвоено звание Героя Советского Союза. Агитаторы полка передавали по цепи листки «молнии» с сообщением о подвиге сержанта Т. И. Морозова.

15 января из района Пулкова в направлении Красного

Села, Ропши начали наступление войска 42-й армии. Политотдел 2-й ударной армии дал указание политорганам немедленно информировать об этом личный состав подразделений и частей. Надо сказать, что и политические органы 42-й армии использовали сообщения об успехах 2-й ударной армии в целях мобилизации войск на выполнение боевой задачи. Так, начальник политотдела 45-й гвардейской дивизии подполковник Ларин в ночь на 15 января 1944 года направил в войска телефонограмму: «Заместителям командиров полков и батальонов по политической части. Немедленно доведите до всего личного состава, что войска 2-й ударной армии, перейдя в решительное наступление, прорвали линию обороны противника на широком фронте и успешно продвигаются вперед на соединение с войсками нашей армии. Войска Белорусского фронта под командованием генерала Рокоссовского штурмом взяли областной центр Белоруссии город Мозырь и важный опорный пункт, город и железнодорожный узел Калинковичи, а также несколько других населенных пунктов».

И в последующие дни политические органы армий информировали подразделения об успехах войск Ленинградского фронта, о положении на других фронтах. А политработники 2-й ударной армии ежедневно сообщали воинам о расстоянии, отделявшем их от наступающих войск 42-й армии. 18 января это расстояние сократилось до пяти километров. Сообщения еще выше поднимали моральный дух личного состава, звали советских бойцов на преодоление трудностей.

Во время боя до личного состава доводились также сведения о награждении отличившихся воинов орденами и медалями. Так, только в 90-й дивизии в первый день боя было награждено более 100 солдат и офицеров. Двадцати из них вручили награды на поле боя. Об этом знали все бойцы дивизии.

В первый день боя в той же дивизии было послано 18 писем семьям отличившихся и 26 благодарностей-открыток. В одной из таких открыток командир полка подполковник Пудов написал сержанту Мамину: «Благодарю за отличную стрельбу прямой наводкой и уничтожение пулеметного дзота противника с его прислужгой. Этим самым вы обеспечили успешное продвижение пехоты. Смерть немецким оккупантам!»

А сержанту Серову на поле боя была вручена такая открытка: «Тов. Серов! Ваши самоотверженные действия в бою высоко оценило командование и поздравляет Вас с награждением медалью „За отвагу“!»

Благодарственные открытки часто передавались по цепи, через связных. Они зачитывались в перерывах между боями. И конечно же, принимались очень хорошо. Рядовой 196-й стрелковой дивизии Мезин в бою проявил находчивость. Он личным примером увлекал товарищей в атаку. Будучи раненым, продолжал сражаться с фашистами. В открытке командование поблагодарило его. Кроме того, сообщалось, что он представлен к награде. Уже после боя по пути в медсанбат начальник политотдела спросил у воина: «Ну, как воевал?» Мезин вынул из нагрудного кармана гимнастерки открытку и протянул ее полковнику: «Вот как я воевал. Буду хранить ее всю жизнь».

Распространенной формой популяризации отличившихся в бою явились листки-«молнии». Написанные непосредственно на поле боя командиром подразделения, парторгом или агитатором, они обычно вкладывались в патронную гильзу и перебрасывались от одной группы бойцов к другой или от одного бойца к его ближайшему соседу. Об одном из таких случаев рассказал агитатор 708-го полка А. Масютин в армейской газете 27 января 1944 года: «„Эй, товарищ, прочти и передай дальше!“ Боец Чувашев оглянулся на голос, поднял патронную гильзу, упавшую возле него, и вытащил из нее свернутый листок. Прочитав написанное, перекинул гильзу соседу. Так все бойцы в цепи ознакомились с содержанием листка-«молнии», в котором было написано: „Товарищи бойцы! Сегодня наши разведчики, встретившись с фашистами, смело напали на них. 4-х взяли в плен, а 2-х убили. В этом бою отличились сержант Масалов, рядовые Соцков и Курочкин. Товарищ боец! Действуй смело и умело, так, как наши разведчики“».

Листки-«молнии» сыграли немаловажную роль в воспитании ненависти к немецко-фашистским извергам. Артиллерист, бывший рабочий Кировского завода Михайлов Сергей Александрович, будучи тяжело ранен, попал в плен. Над пленными советскими воинами фашисты издевались, а потом расстреливали. Но Сергею Михайлову удалось уцелеть. Он выполз из кучи расстрелянных и пробрался к своим. В полку Михайлов рассказал о случившемся своим товарищам. Листовку об этом мы напечатали значительным тиражом. Михайлов рассказал в этой листовке: «Товарищи дорогие! Вот что сделали со мной немцы-душегубы! Они меня истязали, потом разделли и повели на расстрел. Я три часа лежал в снегу. Они загубили мою семью, а теперь выпили и у меня кровь. У меня нет сил, чтобы самому подробно описать, как издеваются они над нашими тяжело ранеными воинами, попавшими к ним в плен. Я

рассказал о немецких злодеяниях нашим офицерам. Пусть они с моих слов расскажут обо всем. Одно скажу: они — изверги. Какую казнь им придумать, какую местью им отомстить? Не щадите их, уничтожайте, как бешеных собак!»

При отступлении гитлеровцы взрывали дороги, мосты, сжигали деревни, в руины превращали города. Советских людей уводили в плен или убивали. Убивали детей, женщин, стариков. 29 января 1944 года в деревне Ямсковичи Кингисеппского района Ленинградской области фашистские изверги, отступая и мстя за свои военные неудачи, совершили чудовищное преступление. В акте, опубликованном газетой «Отважный воин» 1 февраля 1944 года, говорилось:

«У часовни, раскинув руки, с открытыми мертвыми глазами лежала 2-летняя девочка, заколотая штыком гитлеровцев. Рядом — ее мать Вера Тимофеевна. Немного поодаль лежали: 60-летний Павел Слепнев с залитым кровью лицом, с разбитой головой, его жена Екатерина Слепнева 50 лет и бабушка Екатерина Петровна 84 лет. Это были родные прославленного летчика нашей страны, Героя Советского Союза Маврикия Слепнева.

У Марфы Юлаевой руки и ноги порезаны ножом. Девочка 4-х лет настолько была изуродована, что ее невозможно было опознать. 14-летняя Рая Крамер лежала мертвая, рядом со своей матерью. Они были изнасилованы, а затем убиты штыком в лоб».

У часовни, где лежали жертвы фашизма, были проведены митинги, на одном из которых политработник 18-й артиллерийской дивизии лейтенант Глушаницкий сказал:

— Товарищи! Что мы видим здесь, навсегда запомнит каждый. Мы часто смотрим в лицо смерти. Но сейчас, когда перед нами двухлетняя девочка, которая никогда больше не позовет своей матери, у нас, фронтовиков, слезы. Скажу коротко. Мы запомним все это. И отомстим. А сейчас — вперед! Вперед за полное освобождение нашей земли от гитлеровских мерзавцев. Смерть фашистским оккупантам!..

Гражданин села Ямсковичи, свидетель этих чудовищных злодеяний Александр Степанов, сказал на митинге:

— Граждане, советские люди! Перед вами стоит православный священник. Злодеяния, которые совершили отступающие немцы, повергают в плач, стон и горе. Вот труп Павла Харитоновича Слепнева. На крыльце окровавленная старуха Екатерина Слепнева. Она спаслась от случайных пуль, а попала под расстрел. Милая, хорошая девочка,

четырнадцатилетняя Рая Крамер, рядом со своей матерью. Они убиты в лоб штыком. Их двадцать четыре. За что? Какая их вина? Они не захотели идти в немецкое рабство. Позор палачам! Граждане! Русские патриоты! Преклоните головы над трупами этих безвинных страдальцев. Разделите нашу скорбь! Сомкнитесь тесными рядами за освобождение всей русской земли.

Запись траурного митинга была передана через громкоговорящую установку. Мне рассказывали потом, какое потрясающее впечатление производила эта передача на воинов. Многие солдаты клялись друг другу беспощадно мстить фашистским извергам.

Наше мщение носило классовый характер. Мы мстили фашистам, пришедшим к нам в качестве завоевателей, работодателей советских людей. Мы выполняли призыв нашей партии, нашего народа — «Смерть немецким оккупантам!». Мщение гитлеровцам за все их злодеяния на нашей земле было тогда нашим оружием. Однако мы, мирные люди, сегодня не призываем к мести. Наш девиз: «Мы призываем преодолеть кровавое прошлое Европы не для того, чтобы забыть его, а для того, чтобы оно никогда не повторилось!»

* * *

Партия коммунистов направляла своих сыновей и дочерей на самые ответственные и опасные участки. Во имя защиты социалистической Отчизны члены ленинской партии, если требовало дело победы, шли на смерть, жертвовали своей жизнью. Прекрасный девиз, выдвинутый рабочими-коммунистами нашего города в период Великой Октябрьской социалистической революции «Смерть или победа!», стал достоянием миллионов советских людей. Во время сражений за окончательное снятие блокады великие подвиги совершили коммунисты старший лейтенант А. И. Спирин и старший сержант И. К. Скуридин, которым посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Бой за населенный пункт Дятлицы отличался особым ожесточением. Гитлеровцы оборонялись здесь с яростью обреченных не только потому, что эта деревня являлась сильно укрепленным пунктом, но и потому, что через нее они хотели выводить войска стрелнинско-петергофской группировки, которой грозило полное окружение. На помощь нашим атакующим пехотинцам пришли танкисты старшего лейтенанта Александра Спирина. Командир роты Спирин решил направить свой танк прямо на деревню, а другим приказал обойти Дятлицы с тыла и ударить од-

новременно. Александр Спирин уже до этого уничтожил один вражеский танк, 16 орудий, 13 пулеметов и много дзотов. В Дятлицах он уничтожил еще несколько орудий и дзотов, поджег тяжелый вражеский танк. Но у фашистов было много танков. Они вывели из строя машину Спирина. Экипаж, за исключением командира, погиб. Александру удалось вылезти из танка, он стал отстреливаться. Когда подоспели товарищи, на теле павшего командира было обнаружено 16 ран. Вокруг танка героя валялось 60 фашистских трупов.

Вдохновленные героическим подвигом Александра Спирина, советские воины усилили штурм. Дятлицы были взяты в тот же день.

Таким же ожесточением отличались бои за крупный населенный пункт Кипень. Через это большое село, как и через Дятлицы, фашистское командование выводило из-под угрозы окружения свои войска. На пути к Кипени находилась деревня Сокули. Шестой роте 4-го полка 98-й дивизии была поставлена задача — отвлечь на себя огонь противника и дать возможность другим подразделениям полка ударить по северной окраине Сокули.

Против шестой роты действовало четыре огневых точки противника. Три из них были ранее подавлены нашей артиллерией, а четвертая внезапно открыла огонь. Рота залегла. И вот тогда комсорг роты старший сержант Иван Скуридин незаметно подполз к дзоту и стал забрасывать его гранатами. Однако пулемет врага продолжал вести губительный огонь. Гранат больше не осталось, а медлить было нельзя. Поднявшись во весь рост, с возгласом «За Ленинград, товарищи!» Скуридин бросился на огневую точку и своим телом закрыл ее амбразуру. Тотчас же бойцы стремительно ворвались на позиции врага и овладели населенным пунктом.

О подвигах Александра Спирина и Ивана Скуридина на другой же день узнала вся армия. Политотдел выпустил специальную листовку. Рассказала о подвигах воинов и армейская газета.

19 января 1944 года войска 2-й ударной армии овладели Ропшей, а части 42-й армии освободили Красное Село. Вечером этого дня в районе Русско-Высоцкое подвижные части Ленинградского фронта встретились и по-братски обнялись. На коротком митинге они поклялись еще сильнее наносить удары по врагу.

В ходе наступления с 14 по 27 января войска Ленинградского и Волховского фронтов при активном содействии 2-го Прибалтийского фронта и Краснознаменного Балтий-

ского флота овладели городами Петергофом, Стрельной, Ропшей, Красным Селом, Пушкином, Новгородом, Слуцком, Красногвардейском и вышли на рубеж реки Луга, в некоторых местах форсировали ее. Ленинград был окончательно освобожден от блокады. 27 января 1944 года артиллерийский салют возвестил миру об исторической победе под Ленинградом.

На заседании Ленинградского Совета при вручении городу-герою ордена Ленина 26 января 1945 года М. И. Калинин говорил, что пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы — мужчины и женщины, старики и дети, — это великое дело, дело Ленина, — никогда не изгладится из памяти самых отдаленных поколений.

* * *

На очереди было освобождение от гитлеровских захватчиков Советской Эстонии. Прибалтика для фашистской Германии имела огромное военно-стратегическое, политическое и экономическое значение. Она прикрывала Восточную Пруссию с северо-востока. Через Прибалтику гитлеровцы связывались с Финляндией, Швецией, Норвегией. Удерживая ее, враг продолжал сковывать действия нашего Военно-Морского Флота.

Через представителей ЦК Компартии Эстонии нам было известно о боевых действиях партизан в тылу немецко-фашистских войск на оккупированной советской территории. Партизанское движение резко усилилось после создания республиканского штаба, которым руководил ЦК Коммунистической партии Эстонии. Штаб координировал разведывательную и диверсионную деятельность партизанских отрядов, организовывал их взаимодействие с частями Красной Армии. Партизаны Эстонии вели борьбу против немецко-фашистских захватчиков и их пособников.

В дни, предшествовавшие освобождению Эстонии, работники политаппарата армии рассказывали воинам об исторических судьбах русского и эстонского народа, их длительной совместной борьбе против агрессоров. Политические органы Ленинградского фронта теснейшим образом контактировали с ЦК Коммунистической партии Эстонии. При Военном совете и политуправлении Ленинградского фронта, а также и при политотделе 2-й ударной армии находились члены ЦК Коммунистической партии Эстонии и члены правительства Эстонской республики. Вместе с начальником политотдела 8-го эстонского стрелкового корпуса полковником А. А. Пуста мы разрабатывали планы

политического обеспечения операции по освобождению Советской Эстонии. После освобождения Нарвы мы совместно выпустили листовку, которая называлась: «Вперед на запад, за полное освобождение Советской Эстонии!» В ней говорилось: «Нарва наша! Но что фашисты сделали с этим красивейшим городом Советской Эстонии! В нем ни одного целого здания. Город мертв. Его умертвили проклятые гитлеровцы!» Воины 2-й ударной армии и 8-го эстонского стрелкового корпуса призывались к отмщению.

В период боев за освобождение Советской Эстонии командиры, политработники, агитаторы использовали богатый опыт пропагандистской работы, накопленный в наступательных боях.

Завершающие бои по освобождению Советской Прибалтики начались 14 сентября 1944 года. 17 сентября с тартуского участка перешли в наступление войска 2-й ударной армии. На ее правом фланге вдоль западного побережья Чудского озера наступал 8-й эстонский стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Л. А. Пэрна. 19 сентября двинулась вперед 8-я армия. 20 сентября две армии Ленинградского фронта встретились и начали преследовать противника в западном и юго-западном направлениях. 22 сентября Таллин — столица ЭССР — был освобожден войсками 8-й армии.

Лейтенант И. Т. Лумисте из эстонского стрелкового корпуса установил красный флаг над древней башней Тоомпеа. Бойцы 14-го полка 72-й стрелковой дивизии водрузили красное знамя над зданием Верховного Совета Эстонской ССР. Соединениям и частям, отличившимся в боях за Таллин, было присвоено наименование «Таллинских».

24 ноября 1944 года эстонская земля была полностью освобождена от иностранных поработителей. К этому времени была очищена от врага почти вся территория и других Прибалтийских советских республик. Наша государственная граница, вероломно нарушенная гитлеровцами 22 июня 1941 года, была восстановлена на всем ее протяжении от Черного до Баренцева моря.

Политорганы армии развернули широкую пропаганду успехов советских войск, героического труда рабочих, колхозников, нашей интеллигенции. Работники отделения агитации и пропаганды политотдела армии разработали методические пособия «Исторические победы Красной Армии на фронтах Отечественной войны» и «Великий подвиг советского народа в Отечественной войне», которые были отпечатаны и разосланы в дивизии. Были проведены семи-

нары взводных агитаторов, партторгов рот с разъяснением задач, которые были поставлены в приказе № 220 Верховного Главнокомандующего от 7 ноября 1944 года.

В ноябре 2-я ударная армия выходила из состава Ленинградского фронта. Военный совет фронта издал по этому поводу приказ. Он зачитывался во всех частях армии. В приказе была дана высокая оценка боевым действиям армии. В нем подчеркивалось, что 2-я ударная армия прошла славный боевой путь на Ленинградском фронте, Боевые Знамена ее частей овеяны славой. Ленинград и Советская Эстония всегда будут свято хранить в памяти боевые заслуги доблестной 2-й ударной армии и ее героических воинов — верных сынов Отечества.

В конце 1944 года 2-я ударная армия перебазировалась в Польшу. В районе Острав-Мазовецкой ее войска готовились к наступлению на Восточную Пруссию.

На территории Польши было обнаружено много лагерей смерти, в которых содержались и умерщвлялись польские патриоты и патриоты других стран. Факты зверств фашистов широко использовались в работе с личным составом частей и подразделений армии. Как стало известно позже, в Польше фашисты организовали 3890 лагерей смерти. В них находились 18 миллионов человек из 30 стран Европы. 11 миллионов человек были сожжены в топках, заживо закопаны, погибли в застенках от пыток и голода.

Наступление на врага в Восточной Пруссии 2-я ударная армия начала 14 января 1945 года. Стремительный темп продвижения был отличительной чертой этой операции. За короткое время войска армии заняли 2 тысячи населенных пунктов, в том числе города Цеханув, Дейтш-Айлау, Христобург, Мариенбург. Немного позднее была взята крепость Эльбинг. Восточная Пруссия, в прошлом исконная славянская территория, захваченная немецкими баронами, усилиями 3-го и 2-го Белорусских фронтов при содействии Краснознаменного Балтийского флота была очищена от фашистов.

По поводу замечательных боевых успехов проводились митинги, беседы. Лекторы политотдела рассказывали воинам об огромном значении победы советских войск в Восточной Пруссии. Однако враг продолжал ожесточенно сопротивляться, и требовалось новое напряжение, чтобы добить его в собственном логове. Мне помнится, как стремились советские воины вперед: «Скорей бы дойти до Берлина и уничтожить осиное гнездо фашистов!»

30 апреля 1945 года пал город Грайфсвальд. В начале

мая наши войска с боем заняли город Штральзунд, а 5 мая капитулировал гарнизон на острове Рюгене. На этом закончились боевые действия 2-й ударной армии.

Ни один участник Великой Отечественной войны, ни один советский человек не забудет огромных усилий и жертв, принесенных во имя победы над самым злобным, коварным врагом всего человечества — фашизмом. Одним из важнейших условий этой победы явилось мудрое руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами страны, продуманная, непрерывно проводимая партийно-политическая работа по воспитанию у воинов высокого наступательного порыва, величайшей любви и преданности Советской Родине и жгучей ненависти к ее врагам.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

ФРОНТОВАЯ ДОРОГА

От рощи к холму, с перелеска до лога
Далеко бежит фронтовая дорога.
Она день и ночь вдаль идет неумолчной,
Досадует враг, огрызаясь по-волчьи.
Глубокие слева и справа воронки,
Но «эмки» бегут и грохочут трехтонки.
По ней, по избитой, тревожной, неровной,
По гатям, по сучьям, по щебню,
по бревнам!

Трясет, но везет!

И недаром когда-то
Ее «малярией» прозвали солдаты!
Бои отгремят, засверкает победа,
По новым дорогам солдаты поедут.
— Гудрон им под ноги! —

Но в память былого
Хвала им, хвала им за меткое слово.
Проедут и вспомнят, как жили-служили,
Как сами дорогу свою проложили,
Как сами мостили, где низко, где круто,
Как немцы ее ненавидели люто.
Живи! До победы осталось немного,
Ты, в общем, совсем неплохая дорога!

1943 г.

**ПОЛКИ
ИДУТ
НА ЗАПАД**

4

*К. П. КАЗАКОВ,
маршал артиллерии,
в 1944—1945 годах
командующий артиллерией
2-й ударной армии*

ГОРДОСТЬ АРТИЛЛЕРИСТА

После успешно завершённой Сталинградской операции я докладывал о группировке артиллерии по фронтам Главному маршалу артиллерии Николаю Николаевичу Воронову. В это время зазвонил телефон. Командующий Ленинградским фронтом генерал-полковник Л. А. Говоров просил Н. Н. Воронова. После разговора Николай Николаевич долго ходил по комнате, о чем-то сосредоточенно думая. Спросил меня, чем мы располагаем на Ленинградском фронте из артиллерийских средств РВГК. Я доложил состав артиллерии фронта. Николай Николаевич снова задумался.

— Ленинградский фронт,— сказал он после паузы,— проводит большую наступательную операцию по разгрому гитлеровских войск в Эстонии. Леонид Александрович

Говоров просит назначить командующего артиллерией Второй ударной армии...

Я немедленно выразил готовность отправиться на Ленинградский фронт. Маршал строго посмотрел на меня и спросил:

— Почему вы не хотите служить начальником оперативного отдела штаба артиллерии Красной Армии?

Я поблагодарил маршала за доверие и сказал, что мне хотелось бы снова вернуться на самостоятельную работу в строй.

Николай Николаевич спросил, знаю ли я генерала Федюнинского. Заметил: у него сложный характер, с ним не просто сработаться. Я доложил, что имел честь поддерживать его корпус в начале войны на Юго-Западном фронте в составе 5-й армии и знаю его боевые качества, а все остальное, мол, обретется в бою.

Н. Н. Воронов помолчал, а потом начал разговор на отвлеченные темы. Вскоре он, однако, вернулся к интересовавшему нас обоим вопросу:

— Итак, вы хотите получить назначение командующим артиллерией Второй ударной армии?

Мое новое назначение состоялось.

Вечером 2 июля 1944 года я был в штабе Ленинградского фронта и сразу же был принят Л. А. Говоровым. С этих пор военная судьба надолго связала меня с этим выдающимся военачальником. В послевоенные годы, когда на различных должностях я служил в войсках ПВО страны, моим прямым начальником также был Леонид Алек-

ДОКУМЕНТЫ

НАРВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В февр. 1944 войска Ленингр. фронта в ходе Ленинградско-Новгородской операции 1944 захватили плацдарм на левом берегу р. Нарва в р-не г. Нарва, но овладеть городом не смогли. К началу Нарвской операции на нарвском направлении оборонялись 5 дивизий и 2 моториз. бригады операт. группы «Нарва», входившей в нем. группу армий «Север». Нем.-фаш. командование, стремясь не допустить прорыва сов. войск в Прибалтику через Нарву, подготовило здесь

мощную многополосную оборону с развитой системой траншей и ходов сообщения, большим количеством дзотов, а местами и дотов. Командование Ленингр. фронта (команд. ген. армии Л. А. Говоров) возложило осуществление Нарвской операции на войска 2-й ударной и 8-й общевойсковых и 13-й воздушной армий. К операции привлекались также часть сил Краснознам. Балт. флота (команд. адм. В. Ф. Трибуц), в т. ч. 9-я штурм. авиац. дивизия, два штурм. авиац. полка и береговая арт-я. Сов. войска превосходили пр-ка в силах в 2 раза. Замысел операции заключался в том, что-

сандрович Говоров. Поэтому о нем мне хочется сказать несколько больше.

Родился Л. А. Говоров 22 февраля 1897 года в селе Бутырки бывшей Вятской губернии, ныне Кировской области. В 1920 году вступил в Красную Армию. В рядах прославленной 51-й Перекопской дивизии Говоров проходил суровую и всестороннюю школу беззаветного служения народу. В каховских и перекопских боях был дважды ранен, награжден орденом Красного Знамени. Десять лет, до конца 1929 года, его жизнь и служба связаны с легендарной 51-й Перекопской дивизией. Пять лет из них он командовал артиллерийским полком, затем был начальником артиллерии этой дивизии.

Весной 1936 года в Красной Армии учреждается Академия Генерального штаба для подготовки высшего командного состава. Комбриг Говоров стал слушателем этой академии, учился вместе с будущими прославленными военачальниками Великой Отечественной войны А. М. Василевским, И. Х. Баграмяном, А. И. Антоновым, Н. Ф. Ватутиным, М. В. Захаровым, В. В. Курасовым, Г. К. Маландиным.

Участие комбрига Л. А. Говорова в советско-финляндской войне 1939—1940 годов отмечено в его послужном списке кратко, как сравнительно незначительный эпизод: должность — начальник штаба артиллерии 7-й армии; в конце кампании награжден орденом Красной Звезды.

Накануне Великой Отечественной войны генерал-майор Говоров был назначен начальником Военно-артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского.

ДОКУМЕНТЫ

бы одновременно ударами с с. через р. Нарва силами 2-й ударной и с ю., с нарвского плацдарма, 8-й армией выйти в тыл группировки пр-ка, оборонявшей г. Нарва, окружить и разгромить ее, освободить город...

Наступление началось 24 июля. Первыми после арт. и авиац. подготовки нанесли удар войска 8-й армии. Их продвижение в сев.-зап. направлении создало угрозу путям отхода пр-ка и вынудило нем.-фаш. командование начать отход своих войск из-под Нарвы. В связи с этим с утра 25 июля, не ожидая выдвигания соединений 8-й армии на предусмот-

ренный планом рубеж (в р-не Аувере), в наступление перешла 2-я ударная армия. Ее соединения при мощной поддержке арт-и и авиации, а также кораблей КБФ форсировали Нарву, овладели зап. берегом реки и, развивая успех, к утру 26 июля при содействии войск 8-й армии освободили г. Нарва — важный узел обороны пр-ка на путях в сов. Прибалтику. В ходе дальнейшего наступления сопротивление врага резко возросло, и сов. войска, отбросив его на 20 км к з. от Нарвы, прекратили наступление. В результате Нарвской операции сов. войска нанесли поражение

Талант и мужество Л. А. Говорова как полководца наиболее ярко проявились в боях и сражениях Великой Отечественной войны. В июле 1941 года генерал-майор артиллерии Говоров командует артиллерией Западного фронта, а в октябре — 5-й армией, прикрывавшей одно из центральных направлений на подступах к Москве — Можайское. Контрнаступление советских войск под Москвой означало провал планов гитлеровского командования по овладению столицей нашей Родины. Важная роль в наступательных операциях по разгрому Можайско-гжатской группировки противника принадлежала соединениям, руководимым Говоровым.

В апреле 1942 года Л. А. Говоров назначается командующим войсками Ленинградского фронта. Он тщательно изучает узловые события борьбы за Ленинград — ожесточенные бои под Пулковом, Шлиссельбургом, на невском плацдарме. В январе 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов разрывают кольцо блокады, а ровно через год эти фронты, как два огромных молота, наносят удары по врагу и довершают разгром гитлеровских войск у стен города-героя, чем было положено начало разгрома всего северного крыла Восточного фронта гитлеровцев. Для полководца Говорова начался новый этап победных сражений: на западе и юге — под Нарвой и Псковом, на севере — на Карельском перешейке...

В беседе со мной командующий фронтом изложил свои соображения по Нарвской операции: одновременными ударами с севера через р. Нарва силами 2-й ударной армии и с юга, с нарвского плацдарма, 8-й армии выйти в тыл

ДОКУМЕНТЫ

нарвской группировке пр-ка, значительно расширили плацдарм на левом берегу Нарвы и улучшили свое операт. положение для последующего удара в целях освобождения сов. Прибалтики. Своим наступлением они содействовали развитию успеха 3-го Прибалт. фронта на тартуском направлении... За умелые боевые действия и героизм личн. состава 28 частей и соединений были удостоены почетных наименований Нарвских, 6 награждены боевыми орденами.

Советская военная энциклопедия

В БОЯХ ЗА НАРВУ ОТЛИЧИЛИСЬ...

В боях за Нарву отличились 117-й стрелковый корпус, 191-я и 131-я стрелковые дивизии, 16-й укрепленный район, 113-я и 276-я бомбардировочные авиационные дивизии, 2-й гвардейский истребительный авиационный корпус и 9-я штурмовая авиационная дивизия КБФ.

[Из «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа»]

группировке противника, оборонявшей г. Нарва, окружить и разгромить ее, освободить город.

Представившись членам Военного совета А. А. Жданову и А. А. Кузнецову, я убыл в район Кингисеппа, где был штаб 2-й ударной армии, и сразу же приступил к работе с начальником штаба армии генералом Петром Ивановичем Кокоревым — умным и рассудительным человеком. Петр Иванович ознакомил меня с обстановкой, задачами армии и артиллерии.

За время наступательной операции, начавшейся 14 января 1944 года, 2-я ударная армия прошла с боями до 130—150 километров. Была освобождена часть эстонской территории. В ходе наступления было нанесено тяжелое поражение 18-й фашистской армии.

В результате изучения противника было установлено, что гитлеровцы перед передним краем установили проволочные заграждения в несколько рядов и по всему фронту растянули спираль Бруно. Танкоопасные направления прикрыты противотанковыми рвами шириной до 3—5 метров. Город Нарва с его двумя крепостями на правом и левом берегах реки был превращен противником в мощный узел сопротивления, и наступать в лоб не имело никакого смысла. Ширина р. Нарва колебалась от 200 метров в южной части города до 600—700 метров у Финского залива. Глубина реки не меньше 5 метров.

Мне пришлось в течение пяти дней систематически наблюдать за расположением боевых средств противника. Мой наблюдательный пункт размещался на дереве. Я имел один подручный дивизион и лично командовал им, ведя

ДОКУМЕНТЫ

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

Вторая ударная армия в составе войск фронта сыграла большую роль в снятии вражеской блокады Ленинграда, в завоевании великой победы под Ленинградом и в боях за освобождение Советской Эстонии от немецко-фашистских захватчиков.

Победоносный путь Второй ударной армии на Ленинградском фронте отмечен блестящими успехами, а Боевые Знамена ее частей овеяны неувядаемой славой.

Трудящиеся Ленинграда и Советской Эстонии всегда будут

свято хранить в своей памяти боевые заслуги доблестной Второй ударной армии, ее героических воинов — верных сынов Отечества...

Из приказа командующего
Ленинградским фронтом
Маршала Советского Союза
Говорова Л. А.

огонь по 12—15 объектам (целям). Делал это на широком фронте. Противник, естественно, огрызнулся ответным огнем. А в это время органы инструментальной разведки за-секали позиции артиллерии противника. Так нам удалось за короткое время засечь более 100 орудий и батарей противника.

Как-то в хороший ясный день я, как обычно, сидел на дереве и не заметил, как по траншее к наблюдательному пункту подошел член Военного совета фронта А. А. Жданов.

— Что это вы, Казаков, задумались?

Я растерялся от неожиданности, а потом ответил:

— Как же не задуматься? Орудий в армии более трех с половиной тысячи, а снарядов на каждое орудие по восемь—десять штук.

— Так уж и быть, придется помочь,— не то в шутку, не то всерьез сказал Жданов.

Я быстро по шесту спустился вниз и доложил члену Военного совета все, что нам удалось узнать о противнике. А начальник штаба артиллерии полковник Ф. В. Горленко показал все это по схеме.

Андрей Александрович остался доволен докладом, а перед тем как уйти, сказал:

— Двести машин снарядов доставят вам за две ночи.

В июле на Военном совете рассматривался план предстоящей операции. Я докладывал об артиллерийском обеспечении боевых действий. 12 июля план артиллерийского наступления был утвержден командующим армией И. И. Федюнинским. Он приказал, чтобы вся артиллерия была готова к наступательным действиям к двадцатым числам июля.

Мы создавали мощные артиллерийские группировки в двух наступающих корпусах. Плотность огневых средств на главном направлении доходила до 200—210 орудий и минометов на 1 километр фронта прорыва.

Командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант Г. Ф. Одинцов придавал нам на операцию по форсированию р. Нарва две артиллерийские дивизии прорыва, отдельные полки и дивизионы особой мощности для разрушения сооружений противника.

Артиллерийская подготовка планировалась в течение 36 минут. Предусматривалось, что в последние 18 минут перед посадкой личного состава на переправочные средства и во время приближения войск к противоположному берегу у самого уреза воды на стороне противника будет поставлена сплошная зона артиллерийского огня. В мо-

мент приближения войск к берегу артиллерийский огонь должен сползать вперед. Между прочим, отмечу, что термин «сползание» артиллерийского огня можно было слышать только на Ленинградском фронте. И исходило это понятие от командующего фронтом Л. А. Говорова.

Выявленная артиллерия противника подавлялась специально созданной мощной артиллерийской группой контрбатарейной борьбы. Для подавления глубинных батарей и других целей были приданы корректировщики артиллерийского огня. Этот вид корректировки на Ленинградском фронте был хорошо отработан Г. Ф. Одинцовым и служил примером для всех фронтов.

Задачи артиллеристам были поставлены за два-три дня до начала операции. Все артиллерийское планирование доводилось до общевойсковых начальников — от высшего до низшего звена на общих рекогносцировках.

Необходимо отметить, что большую и скрупулезную работу по планированию проделали начальник штаба артиллерии полковник Горленко (в последующем генерал-майор), а также офицер оперативного отдела полковник Киселев. Они имели хорошую артиллерийскую подготовку, и мне всегда приятно вспоминать их и их ревностную работу в штабе артиллерии 2-й ударной армии.

Исходя из условий местности, сил и средств, командующий армией принял решение форсировать р. Нарва в более широком месте, на более доступном участке для действий войск — Кудрукюла — Васа. Оперативное построение армии состояло из двух эшелонов. В первом эшелоне — 131-я и 191-я стрелковые дивизии, во втором эшелоне — 109-й стрелковый корпус. Против г. Нарва оборону занимал 16-й укрепленный район. С освобождением г. Нарва армии предстояло наступать вдоль побережья Финского залива.

Наступила тревожная ночь с 24 на 25 июля. Вся артиллерия была приведена в полную боевую готовность. Полная тишина. Даже птицы не нарушали ее, словно почувствовали нечто необычное. Все заняли наблюдательные пункты. Показалось солнце. На реке тут и там появились всплески разыгравшихся в утренней воде рыб.

Сверили часы. Оставалось несколько минут. В 7.00, как гром, раздались первые залпы, взрывы снарядов и мин. Залп за залпом полетели в стан врага мощные артиллерийские снаряды. Все сильнее и сильнее гром артиллерийской канонады. Почти 3600 орудий и минометов на узком фронте открыли одновременно огонь. По огненным точкам, скоплению вражеской техники в глубине обороны

нанесла удар авиация. А огонь артиллерии все усиливался. Мы видели, как наши командиры и бойцы с лодками быстро выбегали из укрытий к воде, садились в лодки и отчаливали к другому берегу. В этот момент мгновенно вся наша артиллерия сосредоточила огонь по урезу воды на берегу противника. Отрадно видеть результаты точных расчетов и согласованных действий войск.

Бойцы 191-й и 131-й стрелковых дивизий высадили на берег противника своих пулеметчиков, которые заняли первые и вторые траншеи. А огонь артиллерии в это время уже бушевал в глубине обороны врага.

Командир 593-го стрелкового полка подполковник Кононенко со своими командирами батальонов и артиллеристами уже оказался на том берегу, в то время как другие лодки еще плыли по реке.

Откуда-то по лодкам открыло огонь 105-мм орудие противника. Мы видели, как 5—6 лодок опрокинулись. Бойцы, оказавшись в воде, продолжали вплавь двигаться к берегу противника. В грохоте и шуме мне было очень трудно уловить, где же находится это злополучное орудие, которое бьет во фланг наших подразделений.

Позвонил Федюнинский и высказал неудовольствие, что артиллеристы не могут уничтожить орудие противника. Я тотчас ответил, что вижу всю картину и принимаю меры, чтобы уничтожить его. В это время ко мне подбежал лейтенант Карасев со звукометрической станции и сообщил, что одно 105-мм орудие засечено на воде. «Что это за плавучая батарея противника?» — подумал я. Тут же были подготовлены координаты цели и переданы командиру армейской пушечной бригады полковнику В. Гнидину. Вскоре он сообщил, что на р. Нарва обнаружена канонерская лодка противника, которая и ведет огонь по нашим войскам.

Бригада немедленно подготовила данные и накрыла лодку тяжелыми снарядами. Мне сообщили, что лодка горит и тонет. Доложил об этом командарму.

— Откуда она появилась? — спросил он с удивлением.

— Очевидно, во время боя вошла в реку из Финского залива, — ответил я.

— Что подавили — это хорошо, — сказал командарм. — Но проверьте, нет ли там еще неожиданных целей.

К 9.00 части 2-й ударной армии полностью форсировали первым эшелоном р. Нарва, овладели первой и второй траншеями противника, а 191-я дивизия развернулась фронтом на юг и начала сматывать оборону немцев вдоль берега.

В ночь на 26 июля по наведенным саперами мостам переправилась и артиллерия 109-го стрелкового корпуса.

Рано утром 26 июля войска армии завязали уличные бои в г. Нарва. Противник поспешно отходил, и к 9 часам утра город и обе крепости были в наших руках. В боях за Нарву, освобожденную при содействии войск 8-й армии, отличились 117-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора В. А. Трубачева, 191 и 131-я стрелковые дивизии, 16-й укрепленный район, соединения ВВС.

Вечером мы с командующим И. И. Федюнинским осматривали древнейший город Эстонии, основанный еще в XIII веке, под стенами которого дрались русские войска, ведомые Петром I.

К исходу 27 июля войска армии в полном составе достигли рубежа Мульнасаре, Ластиколония и были остановлены. Наши неоднократные атаки не увенчались успехом. Ведь мы подошли к одному из самых мощных оборонительных рубежей врага. «Конечно,— говорил командующий фронтом,— мы можем прорвать эту оборону, но понесем большие потери. Какой смысл лезть в лоб?» И тогда было решено прибегнуть к обходному маневру.

Смысл маневра состоял в следующем. Из района Тарту, который был освобожден к этому времени, ударить на север вдоль западного побережья Чудского озера и выйти в тыл вражеским войскам, обороняющим рубеж «Танненберг».

К этому времени в Прибалтике продолжала действовать потерпевшая поражение под Ленинградом группа армий «Север». Она состояла из оперативной группы «Нарва», 18-й и 16-й армий, а также части сил 3-й танковой армии из группы армий «Центр». Всего насчитывалось 730 тысяч человек, 1216 танков и штурмовых орудий, 7 тысяч орудий и минометов. Эти войска поддерживало до 400 боевых самолетов.

В оперативной группе «Нарва» было два корпуса: 3-й танковый СС, оборонявшийся на перешейке между Финским заливом и Чудским озером, и 2-й армейский корпус, прикрывавший рубеж по реке Эмайыги между озерами Чудское и Выртсъярв.

Оборона противника на перешейке между Финским заливом и Чудским озером состояла из трех полос общей глубиной до 25—30 километров. Севернее Тарту — между озерами Чудское и Выртсъярв — оборона была менее развита в инженерном отношении. В ее глубине не имелось заранее подготовленных рубежей, что позволяло советским войскам после прорыва главной полосы осуществить широ-

кий и стремительный маневр в северном и северо-западном направлениях.

В конце августа — начале сентября 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед войсками Ленинградского и трех Прибалтийских фронтов задачу нанести одновременно несколько сильных ударов по группе армий «Север», чтобы расчленить и уничтожить ее по частям. При этом главные силы Прибалтийских фронтов нацеливались против рижской группировки. Разгром оперативной группы «Нарва» и освобождение Эстонской ССР планировалось осуществить силами Ленинградского фронта во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом. Ленинградскому фронту передавался от 3-го Прибалтийского тартуский участок вместе с оборонявшими его войсками.

В соответствии с общим замыслом Верховного Главнокомандования командующий Ленинградским фронтом решил во второй половине сентября провести наступательную операцию на таллинском направлении силами 2-й ударной и 8-й армий. В ходе первого этапа операции предусматривалось: 2-й ударной армии в составе четырех стрелковых корпусов выйти в тыл главным силам оперативной группы «Нарва» и совместно с 8-й армией и Краснознаменным Балтийским флотом уничтожить их. В последующем имелось в виду повернуть главные силы фронта на запад для удара на Таллин с целью овладения последним и выхода на побережье Балтийского моря и Рижского залива.

Для проведения операции фронт провел крупную перегруппировку войск. 2-я ударная армия в ночь на 3 сентября передала 3-й армии свою полосу обороны на нарвском плацдарме вместе с 117-м стрелковым корпусом, 9-м и 16-м укрепленными районами. Получив из резерва 8-й эстонский стрелковый корпус и из 8-й армии 108-й стрелковый корпус, 2-я ударная армия с 4 сентября начала переброску войск в район южнее и юго-восточнее Тарту¹.

Наши штабы под руководством талантливого начальника штаба армии генерала П. И. Кокорева разработали и спланировали передвижение армии и артиллерии по маршруту Гдов — перешеек между Чудским и Псковским озерами. Перегруппировка войск проходила в очень сложных условиях. Три стрелковых корпуса со средствами усиления должны были за 9—10 дней преодолеть расстояние в 250—300 километров. Между тем в полосе фронта была

¹ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., Воениздат, 1974, с. 403—405.

восстановлена только одна железная дорога — от Кингисеппа до ст. Гдов. Пришлось воспользоваться окружным путем через Красногвардейск, Лугу и Псков. Но и по нему перебросить все части 2-й ударной армии оказалось невозможным.

Преодолевая все эти трудности, командование фронта все же сумело почти полностью осуществить перегруппировку войск в намеченные сроки.

Трудно было совершать этот марш артиллерии. Надо учесть, что каждая батарея, дивизион, артиллерийский полк имели от полутора до двух боевых комплектов снарядов. Тем не менее стойкость, воинская закалка, высокое сознание долга помогли артиллеристам армии совершить без потерь этот марш и вовремя подготовиться на новом направлении к наступлению.

К 12 сентября основные силы 2-й ударной армии сосредоточились в районе юго-восточнее Тарту. Однако в связи с тем, что Псковский железнодорожный узел не справился с перевозками, части усиления прибыли только в ночь на 16 сентября.

По приказу Военного совета фронта части 2-й ударной армии усиленно проводили боевые тренировки. Особое внимание обращалось на отработку атаки и штурма заблаговременно подготовленной оборонительной полосы в условиях лесисто-болотистой и резко пересеченной местности с форсированием водных преград.

С особым подъемом шла подготовка к наступлению у воинов 8-го эстонского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Л. А. Пэрн.

Довелось мне в те дни часто бывать у артиллеристов эстонского стрелкового корпуса, где командующим артиллерией был замечательный артиллерист полковник К. И. Ару. Все они тогда говорили только о том, чтобы скорее начать наступление. Их боевое настроение было нам вполне понятно — впереди был их родной Таллин.

Серьезные потери понесла отброшенная в Прибалтику группа армий «Север». Она оказалась в крайне невыгодном оперативно-стратегическом положении. Ее войска растянулись на тысячекилометровом фронте от Нарвского залива до Елгавы. Командующий немецкой группой армий «Север» генерал-полковник Шернер настойчиво добивался разрешения отвести нарвскую группировку с рубежа Танненберг для укрепления фронта Валги или южнее Риги. Гитлеровское командование стремилось любой ценой удержаться в Эстонии и других Прибалтийских республиках. Это ему обеспечивало прикрытие Восточной Пруссии и

использование кратчайших связей со Скандинавскими странами, а также позволяло отвлекать крупные силы Советской Армии.

Важное значение для гитлеровской Германии имела Прибалтика и как база снабжения. Достаточно сказать, что только эстонские предприятия по переработке горючих сланцев давали ей более 0,5 миллиона тонн жидкого топлива в год. Ежедневно в глубь Германии отправлялось по несколько десятков эшелонов с награбленными в Эстонии промышленными товарами, государственными ценностями, сырьем и продовольствием.

Перед началом Таллинской операции фашистские войска имели здесь оперативную группу «Нарва», насчитывавшую около 100 тысяч человек, 2-й армейский корпус в составе 3—4 дивизий и другие резервы в Таллине.

Для обеспечения прорыва обороны противника на таллинском направлении 2-я ударная армия была усилена большим количеством артиллерии из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. В её состав вошли и действовали три артиллерийские дивизии прорыва, шесть артиллерийских и минометных бригад. Всего в полковом исчислении на это направление было придано 44 артиллерийских полка. А с учетом артиллерийских полков стрелковых корпусов и стрелковых дивизий в армии насчитывалось до 60 артиллерийских полков. Надо отметить, что в этой операции стрелковых полков в армии было всего 39, то есть значительно меньше, чем артиллерийских. Это говорит о большой роли артиллерии, которую она должна была сыграть и действительно сыграла в освобождении Эстонии.

Для концентрации необходимого количества стволов на участках прорыва мне, как командующему артиллерией армии, пришлось в сжатые сроки осуществить большую перегруппировку артиллерийских соединений и частей. Благодаря этому на решающих направлениях удара,— а прорывали оборону три корпуса: 30-й гвардейский, 8-й эстонский и 108-й стрелковый,— удалось создать большую артиллерийскую плотность — 220—230 орудий и минометов на 1 километр фронта.

14 сентября 1944 года перешли в наступление войска трех Прибалтийских фронтов на рижском направлении. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Он стянул к участкам прорыва все свои резервы. Это создало благоприятные условия для решительных действий нашего фронта.

К 22 часам 16 сентября соединения и части 2-й ударной армии выдвинулись на исходные позиции. Артиллерия,

не считая орудий, предназначенных для стрельбы прямой наводкой, заняла подготовленные позиции в 2—4 километрах от переднего края противника. Это позволило вести эффективный огонь не только в период форсирования реки Эмайыги и боев на ее северном берегу, но и сопровождать пехоту и танки огнем на большую глубину, не меняя позиций:

Рано утром 17 сентября в 7 часов 30 минут трехминутным огневым налетом началась артиллерийская подготовка. После первого огневого залпа позиции врага окутались клубами пыли и дыма. В течение 27 минут артиллерия противника молчала. Но затем она открыла огонь по позициям частей армии, что позволило нам уточнить положение вражеских батарей и обрушить на них сильный удар. Под воздействием советской артиллерии и авиации огонь противника вскоре начал ослабевать, а затем почти совсем прекратился.

В 8 часов последовал второй, более мощный налет по врагу всех артиллерийско-минометных средств. При этом артиллерийская подготовка сопровождалась боевыми действиями авиации.

Летчики генерала М. И. Самохина и генерала С. Д. Рыбальченко обрушили на фашистские войска тысячи авиационных бомб. Интересно заметить, Михаил Иванович Самохин — морской летчик, но он все время находился у нас на НП 2-й ударной армии.

Как непосредственный участник этих событий, могу засвидетельствовать, что в полном смысле слова земля горела в стане врага. Части 8-го эстонского и 30-го гвардейского корпусов еще в период артиллерийской и авиационной подготовки спустили на воду лодки, плоты и понтоны и начали переправляться через р. Эмайыги. Огромную помощь пехоте оказывали саперы. Благодаря их четкой и слаженной работе войска быстро форсировали водную преграду.

В 8 часов 20 минут под звуки Гимна Советского Союза и мощные раскаты солдатского «ура!» бойцы атаковали первую траншею противника, находившуюся в 100—300 метрах от берега. Следуя за огненным валом, пехота ворвалась в окопы раньше, чем вражеские солдаты успели выйти из укрытий. Не давая противнику опомниться, части 7-й эстонской, 45-й и 63-й гвардейских дивизий начали быстро продвигаться в глубь его обороны. Одновременно с плацдарма севернее Тарту в 8 часов 40 минут развернули наступление части 108-го корпуса генерал-лейтенанта В. С. Поленова.

Прорвав передний край обороны противника, войска армии быстро продвигались вперед. 63-я гвардейская дивизия под командованием генерал-майора А. Ф. Щеглова и 90-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. Г. Лященко — оба боевые командиры — в полдень 17 сентября соединились в районе Тилга, окружив и уничтожив около двух полков противника. Мужественно сражались и воины эстонского корпуса.

В итоге первого дня наступления войска 2-й ударной армии продвинулись в глубь вражеской обороны от 5 до 18 километров. 18 сентября после короткого, но мощного огневого налета они возобновили наступление. Днем позже перешла в наступление 8-я армия, которая так же успешно продвигалась вперед.

Верховный Главнокомандующий 20 сентября 1944 года объявил благодарность войскам Ленинградского фронта. Командиры и политработники сразу же сообщили об этом всему личному составу и призвали воинов еще настойчивее преследовать врага, наносить ему новые сокрушительные удары.

Занятием Раквере 20 сентября закончился первый этап Таллинской наступательной операции. В итоге четырехдневных боев войска 2-й ударной армии расширили фронт прорыва до 100 километров и, соединившись с войсками 8-й армии, образовали общий фронт наступления.

В ночь на 21 сентября маршал Л. А. Говоров поставил задачу на второй этап операции. Наступая в западном направлении, войска фронта должны были силами 2-й ударной армии наносить удар на юго-запад в направлении на Пярну, а 8-й армии — на Таллин. В связи с этим 2-я ударная армия с утра 21 сентября развернула правофланговые корпуса и изменила направление главного удара с севера на запад. Подвижная группа армии под командованием полковника А. Н. Ковалевского была оперативно подчинена 8-й армии. Из 2-й ударной армии в 8-ю передавался и эстонский стрелковый корпус¹.

21 сентября части армии с боем овладели г. Тапа и г. Пылтсамаа, а 22 сентября передовые части 8-го эстонского корпуса и других корпусов 8-й армии ворвались в г. Таллин. В Таллине эстонский корпус захватил до 30 самолетов, более 200 орудий, около 250 машин, 15 морских судов с советскими военнопленными.

Верховный Главнокомандующий в эти дни трижды благодарил войска 2-й ударной армии, а эстонскому кор-

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 4073, д. 598, л. 60—67.

пусу было присвоено наименование «Таллинский». Трижды отмечались в этих приказах и артиллеристы 2-й ударной армии.

В ходе Эстонской операции только за 10 дней артиллеристы 2-й ударной армии уничтожили и разрушили более 3 тысяч различных целей, подбили и сожгли более 300 танков, уничтожили более 10 тысяч солдат и офицеров врага.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили мужество и умение артиллеристов 2-й ударной армии при освобождении Эстонии, наградив многих из них орденами и медалями. Особенно отличились артиллеристы соединений и частей, которыми командовали генерал-майоры Пядусов, Рогозин, Кознов, полковники Пендик, Воронич, Ару, Винукевич, Патифоров, Катунин, Эк и Капустин.

Воины 2-й ударной армии внесли достойный вклад в дело разгрома ненавистного врага на эстонской земле.

В последующие дни часть войск армии вступила на территорию Советской Латвии, а стрелковые корпуса генералов Ф. К. Фетисова и В. С. Поленова стремительно продвигались вдоль восточного побережья Рижского залива.

26 сентября неожиданно для всех нас было получено распоряжение штаба Ленинградского фронта. Оно требовало прекратить преследование противника, хотя войска 2-й ударной армии уже соединились с вышедшими на побережье войсками 3-го Прибалтийского фронта. На следующий день армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования.

На Военном совете командующий армией И. И. Федюнинский произвел короткий оперативный разбор действий войск 2-й ударной армии в Эстонии. В моей памяти остались такие цифры из этого разбора: армия с боями с 17 по 26 сентября прошла более 300 километров, освободив центральные и западные районы республики и город Пярну; освободила более 2 тысяч населенных пунктов; захватила около 7 тысяч пленных, уничтожила десятки тысяч солдат и офицеров противника, много военной техники. Были отмечены на разборе и недостатки в боевых действиях войск.

В связи с выходом армии из состава Ленинградского фронта Маршал Советского Союза Л. А. Говоров издал приказ, в котором высоко оценил боевые действия войск армии. В приказе сказано: 2-я ударная армия в составе войск фронта «сыграла большую роль в снятии вражеской блокады с Ленинграда, завоевании великой победы под

Ленинградом и в боях за освобождение Советской Эстонии от немецко-фашистских захватчиков».

Глубокой осенью 1944 года мы погрузились в эшелон. Не слышно было ни разрывов бомб и снарядов, ни свиста пуль над головами. Только постукивали колеса вагонов, убаюкивая уставших людей.

Не часто на фронте доводится так жить — никто тебя не поднимает, никто не тревожит. Уже 9 часов утра, а мы все еще отдыхаем под равномерный стук колес. За стеной вагона дождь.

— Такой дождь к счастью,— говорит кто-то с верхней полки.

— Не будут бомбить...

Мы так привыкли жить в постоянном напряжении, что посчитали за счастье поездку в простом вагоне без гула вражеских самолетов над головой и взрывов бомб.

Иван Иванович Федюнинский пригласил на завтрак к себе в вагон. Там были член Военного совета Н. В. Шабалин, начальник штаба П. И. Кокорев и некоторые другие.

Штаб работал на ходу. Была подготовлена оперативная карта, определен район сосредоточения армии. Петр Иванович Кокорев сообщил, что мы направляемся в Польшу, в район Макув-Пултуск, и войдем в состав 2-го Белорусского фронта, войска которого не так давно захватили плацдарм на западном берегу реки Нарев. Мы понимали, что именно там вскоре начнутся важные события: ведь свои резервы Ставка обычно направляет на главные направления. Армия готовилась к участию в операции, которая вскоре получила наименование Восточно-Прусской.

Выгрузились в районе Острув-Мазовецкий, в 100 километрах от линии фронта. Постепенно начали прибывать и эшелоны с войсками. К 15 октября здесь сосредоточились 98, 108 и 116-й стрелковые корпуса и средства усиления армии.

Командующим 2-м Белорусским фронтом был генерал Г. Ф. Захаров, которого я знал по Военному училищу имени Верховного Совета РСФСР. Но не прошло и десяти дней, как нам стало известно, что командующим фронтом назначен Константин Константинович Рокоссовский.

Что касается нас, то буквально все — от солдата до командующего — с радостью встретили это назначение. Я знал: раз фронтом командует К. К. Рокоссовский, то он обязательно будет сопровождать наступающие войска огненным валом. Он неоднократно применял огневой вал на Донском фронте, в Белорусской операции и т. д. Упреждая

события, скажу, что нам действительно пришлось применять ординарный и двойной огневой вал.

Вскоре в армию прибыл К. К. Рокоссовский. Он выслушал доклад командующего И. И. Федюнинского, познакомился со всеми заместителями и другими начальниками управления армии. Затем, улыбаясь, сказал:

— Смотреть армию не буду — нет времени. Знаю: дивизии у вас боевые, укомплектованы ленинградским рабочим классом, который имеет большой боевой опыт. Ближе познакомимся прямо в бою.

Ко времени, когда армия была сосредоточена в районе Острев-Мазовецкий, непосредственно под Варшавой активные действия прекратились. Противник на всем фронте перешел к обороне.

Командующий артиллерией фронта генерал А. К. Сокольский, когда я прибыл к нему по вызову, сказал, что будем готовить наступление с наревского плацдарма. Он попросил познакомить его с составом артиллерии, доложить о готовности артиллерийских частей и соединений, обеспеченности боеприпасами и др. Докладом, как мне показалось, он был удовлетворен. Это было первое наше знакомство.

— Откуда вы знаете нашего командующего фронтом? — спросил он.

— В первые дни войны, — сказал я, — мы действовали вместе в составе Пятой армии. Рокоссовский командовал в то время корпусом. Я знаю, что Константин Константинович любит артиллерию, дает возможность подчиненным работать самостоятельно, не мешает инициативе.

Началась боевая работа по подготовке войск к наступлению. Днем и ночью мы изучали противника, собрали о нем необходимые сведения. У общевойсковых начальников и у нас, артиллеристов, выводы в оценке противника полностью совпадали.

Оборона противника была глубоко эшелонированной. По данным разведки, она включала четыре оборонительные позиции, усиленные разными инженерными сооружениями. Имелось несколько сильно укрепленных опорных пунктов.

На 14 января 1945 года перед фронтом армии гитлеровцы сосредоточили 41 артиллерийскую и 34 минометных батареи, всего 336 орудий и минометов. Непосредственно в шестикилометровой полосе, где намечался прорыв наших войск, у противника было 191 орудие и миномет¹. Было

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 4094, д. 127, л. 50.

засечено большое количество противотанковых орудий. В глубине располагались танковые резервы.

Словом, мы понимали, что перед нами — крепкий орешек. В соответствии с директивой штаба фронта 2-я ударная армия в составе 108-го и 98-го стрелковых корпусов в первом эшелоне и 116-го корпуса во втором эшелоне, при поддержке 8-го артиллерийского корпуса прорыва (АКП), 8-го гвардейского танкового корпуса и других специальных частей и соединений, во взаимодействии с 48-й армией, имели задачей: нанося удар своим правым флангом, прорвать оборону немцев с плацдарма на западном берегу р. Нарев, севернее г. Пултуск в полосе Держаново — Клешово (6 км), овладеть рубежом Вышево-Выгода, Конажево, Грохы Сероватки, Гонсиорово. Частью сил, во взаимодействии с 65-й армией, уничтожить противника в районе г. Пултуск и овладеть этим городом. Вводом в бой 8-го гвардейского танкового корпуса с рубежа Вышево-Выгода, Меженец, Пожево, Пшеводво расширить прорыв, уничтожить подходящие резервы противника, прорвать вторую оборонительную полосу на подступах к городу Цеханув, овладеть городом Цеханув и выйти на рубеж Хрущево, Гонски, Млонк. В дальнейшем, наступая в направлении Шреньск, М. Кучборк, Зелонь, Бродница, овладеть рубежом Нов. Весь, Госцижно, Зелена, Хуромин, М. Бетунь, выйти на южные границы Восточной Пруссии и тем самым закончить первый этап операции, спланированный на десять дней боев.

С развитием общего успеха войск 2-го Белорусского фронта армия имела дальнейшую задачу наступать в северном направлении на город Эльбинг с выходом на побережье Балтийского моря. Решением этой задачи войска армии отрезали восточно-прусскую группировку немцев от центральных районов Германии¹.

Были спланированы все вопросы артиллерийского наступления в предстоящей операции. Поскольку размеры плацдарма оказались относительно невелики, то мы вынуждены были размещать артиллерию в плотных боевых порядках. По глубине она располагалась в 9—10 линий. Словом, весь плацдарм был, как говорится, усеян артиллерией и минометами.

Когда я показал схему боевых порядков артиллерии командующему армией, И. И. Федюнинский недоуменно посмотрел на меня:

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 4094, д. 127, л. 50.

— А если авиация противника?

— Все меры приняты. Зенитная группировка мощная — вероятность прорыва авиации противника через боевые порядки небольшая, — ответил я командующему.

Плотность артиллерии на 1 километр фронта была доведена до 350 стволов (без орудий 45 мм), а в полосе прорыва против 191 орудия и миномета противника артиллерийская группировка армии достигала 1910 орудий и минометов, объединенных в 267 артиллерийских и 158 минометных батарей. Кроме этого, в боевых порядках располагалось 324 орудия 45-мм артиллерии, объединенных в 81 батарею¹.

Я сейчас вспоминаю боевое настроение артиллеристов, солдат, сержантов и офицеров, готовых выполнить приказ Родины и разгромить врага. Позади нелегкий боевой путь и заслуженная слава на полях сражений. Много раз я бывал в 81-й армейской пушечной артиллерийской бригаде. Командовал этой бригадой замечательный воин, прекрасный артиллерист Василий Сергеевич Гнидин. Начальником штаба бригады был подполковник Григорий Яковлевич Лысак. Генерал-лейтенант артиллерии Г. Я. Лысак и сейчас в боевом строю. Эта бригада еще до прорыва обороны на нарвском плацдарме была удостоена почетного наименования «Таллинская» и награждена орденами Красного Знамени и Суворова. Весь личный состав всегда был подготовлен хорошо.

760-м истребительным артиллерийским противотанковым Кингисеппским Краснознаменным, ордена Александра Невского полком командовал подполковник Леонид Михайлович Капустин — очень смелый, предприимчивый человек. Через годы и расстояния я вижу всегда подтянутого, четкого и решительного в действиях командира этого замечательного полка. Высокий, атлетически сложенный, Леонид Михайлович не знал при выполнении боевой задачи преград. И на самых трудных участках, там, где решался исход боя, действовали истребители танков полка Л. М. Капустина. Таких опытных артиллерийских командиров было много.

Было принято решение за две ночи (12 и 13 января) вывести всю артиллерию из районов сосредоточения на топографически привязанные огневые позиции. Для того чтобы все это сделать скрытно, пришлось организовать жесткую комендантскую службу, прикрепить почти к каждой батарее старшего офицера, чтобы без шума и суеты

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 4094, д. 147, л. 247—248, 251.

занять огневые позиции. Ведь более 4 тысяч орудий и минометов выводилось на плацдарм. Задача эта была выполнена блестяще. Генерал Федюнинский похвалил артиллеристов за строжайший порядок и дисциплину марша.

По плану артиллерийская подготовка на всем фронте должна была длиться 90 минут. Атака пехоты и танков сопровождалась ординарным огневым валом. Вот когда наши занятия, проведенные в районе сосредоточения по изучению порядка действий войск за огневым валом, нашли свое применение.

При планировании артиллерийской подготовки мы пошли на хитрость. Предполагалось, что после 12-минутного огневого налета наши передовые батальоны выйдут вперед и рывком бросятся в первую траншею противника, чтобы застать его врасплох.

Наступил долгожданный день нашего наступления. В ночь на 14 января все находилось в полной готовности. Шел мокрый снег. Опустился туман. Мучительно долго шло время. В 4.00 мне на НП позвонил командарм.

— Какая видимость? Можно при такой погоде проводить артиллерийскую подготовку?

— Все цели, товарищ командующий, привязаны инструментальной разведкой. Каждому стреляющему выданы координаты целей. Ошибок не будет.

Видимо, и в штабе фронта были несколько озабочены погодой. За два часа до начала артиллерийского наступления позвонил маршал Рокоссовский.

— Можно ли в такую погоду проводить артиллерийскую подготовку?

— Артиллеристы не подведут,— уверенно ответил я командующему фронтом. Для этого были все основания.

Ровно в 10.00 начала работать артиллерия. Началась операция, которая внесла важный вклад в разгром фашистов уже на территории Германии.

После первого огневого налета наши передовые батальоны при поддержке танков бросились вперед и вскоре заняли первую траншею противника. Огонь по плану перешел в огневой вал. Пехота и танки под прикрытием огневого вала заняли вторую траншею и продвигались в тактическую глубину. Удар за ударом артиллерия наносила по глубине.

С наблюдательного пункта ничего не было видно. Создалось тяжелое положение. Что делать? Где наши тайки и пехота? Выслал передовые наблюдательные пункты. Командиры корпусов также доложили командующему, что они не видят боевых порядков.

— Смотри, командующий артиллерией,— предупредил меня Федюнинский,— не накрой огнем свои части.

— Мы договорились с командирами передовых полков, что если наш огонь будет близко, то они дадут серию красных ракет-звездочек.

Не успел я закончить доклад, как вижу — слева такой сигнал. Сразу же были приняты соответствующие меры. Наступление продолжалось. Появилась первая партия пленных. Все в один голос заявили: «Невозможно: русская артиллерия везде нас бьет, мы имеем большие потери!»

Работая над этой статьей в Архиве Министерства обороны СССР, я встретил донесение начальника политотдела 1-й артиллерийской дивизии прорыва полковника Мельникова от 15 января 1945 года. Чувствуется боевой накал и стремление артиллеристов связать свою судьбу с родной партией: «Во время боя было подано 25 заявлений о вступлении в кандидаты партии и в ряды ВЛКСМ. Коммунист капитан Савелов, будучи тяжело раненным, не покинул поле боя и продолжал руководить огнем батареи. Под руководством старшего на батарее парторга младшего лейтенанта Андреева было уничтожено 2 станковых пулемета и подавлена артиллерийская батарея противника»¹.

Оборона была прорвана на глубину 5—6 километров. Это, конечно, не могло нас удовлетворить. Больше того, на второй день от командиров корпусов генералов Поленова и Фетисова поступили сообщения о том, что немцы ввели в бой крупные силы танков и пехоты и контратаковали наши части. Генерал Поленов доложил, что перед фронтом 173-го стрелкового полка в одной из рощ сосредоточено большое количество танков и пехоты противника. Генерал Федюнинский тотчас приказал мне корпусной и армейской артиллерией открыть массированный огонь по этой роще. Более 400 орудий сразу же обрушили туда свой огонь.

Во время работы XXV съезда партии я встретился с делегатом съезда генералом армии Николаем Григорьевичем Лященко. Вспомнили наревский плацдарм и удар 400 орудий. Н. Г. Лященко, в те дни генерал-майор, командовал 90-й стрелковой Ропшинской Краснознаменной дивизией. «Да, трудно было. Танки навалились. Мои стрелки дрались отчаянно, но силы были неравны. Но когда ударили пушки, казалось, и сил прибавилось. Фашисты были разгромлены»,— вспомнил Н. Г. Лященко.

Н. Г. Лященко стал воином в 1929 году. На его долю

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 4092, д. 118, л. 100, 101.

выпала борьба с кулаками и басмачами, японскими самураями. Сражался он с фашистами в Испании, в Карелии — с финнами. В битве за Ленинград, командуя 90-й стрелковой дивизией, коммунист Н. Г. Лященко внес немалый вклад в дело защиты города на Неве. После войны Н. Г. Лященко командовал Среднеазиатским военным округом. Он был членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР. Ныне продолжает трудиться на благо нашей социалистической Отчизны.

Были взяты в плен танкисты. Оказалось, что они из 7-й танковой дивизии. Когда об этом сообщили К. К. Рокоссовскому, он сразу же забросал командарма И. И. Федюнинского вопросами:

— Откуда взялась седьмая дивизия? Где она сейчас?

Он приказал немедленно выслать пленных к нему. Необходимо было принимать срочные меры. Танковая дивизия — это большая сила, с ней шутки плохи.

Вот когда настало время проявить свое умение и стойкость противотанковой артиллерии под командованием подполковника Л. М. Капустина. Быстро бригада проскочила вперед и через 30 минут завязала на левом фланге армии жестокий бой с 7-й танковой дивизией противника. Враг не ожидал таких дерзких действий противотанкистов, которые в перелесках в 400—600 метрах от танков противника развернулись и открыли ураганный огонь. За час боя они сожгли около 40 танков. Еще был день, а кругом стало темно, словно наступила ночь. Это черный дым от горевших танков и бронемашин окутал местность.

В то время как истребители превращали фашистские танки в металлолом, зенитчики 47-й зенитной артиллерийской Верхнеднепровской ордена Богдана Хмельницкого дивизии РВГК прикрывали наземные войска от ударов вражеской авиации. Особенно отличился в тех боях 22-летний лейтенант Шавдяй Сафиулович Аликбярков. Под его командованием батарея сбила несколько вражеских самолетов. К завершению операции на груди молодого талантливого офицера, было два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, медаль «За боевые заслуги».

Хорошо поработали артиллеристы. Теперь и маршал Рокоссовский видел их работу. Он похвалил артиллеристов за смелость и умелые боевые действия.

В этих боях воины армии проявляли массовый героизм, отвагу и мастерство. После артиллерийской подготовки пехота 90-й стрелковой дивизии, поддерживаемая артиллерией, дружно поднялась и сразу ворвалась в первую

траншею противника. Двигаясь за стрелковой ротой вместе со своими орудиями, командир батареи 169-го стрелкового полка старший лейтенант Павлов с разведчиком старшиной Обуховым заметили оживший пулемет противника. Быстро развернув одно орудие, с расстояния 150—200 м они точным огнем подавили огневую точку и продолжали движение вперед. За первой траншеей противника они заметили группу немцев, скрывавшихся в убежище. Бросив одну гранату и дав автоматную очередь в двери укрытия, наши воины смело ворвались в убежище и захватили восемь офицеров, оглушенных разрывом гранаты. Как выяснилось позже, они обсуждали вопрос об организации отпора нашим наступавшим подразделениям.

888-й артиллерийский полк поддерживал 340-й стрелковый полк 46-й стрелковой дивизии. Противник, сбитый с основных рубежей, оказал упорное сопротивление, будучи окруженным в деревне Плодово. Утром 15 января, пытаясь восстановить утраченные рубежи, противник контратаковал в направлении стыка 340-го стрелкового полка с соседней левофланговой дивизией. Силами пехотного полка, поддержанного 50 танками, он потеснил части соседа, вследствие чего обнажился левый фланг нашего полка. В создавшейся обстановке необходимо было принять немедленные меры. Полк, управляемый майором Згурой, стал вести массированный огонь по контратакующей пехоте и танкам противника. Майор Згура, находясь на НП 8-й батареи, показал личный пример находчивости и отваги. Из трофейного орудия, оставленного противником, он открыл огонь по танкам, подходившим к НП. Огнем этого орудия майор Згура поджег танк и уничтожил до 30 автоматчиков. Кроме того, огнем полка было сожжено пять танков и уничтожено до 200 солдат и офицеров. Угроза прорыва противника была предотвращена. Оставшиеся танки повернули назад. Наша пехота начала преследовать отступавшего врага.

16 января сопротивление противника было сломлено. В тот же день соединения нашей армии во взаимодействии с 65-й армией генерала П. И. Батова овладели городом Пултуск.

Спустя много лет, в 1967 году, я вместе с командующим артиллерией Войска Польского генералом Чесновичем снова оказался в этом городе, который неузнаваемо изменился. Мне захотелось отыскать церковь, с колокольни которой малокалиберное орудие и пулемет противника доставили немало хлопот нашей пехоте. Помнится, тогда я приказал подполковнику Капустину прямой наводкой уничто-

жить вражескую цель, что и было сделано. Потом Николай Иванович Шебалин — член Военного совета нашей армии — любил меня стращать: «Смотри, Казаков, как бы тебя не привлекли к ответственности за разрушение церкви».

Осматривая это здание, я заметил, что следы от действий нашей артиллерии остались. Остались как свидетельство ожесточенных и кровопролитных боев, которые здесь проходили много лет назад, как святая память о тех, кто погиб за освобождение польской земли.

17 января командиры корпусов ввели в бой вторые эшелоны, а командующий армией еще ранее ввел в сражение 8-й танковый корпус. Войска перешли к преследованию противника, продвигаясь ежедневно по 25—30 километров. С каждым днем все ближе были границы Восточной Пруссии.

Когда войска 2-й ударной армии приблизились к Восточной Пруссии, наша артиллерия отметила это событие. Более 500 орудий средних и тяжелых калибров произвели мощный огневой налет по крупным объектам в этом логове германского милитаризма.

В разгар боевых действий на КП командарма прибыл Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Заслушав доклады командующего армией и некоторых других лиц об обстановке, он поставил новую задачу: продолжать стремительное наступление на Эльбинг, выйти к Балтийскому морю и отрезать Восточную Пруссию от Центральной Германии. При этом предупредил, что нам предстоит форсировать Вислу и брать ряд крупных немецких городов-крепостей, таких, как Мариенбург, Грауденц, Эльбинг.

— А вам, товарищ Казаков, — обратился он ко мне, — надо всегда иметь под рукой артиллерию крупного калибра, чтобы при необходимости разрушать опорные пункты и крепости.

Когда все вопросы были решены, Федюнинский пригласил Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского на обед. Константин Константинович охотно принял приглашение, добавив при этом:

— Между прочим, сегодня во рту ни крошки не было.

Продолжая стремительное наступление, войска армии к 26 января вышли к рекам Висла и Нogat и в некоторых местах с ходу форсировали их. За 12 дней с боями они прошли более 200 километров и заняли более 2500 населенных пунктов, в том числе такие крупные города, как Цеханув, Христовбург и Мариенбург. Шесть раз в приказах

Верховного Главнокомандующего войскам армии была объявлена благодарность.

Впереди еще предстояли жестокие бои. Советские солдаты, вступив на территорию врага, вели себя с большим достоинством и в свободное от боев время помогали, чем могли, местному населению.

К исходу 2 февраля армия подошла к городу Эльбинг. Немецко-фашистское командование придавало обороне этого города исключительно большое значение, как крупному экономическому, промышленному и опорному пункту в Восточной Пруссии, прикрывавшему подступы к Балтийскому морю и сохранявшему коридор для отвода войск, окруженных в центральной части Восточной Пруссии. Уже на подступах к городу бои носили особо упорный характер. Противник предпринимал многочисленные контратаки пехотой и танками при поддержке артиллерии. Однако к исходу 3 февраля соединения 116-го стрелкового корпуса с юга и юго-запада, а соединения 98-го стрелкового корпуса с юго-востока и севера полностью блокировали город и тем самым окружили его гарнизон.

В центральной части Эльбинга оказались окруженными: 7-я танковая дивизия, 1142-й пехотный полк, 1561-й саперный батальон 561-й пехотной дивизии, 312-й и 37-й морские батальоны, 13-й пульбат, боевая группа из состава учебных подразделений, 31-й зенитно-учебный батальон, 37-й тяжелый артиллерийский дивизион, различные сводные роты и отряды из тыловых и специальных подразделений. Общая численность группировки в Эльбинге, включая «фольксштурм», составляла около 28 тысяч человек, поддерживаемых 18 танками, 12 штурмовыми орудиями и до 40 бронетранспортерами. Артиллерия гарнизона состояла из восьми 150-мм орудий, шести 105-мм орудий, двух 81-мм минометных багарей, 233-й тяжелой зенитной батареи и восьми 75-мм орудий, стоявших на прямой наводке. Всего насчитывалось до 40 стволов артиллерийских и минометных систем. Кроме этого гарнизон поддерживался артиллерией крейсера «Лютцев»¹.

Для обороны города противник широко использовал все каменные здания, превратив их в доты. Окна домов были приспособлены для стрельбы из автоматов и пулеметов и представляли из себя амбразуры. Главные улицы баррикадировались и минировались. По приказу Гимmlера, командующего группой армий на Висле, гарнизон должен был обороняться до последнего солдата.

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 2418, д. 148, л. 100, 101.

Чтобы избежать кровопролития, по решению Военного совета армии генерал И. И. Федюнинский утром 7 февраля направил в город Эльбинг нескольких пленных немецких офицеров, с тем чтобы они договорились с местным командованием о сдаче гарнизона без боя. Срок ультиматума истек в 12 часов.

Как только стало ясно, что ответа от начальника гарнизона Эльбинга не будет, Иван Иванович приказал начать артиллерийскую подготовку. Заранее сосредоточенные здесь крупнокалиберные орудия открыли мощный огонь. Уничтожались цели, разрушались укрепления. Постепенно дом за домом, улица за улицей прекращали сопротивление. В ночь с 9 на 10 февраля сопротивление гарнизона было сломлено. Командир 116-го корпуса генерал Фетисов и танкисты Фирсовича только за одну ночь взяли более 20 тысяч пленных.

В боях за город Эльбинг войсками нашей армии было уничтожено или захвачено: орудий разных калибров — 307, минометов — 20, пулеметов — 275, танков, самоходных установок, бронетранспортеров и бронемашин — 66, самолетов — 35, автомашин — 1624, паровозов — 41, вагонов — 1191¹.

Напряженный характер боев за Эльбинг и близкое соприкосновение артиллеристов с противником дали множество примеров мужества, стойкости и находчивости наших воинов, их беззаветной храбрости, рождаемой любовью к Родине и пламенным стремлением отомстить фашистским захватчикам. Приведу некоторые примеры.

3 февраля командир взвода 248-го артиллерийского полка лейтенант Корнилов, командир отделения разведки сержант Шевелев и старший разведчик рядовой Спиридонов, продвигаясь вместе с наступавшей пехотой, заметили застрявший в канаве немецкий бронетранспортер, только что брошенный противником. Рядовой Спиридонов завел мотор, быстро вывел бронетранспортер из канавы и атаковал дома, в которых засели автоматчики противника. Лейтенант Корнилов и сержант Шевелев открыли огонь из 37-мм пушки транспортера и из автоматов по окнам домов и по перебегавшим между домами вражеским солдатам. Благодаря этому наша пехота без потерь овладела домами, после чего все трое вернулись в свое подразделение.

Наверно, не требуется пояснять, что в сложившейся обстановке от наших воинов требовались находчивость, смелость, мастерство. Они и проявили эти качества.

¹ Архив МО СССР, ф. 309, оп. 4094, д. 127, л. 100.

5 февраля в юго-западной части города наши наступавшие подразделения были встречены на одной из улиц сильным автоматным огнем. Стоявшее здесь на прямой наводке орудие 248-го артполка получило задание подавить огневое сопротивление противника. Но как только орудие произвело первый выстрел, фашисты заметили его и начали обстреливать из автоматов. Тем не менее орудие не прекратило огонь. Наводчик младший сержант Машинов сноровисто заряжал его и наводил в цель. Машинов выпустил 22 снаряда. Автоматчики были частично перебиты, остальные убежали из домов.

В начале февраля 1945 года Ставка Верховного Главнокомандования освободила войска 2-го Белорусского фронта от дальнейшего участия в Восточно-Прусской операции и приказала ему разгромить восточно-померанскую группировку противника, угрожавшую с севера правому крылу 1-го Белорусского фронта. Восточно-Померанская операция началась 10 февраля.

Теперь на пути 2-й ударной армии оказалась крепость Грауденц.

До начала штурма крепости мы более суток вели тщательную разведку. Как лучше решить задачу по овладению крепостью с меньшими потерями? Много, конечно, зависело от артиллерии. 15 февраля наметили план действий: выдвинуть две группы артиллерии большой мощности на прямую наводку с расстояния 600—800 метров; создать крупную армейскую артиллерийскую группировку, которая будет вести огонь по городу и объектам внутри крепости; организовать три штурмовые группы легкой артиллерии для разрушения предместных полевых огневых точек; создать артиллерийскую группу, которая будет поддерживать наступление пехоты.

19 февраля генерал Федюнинский приехал на берег Вислы. Там я доложил ему свой план боевых действий. План понравился. Правда, командарм усомнился относительно применения артиллерии большой мощности на прямой наводке («Слишком дерзко!»). А потом согласился («Без дерзости здесь, видимо, не обойтись»).

Тут же было решено, что пехота будет преодолевать Вислу по льду.

— Опасно,— указал при этом начальник штаба генерал П. И. Кокорев.— Но надо рисковать.

22 февраля началась мощная артиллерийская подготовка. 108-й стрелковый корпус, смело и решительно громя врага, продвигаясь вдоль западного берега Вислы, способствовал изоляции войск противника, отступавших в на-

правлении Прейсиш, Старгард. Переправившись на западный берег Вислы, части 142-й стрелковой дивизии отрезали противнику пути отхода. Под прикрытием огня артиллерии по льду Вислы устремилась пехота. Войска начали штурм. В пробитые артиллерией бреши пехотинцы ворвались в крепость. На окраинах завязался бой с немецким гарнизоном. В боях за Грауденц особенно отличились артиллеристы 3-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады и 21-й гвардейской гаубичной артиллерийской бригады большой мощности, которые своим огнем уничтожали огневые точки и подавляли артиллерийские батареи противника.

В городе располагалась учебная бригада «Герман Геринг» под командой полковника Майера. Дрались курсанты отчаянно. Но наши воины отвоевывали квартал за кварталом. 6 марта сопротивление гитлеровцев было сломлено. Мы захватили около 5 тысяч пленных, огромное количество боеприпасов, продовольствия.

После взятия города и крепости Грауденц все наши помыслы были направлены к морю. «Даешь Данциг!»

2-я ударная армия наступала на Данциг. Противник отчаянно сопротивлялся, нередко переходил в контратаки, и каждый километр земли, пройденной нашими войсками, давался все более дорогой ценой.

В Данциге к этому времени скопилось большое количество войск противника. Они предпринимали все возможное, чтобы удержать город.

На подавляющем большинстве высот противник оборудовал траншеи с пулеметными площадками, ячейками для автоматчиков и стрелков. На ближайших подступах к Данцигу с юга (20—25 км) оборонительные рубежи противника становились более частыми и более совершенными в инженерном отношении. На ряде участков были вырыты противотанковые рвы.

Пригороды и окраины Данцига были приспособлены к обороне. На перекрестках главных улиц были построены различного типа баррикады, в стенах домов оборудованы амбразуры для стрельбы, в некоторых местах стены домов усиливались мешками с песком. Многие улицы были перерезаны траншеями, часть их проходила непосредственно около домов и заборов. Для обороны были использованы сооружения, сохранившиеся еще со времен первой мировой войны. Шесть бастioned на юго-западной окраине города были усилены отрытыми убежищами для живой силы, сетью траншей, ходов сообщения и площадок для пехотных огневых средств.

На территории судостроительной верфи противник использовал кирпичные, бетонные и железобетонные огневые точки внутривозводской охраны. В качестве оборонительных позиций использовались насыпи, дамбы и каналы. Укрепления форта Нойфэр состояли из земляной стены в виде подковы, прикрывавшей подступы с юго-восточной, южной и западной сторон. Часть форта, обращенная к р. Висла, представляла из себя каменную стену, в которой находились двухэтажные казематы. Перед стеной был противотанковый ров шириной до 5 метров, заполненный водой.

Оборона противника на подступах к Данцигу и к востоку от него могла быть усилена затоплением значительной территории весенними водами р. Висла и подрывом шлюзов.

Наша армия наносила главный удар 98-м и 116-м стрелковыми корпусами. 108-й стрелковый корпус действовал на вспомогательном направлении. Более 4 тысяч орудий было сосредоточено на главном направлении. Утром 27 марта войска прорвали внешний обвод укреплений и завязали бои на окраине Данцига.

Уличные бои в большом городе, хорошо подготовленном к обороне, требовали от нас разных приемов ведения огня. Огневую поддержку штурмовых групп и десантных отрядов обеспечивали орудия прямой наводки всех калибров.

Мы с Иваном Ивановичем Федюнинским решили находиться поближе к передовым войскам. В это время в Данцигскую бухту вошел вражеский крейсер, который неожиданно открыл беглый огонь. Его снаряды рвались в 50—100 метрах от того места, где мы были. Укрывшись, я приказал командиру 81-й пушечной артиллерийской бригады полковнику Гнидину накрыть крейсер дальнобойными орудиями и потопить его.

Через несколько минут бригада открыла огонь. Первая серия снарядов дала недолет, вторая — перелет, а после третьего залпа от прямого попадания на крейсере начался пожар. Объятый черным дымом, он быстро убрался из бухты и больше не появлялся¹.

30 марта войска 2-й ударной, 65-й, 49-й и 70-й армий после ожесточенных и кровопролитных боев овладели крупным городом и портом Данциг. Данцигская операция явилась для нас последней операцией, в которой применялось большое количество артиллерии. После завершения боев за Данциг и Гдыню войска 2-й ударной армии, совершив более чем 500-километровый марш, вышли в Запад-

¹ Архив МО СССР, ф. 81, оп. 358959, д. 1, л. 39.

ную Померанию, на восточный берег Штеттинской бухты, и 25 апреля, форсировав Одер, с боями вступили в Штеттин. 29 апреля после непродолжительной артиллерийской подготовки овладели городом Анклам, 30 апреля вошли в город Грайсвальд.

Командир 90-й стрелковой дивизии генерал Н. Г. Лященко отправился в ратушу Грайсвальда, где сухопарый, подтянутый, в полной парадной форме полковник Петерсхаген доложил генералу о капитуляции гарнизона. Это была первая на пути нашей армии организованная сдача немецкого города и всех его ценностей. Город почти не был разрушен и остался таким, каким был до войны.

Дальше перед нами был город Штральзунд. Попытки командира корпуса генерала Поленова заставить командование сдать его без боя, избегая кровопролития, не увенчались успехом. Пришлось развертывать всю артиллерию, создавать артиллерийские группировки. Войска перешли в наступление, и вскоре бой завязался на окраине города. Красивый курортный город. Жаль было по нему стрелять. Но что поделаешь?

В то время мы уже знали, что войска маршала Г. К. Жукова ведут бои в предместьях Берлина. После того как Штральзунд пал, 108-й стрелковый корпус генерала Поленова приступил к форсированию пролива Штральзунд-Дерфорвасер, чтобы овладеть островом Рюген.

Командиру корпуса генералу Поленову сообщили, что гарнизон острова Рюген согласен капитулировать, но комендант просит отложить капитуляцию на двое суток. В ответ было передано, что если к 12 часам гарнизон не капитулирует, артиллерия откроет огонь и гарнизон острова будет уничтожен. Угроза подействовала. Начальник гарнизона принял все наши условия капитуляции, а сам на моторном катере скрылся.

6 мая армия заняла остров Рюген. На этом боевые действия 2-й ударной армии закончились. Она добросовестно выполнила свой долг по борьбе с гитлеровскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

За время боевых действий артиллеристам 2-й ударной армии в приказах Верховного Главнокомандующего 16 раз объявлялась благодарность за отличные боевые действия. 16 раз великая Родина салютовала им артиллерийскими залпами. И я был счастлив, что вместе с артиллеристами шагал по пыльным дорогам войны, что мы внесли посильный вклад в победу над врагом. С хорошим настроением я убыл на Дальний Восток.

*В. А. КРУГЛОВ,
в 1942—1945 годах
офицер 1-го морского радиоотряда
Краснознаменного Балтфлота*

ЧЕКИСТЫ ЭФИРА

Я служил в 1-м морском радиоотряде особого назначения, подчиненном Краснознаменному Балтфлоту. Отряд вел большую и ответственную работу, связанную с радиоперехватами, поиском вражеских каналов связи, их центров, объектов особой секретности и т. п. Своими средствами мы должны были искать и находить врага всюду: на суше, в воздухе и на море. В нашу обязанность входило прослушивание эфира на огромном театре действий, на всех доступных нам радиоволнах. Нашему разведрадиопункту пришлось побывать в составе нескольких фронтов: Ленинградского, 2-го и 3-го Прибалтийских. С 1944 года мы входили в состав 2-й ударной армии и принимали активное участие в обеспечении командования важными радиосведениями, способствовавшими планированию боевых операций.

Особый интерес в этом отношении представляли действия наших войск при освобождении Прибалтики. Нам, радистам-осназовцам, было известно, что наступление Ленинградского и Волховского фронтов перепутало все карты немецкой группы армий «Север». Уже с 14 января 1944 года в эфире звучали (пока еще зашифрованные) ее радиосигналы бедствия. По данным нашего радиоперехвата, командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Кюхлер поспешил 22 января на доклад к Гитлеру, который, однако, не дал ему разрешения отойти на лужские рубежи и к озеру Ильмень. Кюхлер был отстранен от командования, вместо него вступил в должность генерал-полковник В. Модель. А Модель, как сообщали радиоразведчики врага, без разрешения фюрера все-таки отвел свои войска к реке Луга. Таким образом, наступление 2-й ударной армии на правом крыле Ленинградского фронта отбросило левое крыло группы армий «Север» к Луге, что позволило нашей 42-й армии выйти к восточному берегу Чудского озера, а 67-й армии Ленфронта вместе с 54-й Волховского фронта освободить от врага окрестности Пскова.

Форсировать с ходу реку Нарва — мощный оборонительный рубеж, именованный в документах «Пантерой», — войска 2-й ударной армии не смогли. О сильных укреплениях этого рубежа сообщали радисты немецких объектов,

а наши перехватчики передавали эти сведения в Центр. Поэтому был найден другой район переправы через реку — вблизи населенного пункта Усть-Жердянка. И в феврале войны 30-го гвардейского корпуса перешли Нарву, взломав укрепления противника в районе Долгой Нивы.

Об особенностях боевых действий 2-й ударной армии в Эстонии хорошо рассказал эстонский военный историк Арвед Колво в своей книге «Изгнание фашистов из Южной Эстонии». Он подробно анализирует операцию по прорыву оборонительного рубежа фашистов «Пантера». 24 июля Ленинградский фронт начал хорошо подготовленную Нарвскую наступательную операцию. 8-я армия стала наступать с аувереского плацдарма. 26 июля 2-я ударная армия при содействии 8-й армии освободила Нарву, окружила отдельные вражеские части (48-й пехотный полк и др.) и отбросила фашистов на 20 километров западнее этого города.

Многие важные сведения в те дни и ночи активного наступления наших войск попадали к нам непосредственно из радиопереговоров командования врага с войсками своих союзников. Среди них, как известно, были норвежцы (241-я пехотная дивизия, танковая дивизия «Норланд»), датчане (танковая бригада «Нидерланды»), бельгийцы и голландцы (моторизованная бригада «Валония»). Все они считались «добровольцами», но исполняли волю фашистов.

Геббельсовская пропаганда охотно болтала тогда о численном превосходстве своих войск в Прибалтике, о мощном вооружении, высоком духе солдат, готовых отразить любой наш удар. Но, дешифруя перехваченные радиোগраммы врага, мы знали истинную картину, и геббельсовская пропаганда мало помогала фашистам и их союзникам.

С 22 сентября 1944 года, с момента освобождения Таллина войсками Ленфронта, наш радиоотряд вел перехват в районе всего побережья Балтийского моря. Радиоцентр находился под Таллином. Здесь же по заданию командования КБФ формировались подразделения перехвата и поиска, называемые «радиопунктами», «точками», которые направлялись на разные фронты.

В марте 1945 года сформированный в Эстонии радиопункт принимал участие в освобождении польской земли, обеспечивал связью командование 2-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского. В сложных условиях, идя буквально по пятам врага, радисты особого назначения неутомимо выполняли свою работу в боях при освобождении городов Данциг (Гданьск), Кольберг (Колобжек), Свиномюнде (Свиенеусце), а также на территории

Германии после форсирования реки Одер. В эти ответственные дни на основной линии перехвата мы несли круглосуточную вахту и, прослушивая позывные сотен различных радиостанций, помогали в обнаружении особой радиоточки, находившейся, как позже выяснилось, в ставке Гитлера, в Берлинской рейхсканцелярии. Теперь уже можно рассказать о том, как с помощью наших радистов особого назначения и польских связистов была осуществлена дерзкая операция, завершившаяся обнаружением и уничтожением фашистского линкора «Гнейссенау», пытавшегося уйти из Гданьской бухты с остатками разгромленных войск из группы армий «Север».

Большую помощь оказали наши радисты в обнаружении и уничтожении полигонов для запуска снарядов-ракет ФАУ-1 и ФАУ-2 в Пенемюнде и Близене. Об этих событиях еще мало известно.

Полигоны для ФАУ создавались в обстановке строгой секретности. Фашисты надеялись, что успеют опробовать это оружие. В апреле 1945 года, за месяц до окончания войны, Гитлер пытался запугать своих противников этим новым оружием, при помощи которого он хотел уничтожить сначала Англию, а затем отрезать советские войска от Берлина и повернуть вспять колесо войны. Оперативные действия радиоразведки, в том числе и наших разведчиков-радистов в содружестве с польскими группами Сопротивления, помогли вовремя обнаружить полигоны, и они были взорваны.

Быстрое продвижение советских войск на всех фронтах, в особенности стремительное освобождение Польши и выход наших и польских войск на Одер, сыграло весьма существенную роль в последующем взятии Берлина. В этих блистательных победах есть частица труда и наших чекистов эфира, сделавших многое во имя великой Победы.

*П. БАТУРКИН,
полковник в отставке*

ПОДВИГ АЛЕКСЕЯ ЮХАНОВА

Всю неделю в бреду он поднимал взвод в атаку и неистово кричал:

— Огонь!.. Огонь!..

Чьи-то заботливые руки все эти дни накладывали ему на голову мокрую повязку. Наконец стало ясно: человек будет жить,

Младшего лейтенанта Алексея Юханова ранило в тот самый день, 17 января сорок четвертого года, когда его земляк, гвардии рядовой Саша Типанов, совершил бес- смертный подвиг — закрыл собой амбразуру вражеского дзота.

Они были на разных участках фронта, в разных дивизиях и даже в разных армиях: Типанов — в 42-й, Юханов — во 2-й ударной. Но сражались они за полное освобождение Ленинграда от блокады.

Ночью взвод автоматчиков 593-го стрелкового полка под командованием лейтенанта Иванушкина — друга Юханова — проник незамеченным в Глядино и внезапным ударом выбил фашистов из нескольких домов. В стане гитлеровцев поднялась паника. Они в темноте бегали по улице и не могли разобраться в обстановке. Бой за деревню шел до рассвета. На помощь автоматчикам пришел взвод Юханова, а затем и остальные роты двух батальонов, действовавших в первом эшелоне. К утру 17 января деревня Глядино — опорный пункт обороны гитлеровцев на подступах к Ропше — была полностью в наших руках.

И когда последние гитлеровцы, прикрываясь огнем, уходили из Глядино в сторону Ропши, почти у самых ног Юханова взметнулся ослепительный сноп огня...

Сознание вернулось к нему уже в госпитале.

О многом передумал Алексей Юханов на госпитальной койке, о многом узнал. Узнал, что той же ночью в бою за Глядино смертью храбрых погиб начальник политотдела дивизии полковник А. Е. Мосеев и что дивизии присвоено наименование «Ропшинской». Узнал Юханов и то, что враг разбит и отброшен от Ленинграда.

Настал срок выписки из госпиталя. Пожилой хирург, осмотрев Алексея, заключил:

— Ну, молодой человек, все хорошо. Послужить вам теперь придется в тыловых частях.

— Не хочу, — волнуясь, отвечал Юханов. — Я вполне могу воевать!

— «Могу, могу», — недовольно проворчал врач. — Это как же «могу» с дыркой в легких? В отделе кадров доказывайте, а мне нечего голову крутить!..

Юханову повезло: он возвратился в свой полк, который находился на доукомплектовании. Принял взвод и в тот же день приступил к занятиям.

Уже в полку узнал лейтенант Юханов, что небольшие плацдармы, захваченные нашими частями на западном берегу Нарвы, не были расширены. Не хватило сил. Войска Ленинградского фронта в этот период решали задачи на

Карельском перешейке, чтобы полностью обезопасить Ленинград. И только после разгрома вражеских войск севернее Ленинграда под Нарву двинулись основные силы.

Началось форсирование реки Нарвы. И снова в первом эшелоне действовал 593-й полк. Передовым взводом первого батальона был взвод лейтенанта Алексея Юханова.

Командир полка подполковник Кононенко знал способности и мужество этого офицера и был уверен, что он отлично выполнит боевую задачу.

Весь день просидел Юханов со своими солдатами в прибрежных камышах, ожидая долгожданной команды «вперед».

Начала работать артиллерия. Понеслись в стан врага пудовые «гостинцы», прочертили огненные трассы в небе «катюши». Будто раненый зверь, огрызался враг.

И вот прозвучало:

— Вперед, товарищи!

Взвод Юханова спустил лодки на воду. Посадка шла быстро. Всего несколько секунд — и передние лодки начали отчаливать от берега. В этот миг Юханова легко ранило. Уже в лодке он забинтовал руку.

Несмотря на то что несколько сот наших орудий и минометов обрушили на фашистов лавину огня, все же из бетонированных огневых точек врага по реке хлестал свинцовый ливень. На середине реки лодку Юханова разбило, но он остался жив. Собрав последние силы, Алексей вплавь добрался до вражеского берега. Там, под крутым откосом, группировались его бойцы, готовясь к бою.

Еще несколько лодок добрались до берега и доставили оружие, гранаты.

Юханов повел бойцов в атаку. Гранатами он забросал гитлеровский блиндаж, уничтожив при этом девять фашистов. Противник был выбит из первой траншеи на небольшом участке. Но важно было закрепиться.

Через 20 минут после начала переправы передовые части 131-й и 191-й стрелковых дивизий уже на более широком фронте ворвались в первую, а через полчаса и во вторую траншею врага. Боевые действия переносились вглубь плацдарма, к шоссе Нарва — Таллин.

Во время боя за вторую траншею лейтенант Юханов был ранен вторично. И опять не оставил боевой пост, продолжал выполнять задачу. Вот он уже ворвался со своим взводом в третью траншею врага, уничтожив в бою более десятка фашистов. И только по приказу командира полка Алексей Юханов был эвакуирован в тыл.

К вечеру первый город Советской Эстонии был освобожден от врага.

...Вернувшись из госпиталя, Юханов продолжал воевать. Но не дожидаясь радостного дня Победы, не узнав о том, что ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза. 29 сентября 1944 года героя не стало. Он погиб смертью храбрых за счастье своей Родины.

*А. И. АЗЕМКИН,
в 1944—1945 годах разведчик
1101-го стрелкового полка
326-й стрелковой дивизии*

КЛЯТВУ ВЕРНОСТИ СДЕРЖАЛИ

Помню, как в нашу деревню на коне приехал нарочный из райцентра — в 1941 году у нас не было телефонной связи. Он привез бумагу, в которой объявлялась мобилизация взрослых мужчин в Красную Армию. Сразу состоялся митинг. Все уходившие на службу клялись бить врага до полной победы. Мы, подростки, завидовали старшим и готовились взять в руки оружие.

В армию я пошел, когда мне исполнилось шестнадцать. Окончили мы снайперскую школу на станции Калачинская Омской области и в 1944 году поехали на фронт.

Я был зачислен в разведку 1101-го полка 326-й стрелковой дивизии. Работать приходилось много. Если часть разведчиков охраняла штаб, другие находились на переднем крае, участвовали в отражении вражеских атак, ходили в тыл противника за «языком».

Однажды нам была поставлена задача взять контрольного пленного. Группу возглавил командир взвода, лейтенант, по национальности узбек. В нее вошли комсомолец сержант Иван Бабкин, русский, бывалый воин; украинец Тяк, опытный разведчик, имевший к тому времени семь ранений, на фронте находился с первых дней войны; казах Тимотин, молодой разведчик, но обстрелянный. Мне, как снайперу, было поручено оценить подходы к месту предполагаемого захвата «языка».

Днем наблюдал за передним краем, ночью прислушивался к каждому шороху. Там, где мы наметили себе путь, ночью прогрехотали взрывы. В чем дело? Узнали только на рассвете. Оказалось, беспризорные коровы забрели на минное поле. Бедные животные, не сознавая того, помогли нам очистить от мин проходы.

Теперь оставалось подождать темноты и — в путь. А пока шла подготовка. Готовились к ночным действиям и наши соседи — дивизионные разведчики.

Скрытно перевалив через насыпь, по которой проходила наша оборона, мы направились к проходу в минном поле. Шли молча, ступая след в след. Предварительно разделились на две группы по три человека: группу захвата и группу прикрытия. Я оказался в последней. Миновали минное поле. Дальше путь лежал почти по открытой местности. Пришлось передвигаться ползком.

Когда до противника оставалось метров восемьдесят, группа захвата выдвинулась вперед. Проверили, так ли идем. Еще немножко — и на фоне неба вырисовался ствол вражеского пулемета. Расчета не видно.

Командир взвода махнул рукой, чтобы мы дальше не двигались. Сердце стучит, в висках тоже стук. Группа захвата ползет, но ползет очень медленно. Минуты кажутся вечностью.

И вдруг раздирающий душу крик. Два немца, что дежурили у пулемета, заметили наших разведчиков и бросились наутек. Автоматная очередь скосила их, но мы обнаружили себя. Вместо «языка» пришлось довольствоваться вражеским пулеметом. Пока группа захвата отходила, мы прикрывали ее. Затем они нас охраняли. И так, отстреливаясь, мы возвратились обратно. Добрались до своих без потерь.

В ту же ночь дивизионным разведчикам повезло больше, чем нам. Они устроили засаду на дороге и стали ожидать появления фашистов. Скоро появился солдат на повозке. Он вез кашу и суп, во фляге у него был спирт. Один из разведчиков знал немецкий. Он предложил пленному выпить для храбрости. И вот он с песнями, помахивая вожжами, правит свою повозку к нашим позициям. «Язык» что надо!

Пока мы ходили в разведку, гитлеровцы тоже не спали. Под покровом темноты они близко подошли к нашим окопам. Не успели мы как следует обогреться, нас подняли по тревоге. Гитлеровцы атаковали наши позиции как раз на том участке, где мы только что возвращались к своим. Завязалась отчаянная, хотя и беспорядочная, перестрелка.

Находясь в окопах, мы были в лучшем положении. Насыпь есть насыпь. Не многим из фашистов удалось прорваться к ней. В ход пошли гранаты.

В тот момент, когда патроны были на исходе, сержант Бабкин вспомнил про трофейный пулемет. Оружие врага заработало в умелых руках как надо. Однако через не-

которое время пулемет замолк, сержант Бабкин уткнулся лицом в бруствер. Фашисты снова полезли вперед. К пулемету подскочил находившийся поблизости солдат, и враг был прижат к земле.

Я в тот момент получил распоряжение сопроводить с поля боя раненого сержанта Бабкина, он был без сознания. Нашлись сани, сделанные из лыж специально для вытаскивания раненых. Мне предстояло перевезти его через озерцо по льду, разбитому минами. Где ползком, где бегом до противоположного берега я довез своего друга благополучно. Но вот опять та же злополучная насыпь. На мое счастье, здесь оказались два санитары. Втроем под пулеметным огнем мы смогли перетащить раненого через насыпь. Санитары перевязали его. А я тут же вернулся на передний край.

Много лет прошло с той поры. Но и теперь часто вспоминаю о своем боевом товарище сержанте Иване Бабкине.

*В. С. КАБАНОВ,
бывший командир отделения
третьего батальона
191-го гвардейского полка
64-й гвардейской стрелковой
дивизии*

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ...

Под Нарвой, когда наш 191-й гвардейский полк 64-й гвардейской дивизии с боями пробивался к указанному рубежу, противник из засады встретил нашу роту огнем. Случилось это ночью, в лесу. Выбыли из строя командир роты, командир взвода, тяжело ранило старшину. Рота застряла.

Раздумывать было некогда. Я схватил трехлинейку, за ремень пару ручных гранат. Командую: «Гвардейцы, вперед за нашу Родину! Ура!»

Бойцы поднялись и с криками «ура!» ринулись туда, где виднелись вспышки вражеских выстрелов. Гитлеровцы не выдержали нашего дружного натиска, отступили, оставив нам в качестве трофея свою малокалиберную пушку, из которой только что нас обстреливали.

За ночной бой в лесу я был награжден медалью «За отвагу», которую позднее, при освобождении Карельского перешейка, солдаты противника проббили автоматной пулей.

Другой эпизод, о котором хочу рассказать, произошел осенью на эстонском острове Саарема. Наша полковая

разведка донесла, что в ближайшем хуторе сосредоточилось несколько гитлеровских автоматчиков, которые своим огнем мешают нашему продвижению вперед.

Комбат Журавлев вызвал меня и приказал с отделением выдвинуться вперед и выбить из хутора засевших там автоматчиков. Отделение скрытно, где бегом, а где и ползком, миновало густо заросшую травой и кустарником поляну. У опушки леса гитлеровцы нас заметили и обстреляли. Мы открыли ответный огонь из автоматов, винтовок и ручного пулемета. Вражеские солдаты усилили стрельбу. Из глубины их обороны на нас полетели мины. И с нашей стороны ударили минометчики. Тогда немцы вызвали огонь артиллерии. Нам пришлось плотно прижаться к земле. К счастью, из отделения никто не пострадал, хотя у некоторых осколками пробило шинели.

Вскоре на опушке опаленного леса показались бойцы нашей роты. Впереди шел парторг Демченко.

— Ну как, орлы, живы? Молодцы, цепко держались!

Когда рота двинулась в наступление, меня автоматной пулей ранило в правое предплечье. Санинструктор, сделав перевязку, повел меня в медсанбат. По пути он рассказал, что наше отделение завязало бой не с несколькими автоматчиками, как предполагалось, а с довольно значительным фашистским десантом.

При разгроме Курляндской группировки наш батальон провел много упорных боев, отбил десятки атак и даже вывел из строя несколько «тигров». Потери личного состава были значительными, в связи с чем наш полк сдал занимаемый участок другой части, а сам отправился на отдых и пополнение.

Когда мы находились в 17—18 километрах от переднего края, полк подвергся налету фашистских самолетов. 17 бойцов получили ранения, один погиб. В числе раненых снова оказался и я. До сентября 1945 года пришлось быть в госпитале. Война без меня закончилась нашей славной победой.

*Ф. КАЗНАЧЕЕНКО,
в 1944 году
командир взвода разведки
253-й отдельной разведроты
191-й стрелковой дивизии*

НАХОДЧИВОСТЬ РАЗВЕДЧИКОВ

Это было в начале июля 1944 года. Наша 191-я стрелковая дивизия стояла в обороне на правом берегу реки Нарва, в трех километрах севернее Ивангорода, и готови-

лась к наступлению. Необходимы были точные сведения о противнике.

Наш взвод получил задание добыть «языка». Объектом для его захвата выбрали немецкий пулеметный расчет, к которому можно было подобраться по небольшой ложбинке. Перед пулеметной точкой один ряд проволочного заграждения. Заметили, что расчет состоит из двух человек, а у пулемета гитлеровцы дежурят по одному, меняясь через каждый час. Для захвата пленного это был, пожалуй, самый подходящий объект.

Трое суток мы тщательно вели наблюдение — изучали подходы и поведение противника. Расчет через каждые 15 минут давал длинную, «контрольную», очередь и через такой же промежуток времени пускал осветительную ракету. Мы наметили места пережидания в тот момент, когда будет освещена ракетой нейтральная полоса.

Все было тщательно подготовлено. Группа захвата состояла из четырех человек — двух саперов и двух разведчиков. Все были подобраны крепкие и ловкие ребята. Три человека составляли группу обеспечения.

И вот темной ночью мы отправились за «языком». Дойдя до нейтральной полосы, я обратил внимание, что пулеметный расчет что-то молчит — не ведет огня и не пускает осветительных ракет уже с полчаса. Этого у немцев при их пунктуальности вроде бы не должно быть. Значит, на нейтральной полосе у них есть свои — или минеры, или разведчики.

Дал команду остановиться. Залегли и начали наблюдать: одни справа, а другие слева. Минут через двадцать слева заметили группу немцев, продвигавшуюся в сторону нашего переднего края. Нас они не заметили. Поэтому я решил изменить направление движения своей группы.

Мы незаметно пристроились «в хвост» немецкой группе, решив подпустить поближе к нашим траншеям и внезапно напасть на них с тыла. Бесшумно, ножом, сняли двух гитлеровцев, шедших позади (одного снял разведчик Солнцев, а второго — младший сержант Самырин). Они тотчас же заняли места убитых фашистов и, как ни в чем не бывало, пошли в немецкой группе.

На остальную часть группы мы напали с трех сторон: справа, слева и сзади. Гитлеровцы растерялись. Мы быстро разоружили их и пленили вместе с офицером.

Доставили «языков» в штаб дивизии. На допросе они дали ценные сведения, необходимые нашему командованию. Забавно, что они, оказывается, сами шли захватить у нас «языка» из боевого охранения, которое выставлялось

обычно впереди траншеи. Но получилось все наоборот. Пошли они по шерсть, как говорят, а вернулись стриженными...

*Я. Д. ЗРАЖВА,
гвардии подполковник в отставке,
в 1944—1945 годах пропагандист
314-го стрелкового полка
46-й стрелковой дивизии*

У ЛЕНИНСКОГО ШАЛАША

10 июня 1944 года воины нашего 314-го стрелкового Краснознаменного полка, в котором я был пропагандистом, поклялись у ленинского шалаша в Разливе разгромить врага в боях и донести полковое Знамя до Берлина. Свою клятву мы выполнили. Великой силой, которая двигала нас к Победе, была братская дружба народов, пролетарский, социалистический интернационализм.

В период ожесточенных боев в Восточной Пруссии мне часто приходилось бывать в 3-м стрелковом батальоне. В ходе боев там сложился замечательный воинский коллектив: плечом к плечу сражались воины четырнадцати национальностей.

Вспоминаются старшина роты полтавчанин комсомолец Анатолий Николаевич Бурлак. Смелый, решительный, он не терялся в сложной обстановке. Храбрыми солдатами были командир отделения чуваш Цыганков, второй номер расчета станкового пулемета татарин Хабибулин. Первым номером в расчете служил Казанцев, уроженец Дальнего Востока. Он за войну получил 12 ран и каждый раз после выздоровления возвращался в родной полк. Особенно отличились Хабибулин и Казанцев в бою у населенного пункта Оттошен. Эта деревня несколько раз переходила из рук в руки. Здесь совершил бессмертный подвиг парторг батальона старший лейтенант Терешин. В критическую минуту боя он вызвал огонь «катюш» на себя.

Храбро воевал белорус комсомолец Каляга. Он героически погиб в атаке под Цеханувом, в Польше. Примером для солдат был и командир взвода удмурт лейтенант Садыков. Всегда уравновешенный, спокойный, он и в бою оставался таким. Однажды во время жестокой схватки с врагом в его автомате не осталось ни одного патрона. Но лейтенант не растерялся. Выхватив ракетницу, он в упор разрядил ее в подбежавшего гитлеровца.

Большинство бойцов батальона были русские. Помню ручного пулеметчика Василия Васильевича Семочкина, че-

ловека храброго и сметливого. Всеобщим любимцем был и Сергей Моряков, отличный баянист и отважный воин. Он вынес с поля боя раненого командира батальона капитана Дакало.

Нельзя забыть энергичного взводного агитатора Михаила Федоровича Иванова. Он пришел в наш полк из 10-й ленинградской партизанской бригады. В ходе боев в Восточной Пруссии он и многие другие воины батальона были приняты в партию. Ныне Иванов — преподаватель физики в Псковском сельхозтехникуме.

Многие ветераны полка — Герой Советского Союза подполковник И. С. Зенин, капитаны Д. М. Скотников, И. А. Коровкин, Д. Ф. Николаев и другие — работают инженерами, учителями, директорами предприятий в Ленинграде, других городах нашей Родины. Своей самоотверженной работой они умножают славные традиции советского народа.

*Е. И. ЕГОРОВА,
в 1942—1945 годах
капитан медицинской службы,
старший врач 941-го артполка
372-й стрелковой дивизии*

ПОЛКОВОЙ ВРАЧ

Я получила письмо совета ветеранов 2-й ударной армии с просьбой написать воспоминания о своей фронтовой службе. Берусь за это охотно, ибо теперь это — история. В первые послевоенные годы хотелось скорее забыть о войне, выбросить ее из памяти, как кошмарный сон. А теперь чем дальше мы уходим от тех лет, тем яснее становится, что забывать о ней нельзя. Хотя бы потому, что мы обязаны рассказать о ней молодежи, чтобы не допустить новой.

Начну с того, что сразу после окончания Пермского медицинского института в июне 1942 года весь наш выпуск распределили по военным округам. Я в числе других 75 выпускников получила назначение в Московский военный округ. И сразу же нас направили товарным эшелоном на фронт.

В Вологде нас всех оставили на кратковременную военную подготовку. На курсах были не только мы, выпускники медвуза, но и врачи разных возрастов и воинских званий, в том числе даже пожилые, уже побывавшие на фронте. По прошествии двух месяцев за нами приехал представитель фронта.

В Тихвине прямо с вокзала отправились в один из госпиталей, располагавшийся в полуразрушенном монастыре. Здесь из нашей группы отобрали десять человек и отправили в Волхов, а остальных врачей распределили по эвакуогоспиталям Тихвина. В числе десяти оказалась и я.

К месту назначения мы приехали в 2 часа ночи 14 сентября. Узкой лесной тропинкой направились в эвакуогоспиталь. Здесь немного отдохнули, обогрелись, а потом начальник госпиталя дал нам направления в полевые подвижные госпитали (ППГ).

Наконец я на месте. Устроилась в шалаше из хвойных веток, где жили медсестра и только что прибывшие сюда молодые врачи из нашего эшелона — Катя и Нина.

В нашем полевом подвижном эвакуогоспитале, который представлял собой довольно обширный палаточный городок, находились тяжелораненые. Обстановка не давала времени на постепенное втягивание в медицинскую практику. Уже через несколько дней по прибытии я сделала первое переливание крови раненому с помощью шприца, а еще через день мне пришлось самостоятельно делать плевропункцию. Еще через день взялась за скальпель.

Раненых было много. В перевязочной работали три врача на трех самостоятельных столах (в одной палатке). Целыми днями с утра и до позднего вечера мы были заняты перевязками и мелкими операциями — рассечением ран, удалением осколков из ран и др.

В перевязочной мы работали вместе с Тамарой Бакалдиной (она из нашего института и приехала вместе со мной) под руководством старшего ординатора, которая по возрасту была чуть старше нас.

Моим нынешним заметкам помогает мой дневник, который я тогда вела. Поэтому многие события сообщаю с предельной точностью.

18 сентября 1942 года во время моего ночного дежурства пришлось вызвать хирурга на срочную операцию к только что доставленному тяжелораненому. На операции присутствовал главный хирург фронта Вишневский, которого я в ту ночь увидела впервые. Уже тогда я много слышала о нем, но почему-то представляла его рослым, солидным. Оказалось, что он маленького роста, худощавый, в больших роговых очках, разговорчив, подвижен.

В конце сентября я и моя подруга Тамара Бакалдина попали в 372-ю стрелковую дивизию. Тамара — в зенитный полк, а я — в 941-й артполк. С этой дивизией мы прошли весь боевой путь до дня Победы.

10 октября я прибыла в свой полк. Стояла хорошая и

относительно теплая погода, светило солнце. В районе расположения хозяйственной части, куда я пришла, только что закончился обед, который готовился на костре. Мне тоже предложили поесть, от чего я, разумеется, не отказалась.

После обеда начальник вещевого склада повел меня на склад за обмундированием. Маленьких размеров обмундирования не оказалось. Я получила кирзовые сапоги на три размера больше моего, длинную, почти до пят, шинель, синие брюки-галифе (в то время для женщин на фронте юбок и платьев еще не было), гимнастерку, пилотку (которую позже сменили на темно-синий берет) и брезентовый ремень.

Вскоре приехал за мной на санлинейке санитар Морозов и отвез меня в санчасть, или иначе на ПМП (полковой медицинский пункт), который размещался в двух землянках. В одной из них жили медицинские работники ПМП: старший врач Дудников Леонид, военфельдшер Романова Мария Васильевна, санинструктор старшина Новгородцев и два санитары — Нужных и Морозов.

Помнится, наш полк в это время располагался в районе Апраксина городка, от которого осталось одно только название.

Потом показали мне вторую землянку, в которой находились раненые и больные. Войти в землянку можно было только согнувшись. В правом углу стоял маленький столик на четырех жердочках, накрытый простыней. На столике были аккуратно размещены медикаменты: флаконы с раствором риваноля, спиртом, настойкой йода, лежал стерилизатор со шприцами, иглами и пинцетами, ножницы большие и маленькие, перевязочный материал. Рядом на землянке полу стояли шины. Носилки находились около землянки. С левой стороны на хвойных ветках, прикрытых старенькими одеялами, лежали четверо больных солдат в шинелях, шапках и ботинках.

Землянка еще не отапливалась, было холодно и темно. Днем свет проникал только через открытую дверь, вечером и ночью во время приема раненых и больных землянка освещалась плошкой, заполненной каким-то жиром, в котором плавал и нещадно коптил фитилек. В землянке было очень тесно. Все это для меня на первых порах было непривычным и неудобным. Но вскоре я узнала истинную цену этим сооружениям. Если они у тебя были — считай это за большое счастье. Землянки нас спасали не только от холода и непогоды, но и от осколков снарядов, мин, бомб. Конечно, от прямого попадания они нас спасти не могли.

Вскоре привезли тяжелораненого. Старший врач Дудников послал меня принимать его. Сам не пошел, сразу предоставив мне самостоятельность. Я шла к раненому и волновалась: сумею ли справиться и сделать все, что требуется? Попытались внести раненого на носилках в землянку. Но носилки не вместились, один конец их оставался за дверью. Так и оказывала помощь раненому, не снимая его с носилок. Фельдшер Романова заполнила на раненого карточку передового района, и пострадавшего отправили в медико-санитарный батальон.

Итак, началась моя работа в ПМП. Несколько позже стала ходить в дивизионы и на батареи, где проверяла санитарное состояние походных кухонь, осматривала поваров, делала в положенные сроки профилактические прививки личному составу полка, проводила профосмотры пополнения и т. д. Больше приходилось жить и работать в палатках, а иногда и под открытым небом.

Боевая обстановка заставила меня быстро ко всему привыкнуть. Примерно через месяц я бралась за все уже уверенно. С каждым днем пополнялись мои практические навыки. Все больше, глубже и ближе познавала фронтовую жизнь. А через два месяца уже могла решать сложные вопросы по оказанию медицинской помощи раненым, их эвакуации, вела отчетную документацию. В период затишья между боями проводила занятия с фельдшерами и санинструкторами дивизионов. Вскоре научилась верховой езде — это было необходимо в лесисто-болотистой местности.

В первой половине 1943 года старший врач Дудников все чаще стал давать мне поручения, которые раньше обычно выполнял сам. Оказалось, что он очень серьезно болен. Лишь когда ему стало совсем плохо, согласился на лечение. Из госпиталя, куда он был эвакуирован, мы получили от него единственное письмо, из которого узнали, что у него туберкулез почек и легких. Видимо, он чувствовал, что уходит из жизни. В конце письма были такие слова: «Лучше бы я погиб на фронте, защищая нашу Родину, чем умирать в тылу». О его смерти сообщили из госпиталя на имя командира нашего полка подполковника Георгия Андреевича Столпникова.

После эвакуации старшего врача я осталась одна (по штату в нашем полку полагалось два врача). Вся медико-санитарная работа легла на меня. Пришлось также решать самой и все административные вопросы. А их было немало. Тут и забота о благополучии персонала, о выборе

места для ПМП при передислокациях, доклады командиру полка и начсандиву, разная отчетная документация, наблюдения за санитарным состоянием пищеблоков полка, организация ночных постов при медпункте и заботы о наличии конного транспорта. За весь период моего пребывания в 941-м артполку выбыло по разным причинам пять врачей, и каждый раз мне приходилось какое-то время (порой весьма длительное) быть одновременно и младшим и старшим полковым врачом. Было, конечно, нелегко, но я не роптала. На фронте всем было тяжело.

А теперь мне хотелось бы перелистать мои дневниковые записи, относящиеся к последним дням войны.

5 мая 1945 года утром мы выехали к переправе на берегу Балтийского моря. Огромное скопление груженых машин и самоходной техники, много обозного транспорта, людей. Все спешат, суетятся. Каждый старается быстрее переправиться. Стояли в очереди на переправу и наши дивизионы. Простояли с утра до вечера, но в тот день так и не переправились.

Но вот и мы получили разрешение погрузиться. На большую баржу нам удалось поместить две повозки, а две другие пришлось грузить на маленькую баржу, буксируемую катером. Закреплять повозки, машины и орудия как следует некогда, угроза бомбежки торопит людей.

Во время погрузки с одной нашей повозки упал в воду мешок с перевязочным материалом и два мешка с шинами. Шины утонули, а мешок с бинтами и ватой держался на воде. Какой-то солдат прыгнул в воду и спас нашу драгоценность.

Только успели отчалить, катер сел на мель. Мы кружились на воде, пока он не снялся с мели. Но случилась новая беда — на катере вышла из строя помпа, и мы снова кружим на воде около двух часов. Наконец нашу баржу взяла на буксир моторная лодка и потихоньку дотащила до противоположного берега.

Так мы оказались на острове Рюген. Остановились на ночлег в два часа ночи в большом каменном доме. На первом этаже пусто, беспорядок. На втором живут старенькие хозяева дома. Увидев нас, до смерти перепугались, не знали куда деваться. Плакали от страха, хотя мы ничего плохого им не делали. Нам было не до них, все очень устали и, наскоро перекусив, расположились отдыхать на полу, кто как мог.

На другой день продвинулись в глубь острова еще на несколько километров и остановились в курортном

городе. Устроились в гостинице, недалеко от нашего штаба полка.

8 мая утром узнали об окончании войны. Даже не верилось, что могут прекратиться военные действия. Утром 9 мая нам зачитали приказ об окончании войны.

Наконец-то! Нашей радости не было предела! Всеобщее ликование! Радовались тому, что победили и что остались живы, что все ужасы и тяготы войны теперь уже позади.

Не всем довелось дожить до этого счастливого дня. Многие наши ребята — наши боевые друзья, героически защищавшие нашу прекрасную и любимую Родину от проклятого фашизма, остались навечно на полях сражений. Назову лишь некоторых из однополчан: майор Л. Макарычев — начальник штаба полка, майор Жуков — заместитель командира полка по политчасти, капитан Бельчич — командир батареи, капитан Федоров Миша — начальник разведки дивизиона, капитаны Илья Губанов, Калинин, Иван Рубашка, старший лейтенант Александр Кокин — командир штабной батареи, лейтенант Петр Воскубейко и многие другие офицеры, сержанты и рядовые. На всю жизнь они остались в моей памяти.

Некоторых из тех, кто дожил до Победы, мне удалось разыскать уже через 30 лет после войны. В 1976 году я встретилась с бывшим командиром нашего 941-го артполка гвардии полковником Кошиком Митрофаном Игнатьевичем.

Вскоре, однако, его уже не стало. Удалось встретиться мне с бывшим командиром 5-й батареи старшим лейтенантом Сашей Саблиным. Теперь Александр Федорович работает в одном из омских совхозов главным ветврачом. Разыскала бывшего начальника разведки полка капитана Сашу Ильина. Он был шесть раз ранен. После войны Александр Васильевич Ильин окончил военную академию. Закончив военную службу в чине полковника, продолжает работать: ныне он преподаватель института. В Воронеже проживает ветеран нашего полка Горбачев Василий Михайлович. Там же в Воронеже работает офицер Дуда Николай Андреевич, бывший заместитель начальника штаба полка, во время войны он был капитаном.

Можно было бы продолжить перечень однополчан, но скажу лишь одно: все, о ком мне довелось узнать, трудятся честно, добросовестно, с полной отдачей сил на благо нашей Родины. Иначе и быть не может. Патриот Родины всегда им остается, какую бы работу он ни выполнял. Для ветеранов войны это наиболее характерно.

*В. ЖУРАВКИН,
подполковник в отставке,
бывший
начальник политотдела
185-й танковой бригады*

ВСТРЕЧА С БОЕВЫМ ЗНАМЕНЕМ

День Победы для каждого человека — волнительный праздник. Для бывших фронтовиков — особенно. Однополчане в письмах поздравляют друг друга, приглашают на встречи, вспоминают нелегкий боевой путь.

Трудной дорогой к Победе шла наша 185-я танковая бригада. Ее личный состав участвовал в прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года и в окончательном ее снятии в январе 1944 года.

Часто ветераны бригады навещают Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Подолгу стоят у стендов с реликвиями боевой славы. С волнением смотрят на Боевые Знамена, вспоминая славную историю нашей бригады.

В первый год войны обстоятельства не позволили вручить нашей бригаде Боевое Знамя. Времени на формирование было отпущено мало, бригада в спешном порядке была отправлена на Волховский фронт.

Командир полковник Е. А. Юевич поручил политотделу позаботиться о Боевом Знамени бригады. Все мы понимали важность этой меры. Боевое Знамя — символ воинской чести, доблести и славы, напоминание каждому воину о его священном долге перед Родиной.

Но где найти Знамя? Помог случай. В политотдел танкисты принесли красное знамя, найденное ими в отбитом у врага населенном пункте. Оно, видимо, принадлежало какому-то предприятию, возможно совхозу или колхозу. В верхней части знамени было вышито шелком: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а в середине — Герб Советского Союза. Мы сохранили в неприкосновенности эту сторону знамени, а на другой написали номер нашей воинской части и призыв: «Смерть немецким оккупантам!» Знамя закрепили на древке с пятиконечной бронзовой звездой.

И вот в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции — 7 ноября 1941 года — состоялась торжественная церемония вручения бригаде Боевого Знамени. Было морозное утро. В лесу неподалеку от переднего края построились танкисты. Представитель политотдела армии вручил бригаде Боевое Знамя. Командир бригады от имени воинов дал торжественную клятву Родине. С большим

воодушевлением выступили старший лейтенант Лямзин, старшина Колесников, другие танкисты.

Более сорока лет прошло с тех пор, а память сохранила все детали того дня. Выступал на митинге и я. Заверил командование, что бойцы, командиры и политработники бригады с честью пронесут Знамя по полям сражений и добьются победы над германским фашизмом.

В длительной и тяжелой борьбе с врагом танкисты показали беспрецедентную храбрость и величайшее мужество.

В июне 1943 года на основе бригады был сформирован 185-й отдельный танковый полк. В 1944 году он был удостоен наименования «Ленинградский». За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с фашистскими захватчиками при освобождении Советской Эстонии 185-й отдельный Ленинградский танковый полк был награжден орденом Кутузова III степени.

Закончилась война. Многие части были расформированы, в том числе и бывшая наша бригада. А где ее Боевое Знамя? Длительный поиск привел меня в Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Оказалось, что Боевое Знамя 185-й танковой бригады находится там на вечном хранении. И вот оно перед нами — перед группой ветеранов-танкистов, — выцветшее от времени, опаленное в битвах. Преклонив колена, мы целуем святыню.

*А. И. ЧЕРНУХИН,
бывший командир взвода и роты
1062-го стрелкового полка
281-й стрелковой дивизии*

БОЙ ИДЕТ В ГОРОДЕ

Война застала меня учеником 45-й школы в Москве. И хотя до моего призывного года оставалось еще много времени, мы, московские мальчишки, считали себя мобилизованными и старались помогать фронту. В составе пожарных дружин почти ежедневно дежурили на крышах, гасили фашистские зажигалки. Потом вели окопные работы на Можайском оборонительном рубеже. И все это при частых бомбежках и обстрелах фашистских самолетов. В 16 лет мне многое довелось испытать.

В Красную Армию призвали лишь в 1943 году. Окончив командное училище, я в чине младшего лейтенанта прибыл в 1944 году в резерв 2-й ударной армии. С ней и связана моя военная судьба. Был я здесь командиром пулеметного взвода, командиром стрелкового взвода, команди-

ром штурмовой группы, командиром роты. Участвовал в разгроме восточно-прусской группировки. Войну закончил вместе со своей армией на острове Рюген.

Все, что довелось увидеть на войне, невозможно описать. Расскажу о том, что больше всего врезалось в память.

Небольшой населенный пункт под Мариенбургом. Двухэтажный кирпичный дом с бетонированным подвалом. Двор обнесен кирпичным забором. Еще три кирпичных одноэтажных дома, каменные сараи и конюшни за оградой. Перед всем этим — траншеи с пулеметными гнездами и колючей проволокой. Внутри двора — противотанковые пушки и даже минометная позиция. Расположенный на возвышенности справа лес тоже таил в себе немало загадок.

Несмотря на осветительные ракеты и пулеметную трескотню, накапливаемся в ложинке поближе к фольварку. На рассвете после короткой артподготовки — атака. Удалось зацепиться лишь за первую траншею.

Повторяются артналет, атака. Огонь со стороны противника заметно уменьшился. Врываемся за ограду. Противник выбит из одноэтажных домов. Но со стороны двухэтажного дома продолжается пулеметная и автоматная стрельба. Сосредоточиваем огонь по дому, гранаты достигают цели. В окне появляется белое полотнище. Выходят обезоруженные немцы, кричат: «Гитлер капут!» Сдались в плен около 120 защитников этого совсем, казалось бы, мирного хутора.

И много таких фольварков встречалось на пути.

В городах Восточной Пруссии мы не встречали гражданского населения: эсэсовцы угоняли его вглубь страны. А вот Эльбинг был полон гражданских людей. Город сильно укреплен, много артиллерии, минометов, танков, самоходных орудий.

Командир роты наметил объект атаки моему стрелковому взводу. Справа от меня аэродром, слева наступает взвод Василия Юркина. Несколько раз поднимались в атаку и с потерями отходили. Не помню, в какой уж по счету день нам удалось зацепиться за пригород. Сплошной шквал огня со стороны противника. Теряем людей, но позиции не уступаем.

С нашей стороны такой же огонь по противнику. По-немногу продвигаемся вперед. Убит командир полковой разведки, разведчики уносят его в укрытие. Старшина доложил мне, что в направлении нашего наступления обнаружен лагерь советских людей, угнанных фашистами на работу в Германию.

Приказываю с соблюдением осторожности обтекать его справа и слева. В ход пошли дымовые шашки, чтобы противник не видел направления нашего движения. Бутылки с зажигательной жидкостью полетели в дома, откуда противник вел сильный огонь. Помогли гранаты, огнеметы. Вот еще один большой кирпичный дом. Из него непрерывный огонь, невозможно поднять головы. Поддержали нас два 45-мм орудия. Дом взят штурмом. Следующие дома расположены уже за лагерем.

Входим в один из лагерных барачков. Шесть мужчин и женщин лежат лицом вниз. Убиты в затылок. Такая же картина и в других бараках.

В бараках длинные коридоры. С обеих сторон запертые двери. Открываем одну. Комнатушка метров четырнадцать. По сторонам двухэтажные нары, посередине сколоченный из досок длинный стол, в углу большая бадья-параша. Окна забраны решетками. Десять семей находилось в каждой такой комнате-камере. Когда мы появились на территории лагеря, уцелевшие люди со страхом выходили, выползали из укрытий, ям и канав. У всех слезы на глазах.

Мужчины призывного возраста, освобожденные из лагеря, тотчас же заявляли о желании вступить в армию и влились в нашу дивизию. Ко мне во взвод попал мужчина лет около пятидесяти, Максим Коноваленко. Он был угнан вместе с семьей из Донбасса. Проводив свою семью на родину (жену и трех малолетних дочерей), он пошел с нами мстить фашистским злодеям.

После семи дней ожесточенных и кровопролитных боев мы взяли Эльбинг. Наш новый красноармеец Максим Коноваленко сообщил мне, что он по специальности артиллерист. Он стал у нас наводчиком 45-мм орудия.

На подступах к Данцигу мы были обстреляны из шестиствольного миномета. Урона не понесли. Меня назначили командиром штурмовой группы. Сосед слева — наш командир пулеметной роты капитан Байсаринов — тоже во главе штурмовой группы. Мы получили дополнительно 45-мм орудия, станковые пулеметы.

Очень тяжело было брать город Данциг. Дома большие, каменные. Монастыри, костелы — все это опорные пункты врага. Город пересекают широкие каналы. На его защите много танков и самоходок, кочующих шестиствольных минометов. В домах — пулеметные гнезда. Всюду снайперы, автоматчики, фаустники, огнеметчики.

Поставлена задача зацепиться за ближние здания пригорода. Три дня штурмуем их. Каждый дом изрыгает огонь. Вот выдвигается на прямую наводку орудие Макси-

ма Коноваленко — смолкают два вражеских пулемета. Сорокапятка — в укрытие, а через некоторое время снова бьет по врагу. На этот раз подбита самоходка, но и нашим не повезло: разрыв вражеского снаряда под орудием — и наш новый наводчик Максим Коноваленко гибнет смертью героя.

Повторный бросок. Зацепились за следующий дом. Очищаем его от врага. Кто — в подвал, предварительно забросав его гранатами, кто — на первый этаж. Мы с командиром отделения Ткаченко — на второй. В этот момент нервное напряжение на пределе, палец на спусковом крючке. Доля секунды многое значит: кто быстрее даст очередь, тот победит.

Из окон второго этажа ведем огонь по следующему дому. Нам видно, как фашистская самоходка выдвигается между домами и делает выстрел. Отходит к нам под окна. Вот когда пригодилось умение разить врага его оружием. После Эльбинга нас обучали пользоваться фаустпатронами. Я уже заметил, что в соседней комнате два ящика с фаустпатронами.

Поднимаю прицельную планку, выдергиваю предохранительную чеку из нажатого спускового рычага, прицеливаюсь, плавно разжимаю руку, удерживающую рычаг. Резкий толчок — и почти в этот же миг взрыв в самой середине «фердинанда». Самоходка объята пламенем.

А наша группа уже нацелена на следующий дом. С захватом каждого дома недосчитываемся своих товарищей, друзей. Вот уже никогда не поднимется боец Савостин, командир взвода Игорь Лухтионов, многие другие.

К вечеру закрепляемся там, где застала темнота. Но вот случайный выстрел, и с обеих сторон поднимается пальба, сплошные трассирующие нити в обе стороны. Так в беспорядочных перестрелках, не сомкнув глаз, до утра.

На следующее утро беспрепятственно взяли расположенные впереди два больших дома. И перед нами открылась такая картина: широкий канал на нашем пути. Вот почему гитлеровцы оставили эти дома. На той стороне, видим, разворачиваются самоходки. Из-за дома выглядывают артиллерийские стволы. Невдалеке мост через канал полуразрушен. Нам бы прорваться к каналу, там есть где укрыться.

Пошел с подчиненными в атаку. Слева капитан Байсаринов, справа лейтенант Юркин. Шквал огня со стороны противника. Пристрелян каждый метр, каждый камень. Пяти отважным все же удалось прорваться к каналу и там спрятаться в углублении.

Прошу артподдержки. Поработали наши артиллеристы. Но и вторая атака не привела к решающему успеху, лишь три бойца перебрались на ту сторону. Неизвестно, живы ли они?

Веду наблюдение из окна. Замечаю, что через мост пробежали беспрепятственно три человека в штатском. «Может быть, и нам так же?» — говорю Ткаченко. Даю команду: он и еще двое надевают на себя темные пальто, шапки. Автоматы под полой. Благополучно перебежали. Через 15 минут беру с собой еще двоих, переодеваемся и таким же манером через мост. За себя оставил старшину Юшкова.

За каналом у разрушенного сарая вижу своих. Нас уже человек двадцать. Можно действовать. Огонь из автоматов, гранаты в окна. Врываемся в большой пятиэтажный дом. Сплошной треск автоматных очередей. До вечера выкорчевываем фашистов с каждого этажа, из каждой квартиры.

Очередь, бросок в сторону. Вспышка сбоку — туда очередь. Перебежка во вторую комнату — и опять очередь, бросок гранаты.

Конец марта. Данциг полностью очищен от фашистов. Берем их в плен без оружия. Уцелевшие охотно бросают его, так как им деваться некуда. За Данцигом гитлеровцы взорвали дамбы, и все залито водой, кроме выступающих из нее дорог. А отступать по такой дороге — стопроцентная гибель.

Вот так и брались вражеские города.

*А. Ф. ТИМОФЕЕВ,
в годы войны
помощник командира
53-го отдельного
ремонтно-восстановительного
батальона по технической части*

СМЕКАЛКА РЕМОНТНИКОВ

Мне выпала большая честь три года быть в рядах защитников города Ленина. Наша 53-я подвижная ремонтная база с Западного фронта своим ходом была направлена на Волховский, куда прибыла в середине ноября 1941 года. Не успев полностью развернуться, мы стали принимать в ремонт боевую технику — танки, тракторы, автомобили, прибывавшие с передовой из-под Тихвина, где в это время шли тяжелые бои. Вскоре наши войска перешли в наступление и освободили Тихвин.

Во время наступления технику ремонтировали непосредственно в войсках. Выдвигали туда подвижные ремонтные летучки. Это сокращало время ремонта, а следовательно, и простой боевой техники, в которой ощущалась острая необходимость.

В феврале 1942 года наша рембаза была преобразована в 53-й отдельный ремонтно-восстановительный батальон. Командиром его назначили капитана Зиновьева. Помощником командира по технической части доверили работать мне. Мы перебазирувались в лес под Будогощь, где в это время шли тяжелые бои. К нам поступало много разбитой техники. Материально-техническая база батальона была слабая, ощущалась острая нужда в запасных частях и оборудовании. Да и работы производились в холодных, непригодных помещениях, часто и под открытым небом. Трудились по 14—16 часов в сутки.

Недостаток квалифицированных кадров восполняли технической учебой тех, кто у нас находился. Как говорят, по одежде и ноги протягивали. Укреплять материально-техническую базу помогала рационализаторская работа. Мы сами изготовляли подвижные краны для снятия двигателей с шасси машин и тележки для перемещения тяжелых грузов. Разработали для наших конкретных условий технологическую карту ремонта, реставрации и изготовления деталей. Наладили литье и обработку поршней для различных двигателей. Сконструировали и изготовили различные стенды для сборки, обкатки и проверки разных марок двигателей, отечественных и трофейных. О том, что нам удалось достичь в этом заметных успехов, может свидетельствовать такой факт. В ноябре 1942 года в Москве на выставке по организации ремонта боевой техники в полевых условиях были продемонстрированы детали, реставрированные и изготовленные в нашем батальоне.

В начале января 1943 года наш ремонтно-восстановительный батальон был поднят по тревоге и переброшен на станцию Войбокало. Здесь требовалась наша помощь войскам, участвовавшим в прорыве блокады Ленинграда. В эти исторические дни личный состав работал с особым воодушевлением и напряжением.

В середине 1943 года наш батальон был объединен с 46-м, действовавшим на нашем же фронте в районе города Волхов. Вновь созданный батальон после этого значительно усилился, окрепла его материально-техническая база, повысилась подвижность. Его стали с уважением называть «заводом на колесах».

В октябре 1943 года наш батальон (теперь он именовался 46-м) был направлен на Ораниенбаумский плацдарм. Когда началась последняя битва за Ленинград, наши подвижные летучки расположились вдоль оси наступления. Самоотверженно работали ремонтники. Сотни машин, временно получив необходимую техпомощь, снова становились в боевой строй.

Войска 2-й ударной армии вышли к городу Нарва. Наш батальон передислоцировался в Кингисепп и разместился в бывших конюшнях. Одна конюшня была с крышей, у остальных — лишь стены. Здесь мы работали до августа, получив возможность значительно улучшить технологический процесс и резко повысить качество ремонта. Батальон был переведен на новый штат, и ему был присвоен новый номер — 232.

Однажды к нам прибыла группа кинооператоров из Ленинграда и сделала короткометражный фильм о батальоне и его личном составе. Можно себе представить радость воинов, когда перед одним из киносеансов была показана эта лента. В фильме мы увидели наших передовиков — ленинградцев токаря В. И. Зиновьева, который на примитивном оборудовании освоил обработку поршней нашего литья; слесарей Минаева и Кривова, отлично реставрировавших почти любые детали; старшину Максимова, плотника-столяра Сафонова и многих других.

До сих пор перед моими глазами стоят, как живые, те, кто вынес на своих плечах всю тяжесть организации работы по ремонту техники и сплочению нашего коллектива. В их числе командир второй роты А. Сагайдак, командир взвода по ремонту двигателей Н. Симаров, командир взвода сварочно-кузнечных и жестяночных работ Г. Лебедев, командир взвода по ремонту электрооборудования автомобилей и обеспечения электроэнергией А. Иванов, командир взвода монтажных работ И. Семенов.

Припоминаю, как еще в самом начале пребывания на Волховском фронте мы испытывали большие трудности с бензином. Летом 1942 года лимит бензина был резко сокращен, получали его с перебоями. Обкатка автомобильных двигателей после ремонта на стенде, а также автомашин пробегом была доведена до минимума, что отражалось на качестве ремонта. И вот тут-то нас выручила солдатская смекалка. Слесарь Минаев высмотрел где-то на торфоразработках брошенный паровик. Мигом нашлись охотники в разведку для определения возможной эвакуации паровика из зоны обстрела. Отряд со средствами эвакуации — гусеничным трактором и несколькими длинными тросами —

возглавил наш замполит И. М. Арсентьев. Гитлеровцы обнаружили эту дерзкую группу и открыли по ней огонь лишь тогда, когда паровик был уже вне опасности.

Паровик отремонтировали, построили для него специальное помещение, установили трубу. Нашли ремень для генератора и запустили. После этого без затраты бензина генератор обеспечил электроэнергией работу всех наших станков и механизмов. Не мучились больше и с освещением летучек и других помещений. Но паровик демаскировал нас своей дымогарной трубой. Умельцы и тут нашли выход из положения: сделали хитроумный рассеиватель дыма и искроуловитель.

В августе 1944 года батальон переправили через Чудское озеро на парамах в Эстонию вслед за наступавшими войсками армии. Потом мы были в Польше и наконец в логове гитлеровского милитаризма — Восточной Пруссии. На дорогах наступления действовали наши подвижные ремонтные отряды. Непрерывно совершенствовалась и материально-техническая база. Была заменена часть устаревших токарных станков. В трофейном автобусе установили шлифовальный станок. Пополнили летучки разным гаражным оборудованием и инструментом.

В связи с насыщением базы техникой мощности наших электростанций стало не хватать. Электрики проявили инициативу: нашли мощный генератор, установили его на прицепе, а в кузове машины смонтировали дизельный двигатель, что также было очень важно, так как бензина нам по-прежнему недоставало. Генератор, работавший от дизеля, позволил нам обеспечить не только все наши производственные потребности, но и дать энергию госпиталям, которые находились поблизости. В благодарность за это нам предоставили возможность пользоваться госпитальной баней и прачечной.

*В. А. ВЕТРОГОНСКИЙ,
в годы войны рядовой
2-й ударной армии.
Ныне заслуженный художник
РСФСР, член-корреспондент
Академии художеств СССР,
профессор*

ТРЕТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Молодые корреспонденты осаждают ныне ветеранов, желают из уст очевидцев узнать правду о Великой Отечественной войне. Оказалось, что о пережитом рассказать не так-то просто.

Однажды ко мне обратился молодой журналист с просьбой рассказать ему, что я делал во время войны. Я ему сообщил, что иногда приходилось садиться на танк, на башне которого было написано «За Родину, за партию!», и идти в бой. Позднее журналист написал обо мне, что я был танкистом.

Как-то незадолго до юбилея Победы раздался телефонный звонок из редакции журнала «Костер». Видимо, сотрудница заинтересованно спрашивала о моих фронтовых рисунках. При встрече я показал наброски. Выбор пал на мою зарисовку радиста сержанта Лени, выполненную в промежутках между боями под Ленинградом. В комментариях к моему рисунку в журнале было сказано, что я был на войне связистом.

Ни танкистом, ни связистом я, однако, не был, а служил пехотинцем, стрелком-автоматчиком. В соединении, где сражался и погиб в 1942 году мой отец — Александр Федорович Ветрогонский, я прошел боевой путь от Невы до Эльбы.

С войны вернулись трое: мать, я и мой брат Михаил — половина семьи. Бабушка умерла в блокаду, старший брат Николай пропал без вести под Брестом. В квартире, где жила наша семья с 1929 года, где мы боролись с голодом, откуда все ушли на фронт, было пусто. Я вспомнил, что половину мебели мы сожгли в блокаду, а половину отдали соседке за кусок блокадного дурандового хлеба. Может быть, вернуть эту мебель обратно? «Не делай этого, сынок! — говорит мне мать. — Быть может, тот кусок хлеба спас нам жизнь, довел нас до Берлина и, возможно, делает из тебя художника...»

Летом 1974 года я возвращался из Москвы в Ленинград лучшим поездом — «Красной стрелой». В коридоре мягкого вагона, у окна, задумчиво стоял седой генерал. На груди медаль Героя Советского Союза. Я узнал в нем бывшего командующего 2-й ударной армией И. И. Федюнинского.

— Я — ваш солдат, — говорю своему командарму. И мы вспоминаем боевой путь, пройденный 2-й ударной от стен Ленинграда к Нарве, через Эстонию к Варшаве, Восточной Пруссии...

— Что вы делали тогда в армии? — спросил меня генерал, ехавший в Ленинград на встречу ветеранов 2-й ударной армии.

— Что поручали. Наносил и данные на карту, которые докладывали вам. Таким образом, добросовестно исполнял свой долг перед народом, — ответил я.

— А что вы сейчас делаете?

— Художник, рисую.

— Вот и сейчас вы впереди,— с улыбкой сказал генерал.

Я почувствовал в словах прославленного военачальника, столь много сделавшего для защиты моего родного Ленинграда в минувшую войну, любовь и веру в силу искусства, в мирное предназначение человека на земле.

«Красная стрела» стремительно летела к Ленинграду...

*Ф. В. КРЫЛОВ,
в годы Великой Отечественной
войны заместитель начальника
военсанарма по политчасти*

ХРАНИТЕЛИ СОЛДАТСКОГО ЗДОРОВЬЯ

М. И. Калинин, характеризуя роль советской медицины, подчеркивал, что медицинское обслуживание нашей Советской Армии стоит в одном ряду с авиационным, артиллерийским обслуживанием, что медицинские работники в рядах армии столь же нужны, как бойцы и командиры. Я бы хотел, говорил Михаил Иванович, чтобы медицинские работники были неистово заражены мыслью о том, что русская медицина должна стоять в первых рядах мировой медицины.

Начальником военно-санитарного отдела 2-й ударной армии был генерал-лейтенант В. Н. Павловский, армейским хирургом — генерал-майор М. И. Шрайбер, армейским терапевтом — полковник А. Г. Гукасян. Мне довелось быть заместителем начвоенсанарма по политической части.

Сейчас мне уже не воссоздать картины, в полной мере охватывающей многостороннюю деятельность всего коллектива медицинских работников 2-й ударной армии. Но, как и любому воину, мне памятли многие события тех незабываемых дней. Расскажу хотя бы о некоторых из них.

Медицинское руководство армии успешно организовывало обслуживание боевых действий. Медсанбаты, полевые и эвакуогоспитали, другие медико-санитарные подразделения были разумно приближены к боевым частям, обладали достаточно высокой степенью мобильности, что позволяло своевременно оказывать медицинскую помощь раненым, ускорять процесс их лечения, восстанавливать здоровье и возвращать их в строй.

В нашей армии бывали крупнейшие военно-полевые хирурги Куприянов, Бакулов, Еланский и другие. Сложнейшие хирургические операции раненым производил главный

хирург Волховского фронта генерал-полковник А. А. Вишневский. Около двух месяцев работал в нашей армии известный в стране хирург С. С. Юдин. Он оперировал самых тяжелых раненых.

Небезынтересно отметить, что восстановление здоровья раненых и возвращение их в строй в нашей армии составило свыше 75 процентов от общего количества поступавших раненых. Это небывало высокий процент за всю историю войн. А если учесть, что в Великую Отечественную войну была по тем временам самая высокая плотность огня, приводящая к множественности ранений, то станет еще очевидней эффективность работы нашей медицины. Необходимо также отметить хорошую лечебную работу в наших армейских госпиталях для легкораненых.

В тяжелых условиях лесисто-болотистой местности в медсанбатах оказывалась помощь не только легкораненым, но и производились сложные хирургические операции. По нескольку суток без сна и отдыха наши хирурги работали во имя спасения жизни воинов. За всю войну во 2-й ударной не было случаев распространения эпидемий.

В 1942 году, в период Любанской операции, наша армия вела ожесточенные бои с превосходящими силами противника, отвлекая их на себя от блокированного Ленинграда. Особенно тяжелые условия создались для эвакуации раненых. По единственной коммуникации в районе Мясного Бора и совхоза «Красный ударник» была проложена по болоту узкоколейная дорога длиной около десяти километров. Вагонетки с ранеными перевозились вручную под вражеским обстрелом.

Организация эвакуации раненых по узкоколейке была поручена военврачу 2-го ранга М. В. Касаткину и мне. По этой узкоколейке было проведено в общей сложности свыше 20 эшелонов, перевезено несколько тысяч раненых. Задание Военного совета армии было выполнено в установленный срок.

Михаил Васильевич Касаткин, воспитанник Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, при завершении эвакуации раненых погиб.

Мы организовывали поиски раненых на поле боя. Старший сержант медицинской службы комсомола Анна Матвеевна Борисенко с группой санитаров из пяти человек вынесла 160 тяжелораненых. Оказывая первую помощь им, она сама была смертельно ранена. А. М. Борисенко посмертно награждена орденом Красного Знамени. Бывшая студентка Киевского университета, Аня Борисенко похоронена на новгородской земле.

Самоотверженность при выполнении заданий командования проявляли шоферы и санинструкторы 118-й автосанроты (командовал ротой капитан Серов). Шофер Абульханов, будучи тяжело раненым осколком вражеской мины, вывел автомашину с ранеными из опасной зоны и доставил ее в госпиталь, расположенный в 20 километрах от поля боя. Вместе с ранеными был госпитализирован и сам. Он награжден медалью «За отвагу».

Из той же автосанроты шофер коммунист Логинов был ранен вс время приема раненых в автомашину. Он тоже не оставил руль и с большими усилиями доставил раненых в ближайший госпиталь. Шофер Логинов был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Шофер этой же автосанроты комсомолец Миша Меркушев эвакуировал раненых из самой опасной зоны. Осколком мины он был ранен — ему повредило глаза. Почти ничего не видя, он вел автомашину по дороге более трех километров и доставил раненых в госпиталь. Награжден медалью «За отвагу».

Многие наши медицинские работники были награждены орденами и медалями. Наиболее отличившимися являлись коллективы полевого подвижного госпиталя № 179 и головного полевого эвакуационного пункта № 226, участвовавшие во всех боевых действиях 2-й ударной армии, проявившие особую мобильность в оказании медицинской помощи, лечении и восстановлении здоровья раненых.

Политотдел армии уделял большое внимание политико-воспитательной работе в медицинских учреждениях. Работа о раненых и больных, организация лечения и ухода за ними, борьба за культуру в лечебной работе являлись первостепенной задачей врачей, медсестер и политработников.

2-я ударная армия, прошедшая с боями от Ленинграда до Штральзунда и острова Рюген в северной части Германии, внесла достойный вклад в дело разгрома гитлеровской Германии и освобождения человечества от фашистской нечисти. Медики 2-й ударной всегда были в первых ее рядах.

ВЧЕРА БЫЛА ВОЙНА

Был этот день торжественен и ярок,
И синева густа и глубока.

Литые кони триумфальных арок
Копытами взбивали облака.

Как будто солнце было заказное

На этот день. И музыка плыла.

Весь город цвел. Пылал в звенящем зное,
До облаков вздымая купола.

Он весь в цветах. Он весь в знаменах.

В громе

Военных маршей. Гулок и глазаст.

Он ничего сейчас не знает, кроме

Той радости, которой не отдаст.

Гремели танки мостовой торцовой,

В движении стремительно легки.

Во всю длину на площади Дворцовой

Равняли строй гвардейские полки.

Так вот оно, прошедшее все беды,

Ни перед чем не падавшее ниц,

Суровое величие Победы.

Мельканье касок, загорелых лиц

И потных плеч. Тяжелых плеч солдата.

Колонна за колонной. Без конца.

И ни души знакомой. А когда-то

Я здесь служил. Знал каждого бойца.

Но не ищи. Но сколько б ни искал,

Здесь не найдешь. Напрасная работа.

Друзья остались у гангутских скал.

Под Марьином. В синявинских болотах.

Под Красным Бором спят друзья мои.

Под Нарвою. Под Выборгом. И в пущах

Курляндии. Окончены бои.

И мертвые спокойны за живущих.

И грустно мне. Но мысль моя чиста.

Как будто вновь я шел от боя к бою.

В дыму сражений грозные места

Сегодня развернулись предо мною...

**СОЕДИНЕНИЯ И ЧАСТИ,
ПОЛУЧИВШИЕ ПОЧЕТНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ
В ПЕРИОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
В СОСТАВЕ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ И СОВМЕСТНО С НЕЮ**

За успешные боевые действия по разгрому немецко-фашистских войск в битве за Ленинград и Эстонскую Советскую Социалистическую Республику приказами Верховного Главнокомандующего присвоено почетное наименование:

Ропшинских

- 48-й стрелковой дивизии — командир генерал-майор А. И. Сафронов,
90-й стрелковой дивизии — командир генерал-майор Н. Г. Ляшенко,
98-й стрелковой дивизии — командир полковник Н. С. Никаноров,
131-й стрелковой дивизии — командир полковник П. Л. Романенко,
98-му отдельному танковому полку — командир майор Е. Е. Барылов,
222-му отдельному танковому полку — командир подполковник А. Н. Ковалевский,
3-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригаде — командир инженер-подполковник В. Ф. Елагин,
30-му гвардейскому минометному полку — командир подполковник Д. С. Хрущ,
144-му армейскому минометному полку — командир подполковник Х. И. Григоривкер,
295-му инженерному батальону — командир майор Г. Е. Жгун,
447-му отдельному моторизованному инженерному батальону — командир подполковник Н. А. Зюзин,
734-му отдельному армейскому моторизованному инженерному батальону — командир майор И. П. Анищенко,
9-й штурмовой авиационной дивизии ВМФ — командир подполковник Я. З. Слепенков.

Кингисеппских

- 189-й стрелковой дивизии — командир подполковник П. А. Потапов,
314-й стрелковой дивизии — командир генерал-майор И. М. Алиев,
754-му гаубичному артиллерийскому полку — командир полковник Н. А. Баканов,
126-му пушечному артиллерийскому полку — командир подполковник А. А. Катунин,
760-му истребительно-противотанковому артиллерийскому полку — командир подполковник Л. М. Капустин,
1-му отдельному гвардейскому моторизованному понтонно-мостовому батальону — командир майор Е. П. Гуляницкий.

106-му армейскому моторизованному инженерному батальону — командир подполковник И. И. Соломахин.

67-му отдельному дорожно-строительному батальону — командир капитан М. И. Мартынов.

Нарвских

256-й стрелковой дивизии — командир генерал-майор А. Г. Козиев.

191-му стрелковому полку — командир подполковник Д. Р. Паршин.

482-му стрелковому полку — командир подполковник П. Н. Крушина.

543-му стрелковому полку — командир подполковник А. С. Сирота.

559-му стрелковому полку — командир подполковник А. К. Башилов.

743-му стрелковому полку — командир подполковник И. И. Иванов.

33-му отдельному пулеметно-артиллерийскому батальону — командир капитан И. Н. Крылов.

73-му отдельному пулеметно-артиллерийскому батальону — командир капитан П. Ф. Игнатъев.

338-му отдельному пулеметно-артиллерийскому батальону — командир майор М. Я. Сокольева.

82-му отдельному танковому полку — командир подполковник Ф. Г. Грицев.

1811-му самоходному артиллерийскому полку — командир подполковник А. А. Кузин.

65-й легкой артиллерийской бригаде — командир майор А. Н. Ивасик.

85-му корпусному артиллерийскому полку — командир подполковник И. И. Бойко.

409-му артиллерийскому полку — командир подполковник Г. Е. Пудов.

42-й минометной бригаде — командир полковник И. А. Киргетов.

184-му армейскому минометному полку — командир майор А. И. Нагорный.

230-му минометному полку — командир подполковник К. А. Татарский.

21-й инженерно-саперной бригаде — командир подполковник Н. И. Васильков.

21-му отдельному моторизованному понтонно-мостовому батальону — командир майор С. И. Фоменко.

34-му отдельному моторизованному понтонно-мостовому батальону — командир майор Г. А. Ермилов.

42-му отдельному моторизованному понтонно-мостовому батальону — командир капитан В. В. Воронов.

123-му отдельному полку связи — командир подполковник С. В. Пономаренко.

140-му бомбардировочному авиационному полку — командир подполковник Г. Т. Гречухин.

448-му штурмовому авиационному полку — командир подполковник А. А. Баешко.

815-му дальнебомбардировочному авиационному полку — командир майор П. П. Упатов.

943-му штурмовому авиационному полку — командир майор Д. А. Челомбиев.

Таллинских

8-му эстонскому стрелковому корпусу — командир генерал-лейтенант Л. А. Пэрн.

7-й эстонской стрелковой дивизии — командир полковник К. А. Алликас.

191-му гвардейскому стрелковому полку — командир майор В. Я. Игнатъев.

- 466-му стрелковому полку — командир подполковник В. П. Пушников.
- 45-му отдельному танковому полку — командир подполковник Э. Я. Куслап.
- 394-му гвардейскому тяжелому самоходному артиллерийскому полку — командир полковник Г. А. Дутов.
- 952-му самоходному артиллерийскому полку — командир полковник С. Д. Чесноков.
- 1294-му самоходному артиллерийскому полку — командир подполковник М. М. Карташев.
- 58-й гаубичной артиллерийской бригаде — командир полковник Д. И. Скоробогатов.
- 81-й пушечной артиллерийской бригаде — командир полковник В. С. Гнидин.
- 40-му гвардейскому минометному полку — командир подполковник А. Г. Карась.
- 134-му гвардейскому артиллерийскому полку — командир подполковник А. Н. Жилин.
- 154-му корпусному артиллерийскому полку — командир подполковник А. Ф. Шестерников.
- 104-му армейскому минометному полку — командир подполковник С. Н. Михайлов.
- 625-му отдельному разведывательному артиллерийскому дивизиону — командир инженер-подполковник Н. Б. Полонский.

Перновских

- 176-му стрелковому полку — командир подполковник С. Ф. Семенов.
- 221-му отдельному танковому полку — командир подполковник В. Н. Ломов.
- 397-му гвардейскому тяжелому самоходному артиллерийскому полку — командир подполковник А. М. Медведев.
- 35-й гаубичной артиллерийской бригаде — командир полковник П. С. Кушнер.
- 28-му корпусному артиллерийскому полку — командир подполковник П. И. Ильин.
- 96-му артиллерийскому полку — командир майор Б. И. Нагорский.
- 393-му артиллерийскому полку — командир подполковник С. А. Милль.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — УЧАСТНИКИ БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД И ПОСЛЕДУЮЩИХ СРАЖЕНИИ В СОСТАВЕ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ

- Абрамов Владимир Федорович. Капитан. 22.7.1944 г.¹
- Батиевский Алексей Михайлович. Старший лейтенант. 6.3.1945 г.
- Бастраков Арсений Михайлович. Старшина. 5.10. 1944 г.
- Борисенко Владимир Александрович. Майор. 1.7.1944 г.
- Веденев Валентин Иванович. Старший лейтенант. 23.2.1945 г.
- Горбач Михаил Михайлович. Рядовой. 1.7.1944 г.
- Графов Игорь Александрович. Младший лейтенант. 1.7.1944 г.
- Гривцов Александр Иванович. Рядовой. 1.7.1944 г.

¹ Дата Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза.

Дмитриев Василий Петрович. Полковой комиссар. 21.2.1944 г.
Джалиль (Джалилов) Муса Мустафович. Старший политрук. 1956
посмертно.

Ермаков Дмитрий Васильевич. Лейтенант. 23.2.1945 г.

Звонарев Степан Демидович. Сержант. 21.7.1944 г.

Каштанкин Виктор Николаевич. Майор. 31.5.1945 г.

Кипоть Иван Сергеевич. Старший лейтенант. 1.7.1944 г.

Ключко Николай Антонович. Майор. 29.6.1945 г.

Колесник Павел Автономович. Старший лейтенант. 22.2.1944 г.

Курко Александр Петрович. Сержант. 1.7.1944 г.

Макаренко Николай Николаевич. Младший сержант. 1.7.1944 г.

Морозов Тимофей Иванович. Старший сержант. 21.2.1944 г.

Оргин Константин Петрович. Младший сержант. 5.10.1944 г.

Орлов Иван Петрович. Рядовой. 24.3.1945 г.

Пальчиков Сергей Прокофьевич. Старший сержант. 21.2.1944 г.

Пасторов Юрий Викторович. Капитан. 1.7.1944 г.

Романенко Петр Логвинович. Полковник. 21.2.1944 г.

Румянцев Александр Евдокимович. Старший сержант. 1.7.1944 г.

Серов Владимир Георгиевич. Старший лейтенант. 2.8.1944 г.

Селютин Аркадий Михайлович. Лейтенант. 5.11.1944 г.

Скуридин Иван Куприянович. Старший сержант. 13.2.1944 г.

Соломенников Ефим Иванович. Сержант. 24.3.1945 г.

Спирин Александр Иванович. Старший лейтенант. 13.2.1944 г.

Степанов Иван Георгиевич. Сержант. 1.7.1944 г.

Федоров Тимофей Васильевич. Сержант. 5.10.1944 г.

Чибисов Юрий Васильевич. Старший лейтенант. 26.10.1944 г.

Шитов Павел Степанович. Старший сержант. 24.3.1945 г.

Юханов Алексей Семенович. Лейтенант. 24.3.1945 г.,

Этапы ратного пути	5
1. В смертельных схватках с врагом	11
<i>Н. К. Клыков.</i> На любанском и сипявинском направлениях	11
<i>И. М. Аятуфеев.</i> До последнего дыхания	26
<i>Павел Шубин.</i> На северной реке	39
<i>М. П. Таут.</i> Комдив Афанасий Лапшов	40
<i>О. Н. Гусев.</i> Конники под Любанью	62
<i>Н. Ф. Курепин.</i> В ту тяжелую годину...	66
<i>Л. Измайлов.</i> Листая «Правду» периода войны...	71
<i>Н. Ф. Курепин.</i> Пуговка и сорокапятка	74
<i>В. Н. Соколов.</i> За Мясным Бором	77
<i>В. А. Кузнецов.</i> Начало пути	83
<i>Муса Джалиль.</i> Прости, Родина!	112
<i>Геннадий Геродик.</i> У Ольховских хуторов	114
2. Беспрецедентное мужество	126
<i>Г. К. Жуков.</i> Переломный момент в сражении за город	126
<i>В. З. Романовский.</i> Январская победа	134
<i>Сергей Наровчатов.</i> Трехминутный праздник	147
<i>В. С. Лаленков.</i> Под грохот наших батарей	149
<i>Ф. В. Горленко.</i> В интересах пехоты и танков	162
<i>И. Н. Бураковский.</i> Человек-легенда	170
<i>А. З. Белозер.</i> Коммунисты — и гордость, и пример	176
<i>Александр Прокофьев.</i> Пехота	182
<i>А. И. Шумачев.</i> Один против пятнадцати	183
<i>Г. Макаров.</i> Саша Болдырев, заряжающий	184
<i>А. В. Афанасьев, В. Н. Машин.</i> По торфяным болотам и топям	186
<i>Я. Л. Трутнев.</i> Называли нервом армии	191
<i>А. И. Прохвятилов.</i> Солдатская спутница	195
<i>К. Г. Перлов.</i> Сквозь пургу, туман и черный дым...	204
<i>Д. Е. Цибульский.</i> Усердие военных топографов	216
<i>А. Г. Голубицкий.</i> Сыновний долг	220
3. Отвага, помноженная на умение	233
<i>И. И. Федюнинский.</i> Заключительный этап бессмертной эпопеи	233
<i>В. Е. Лайтхман.</i> Персональная цель	257
<i>А. И. Рудковский, А. С. Израэлит.</i> Труженики войны	260
<i>Н. П. Кнестянин.</i> Однополчане	266
<i>Т. П. Зубрицкая.</i> И такое бывало...	268
<i>С. М. Насонов.</i> Запомнилось на всю жизнь	271
<i>Д. М. Забаурин.</i> Не только числом...	273
<i>Б. Л. Гальперин.</i> Открытым текстом	275
<i>В. П. Мухин.</i> Впередсмотрящие Ораниенбаумского плацдарма	277
<i>Н. М. Шляпин.</i> Могучее оружие	282
<i>Александр Прокофьев.</i> Фронтовая дорога	309

4. Полки идут на запад	310
<i>К. П. Казаков.</i> Гордость артиллериста	310
<i>В. А. Круглов.</i> Чекисты эфира	340
<i>П. Батуркин.</i> Подвиг Алексея Юханова	342
<i>А. И. Аземкин.</i> Клятву верности сдержали	345
<i>В. С. Кабанов.</i> Однажды ночью...	347
<i>Ф. Казначеев.</i> Находчивость разведчиков	348
<i>Я. Д. Зражва.</i> У ленинского шалаша	350
<i>Е. И. Егорова.</i> Полковой врач	351
<i>В. Журавкин.</i> Встреча с Боевым Знаменем	357
<i>А. И. Чернухин.</i> Бой идет в городе	358
<i>А. Ф. Тимофеев.</i> Смекалка ремонтников	362
<i>В. А. Ветрогонский.</i> Третий века спустя	365
<i>Ф. В. Крылов.</i> Хранители солдатского здоровья	367
<i>Михаил Дудин.</i> Вчера была война	370
Приложения	371

ВТОРАЯ УДАРНАЯ В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД.

Воспоминания, документы

Составитель

Виктор Александрович

Кузнецов

Редактор *Н. К. Новиков*

Художественный редактор *И. В. Зарубина*

Художник *Ю. Г. Колотвин*

Технические редакторы *С. Б. Матвеева, Т. А. Шермушенко*

Корректор *В. Д. Чаленко*

ИБ № 2453

Сдано в набор 14.09.82. Подписано к печати 24.02.83. М-36044. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,74+вкл. Усл. кр.-отг. 21,84. Уч.-изд. л. 22,61+0,75=23,36. Тираж 65 000 экз. Заказ № 677. Цена 1 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.